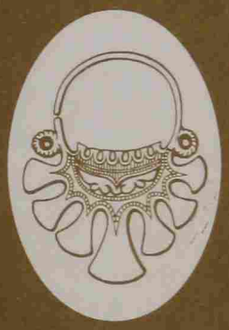
ISSN 0869-6063

Номер 3

Июль - Август - Сентябрь
2006

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



http://www.naukaran.ru
http://www.maik.ru

"НАУКА"

Российская академия наук

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 3 2006

Журнал основан в январе 1957 г.
Выходит 4 раза в год

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

Главный редактор
Л.А. Беляев

Редакционный совет:

Р.М. Мунчаев (председатель),
Т.И. Алексеева, А.П. Деревянко, И.С. Каменецкий,
Ю.Ф. Кирюшин, Н.А. Макаров, Н.Я. Мерперт, В.И. Молодин,
М.Г. Мошкова, Е.Н. Носов, А.Д. Пряхин,
А.И. Шкурко, В.Л. Янин

Редакционная коллегия:

Х.А. Амирханов, А.П. Бужилова,
А.Н. Гей, В.И. Гуляев, Е.Г. Дэвлет, Д.С. Коробов (ответственный секретарь),
Г.А. Кошеленко, Н.А. Кренке,
А.В. Чернецов, Е.Н. Черных (зам. главного редактора),
Ю.Б. Цетлин (зам. главного редактора)

Заведующая редакцией
Т.С. Волкова

Адрес: 117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19
Телефон 124-34-42
E-mail: rosarkh@newmail.ru

Москва
Научно-производственное объединение
«Издательство “Наука”»

© Российская академия наук, 2006 г.
© Редколлегия журнала “Российская археология” (составитель), 2006 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 3, 2006

Всероссийское совещание "Взаимодействие археологических учреждений и органов охраны объектов культурного наследия России в изучении и сохранении археологических памятников" 5

Результаты датирования стоянки Шлях
Нехорошев П. Е. 21

Горный Алтай в хуннуское время: культурно-хронологический анализ археологических материалов
Тишкин А. А., Горбунов В. В. 31

К вопросу о типологическом развитии антропозооморфных фибул (простые формы)
Родинкова В. Е. 41

Металлические перстни X – первой половины XIII в. из Киева (хронология, типология)
Михайлик Л. П. 52

Хозяйство и ремесло населения Карельской земли в средние века
Сакса А. И. 63

Хронология нижневолжского золотоордынского города и его округи
Недашковский Л. Ф. 75

Археология Средней Азии

Ахеменидские геммы в Хорезме
Берзина С. Я. 85

Становление денежного обращения на эллинистическом Востоке
Кошеленко Г. А. 95

Находки эллинистических монет к северу от Амударьи–Окса
Абдуллаев К. 106

Гончарные производства Средней Азии во второй половине I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. (структура и система размещения)
Болелов С. Б. 116

Археологическое изучение Шуробкургана
Соловьев В. С. 128

Керамические комплексы эллинистического времени из области Кеш (по материалам городища Подаятактепа)
Омельченко А. В. 137

Терракотовая пластика древней Бактрии III–I вв. до н.э.
Двуреченская Н. Д. 143

Памятники христианства в Гератском оазисе?
Китаева А. А. 154

О локализации двух городов Маргианы (о некоторых возможностях ГИС-технологий)
Гаибов В. А., Требелева Г. В. 157

Критика и библиография

О некоторых особенностях освещения новейшей истории российской археологии
Шер Я. А. 165

О "юбилейных" книгах А.А. Формозова
Савинов Д. Г. 169

Человек, наука и Формозов
Молодин В. И. 173

"Филькина грамота" А.А. Формозова (Письмо в редакцию)
Герасимова М. М. 176

Об "историографической" серии книг А.А. Формозова: литературно-психологические ассоциации
Черных Е. Н. 177

Хроника

Круглый стол по хронологии "среднеаварского" периода
Вида Т., Гавритухин И. О. 182

Конференция "У истоков русской государственности (к 30-летию раскопок на Городище под Новгородом)"
Авилова Л. И. 184

Шестой Международный конгресс "Archaeological Prospection" (Рим, 2005)
Коробов Д. С. 187

Вспоминая Наталью Борисовну Черных...
Алешинская А. С., Антипина Е. Е., Завьялов В. И., Карпухин А. А., Кочанова М. Д., Кузьминых С. В., Лебедева Е. Е., Луньков В. Ю., Орловская Л. Б., Розанова Л. С., Спиридонова Е. А., Терехова Н. Н., Черных Е. Н. 189

Паоло Эмилио Пекорелла
Мунчаев Р. М., Амиров Ш. Н. 190

Татьяна Александровна Чукова
Мусин А. Е. 191

Сдано в набор 13.04.2006 г. Подписано к печати 15.06.2006 г. Формат бумаги $60 \times 88^1/_8$
Офсетная печать Усл. печ. л. 24.0 Усл. кр.-отт. 23.4 тыс. Уч.-изд. л. 25.6 Бум. л. 12.0
Тираж 956 экз. Зак. 1477

Учредители: Российская академия наук, Институт археологии РАН

Издатель: Академиздатцентр "Наука", 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

Оригинал-макет подготовлен МАИК "Наука/Интерпериодика"

Отпечатано в ППП "Типография "Наука", 121099 Москва, Шубинский пер., 6

Contents

Number 3, 2006

The First All-Russian Meeting "Cooperation of archaeological Institutions with the State System for Protection of Russian Cultural Heritage in the Process of study and preservation of archaeological monuments" 5

The results of dating of the Shlyach site
Nekhorochev P. E. 21

The Altai Mountains in the Hunnian period: cultural and chronological analysis of archaeological material
Tishkin A. A., Gorbunov V. V. 31

On typological development of anthropo zoomorphic fibulae (simple forms)
Rodinkova V. E. 41

Metallic rings of the 10th – the first half of the 13th c. from the city of Kiev (chronology and typology)
Mykhailyk L. P. 52

Economy and handicraft of Medieval Karelia
Saksa A. I. 63

Chronology of the Golden Horde citiy and its regions
Nedashkovsky L. F. 75

Archaeology of Central Asia

Akhemenid gemmae in Khwarizm
Berzina S. Ya. 85

Formation of monetary circulation in the Hellenistic East
Koshelenko G. A. 95

Finds of Hellenistic coins to the north of the Amudarya river
Abdullaev K. 106

Pottery production in Central Asia: 500 BC – 500 AD (Structure and location)
Bolelov S. B. 116

Archaeological study of Shurobkurgan
Solovjev V. S. 128

Ceramic complexes of the Hellenistic time in the Kesh region (finds from the Podayataktep site)
Omel'chenko A. V. 137

Terracotta of ancient Bactria of the 3rd – 1st cc. B.C
Dvurechenskaya N. D. 143

Monuments of Christianity in the Gerat oasis?
Kitaeva A. A. 154

On the location of the towns of Margiana. (On the potential of some GIS-technologies)
Gaibov V. A., Trebeleva G. V. 157

Book reviews

On some peculiarities of representation of the recent history of Russian Archaeology
Sher Ja. A. 165

On the "anniversary" books by Formozov
Savinov D. G. 169

Man, Science and Professor Formozov
Molodin V. I. 173

Letter to the journal
Gerasimova M. M. 176

On "historiographical" series of books by A.A. Formozov: literary and psychological aspects
Chernych E. N. 177

Chronicle

Round table on the middle Avarian period chronology
Vida T., Gavrituhin I. O. 182

Conference "The origin of the Russian State" (to commemorate 30 years of excavation at the Novgorod hillfort)
Avilova L. I. 184

Sixth International Congress "Archaeological Prospection"
Korobov D. S. 187

Natalya Borisovna Chernykh
Alyoshinskaya A. S., Antipina E. E., Zavialov V. I., Karpukhin A. A., Kochanova M. D., Kuzminykh S. V., Lebedeva E. E., Lunkov V. Yu., Orlovskaya L. B., Rozanova L. S., Spiridonova E. A., Terekhova N. N., Chernykh E. N. 189

Paolo Emilio Pekorella
Munchaev R. M., Amirov Sh. N. 190

Tatyana Alexandrovna Chukova
Musin A. E. 191

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 3, с. 5–20

ВСЕРОССИЙСКОЕ СОВЕЩАНИЕ "ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ ОХРАНЫ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РОССИИ В ИЗУЧЕНИИ И СОХРАНЕНИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ"

Всероссийское совещание "Взаимодействие археологических учреждений и органов охраны объектов культурного наследия России в изучении и сохранении археологических памятников" было организовано Отделением историко-филологических наук РАН и Институтом археологии РАН. Оно проходило 24 ноября 2005 г. в Институте археологии РАН. В совещании приняли участие представители Сибирского отделения РАН, Института археологии РАН, Института истории материальной культуры РАН, Института археологии и этнографии СО РАН, Института истории и археологии УрО РАН, Омского филиала Объединенного Института истории, филологии и философии СО РАН, Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия МК РФ, Московского государственного университета, Воронежского государственного университета, Тюменского государственного университета, Красноярского государственного университета, Алтайского государственного университета, Государственного Исторического музея, Государственного Эрмитажа, Новгородского государственного музея-заповедника, Псковского государственного музея-заповедника, Государственного музея-заповедника "Куликово поле", департамента охраны культурного наследия г. Москвы, государственного центра по охране и использованию историко-культурного наследия Владимирской области, государственного унитарного предприятия "Наследие" (г. Ставрополь), журнала "Российская археология", а также Совета Федерации РФ, Департамента массовых коммуникаций, культуры и образования Правительства РФ, Министерства культуры и массовых коммуникаций РФ, Федерального агентства по культуре и кинематографии РФ, Федеральной службы по соблюдению законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Стенограммы основных выступлений на совещании публикуются с некоторыми редакционными сокращениями.

А.П. Деревянко, академик РАН, академик-секретарь ОИФН РАН, директор Института археологии и этнографии СО РАН.

Уважаемые коллеги, друзья!

Необходимость проведения встречи археологов-профессионалов и представителей государственных органов охраны памятников федерального и регионального уровня назрела давно. Вместе с ростом интереса к археологии, к археологическому наследию России все острее обозначаются проблемы охраны древних памятников, правового регулирования этой сферы, создания нормальных условий для развития науки и профессиональной работы археологов в нашем обществе. В законодательных актах последних лет, в том числе в Федеральном законе № 73 "Об объектах культурного наследия народов РФ", а также в законах, регламентирующих земельные отношения, немало противоречий, некоторые их формулировки препятствуют реальной защите памятников археологии. На организованном в марте 2004 г. в Совете Федерации РФ Круглом столе "Сохранение археологического наследия России" с участием представителей ведущих археологических учреждений РАН, крупнейших музеев, Министерства культуры, Министерства внутренних дел, ФСБ шла речь о грабительских раскопках, о скорейшем принятии поправок к действующим законам, в том числе дополнений к Кодексу РФ об административных нарушениях, усиливающих ответственность за разрушение археологических памятников. Контрольные проверки, проводившиеся в 2003–2004 гг., выявили грубейшие нарушения "Закона об объектах культурного наследия народов РФ" в целом ряде субъектов РФ.

Серьезные проблемы возникли при подготовке Министерством культуры и информации и РАН по поручению Президента РФ нового "Положения о порядке выдачи Открытых листов на право производства археологических разведок и раскопок" как одного из подзаконных актов к "Закону об объектах культурного наследия народов РФ". В России сложилась четкая и продуманная система, при которой решения о выдаче Открытых листов принимались на основании тщательной научной

экспертизы отчетов о раскопках. Мы гордились этой системой, которая вполне соответствовала нашим условиям. Она поддерживала определенный профессиональный уровень работы и обеспечивала возможность сбора научных отчетов в едином архивном хранилище. Сейчас ситуация изменилась: в соответствии с принципами административной реформы выдача любых разрешительных документов – прерогатива федеральных служб. Но Открытые листы – разрешения особого рода. Недопустимо отказываться от накопленного опыта, от традиции, которая существует уже полтора столетия и признана всем археологическим сообществом. Необходимо наладить механизм взаимодействия Российской академии наук и Федеральной службы по обеспечению законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия, сохранив за Академией научную экспертизу отчетов как условие выдачи Открытого листа. Особенное внимание нужно уделять исследователям, которые впервые подают заявку на Открытый лист.

Археология – особая дисциплина. Я бы сравнил ее с профессией хирурга, имея в виду, что повторить процесс исследования на одном и том же объекте практически невозможно. Раскопки всегда есть разрушение памятника. И только профессионализм археолога, его опыт и знания позволяют выполнить исследования на высоком уровне и получить наиболее полную информацию. Вот почему необходим внимательный отбор специалистов, способных вести самостоятельные полевые работы. Потеряв возможность контролировать и оценивать степень профессионализма исследователей, мы дадим возможность случайным людям, обладающим Открытыми листами, заниматься разрушением объектов археологического наследия.

По мере расширения строительства обозначился целый ряд проблем, связанных с организацией охранных раскопок в зонах хозяйственного освоения. Задача спасательных раскопок – фундаментальное изучение памятников, опирающееся на знание специфики отдельных регионов, с использованием всего арсенала методов современной полевой археологии. Поэтому результат работ зависит от подбора исполнителя. Известна практика, при которой лица и организации, не располагающие необходимым опытом и квалификацией, пытаются монополизировать выполнение крупных охранных проектов. Я убежден, что задача сохранения для российской и мировой науки нашего богатейшего культурного наследия выполнялась бы полнее, если бы археологические учреждения РАН шире привлекались к проведению охранных работ и выступали бы как организаторы таких проектов. Оптимальное решение – соединение потенциала археологических учреждений РАН и научно-производственных центров в субъектах федерации. Примеры их тесного и плодотворного сотрудничества достаточно многочисленны.

Большую озабоченность вызывает подготовка археологических кадров. К сожалению, одним из следствий реформирования образования в нашей стране может стать сокращение объема преподавания археологии в вузах. На исторических факультетах даже в тех вузах, где имеются соответствующие кафедры, зачастую не предполагается ознакомление с курсом археологии и проведение археологической практики. Усилия, направленные на привлечение в нашу науку молодых людей, наталкиваются на непреодолимые бюрократические барьеры. Стоит подумать о том, как возобновить проведение полевых школ молодых археологов, которые когда-то были эффективной формой подготовки молодых специалистов.

Для консолидации археологического цеха, обсуждения современных научных проблем я считаю необходимым возобновить всероссийские археологические съезды. Такой съезд планируется провести в Новосибирске в октябре 2006 г.

Сейчас главное – найти взаимопонимание и выработать общие принципы взаимодействия археологических учреждений, приемлемые для всех подходы к охране и исследованию археологического наследия, эффективные в условиях нашей страны. Представительный состав участников сегодняшнего совещания позволяет обсудить насущные проблемы в этой сфере и попытаться найти пути разрешения сложившихся противоречий.

Мне бы хотелось, чтобы мы не только обменялись мнениями по вопросам состояния нашей науки, нормативно-правового регулирования археологической деятельности и охраны археологического наследия, но и выработали конкретные предложения по организации нашего взаимодействия и подготовке нормативных актов. Конечно, эти решения могут иметь лишь рекомендательный характер. Однако наша задача – ставить вопросы охраны археологического наследия перед руководством страны и добиваться того, чтобы голос профессионалов был услышан.

Н.А. Макаров, член-корреспондент РАН, директор Института археологии РАН[1].

Сегодняшнее совещание организовано как встреча руководителей и представителей наиболее крупных археологических учреждений России для обсуждения состояния археологических исследований и охраны археологических памятников и нашего взаимодействия в данной области. В этом зале собрались ученые, работа которых определяет современное состояние археологической науки, и представители государственных органов власти, ответственные за многие практические решения в сфере охраны памятников.

[1] В оригинале выступление Н.А. Макарова имело название "Основные проблемы изучения и сохранения археологических памятников в современной России".

Разговор о состоянии археологии можно вести с разных позиций. Можно говорить о достижениях нашей науки, о книгах и раскопках последних лет, вспомнить недавние открытия в Новгороде, Фанагории, на Зарайской стоянке. Выдающиеся исследования новосибирских археологов на плоскогорье Укок отмечены государственной премией 2005 г. Свидетельство интенсивной научной работы Института археологии – 36 книг, изданных в 2004 г. Но, выбрав этот путь, мы ушли бы от главной темы.

Можно говорить о незащищенности археологического наследия, о его "бесхозности", о несовершенстве законодательства и слабости органов охраны памятников, о том, насколько далеко сегодняшнее отношение к археологическим памятникам от нормы. Беда только в том, что и у общества, и у власти выработался определенный иммунитет к алармистским выступлениям ученых, если они не подкреплены какими-то конкретными реалистичными предложениями.

Наиболее продуктивный подход – обсуждение тех изменений в состоянии археологического наследия, в организации его изучения и охраны, в правовых документах, регулирующих эту сферу, которые сейчас имеют место в нашей стране. Влияние изменений, происходящих в обществе, в экономике и правовой практике, на состояние археологического наследия оказалось гораздо более сильным и неожиданным, чем можно было предполагать.

Прежде всего, хочу познакомить аудиторию с некоторыми цифрами, характеризующими сегодняшние объемы археологической деятельности. В 2004 г. в России было выдано 1209 Открытых листов на право производства полевых работ, в 2005 г. – 1235. Ежегодно Открытые листы запрашиваются по заявкам 240–250 учреждений и организаций. В Российские научные фонды в последние годы поступает по 330–360 заявок на гранты по специальности "археология", поддерживается 100–120 проектов. Три ведущих академических института – Московский, Санкт-Петербургский и Новосибирский – издают более 100 книг по археологии в год. Оценить общий объем печатной научной продукции затруднительно, поскольку издания финансируются из разных источников и публикуются разными ведомствами. Разумеется, эти цифры не дают представления о всех направлениях нашей деятельности – в моем распоряжении нет данных о количестве археологических экспозиций, о количестве выпускников, защищающих дипломы по археологической тематике, о многих других важных аспектах работы археологов.

Данные о ведомственной принадлежности организаций, запрашивающих для своих сотрудников Открытые листы, существенны для понимания особого места археологии как области взаимодействия и сотрудничества разных ведомств и организаций разного типа. Примерно четверть заявок на Открытые листы поступает из академических институтов, учреждений РАН. Около 20% заявок принадлежит музеям и столько же – вузам. Чуть более 16% заявок поступает от органов охраны памятников и работающих при них производственных центров. Такое соотношение в последние годы достаточно стабильно. Участие специализированных институтов, вузов, музеев и органов охраны памятников в археологической деятельности характерно для большинства европейских стран, с точки зрения мировой практики это нормальная система. Поэтому приведенная диаграмма должна быть интерпретирована не как показатель ведомственной разобщенности, а как свидетельство гибкости и многообразия форм организации археологии в нашей стране.

Объем полевых археологических исследований в России возрастает. С 1994 по 2004 гг. количество выданных Открытых листов увеличилось почти в два раза, в последнее время прирост составляет 10–15% в год. Он обусловлен сочетанием ряда факторов: общим улучшением экономического положения в России, увеличением, хотя и небольшим, финансирования науки. В значительной степени этот рост связан с развитием охранной археологии. По оценкам сотрудников ОПИ, примерно 65% полевых работ так или иначе направлены на обеспечение сохранности разрушаемых памятников. В 2004 г. на производство аварийно-спасательных работ выдано 35% Открытых листов, но в действительности доля охранных раскопок в общем объеме полевых исследований значительно выше, так как они не всегда проводятся по листу формы 4.

Надо прямо сказать, что приток новых материалов пока не вызвал заметного увеличения "интеллектуального продукта", если измерять его количество в публикациях. Число издательских заявок по археологии, подаваемых в РГНФ, в последнее пятилетие не только не увеличилось, но даже несколько снизилось, с 40–52 в 1996–2000 гг. до 29–38 в 2001–2005 гг. Понятно, что многое сегодня публикуется и без грантов РГНФ, и у нас нет полных данных обо всех археологических изданиях, выходящих в России. Тем не менее, с моей точки зрения, эти цифры показывают, что между полевыми изысканиями и аналитикой наметился серьезный разрыв и процесс научного освоения новых материалов, подготовки крупных синтетических исследований нового поколения идет медленно.

Интересны данные об интенсивности полевых исследований в различных регионах, основанные на статистике выдачи Открытых листов. В числе лидеров в 2004 г. были Тверская область, Ханты-Мансийский автономный округ, Ростовская область, Краснодарский край и Московская область, Тюменская, Нижегородская области, Приморский край, Красноярский край, Ярославская область.

Состав субъектов федерации, лидирующих по числу выданных Открытых листов, в последние годы очень стабилен. Он обусловлен не столько археологическими богатствами перечисленных регионов (выделяется лишь Краснодарский край) и особым статусом исследовательских центров, а, прежде всего, дееспособностью органов охраны памятников, организующих спасательные раскопки.

В последние годы проблемы сохранения археологического наследия предельно обострились. Суть происходящего в том, что масштабы и характер вторжения современной цивилизации в историческую среду радикально изменились, интенсивность разрушения памятников многократно возросла. Реконструкция исторических городов сопровождается колоссальными земляными работами, полностью уничтожающими культурный слой на огромных площадях. Активно осваиваются сельские территории, насыщенные археологическими памятниками. Фактически в Европейской России идет небывалое преобразование городского и сельского ландшафта, именно той его части, которая хранит в себе археологические древности.

Рост охранных раскопок – закономерная реакция на современный строительный бум. Целый ряд археологических открытий последних лет благодаря профессионализму археологов и четкой работе органов охраны памятников сделан в раскопах на местах строительных котлованов. Достаточно вспомнить женское захоронение X в. в погребальной камере, сопровождавшееся скандинавскими украшениями, найденное в 2003 г. в Пскове, или берестяные грамоты и печати из Никитинского раскопа в Новгороде. Отрадно, что на местах некоторых охранных раскопок организуются музейные экспозиции – наиболее интересный опыт накоплен в этом отношении Центром археологических исследований в Москве. Однако по мере расширения строительства и реконструкции исторических городов в данной сфере остро обозначился ряд серьезных проблем. Главная из них – неприемлемые сроки работ, которые навязывают ученым строители, инвесторы и городская администрация. Зачастую эти сроки лишают археологов реальной возможности вести раскопки на достаточном методическом уровне, превращают их в пустую формальность. Мы столкнулись и с существенными кадровыми проблемами. Спрос на производство охранных исследований в средневековых городах в последние годы превысил количество специалистов, располагающих необходимым опытом и квалификацией, а пополнение их отряда потребует определенного времени.

Хорошо известно, что охранные раскопки не могут быть универсальным методом сохранения древностей в зонах строительства и реконструкции. Они рассматриваются действующим законодательством как исключительная мера, осуществляемая в тех случаях, когда физическое сохранение объекта археологического наследия не может быть обеспечено. Между тем в последнее время сложилась устойчивая тенденция рассматривать охранные работы как оптимальный способ обращения с памятником при наличии у заказчика строительства необходимых средств. Появились странные термины "очистка котлованов", "очистка трасс трубопроводов" от археологических объектов. Многие строительные проекты могли бы быть скорректированы таким образом, чтобы древние сооружения или участки культурного слоя в зоне строительства были сохранены. Это в особенности касается исторических городов, культурный слой которых тает на наших глазах. Думаю, что проекты реконструкции важнейших исторических городов должны разрабатываться с участием археологов, таким образом, чтобы обеспечить консервацию на их территории резервных участков культурного слоя, предназначенных для следующих поколений исследователей.

Мы все понимаем, что охранная археология стала частью современной рыночной экономики, но избегаем обсуждения этой щекотливой темы. Я думаю, что чрезмерная коммерциализация данной области, превращение ее в сферу экономической конкуренции, определение исполнителя работ путем тендера не способствуют решению тех задач, на которые направлены охранные раскопки. Проекты организации таких исследований должны быть более открытыми. Археологические учреждения должны нести ответственность за научные результаты спасательных раскопок, за обоснованность их проведения. При реализации крупных охранных проектов нормой должно стать сотрудничество различных учреждений, обладающих необходимым опытом и кадрами. Все крупные охранные работы, в которые был вовлечен Институт археологии в последние два года (обследование новой трассы автодороги Москва – Санкт-Петербург, раскопки в зоне строительства подземного хранилища газа в Зеленоградском р-не Калининградской обл., исследования, связанные с реконструкцией дворца и парка в Царицыно), выполнялись вместе с другими организациями – академическими институтами, вузами, НПЦ.

Особой проблемой стало приобретение в частную собственность земельных участков, на которых расположены памятники археологии. Законом "Об объектах культурного наследия народов РФ" и Земельным кодексом РФ предусмотрены ограничения оборота и использования земель, занятых объектами археологического наследия. Однако механизмы внесения в земельный кадастр информации о наличии таких объектов не разработаны. К сожалению, во многих регионах России органы охраны памятников вовсе не участвуют в согласовании земельных отводов, в других регионах согласование проводится по формальному признаку наличия или отсутствия учетной доку-

ментации на памятник у органов охраны. Отсутствие необходимых сведений о наличии ограничений по использованию земельных участков делает объекты археологического наследия недоступными как для ученых, так и для государственных органов охраны памятников.

Создание эффективной системы охраны археологического наследия в нашей стране невозможно без современных археологических карт, без полноценной учетной документации, без более подробного и систематического обследования территории России. Об этом неоднократно говорил в последние годы жизни В.В. Седов, отмечая, что масштабы работ по выявлению и фиксации памятников археологии по сравнению с 1970–1980-ми годами недопустимо снизились. Восстановление данного направления деятельности, которое пока плохо финансируется и потеряло многих специалистов, – одна из наших первоочередных задач.

Острейшей проблемой остаются нелегальные раскопки. Я не согласен с теми, кто считает, что наши усилия приостановить развитие грабительства не дали никаких результатов. Кажется, нам удалось выйти из позорного состояния конца 1990-х годов, когда деятельность нелегалов рекламировалась государственными телеканалами. Благодаря общим усилиям археологов в России не произошло срастания нелегальной добычи древних вещей с органами государственной власти, характерного для некоторых стран Восточной Европы и СНГ, в том числе Украины. Эффективным барьером на пути грабительства на российских просторах может стать лишь запрет на торговлю археологическими древностями. Кажется, эту идею, разделяемую большинством археологов, поддерживает Росохранкультура, пообещавшая обратиться с соответствующим предложением в Правительство Российской Федерации.

Главной темой, обсуждавшейся в последние годы в связи с проблемами охраны археологического наследия, было совершенствование нормативно-правовой базы, подготовка подзаконных актов к закону об объектах культурного наследия. РАН была привлечена к разработке двух документов, исключительно важных для археологии – поправок к Кодексу об административных правонарушениях РФ, предусматривающих усиление ответственности за расхищение археологических ценностей, и Положения о порядке выдачи Открытых листов на право производства работ на объектах археологического наследия. Хотя оба эти документа, казалось бы, просты по своему содержанию, их подготовка заняла два с половиной года и оказалась очень тяжелой, особенно в части согласования с Министерством культуры и массовых коммуникаций, Министерством юстиции и Мининстерством экономического развития. В результате этих согласований в поправках к КОАПу мы потеряли очень важные формулировки о конфискации поискового спецоборудования и об ответственности за извлечение движимых объектов археологического наследия из культурного слоя.

Еще более сложна ситуация с "Положением о порядке выдачи Открытых листов". По мнению Института археологии, этот документ должен, с одной стороны, предусматривать сохранение единой централизованной системы выдачи Открытых листов и комплектование единого архива отчетной документации о раскопках, открытого для всех археологов, с другой стороны – обеспечить оперативное получение Открытых листов соискателями. В процессе согласования этого документа и Росохранкультура, и Министерство культуры и массовых коммуникаций проявили понимание того, что мы должны в максимальной степени сохранить сложившиеся структуры и опираться на опыт регламентации полевых исследований, уже накопленный в нашей стране. Была достигнута договоренность о том, что выдача Открытых листов производится на основании экспертизы РАН. Но, как стало известно, в Правовом департаменте Правительства в "Положение" могут быть внесены изменения, значительно усложняющие выдачу Открытых листов. Я считаю, что принятие окончательного варианта этого документа, регулирующего важнейшую область нашей работы, невозможно без учета мнения профессионалов. Недостаточное понимание специфики полевой археологии в законодательных актах будет иметь разрушительные последствия.

Археологические учреждения России несут общую ответственность за состояние науки и за выработку стратегии охраны археологического наследия. Мы знаем, сколько усилий было затрачено на создание каждого археологического учреждения, каждого коллектива, в том числе и археологических структур в органах охраны памятников. Иногда приходится слышать, что археология у нас в стране плохо организована. Мне кажется, что она обладает большой силой самоорганизации и именно поэтому организована – по российским меркам – хорошо. Опыт показывает, что проблемы изучения и охраны археологических памятников трудно разделить, границы между практикой и чистой наукой здесь очень условны. Поэтому наши усилия должны быть направлены не на создание каких-либо новых структур, в ведение которых должна быть передана археология, а на развитие сложившейся сети археологических учреждений разной ведомственной принадлежности, на поиски оптимальных форм сотрудничества, на уточнение функций отдельных учреждений и укрепление и формирование археологических ячеек в тех регионах, где они слабы или не сложились.

Конечно, мы должны и дальше заниматься совершенствованием правовой базы. Многое за-

висит от ее состояния, но было бы утопично полагать, что таким путем можно решить все проблемы. Чрезвычайно важно налаживание практической работы, организация нормального сотрудничества между археологическими учреждениями, более конструктивное взаимодействие между научно-исследовательскими структурами и органами охраны памятников.

В.Л. Янин, академик РАН, заведующий кафедрой археологии Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Моя научная биография делится на две, как иногда говорят, неравные половины. Первая – это время побед. Я вспоминаю, как в далеком 1969 г. нам с помощью Общества охраны памятников удалось добиться принятия беспрецедентного постановления, касающегося Новгорода, согласно которому строительству на культурном слое должны предшествовать обязательные археологические раскопки. В 1970 г. это постановление было распространено Правительством Российской Федерации еще на 114 древних городов. Началась полоса некоторых успехов.

Что же происходит сейчас? Воспользуюсь примером того же Новгорода. После развала Союза изменилось лицо городской администрации. В город приехало много архитекторов и градостроителей из республик Средней Азии и Закавказья. У них особый менталитет, для них не существует большой разницы между Новгородом и, например, Комсомольском-на-Амуре. Началось строительство особняков, замков, архитектурный стиль которых противоречит традиционному облику древнего Новгорода. Правда, эти особняки появлялись на окраинах, там, где культурные напластования были незначительными. Согласно Постановлению, в районах с малым культурным слоем строительство было разрешено, но только на старых фундаментах. Поэтому любое строительство начиналось с возведения трехметрового забора, из-за которого через некоторое время высовывалась постройка, раз в пять превосходящая объемы предшествующего здания. Потом закон стали обходить открыто.

Каждый отвод участка вел к столкновению археологов с градостроителями. Градостроители выдвинули лозунг: "Надо предоставить археологам резервацию, где они бы ковырялись, не мешая нам помогать людям нормально жить". Я выдвинул противоположный лозунг, который, к счастью, был поддержан городской администрацией: "Необходимо в западном районе города, где живет сейчас основное население и где отсутствует культурный слой, отвести резервацию для градостроителей. Там они могли бы строить любые здания, не мешая сохранять архитектурно-градостроительные традиции Новгорода".

Последнее время декларируется интерес государственной и городской администрации к старине. Этот интерес всегда материален. Оказалось очень выгодным праздновать юбилеи городов, но исторические даты, которые принято считать временем основания того или иного города, не всегда достаточно обоснованны. В свое время Новгород тоже задумал отмечать юбилей, восходящий к 859 г., к приглашению варяжского князя. Археологи были первыми, кто решительно против него возразил. На территории Новгорода нет ни одного квадратного метра культурного слоя, который относился бы ко времени, ранее чем первая четверть X в. Позже мы согласились с датой 859 г. при условии, что Рюриково городище, расположенное в трех километрах от Новгорода, будет включено в городскую черту. Как выяснил Е.Н. Носов, именно здесь в середине IX в. строится княжеская резиденция и возникает культурный слой. По отношению к Рюрикову городищу Новгород и является "новым" городом. Таким образом, территория памятника и заботы о его сохранности должны были перейти из ведения района (власти которого стали воздвигать рядом свои дачи) к городу, который обладает опытом по сохранению культурного слоя. Однако недавно выяснилось, что в состав Новгорода были переданы только два дома на берегу Волхова и руины церкви Благовещения. Основная часть городища осталась в пределах района и используется под кладбище. Мы поставили вопрос о том, чтобы вся территория памятника была передана Новгороду, чтобы кладбище там не развивалось. И тут оказалось, что за прошедшее время появились новые законы, согласно которым подобное решение уже не может принять областная администрация, необходим референдум. До проведения референдума Рюриково городище, эта древнейшая часть города, находится под тяжелой угрозой.

В самом же Новгороде, как рассказал бывший председатель горсовета, обеспеченные люди планируют строить свои особняки не только на окраинах, но и в центре. Они знают о необходимости проведения предварительных археологических работ и согласны их финансировать. Их не устраивают темпы этих работ, и они готовы обращаться к иностранным археологам, которые, возможно, проводили бы исследования быстрее. Однако мировой опыт демонстрирует практику сохранения исторической части древних городов и вынесения за ее пределы современной застройки. Что же касается темпов, то, например, исследования такого памятника, как Помпеи, начались в середине XVIII в., но пока раскопано только две трети города. И никому не приходит в голову строить свои особняки в той части Помпей, которая уже изучена.

В последнее время сделаны сенсационные археологические открытия в Торжке. В результа-

те исследований П.Д. Малыгина там найдено 19 берестяных грамот, что поставило город на третье после Новгорода и Старой Руссы место по числу берестяных документов. В прошлом году обнаружены остатки архива владычных наместников в Торжке, более 50 печатей. Эти успехи новоторжской археологии совпали с постановлением: музей, созданный по инициативе Д.С. Лихачева, изъят из ведения федеральных властей и передан в область. В нем ликвидирован прекрасный отдел археологии, сотрудники которого во главе с П.Д. Малыгиным уволены. В будущем году наступит столетие со дня рождения Д.С. Лихачева. Хороший "подарок" к этому юбилею – ликвидация музея, который был им задуман на половине дороги между Петербургом и Москвой. Я призываю участников нашего совещания подписаться под письмом, адресованным тверскому губернатору, в защиту новоторжского музея и археологических открытий, которые были сделаны в Торжке.

Очень тревожит меня возникшая после развала Советского Союза идея искать все корни нашего прошлого по эту сторону забора, отделяющего Россию от Украины и Белоруссии, как будто все, чем мы жили на протяжении последнего тысячелетия, ушло окончательно. Вот к чему это приводит: мне сообщили, что руководство Ленинградской области задумало построить памятник князю Олегу на сопке, которая находится в Старой Ладоге. Сама по себе это кощунственная мысль – ставить памятники на вершинах курганов или сопок, которые сами являются археологическими памятниками. Кроме того, я не поленился просмотреть все "Полное Собрание русских летописей" по поводу местонахождения могилы Вещего Олега. Древнейшие тексты в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях сообщают, что Олег был похоронен на Щековице в Киеве[2]. На действительное местонахождение его могилы указывают и некоторые источники XII в., где ратные события, происходившие в Киеве, связываются с урочищем Ольгово, которое находится около Щековицы. Только в поздней Новгородской первой летописи середины XV в. говорится, что могила Олега – в Ладоге; это сообщение повторено в Устюжском своде XVI–XVII вв. Непонятно, зачем ложную информацию возводить в ранг исторического факта и заменять подлинную историю вновь составляемой "Велесовой книгой". Я думаю, что научные экспертизы должны быть проведены и по этому поводу.

[2] Это сообщение находится также в других летописях: Новгородской четвертой, Софийской первой, Никоновской, Львовской, в Русском хронографе, в Ермолинской, Типографской, Новгородской летописи по списку Дубровского, Новгородской Карамзинской, Переяславско-Суздальской, Кустынской, Радзивилловской, Холмогорской, Владимирской, Уваровской, Никаноровской, Вологодско-Пермской летописях, в Своде 1397 г.

Е.Н. Носов, член-корреспондент РАН, директор Института истории материальной культуры РАН.

Уважаемые коллеги!

Я хочу остановиться на некоторых вопросах, затронутых сегодня во вступительном слове академика А.П. Деревянко, в докладе члена-корреспондента РАН Н.А. Макарова и в последующих выступлениях, прежде всего, с позиций руководителя одного из институтов РАН. Я вполне согласен с прозвучавшей мыслью, что основные археологические силы у нас в стране в настоящее время сосредоточены в крупных научных центрах – в нескольких академических институтах Европейской части России и Сибири, в ряде вузов и музеев. Реально это 75–80% всех квалифицированных кадров России. Такая ситуация сложилась со времен существования СССР. В соответствии с ней была построена организационная структура отечественной науки, охраны памятников, лицензирование проводимых археологических работ, контроль над качеством их выполнения и т.д. Вполне естественно, что Полевой комитет находился в Институте археологии РАН в Москве. Он контролировал выдачу Открытых листов на право производства археологических раскопок, которые заверялись в Министерстве культуры, в архив института поступали все отчеты о полевых работах в России, издавался информационный сборник "Археологические открытия" и т.д. Эта система работала и была вполне логична. В настоящее время делается упор на тот факт, что Российская академия наук – не государственная, а общественная организация с "государственным статусом", а институты РАН, соответственно, обладают "статусом государственных учреждений", но не являются "государственными учреждениями". Таким образом, с формально-юридической точки зрения перечеркивается сама возможность существования годами складывавшейся системы. На мой взгляд, если следовать тому, как на практике сегодня осуществляются конкретные действия административных властей, благое стремление укрепить вертикаль власти и контроль над соблюдением законности в области охраны древностей может привести к обратному результату.

Открытый лист – реальная и единственная государственная лицензия на право проведения археологических работ, подтверждающая квалификацию исследователя и статус учреждения, от которого этот лист запрашивается. Я считаю, что существует только одна организация, которая правомочна давать экспертные оценки проводимых археологических работ на основании Открытых листов – Российская академия наук. Единственным в стране учреждением, конкретно выполняющим эту задачу, является Институт археологии РАН. Лишь в таком случае удастся сохранить независи-

мость экспертных оценок от органов охраны памятников на местах, непосредственно подчиненных административным властям городов, областей и регионов, и от давления лоббистов из строительных организаций. К тому же, учреждения, отвечающие за охрану памятников, не имеют соответствующих кадров для оперативного проведения экспертизы сотен археологических отчетов в год и научной квалификации их авторов. Подчеркну, что ошибочно расценивать научную экспертизу в Полевом комитете ИА РАН лишь как рекомендацию на выдачу Открытого листа. Формально листы может выдавать (заверять, регистрировать) и другой орган власти, но экспертные решения Полевого комитета центрального археологического учреждения страны должны быть окончательными.

На ИА РАН ложится колоссальная нагрузка по рассмотрению более 1000 отчетов в год. В ИИМК РАН традиционно существует свой Полевой комитет. Мы можем взять на себя ответственность за экспертную оценку части отчетов по Северо-Западу России. Уверен, что провести ее для части отчетов по восточным регионам страны могут и Сибирские научные учреждения РАН. Все сделанные оценки будут переданы в Москву для окончательного утверждения. Таким образом, можно попытаться несколько снизить экспертную нагрузку ИА РАН, привлекая более широкий круг специалистов, но сохраняя необходимую централизацию.

Увеличение объема археологических работ на стройках газо- и нефтепроводов, дорог, подключение для этого региональных центров и организаций различного статуса резко расширило и хронологические границы археологии, приблизив их к современности. Уже никто не сомневается, что к компетенции археологии относятся раскопки, например, на стрелке Васильевского острова, в Летнем саду или во дворе Эрмитажа в Санкт-Петербурге, хотя, когда подобные работы начинались А.Д. Грачом в 1952 г., это вызывало различные мнения. Однако сейчас явно прослеживается стремление некоторых исполнителей увеличить число "археологических" объектов на трассах строительства, чтобы получить большее финансирование. Появились, например, такие странные определения, как "местонахождение", под которыми понимаются поля с двумя-тремя встреченными черепками. На любой пашне всегда можно найти несколько обломков посуды, потому что сотни лет крестьяне вывозили от своих домов и примыкавших к ним хлевов навоз для удобрения полей, естественно, "прихватывая" и культурный слой, имеющийся на месте каждой деревни. Такие "местонахождения" к археологии отношения не имеют, поскольку в большинстве не являются остатками поселений, стоянок и т.д., и никаких "археологических паспортов" на них составлять не нужно.

Негативной тенденцией является и то, что между заказчиками охранных работ и государственными учреждениями появляется все больше посреднических коммерческих организаций, обозначающих в своих названиях ту или иную причастность к "археологии". Не обладая достаточными собственными кадрами, но имея финансовые возможности, они в качестве наемных исполнителей привлекают к раскопкам памятников и к "изучению" всяческих "местонахождений" археологов-профессионалов из бюджетных организаций, получающих мизерные зарплаты. Продолжение такой практики может привести к развалу науки в стране.

В докладе Н.А. Макарова были приведены цифры, свидетельствующие, что заявок в научные фонды на издание книг стало поступать меньше. Я думаю, в определенной степени это связано с тем, что в последнее время публиковалось немало работ, написанных в прежние годы, но так и не увидевших свет из-за скудости издательских возможностей. Только ИИМК РАН удалось подготовить и издать долгие годы ждавшие своего часа фундаментальные исследования Г.Ф. Корзухиной, М.В. Малевской, Г.А. Максименкова, И.Н. Хлопина.

В целом сегодняшнее совещание я рассматриваю как чрезвычайно полезное и актуальное. Надеюсь, оно будет способствовать выработке общей позиции археологического сообщества в отношении изучения и охраны древностей, в отношении новостроечных работ.

Спасибо за внимание.

В.И. Молодин, академик РАН, заместитель директора Института археологии и этнографии СО РАН.

Глубокоуважаемые коллеги!

Я попытаюсь в своем выступлении затронуть ряд, с моей точки зрения, важных для нашей науки проблем. К сожалению, вынужден делать это тезисно из-за лимита времени. Прежде всего, хотелось бы несколько слов сказать о проблеме совершенствования законодательной базы в области организации полевых исследований. Если существует возможность до 2010 г. выработать новый хороший законодательный документ, то к этому нужно стремиться. Ведь, по большому счету, речь идет о сохранении научного и культурного наследия России, которому посвятили свою жизнь почти все, сидящие сейчас в зале.

Существует не только позитивный опыт нашей страны, но и колоссальный международный опыт регламентации правовых норм, касающихся земельной собственности и охраны культурного наследия. Мы не вправе его игнорировать. В начале Второй мировой войны английское правительство нашло средства и возможности для проведения охранных работ на стройках оборонительных сооружений. Вот вам подход к проблеме. Неужели

мы сейчас не сможем ни выработать политическую волю, ни найти средства для того, чтобы сохранить наше богатейшее культурное наследие?! Я думаю, что, может быть, следует поставить вопрос об организации в стране Археологической службы как государственного органа. Но я абсолютно согласен с тем, что уже сегодня работать мы должны на всех уровнях предельно дружно и координированно.

Хочу напомнить ту диаграмму, которую продемонстрировал в своем докладе Н.А. Макаров. Две трети потенциала научных кадров в области археологии сконцентрировано в нашей стране в академических, вузовских и музейных учреждениях. Если мы будем игнорировать эти учреждения, мы никогда не сможем осуществлять оперативную организацию охранных работ и, как следствие, огромная часть археологических памятников будет просто утрачена.

Важнейшая проблема, которая не может оставить равнодушным, – это Открытые листы. Практика, которая была введена в России и эффективно реализовывалась и в досоветский, и в советский, и в постсоветский периоды ее истории, не должна быть утрачена. Сегодня мы имеем огромную базу данных, уникальный архив богатейших источников, неплохо организованную систему рецензирования работ отечественных археологов. Утратить все это очень просто, восстановить будет немыслимо сложно. Поэтому мы должны сделать все, чтобы сохранить существующую систему или, по крайней мере, ее основу. Мне очень приятно, что в решении данной задачи нам идут навстречу и относятся с пониманием.

Хочу особо остановиться на проблеме негосударственного статуса РАН, что якобы мешает радикальному решению проблемы делегирования Академии ряда полномочий по разрешительным функциям в области археологических исследований. У нас в Новосибирске есть университет. Пятьдесят лет мы боремся за то, чтобы он вошел в систему Академии наук. Фактически это реальность, потому что 90% его преподавательского состава – работники Академии наук. Академии принадлежит и исследовательская база. Юридически же мы наталкиваемся на тот самый аргумент, который был приведен здесь сегодня. Однако не следует забывать, что научно-исследовательские институты РАН, в том числе Институт археологии – государственные учреждения. В.В. Путин в свое время, будучи у нас в Новосибирске, сказал: "Если эту проблему не решат чиновники, я решу ее сам, своим указом". Может быть, нам следует использовать данный рычаг и обратиться за содействием в Администрацию Президента.

Я совершенно согласен с А.П. Деревянко относительно того, что мы должны возрождать утраченные традиции. Речь идет о пленумах, съездах, которые в силу известных причин в последние десятилетия не проводятся. Мне хотелось бы, чтобы эта инициатива была подхвачена и Отделением истории, и Институтом археологии, нашим головным учреждением, с тем, чтобы мы имели возможность собираться и обмениваться мнениями по животрепещущим проблемам в области как фундаментальной науки, так и охраны памятников.

Затрону также вопрос о научной этике. Появление в последнее время ряда книг и статей (господ Мочанова, Федосеевой, Таюрского и Формозова) не украшает нашу науку и наше сообщество. Можно было бы, конечно, не замечать их, если бы не студенты и молодые ученые. Молодые люди читают такие издания и в силу своей неподготовленности или слабой подготовленности реагируют на эти опусы по-разному. Возьмите известный пример с академиком Фоменко. Его так называемые труды по "новой хронологии", прекрасно изданные, можно купить в любом переходе метро. А работы, которые научно критикуют эту концепцию, очень трудно достать, о них мало кто знает, хотя прекрасная книга "История и антиистория" выдержала уже два издания. Поэтому мы должны активнее проявить свое отношение к подобного рода сочинениям, как и ко лженауке во всех формах ее проявления.

Несколько слов о молодежной политике в области археологии. Мне кажется, что в археологии, как ни в какой другой науке, нам удалось сохранить традиции по подготовке молодых кадров. Мы не утратили замечательные студенческие конференции в регионах. В Сибири за последние десятилетия их проведено уже более пятидесяти. Ежегодно (вот уже более сорока лет) проходит Международная конференция в НГУ, на которой работает секция археологии, этнографии и востоковедения. Активно проводятся студенческие конференции на Урале, в Поволжье и в других регионах. Сейчас нам ничто не мешает возродить старую традицию Всероссийских студенческих конференций на базе кафедры археологии МГУ, куда мы могли бы делегировать из регионов наиболее интересные доклады и самых талантливых молодых ученых. В Москве можно было бы организовать для них цикл лекций ведущих археологов. Имеет смысл культивировать и новые формы работы с молодежью, такие как полевые семинары и летние школы. Финансироваться эти мероприятия могут через фонды, которые подобную инициативу, я думаю, поддержат.

Несколько слов о печатной продукции. Это вопрос не такой простой, как кажется на первый взгляд. С одной стороны, очень хорошо, что публикуется много книг по нашей специальности. Но, с другой стороны, в условиях, когда практически ликвидирована всяческая экспертиза, порой выходят книги, которые содержат легковесные выводы

и слабую аргументацию, не говоря уже об огромном количестве реферативных изданий. Многотонные тома, которые выпускают по материалам студенческих конференций, содержат большое количество статей компиляционного характера. Встречается даже плагиат, в работах отсутствуют ссылки на использованные труды и материалы, авторов раскопок и т.д. Такая продукция вряд ли может быть полезной и читателям, и писателям. Мы должны подумать о том, как оградить наше сообщество от подобных опусов, привить молодежи вкус к настоящей творческой работе, а не к переписыванию своими словами чужих трудов.

Наконец, мне представляется, что было бы полезно создать координирующий орган, куда бы вошли представители академической и вузовской науки, органов культуры (музеи) и охраны памятников, где можно было бы оперативно (один-два раза в году) обсуждать насущные проблемы.

В заключение я хотел бы поблагодарить Отделение историко-филологических наук, Институт археологии РАН за прекрасную инициативу проведения сегодняшнего совещания, очень полезного для дела и для всех нас.

А.Г. Векслер, заместитель председателя Комитета по культурному наследию г. Москвы, главный археолог г. Москвы[3].

Не вызывает сомнений, что неотъемлемой частью всего культурно-исторического наследия является наследие археологическое. В России эта сфера – одна из наиболее уязвимых ввиду большого масштаба народнохозяйственных работ. Именно поэтому Федеральный Закон РФ "Об объектах культурного наследия" от 2002 г. ввел понятие "спасательные археологические полевые работы для сохранения объектов археологического наследия". Подразумевается, что спасательные работы проводятся в исключительных случаях. Между тем их масштаб чрезвычайно широк, особенно в исторических городах. Проблемы сохранения археологического наследия чрезвычайно актуальны для Москвы, где значимость культурного слоя, разрушаемого при реконструкции центра, весьма велика.

Территория Москвы представляет собой гигантский археологический комплекс. Центр современного мегаполиса находится на месте главного памятника исторического города – Москвы средневековой. В соответствии с Указом Президента РФ "Об утверждении перечня объектов исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения" № 1746 от 20.02.1995 г. и Постановлением Правительства Москвы № 545 от 07.07.1998 г. культурный слой исторического города в целом является памятником археологии, но одновременно в этих документах особо выделены локальные объекты археологического наследия. В их числе – зоны культурного слоя древних подгородных поселений, слобод, монастырей, подземных конструкций и остатков укреплений, исторических некрополей.

Законодательные акты РФ и подзаконные документы Правительства города легли в основу организации системы спасательной археологии в Москве. Создана многоступенчатая система, позволяющая разрабатывать историко-археологические опорные планы и проекты организации охранных раскопок. Археологи выходят на площадки подготовленными, в необходимое время и с известными объемами работ. В результате у строителей появилась понятная им выгода: пока археологи ведут опережающие раскопки, доводится "до кондиции" проект, обустраивается площадка, устанавливаются бытовки и т.п. К настоящему времени в Москве сформировалась принципиально новая и вполне устойчивая система взаимоотношений между строительным комплексом и археологической службой, тесно увязанная с проектированием и строительством. Правительство Москвы, Комплекс архитектуры, реконструкции работ и строительства теперь требуют предварительных археологических исследований в качестве столь же необходимой части "производственного" цикла, как геологические или геодезические изыскания. Связанные с работой в культурном слое структуры (проектные, строительные, инженерные и др.) воспринимают постоянное, широкое и активное участие археологов в их деятельности как нормальную "штатную" ситуацию. Отмечу, что и сами археологи активно развивают методику охранных исследований, включая их проектирование, организацию, финансирование и обеспечение всем необходимым, использование современных технических средств, а также взаимодействие со строительством, выбор для раскопок наиболее сохранных участков и т.д. Таким образом, в Москве сегодня археология плотно включается в систему государственного управления. Как очевидный пример можно привести крупномасштабные работы, которые с августа 2005 г. ведутся в историческом парке Царицыно. Для их организации было специально выпущено распоряжение Правительства Москвы. Подчиненные Правительству Москвы городские структуры получили четкие указания об организации исследований, которые лично курирует префект Южного административного округа, член Правительства Москвы П.П. Бирюков. К раскопкам привлечены несколько специализированных археологических и строительных организаций. Среди них важную роль играет экспедиция Института археологии РАН, сектором археологии Москвы которого был разработан историко-археологический опорный план. Работы института сразу же выделились в са-

[3] В оригинале выступление А.Г. Векслера называлось "Проблемы спасательной археологии на современном этапе".

мостоятельный важный участок. О масштабе раскопок говорит численность задействованного в Царицыно научно-технического персонала, которая в 2005 г. превышала 600 человек. Одновременно работы проводились во всех 58 помещениях Большого дворца и по его периметру, в Хлебном доме, а также на соединяющей их большой Поляне. В целом в комплексе вскрыта площадь более 6000 м^2. В установленные сроки проектировщики, реставраторы и архитекторы получили необходимые им данные археологии для воссоздания дворца, где были обнаружены кладки предыдущих строений В. Баженова, дворца Кантемиров, горизонты строений XVII в. Данная ситуация во многом определялась поддержкой охранных исследований мэром г. Москвы Ю.М. Лужковым; вместе с тем существующая организация спасательных раскопок основывалась на четком регламенте согласования проектно-сметной документации, разрешительной системы ведения строительных работ. Отдельно следует остановиться на научном аспекте спасательных работ, для успеха которых важно постоянное участие в них научных организаций, прежде всего Института археологии РАН. Для камеральной обработки материала сегодня необходимо использовать широкий спектр естественнонаучных методов, поэтому Москомнаследие проектирует строительство крупной лаборатории для обеспечения современной обработки всей лавины поступающего археологического материала. Предшествующий этап создания системы спасательных археологических работ в Москве во многом определялся факторами политической и экономической ситуации. Сейчас, во время административных реформ и конструирования вертикальной власти, возникают новые проблемы, однако их решения, т.е. реформирование спасательной археологии, по нашему мнению, не должно вести к отказу от уже стабильно работающих элементов. Насущной задачей является и нормирование регламента осуществления спасательной археологии на всех уровнях, разработка нового археологического раздела реставрационных норм и правил (РНИП) работ по сохранению объектов культурного наследия. Для этого чрезвычайно важно наличие однозначно толкуемой нормативной базы. Только на таком фундаменте возможно создание системы государственной историко-культурной экспертизы, причем принцип независимости указанной экспертизы должен неукоснительно соблюдаться.

Несколько слов следует сказать о разрешительной системе. Из опыта практической работы с различными строительными организациями и органами государственного управления (я имею в виду юридические каноны) вытекает однозначный вывод: разрешительный документ должен выдаваться уполномоченным органом охраны культурного наследия. Однако не стоит отбрасывать независимую вневедомственную научную экспертизу. В процессе разделения полномочий между федеральным центром и регионами в крупных научных центрах при условии сложившейся системы спасательных археологических работ возможна передача части полномочий указанным уполномоченным органам государственной власти. В других регионах, где ситуацию можно назвать проблемной, необходимо объединение всех сил археологов вокруг федеральных структур для решения общей задачи. Особо подчеркну важность регламентации всех видов на стадии землеотвода. Считаю, что с точки зрения экономики, в организации археологических исследований прежде всего следует обратить внимание на внесение в государственный реестр работ изысканий данного типа. Сейчас, образно говоря, и реставрация является "падчерицей" строительных работ, но еще хуже положение археологии. Отнесение археологических исследований к категории прочих затрат существенно усложняет финансирование отрасли через бюджет. Пример тому – жаркие баталии вокруг работ в Царицыно, когда договор был подписан только через месяц после начала исследований. Необходимо также создание единых основ ценообразования в археологической отрасли на базе упомянутого выше методического нормирования. Представляется, что всем понятна роль признаваемого органами управления и контроля единого кодекса расценок для осмечивания работ и определения степени их экономической эффективности. Существующие сейчас сборники ориентированы преимущественно на археологическое сопровождение реставрационных работ. Важно, что наличие в Москве нового утвержденного сборника расценок существенно облегчило общение археологов с организациями заказчика и вневедомственной экспертизой. Необходимо также отметить роль популяризации спасательных работ по сохранению археологического наследия. В Москве на основе материалов спасательных раскопок созданы: Музей археологии на Манежной площади, Выставочный археологический комплекс "Старый Гостиный двор", проведена музеефикация археологических объектов в Третьяковском проезде (церковь Старой Троицы), кладок палат Артемия Волынского на Рождественке, готовятся первый археологический ландарий у храма Ильи Пророка на Ильинке и археологический ландшафтный парк в Митино, проектируются шесть музейно-археологических объектов в историческом центре Москвы на "Золотом кольце". Все это призвано зримо представить живую связь времен в столице.

Московский опыт археологической музеефикации в дальнейшем может стать примером для наглядной пропаганды памятников архитектурно-археологического наследия в исторических городах России.

И.М. Смирнова, начальник отдела недвижимых памятников истории и культуры Федерального агентства по культуре и кинематографии.

Федеральное агентство по культуре и кинематографии в соответствии с Положением от 6 апреля 2004 г. № 191, утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации, является исполнительным органом власти, осуществляющим функции по управлению государственным имуществом и оказанию государственных услуг в сфере культуры и кинематографии.

Федеральное агентство осуществляет ряд полномочий в установленной сфере: проводит конкурсы и заключает государственные контракты на проведение научно-исследовательских работ; организует проведение историко-культурной экспертизы в отношении объектов культурного наследия; осуществляет ведение единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, Государственного свода особо ценных объектов культурного наследия; осуществляет прием граждан, обеспечивает своевременное и полное рассмотрение устных и письменных обращений граждан, принятие по ним решений; дает разъяснения юридическим и физическим лицам по вопросам, отнесенным к сфере деятельности агентства; привлекает для проработки вопросов в установленной сфере научные и иные организации, ученых и специалистов; имеет право создавать координационные, совещательные и экспертные органы (советы, комиссии, группы, коллегии) в установленной сфере деятельности.

За отделом недвижимых памятников истории и культуры Управления культурного наследия, художественного образования и науки закреплено ведение Единого государственного реестра объектов культурного наследия. К культурному наследию, согласно Федеральному закону "Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации" от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ, относятся "объекты недвижимого имущества со связанными с ними произведениями живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, объектами науки и техники и иными предметами материальной культуры, возникшие в результате исторических событий, представляющие собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры и являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, подлинными источниками информации о зарождении и развитии культуры".

Федеральный закон от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ вместо понятия "государственные списки памятников истории и культуры" ввел понятие Единого государственного реестра. Реестр должен содержать расширенную информацию об объекте культурного наследия, включающую сведения о границах территории памятника истории и культуры, внесенных в Государственный земельный кадастр, а также описание предмета охраны. Археологические объекты составляют самую многочисленную группу реестра. Согласно упоминавшемуся ранее Федеральному закону № 73-ФЗ, все археологические объекты отнесены к памятникам истории и культуры федерального (общероссийского) значения.

Следует заметить, что за три года, прошедших после принятия закона, ни одна территория объекта археологического наследия не была отнесена к землям историко-культурного назначения и не было опробовано выявление предмета охраны у объекта археологического наследия. Виной тому отсутствие восьми подзаконных актов: Положения о Едином государственном реестре, Положения о государственной историко-культурной экспертизе, Положения о зонах охраны объектов культурного наследия, Порядка организации историко-культурных заповедников, Порядка установления льготной арендной платы и ее размеров в отношении объектов культурного наследия, Порядка выплаты компенсации физическим и юридическим лицам, имеющим в пользовании либо в собственности объекты культурного наследия, Порядка формирования перечня объектов культурного наследия, рекомендуемых Российской Федерацией для включения в Список всемирного культурного наследия, Положения об Открытых листах на право проведения работ на объектах археологического наследия.

В рамках выполнения работ по мониторингу состояния и использования объектов культурного наследия, который проводится во исполнение постановления Правительства Российской Федерации от 05.07.2001 г. № 504 "Об общероссийском мониторинге состояния и использования памятников истории и культуры, предметов музейного фонда Российской Федерации, а также кинофонда", Приказом Министерства культуры России от 28.05.2002 г. № 848 был утвержден Порядок проведения мониторинга и шаблон единой карты обследования, рекомендуемой одновременно для объектов истории, архитектуры и археологии, состоящий из 190 позиций. Данная форма вызвала много претензий у исполнителей договоров мониторинга и нуждается в срочной корректировке. Кроме того, после административной реформы 2004 г. материалы мониторинга окончательно не проанализированы, так как часть полученных сведений хранится в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия, а часть – в Федеральном агентстве по культуре и кинематографии.

Законодательное определение памятников истории и культуры как особого вида недвижимого

имущества поставило перед органами охраны ряд проблем юридического характера, связанных с приватизацией, условиями аренды, предоставления льгот пользователям и собственникам объектов, вложившим свои средства в исследование памятника и проведение мероприятий по его сохранению. Для реализации мер защиты памятников археологии требуется установление порядка определения границ территории объектов культурного наследия, механизма и критериев отнесения их к категории земель историко-культурного значения и последующего внесения в Земельный кадастр Российской Федерации.

Из сказанного вытекает, что в условиях многократно возросшей строительной деятельности и несовершенной законодательной базы оказывать услуги населению в сфере охраны и использования объектов культурного наследия, урегулировать вопросы возведения новых объектов и широкомасштабной реконструкции памятников истории и культуры в исторических поселениях крайне трудно. Все поставленные проблемы нуждаются сегодня в профессиональном обсуждении.

По данным, предоставленным Институтом культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, в Российской Федерации за год (без учета археологических памятников) исчезает порядка 100 объектов культурного наследия. Материалы мониторинга памятников археологии свидетельствуют о критическом состоянии ряда из них. В отдел недвижимых памятников истории и культуры еженедельно поступает порядка десяти запросов по поводу наличия или отсутствия на определенных земельных участках объектов культурного наследия, связанных с изменением собственника либо оформлением права собственности на земельный участок. Подготовка ответа требует времени, так как часто отсутствуют не только географические координаты того или иного памятника, но и его точное наименование. Один археологический объект может иметь несколько названий: в постановлении Правительства – одно, в Проекте единого реестра – уточненное другое, в справке региональных органов охраны – третье, наконец, в обращении заявителя – четвертое. Сегодня 18 регионов Российской Федерации вообще не имеют государственных органов охраны объектов культурного наследия и, следовательно, ряд памятников археологии попадает на участки хозяйственного освоения, остается незащищенным и гибнет.

Существующая с 1966 г. практика ведения "Свода памятников архитектуры и монументального искусства России" специалистами отдела Свода памятников Государственного института искусствознания привела к возникновению группы кураторов-экспертов, закрепленных за регионами. Это, в свою очередь, позволяет организовать качественную экспертизу первичной учетной документации и оперативно решать вопросы, связанные с охраной конкретных объектов.

Отделу недвижимых памятников истории и культуры желательно иметь подобных экспертов-кураторов, рекомендованных Институтом археологии РАН, для решения вопросов охраны и использования объектов археологического наследия.

Требует обсуждения и вопрос снятия с охраны исследованных или уничтоженных памятников археологии. Сведения о них содержатся в материалах мониторинга и в заключительных разделах книг серии "Археологическая карта России". До настоящего времени отсутствует достоверная информация о количестве паспортизированных объектов археологического наследия. Основной объем паспортов хранится в Институте археологии РАН. Думаю, будет нетрудно достигнуть договоренности между Федеральным агентством по культуре и кинематографии и Институтом археологии о предоставлении материалов "Археологической карты России" и первичной учетной документации на памятники для Единого государственного реестра. Необходимо изыскать возможности финансирования работ по сканированию и заведению этих материалов в единую электронную базу "Памятники России". Ждут незамедлительного решения и вопросы охраны известных археологических комплексов и нахождения механизмов создания на их базе археологических национальных парков или государственных заповедников. На протяжении 20 лет не удается организовать государственный историко-культурный заповедник на территории Гнездовского комплекса, где продолжается активное строительство. Не решены проблемы сохранения Дунинского городища, Аркаима, Суздальского ополья и т.д.

Еще один сложный блок проблем охраны археологического наследия связан с территориями культовых объектов (монастырей, кремлей, церковных комплексов), передаваемых в бессрочное и безвозмездное пользование религиозным организациям. Наметился процесс "выдавливания" музеев из крупных архитектурных комплексов (Ипатьевского монастыря в Костроме, Борисоглебского в Ярославской обл., Спасо-Бородинского в Можайском р-не Московской обл., Новодевичьего в Москве и т.д.). Возвращается церковная жизнь в ранее заброшенные монастыри: Никандрову пустынь в Псковской обл., Болховский Оптин монастырь в Орловской обл., Успенский монастырь в Старице и т.д. На территориях названных ансамблей необходимо проведение археологических исследований для определения местоположения и габаритов утраченных сооружений. Завтра на повестке дня встанут вопросы, связанные с изучением территорий бывших монастырских кладбищ, с определением возможности их функционирования или нахождением мест для организации новых некрополей. К сожалению, в Российской Федерации очень мало археологов, специализирующихся на архитектурной археологии.

Государственная финансовая поддержка с каждым годом имеет тенденцию к уменьшению, программа на 2006 г. на одну треть меньше по сравнению с 2005 г. Растет доля финансирования охранно-спасательных раскопок различными коммерческими организациями. В области архитектуры прижилась практика выполнения паспортной документации на памятник за счет средств владельца объекта культурного наследия. Не исключено, что создание первичной учетной документации на объекты археологического наследия также можно выполнять за счет средств пользователя или инвестора.

Сложно заниматься планированием финансирования спасательных раскопок в рамках Федеральной целевой программы "Культура России" без квалифицированных консультаций археологов. В рассмотрении поступивших в Федеральное агентство заявок на проведение охранно-спасательных раскопок и мониторинга объектов археологического наследия должны участвовать представители Института археологии РАН.

На совещании уже говорилось об отсутствии стратегии в области охраны памятников. Существует Европейская конвенция об охране археологического наследия, которая принята Российской Федерацией. Хотелось бы проанализировать, как мы ее выполняем и по каким позициям.

Совместное обсуждение вопросов охраны объектов культурного наследия должно помочь выработке правильной стратегии в данной области, организации научной экспертизы, решении вопросов проведения мониторинга и обеспечения высокого уровня охранно-спасательных работ.

И.В. Белоцерковская, Государственный Исторический музей.

Прозвучавшие на Совещании предложения по изучению и сохранению археологических памятников необходимо вводить в повседневную практику, что является задачей всех органов и учреждений, так или иначе связанных с проблемой сохранения культурного наследия. Но есть еще одна, очень существенная, сторона рассматриваемой проблемы – сохранение археологических коллекций из исследованных памятников. В этой аудитории нет необходимости говорить о значении для науки материалов, переданных в музеи поколениями работавших ранее археологов. В конечном счете можно провести все необходимые историко-культурные экспертизы территорий, составить учетную документацию, подготовить соответствующие карты и опубликовать результаты исследований, но если не сохранить коллекции предметов из раскопанных памятников, то дальнейшее развитие археологии как науки может стать проблематичным.

Сохранение коллекций – это общая задача археологов-исследователей и музеев. Речь идет, в первую очередь, о государственных музеях. Не секрет, что в ведомственных музеях часто нет не только необходимых для хранения условий, но и не осуществляются учет и инвентаризация коллекций, а в большинстве случаев отсутствует и реставрационная база. Известно немало случаев утраты такими собраниями части находившихся в них археологических материалов. Но и у государственных музеев есть свои проблемы – недостаток хранительских площадей, соответствующего оборудования, квалифицированных кадров хранителей со специальным археологическим образованием и реставраторов. Для решения этих проблем необходимы усилия государственных органов.

Сохранение археологических коллекций при всех условиях во многом зависит от исследователя. Своевременная передача в государственные музеи полученных материалов вместе с полевыми описями (или их копиями) и хорошо читаемыми шифрами на предметах должна входить в обязанности археолога. Это даст возможность музейным хранителям профессионально провести инвентаризацию коллекций, что в значительной мере облегчит дальнейшее изучение их новыми поколениями ученых.

Сохранение коллекций предметов из памятников археологии является непременным условием решения многогранной проблемы сохранения археологического наследия страны.

Б.Н. Харлашов, заведующий отделом археологии Псковского государственного объединенного историко-архетиктурного и художественного музея-заповедника[4].

Археологическое изучение культурного слоя Пскова началось еще в XIX и начале XX в. в форме наблюдений за выявляемыми при земляных работах остатками древний строений.

До середины 50-х годов XX в. раскопки в Пскове носили, в основном, исследовательский характер. По сути, происходила разведка культурного слоя города, показавшая перспективность его изучения. Первые археологические работы, связанные с застройкой исторического центра Пскова, были проведены в начале 1950-х годов экспедицией Государственного Эрмитажа (Г.П. Гроздилов). Именно они легли в основу охранной археологии в городе. В последние десятилетия ее организацию осуществляет Псковский государственный музей-заповедник в содружестве с другими научными и учебными учреждениями. Особенностью охранных исследований является то, что места расположения раскопов выбираются в соответствии с разработанным для исторического центра Пскова планом застройки. Несмотря на кажущуюся бессистемность проведения этих работ, накопленные за последние 50 лет при их выполнении материалы стали основой для изучения материальной культуры и истории средневекового Пскова.

[4] В оригинале выступление Б.Н. Харлашова носило название "Охранные археологические раскопки в Пскове".

Охранными раскопками охвачен практически весь исторический центр в пределах стен Окольного города и Запсковья, а также Завеличье, в общей сложности к 2006 г. исследовано около 11 га. Несмотря на внушительную цифру, на самом деле это не очень много, так как общая площадь распространения культурного слоя только в пределах укреплений 1465 г. составляет 215 га, а вместе с территорией посада – 428 га.

При проведении охранных (спасательных) раскопок удалось пролить свет на многие стороны истории Пскова, исследовать динамику его развития.

Находки многочисленных орудий труда, изготовленных из кремня, клиновидные и сверленые каменные топоры позволяют отнести заселение территории будущего Пскова ко 2-му тыс. до н.э.

Для истории города X – начала XI в. важным оказалось уточнение территории посада. Согласно полученным данным, вдоль р. Великой его протяженность достигала 550 м, вдоль Псковы примерно столько же. Возвышение между языками посада было занято языческим святилищем и курганным кладбищем, также открытым при охранных археологических работах, в составе которого в настоящее время изучено 80 захоронений. Участие выходцев из Скандинавии в становлении древнего Пскова было окончательно доказано раскопками 2003–2004 гг. на ул. Советской (летописная Великая ул.). В ходе этих исследований были обнаружены две погребальные камеры с захоронениями по обряду трупоположения, сопровождаемыми богатым инвентарем X в. и имеющими прямые аналогии в синхронных древностях эпохи викингов в Швеции.

Не позднее середины XI в. были заселены такие крупные районы города, как Запсковье и Завеличье, упоминаемые в летописях только с начала XIV в. Каждый из этих районов имел свой некрополь. В общей сложности помимо древнейшего в Пскове выявлено и в значительной степени изучено еще четыре некрополя (кроме прицерковных), в которых погребено население средневекового города. Проведенные в последние годы исследования на новостройках показывают, что площадь, занимаемая Псковом к концу XIII в. в междуречье Великой и Псковы, а также на Запсковье, может быть оценена приблизительно в 56.8 га. На Завеличье площадь поселения (=посада), судя по материалам раскопок 1987–1993 гг., была не менее 4.4 га.

Устойчивая динамика развития прослеживается на всей территории города и в XVI–XVII вв. За последние 25 лет из раскопок в Пскове поступило около 50 тыс. находок, характеризующих все виды ремесел, промыслов, дающих возможность оценить культурное развитие одного из крупнейших городов Древней Руси. Средневековый Псков предстал перед исследователями совершенно в новом свете только благодаря строгому правилу ведения обязательных археологических исследований перед любым строительством в историческом центре.

Это правило основано на постановлении Совета Министров РФ № 624 от 04.12.1974 г., в соответствии с которым культурный слой в границах стен Окольного города 1465 г., а также прибрежная часть Завеличья были объявлены памятником археологии республиканского (федерального) значения.

За прошедшие три десятилетия в Пскове сложилась достаточно устойчивая система взаимодействия региональных органов охраны памятников, организаций, осуществляющих археологические исследования, и строительных подразделений.

Строительные работы начинались в охранной зоне культурного слоя только после обязательного проведения предварительных археологических исследований. В адрес регионального органа охраны памятников выдавалась справка-заключение о результатах раскопок. Если культурный слой был изучен полностью – начинались строительные работы. Однако если при раскопках выявлялся археологический или архитектурно-археологический объект, пригодный для использования в исследовательских или музейно-туристических целях, проект строительства корректировался либо изменялся полностью с целью сохранения выявленного объекта культурного наследия.

Вызывает тревогу попытка изменить систему охраны археологического наследия с опорой на ФЗ № 73 от 26.06.2002 г. Содержащиеся в Законе неоднозначные формулировки, например, ст. 40 о проведении спасательных (охранных) раскопок, стали трактоваться коммерческими строительными структурами как необязательность проведения предварительных археологических исследований, если это не обусловлено какими-то исключительными обстоятельствами. Кроме того, путаницу вносит двойная трактовка культурного слоя, с одной стороны, как объекта археологического наследия, с другой – как достопримечательного места. Последнее определение создает угрозу безнаказанного разрушения культурного слоя в ходе хозяйственной деятельности, если нет разработанного и утвержденного регламента использования достопримечательного места.

Ситуацию можно было бы контролировать с помощью механизма предусмотренной Законом историко-культурной экспертизы, однако его нет. В сложившемся правовом вакууме в Пскове в 2005 г. более 5000 м^2 культурного слоя на участках, где его сохранность позволяла ожидать наилучшие результаты археологических исследований, было перекрыто железобетонными фундаментными плитами. И это несмотря на многочисленные протесты научной общественности, в том числе и на федеральном уровне.

Выход из тупика видится только в максимально активной позиции научной археологической об-

щественности в отношениях с Министерством культуры РФ и Росохранкультурой, в частности, в форме обращения с законодательной инициативой в органы государственной власти.

А.Б. Белинский, директор Государственного унитарного предприятия "Наследие" Министерства культуры Ставропольского края, г. Ставрополь.

Сегодня в сфере сохранения археологического наследия мы столкнулись с проблемами, от решения которых зависит будущее нашей науки.

Одна из важнейших проблем – юридический статус памятников, определенных Российским законодательством как государственная собственность. Статья 42 Федерального Закона № 73-ФЗ "Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации" четко формулирует, что объекты археологического наследия и земельные участки или участки водного объекта, на которых они расположены, находятся в гражданском обороте раздельно. Другое дело, что нет подзаконных актов, прописывающих процедуру такого разделения. До настоящего времени нет механизма передачи органами охраны памятников органам, отвечающим за государственный мониторинг земель и ведение территориального землеустройства, данных о наличии археологических объектов на земельном участке – не определено, какие сведения и в каком формате могут и должны передаваться. Отсутствие нормативных документов в этой области, отсутствие обременений (сведений о наличии памятников истории и культуры, требований по их сохранению) в договоре аренды земельного участка в ближайшее время будет приводить как к потере памятников, так и к массе судебных тяжб арендаторов с органами охраны. Необходимо совместное постановление Министерства культуры и массовых коммуникаций РФ и Федерального агентства кадастра объектов недвижимости, которое определяло бы решение этих вопросов.

Одним из важнейших направлений сохранения археологического наследия является выявление и постановка на государственный учет новых объектов. Система, действующая сейчас в России, на мой взгляд, архаична и не отвечает требованиям современности. Опыт работы ГУП "Наследие" Министерства культуры Ставропольского края по созданию геоинформационной системы (ГИС) памятников археологии Ставрополья показывает, что применение аэрофотосъемки и космосъемки разных лет многократно увеличивает возможности обнаружения археологических объектов, в том числе и тех, которые полностью онивелированы распашкой. Их пространственная привязка осуществляется с помощью электронных кодированных карт с погрешностью до 5 м. Практически не выходя из кабинета, можно предварительно обрабатывать огромные объемы информации по новым памятникам археологии. Наложение их в системе ГИС к рельефным, географическим, административным, земельным картам, а также возможность многоуровневого анализа позволяют практически в течение нескольких минут проследить динамику антропогенного воздействия на археологические объекты во времени и оценить угрозу их разрушения. Памятники истории и культуры – государственное имущество, и необходимо эффективно им управлять. Внедрение системы ГИС на региональных уровнях позволит это осуществить, такую систему, с согласованными унифицированными основными параметрами структуры, необходимо предлагать к использованию во всех регионах.

На мой взгляд, необходим выход подзаконных актов, касающихся постановки памятников на учет, их внесения в реестр. Такая система должна быть облегченной, незатратной, так как до сих пор вопросы финансирования паспортизации памятников археологии не решены ни на региональных, ни на федеральном уровнях.

Актуальной проблемой является методический уровень полевых археологических исследований при выполнении спасательных раскопок, дальнейшая обработка полученных материалов и артефактов и их реставрация. Это напрямую связано с объемами финансирования. Несомненно, в данном случае должен учитываться уровень подготовки специалистов и организаций, их выполняющих. Недопустимо проведение конкурсов хозяйствующими субъектами, обязанными, в соответствии с законодательством, финансировать охранные исследования. Основным критерием такого отбора, как правило, является низкая стоимость работ, что приводит к низкому уровню полевой фиксации и невозможности проведения всего комплекса анализов, реставрационных и других мероприятий по окончании раскопок. Критерии отбора организаций и расценки на исследования может предлагать только собственник памятников – государство – в лице уполномоченного государством органа охраны памятников истории и культуры. Естественно, оценка проведенных полевых изысканий в виде рецензии научных отчетов должна традиционно оставаться за Полевым комитетом.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 3, с. 21–30

РЕЗУЛЬТАТЫ ДАТИРОВАНИЯ СТОЯНКИ ШЛЯХ

© 2006 г. П. Е. Нехорошев

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

Стоянка Шлях занимает особое место среди среднепалеолитических памятников Русской равнины. Исследования памятника 1990–1991 годов показали наличие нескольких слоев каменного века – от среднего палеолита до мезолита. Массовый каменный материал получен при раскопках слоев 8 и 9. Анализ каменного инвентаря слоя 8 стоянки Шлях привел к выводу о переходном к верхнему палеолиту характере технологии обработки камня, на основании чего было высказано предположение о финальном в рамках среднего палеолита возрасте индустрии, т.е. впервые на Русской равнине обнаружен памятник с технологией первичного расщепления камня переходного от среднего к верхнему палеолиту типа. Для подтверждения или опровержения этого предположения в 1998–2001 гг. были проведены геологические (Ю.Е. Мусатов, СПбГУ), радиоуглеродные (П. Петит, Оксфорд, и С.Л. Вартанян, ИИМК РАН), термолюминесцентные (О.А. Куликов, МГУ, и А.И. Шлюков, ГОИН), палеомагнитные (В.В. Герник, ВСЕГЕИ, и Е.Г. Гуськова, СПбФ-ИЗМИРАН) и палинологические (Т.В. Сапелко, ИО РАН) исследования (Нехорошев и др., 2003).

Памятник Шлях находится во Фроловском районе Волгоградской области в 112 км к ССЗ от Волгограда и в 16 км к ЮЮВ от г. Фролово (рис. 1). Стоянка приурочена к крутой излучине левого берега балки Паники, в 2.5 км выше по руслу от хутора Шляховского (1.5 км к северу) и около 13.5 км к СВ от Дона (Нехорошев, 1999).

Район памятника находится в пределах степной зоны Окско-Донской равнины, на левобережье Дона, южнее центрального водораздела левых притоков Дона – Медведицы и Иловли, левого притока Медведицы – Арчеды. Непосредственно к югу и к западу от стоянки распространены эоловые Арчединско-Донские пески, перекрывающие поверхности надпойменных террас Дона и, частично, водораздельные склоны. Водораздельная поверхность характеризуется интенсивным овражно-балочным расчленением. Глубины врезов крупных балок и оврагов достигают нескольких десятков метров. Поверхность сложена элювиально-делювиальными четвертичными образованиями, иногда достигающими значительной мощности (10 и более метров). В пределах балок и оврагов присутствуют различные фации аллювия, прослеживается до двух надпойменных террас, встречаются выходы коренных (дочетвертичных) пород. Непосредственно в районе памятника местность представляет собой увалистую степь, изрезанную балками и оврагами. Южнее хутора Шляховского степь граничит с Ачединско-Донскими песками, протянувшимися на десятки километров вдоль левого берега Дона.

В ходе исследования стоянки, частично уничтоженной карьером, было заложено четыре раскопа общей площадью 236 м^2, выполнено три шурфа и 20 зачисток стенок карьера (рис. 1, II). Благодаря этим работам, на стоянке, расположенной на второй балочной террасе, описан следующий разрез отложений (рис. 2).

Слой 1. Современная почва.

Слой 2. Неслоистый плотный суглинок, являющийся материнской породой для современной почвы. Слои 1 и 2, безусловно, относятся к голоцену.

Слой 3 представлен плотным суглинком с очень интенсивными, резкими пятнами обызвествления; вместе со слоем 4 образует верхнюю, "надаллювиальную", "лессовидную" часть разреза.

Слой 4 представлен уплотненными супесями; по степени обызвествления подразделяется на три прослоя 4А, 4В, 4С.

Слой 5 состоит из неслоистого суглинка. Как правило, на его подошве устанавливается базальный горизонт, т.е. время формирования слоя соответствует новому циклу осадконакопления, состоящего из начального усиления эрозионных процессов и последующего перехода к более спокойным пойменным условиям. Контакт с вышележащим слоем чрезвычайно неровный, карманообразный. Скорее всего, характер верхнего контакта объясняется полигональным растрескиванием грунта, состоявшего из вещества слоя, во время перерыва в осадконакоплении (но без заметного размыва) между временами образования слоев 5 и 4. Такой характер контакта говорит о достаточно суровых климатических условиях в данную эпоху, поэтому слой 5, скорее всего, имеет молого-шекснинский возраст.

Слой 6 представлен горизонтально слоистым суглинком. На подошве слоя практически во всех случаях устанавливается горизонт обогащения грубообломочным материалом, что свидетель-

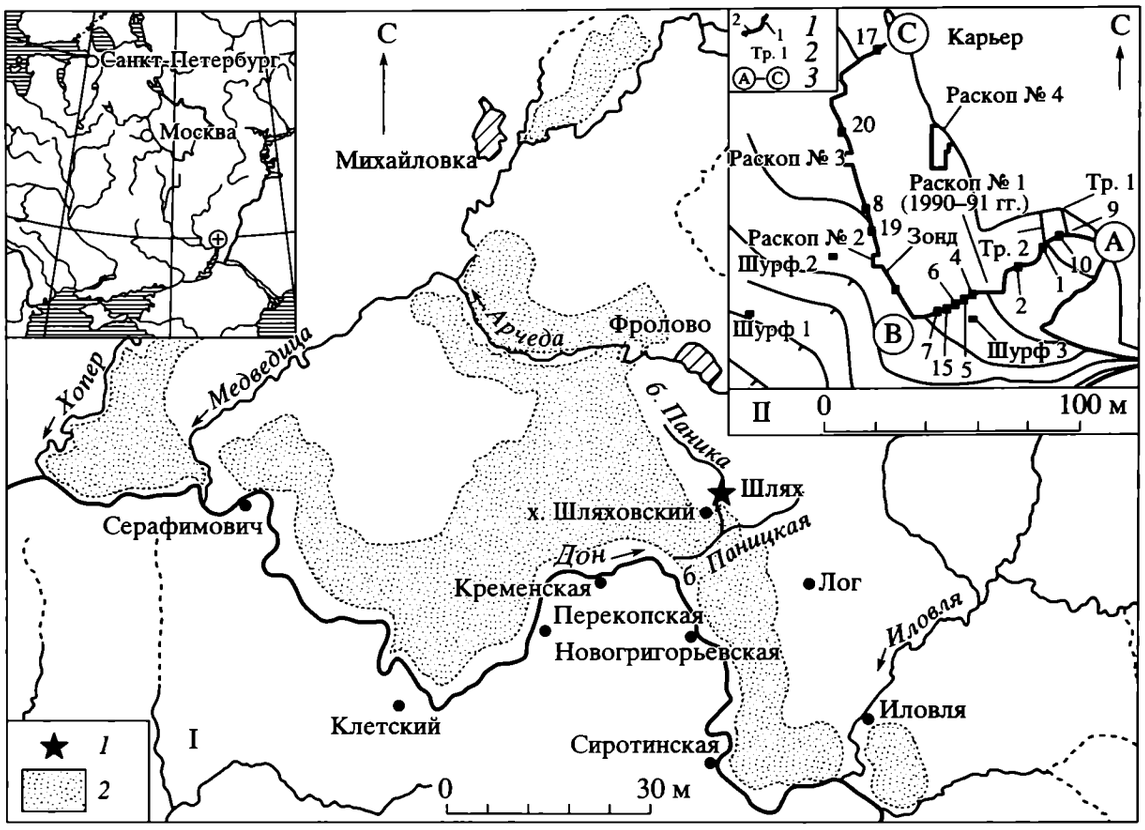


Рис. 1. Локализация памятника Шлях. I – карта расположения: *1* – стоянка Шлях, *2* – Арчединско-Донские пески; II – план (сечение горизонталей 1 м): *1* – зачистки и их номера, *2* – стратиграфическая траншея, *3* – линия сводного разреза (см. рис. 2).

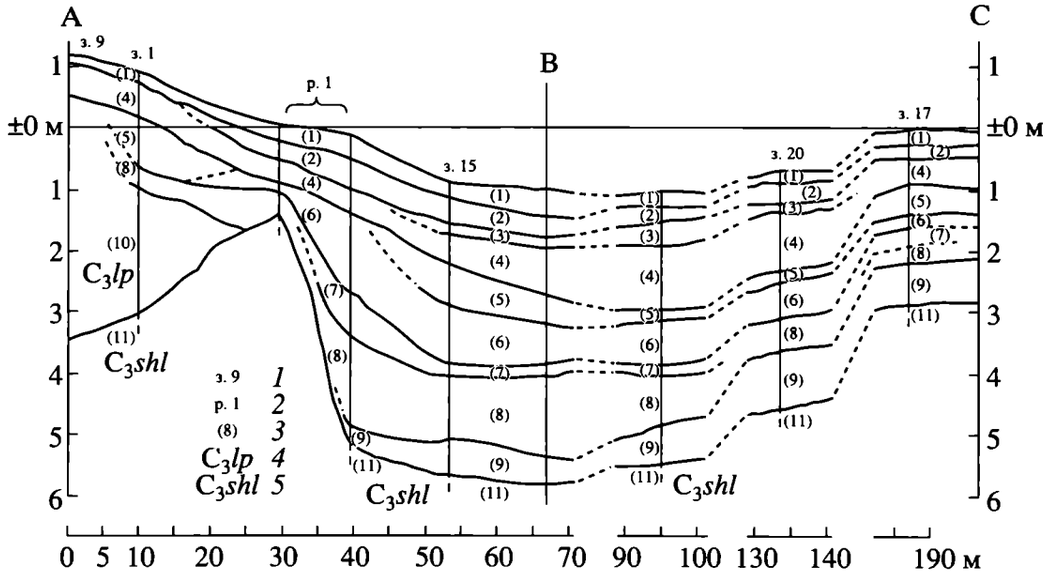


Рис. 2. Стоянка Шлях. Разрез отложений по стенкам карьера (А–С, см. рис. 1: II). *1* – зачистка 9, *2* – раскоп 1, *3* – номер слоя по сводному разрезу, *4* – лапушинская свита верхнего карбона, *5* – шляховская свита верхнего карбона.

ствует о значительном расходе воды в эпоху размыва нижележащего слоя. Время образования слоя – молого-шекснинское (калининское).

Слой 7 представляет собой погребенную почву, образовавшуюся после формирования второй надпойменной террасы (во время образования слоя – еще первой). Контакт с вышележащим слоем резко неровный, с явными следами размыва. Размыв кровли слоя 7 (а в ряде случаев и слоя 8) происходил, видимо, в условиях гумидизации климата и связанным с нею увеличением живой силы потока и/или повышением базиса эрозии, скорее всего в

молого-шекснинское (возможно, в калининское) время.

Слой 8. Пойменная фация балочного аллювия. Постепенное увеличение гранулометрического состава вниз по разрезу в пределах слоя (в его составе выделяется пять прослоев: 8А и 8В соответственно – туго- и мягкопластичный суглинок, 8С – тяжелая супесь, 8D – легкая супесь, 8Е – песок), как и увеличение содержания грубообломочного материала (на подошве иногда устанавливается подобие базального горизонта), говорят о постепенном превращении поймы в надпойменную террасу в течение определенного отрезка, скорее всего калининского времени.

Слой 9. Русловая фация балочного аллювия, галечник. Подразделяется на три горизонта-прослоя 9А, 9В, 9С. Прослои 9А и 9С представлены валунно-галечно-щебнисто-глыбовым материалом (неокатанные обломки представлены кремнями, уплощенные глыбы и окатанные обломки – известняками) с песчаным заполнителем (содержание грубообломочного материала – до 50% и более). Прослой 9В – песок, может отчасти рассматриваться как пойменная фация балочного аллювия. Прослой 9С часто содержит небольшую примесь размытых нижележащих глин. Предположительный возраст слоя 9 – микулинско-калининский – синхронен или несколько моложе времени заложения самой балки.

Слой 10. Перекристаллизованные интенсивно раздробленные известняки с большим количеством конкреций кремней и с глинистым заполнителем – лапушинская свита верхнего карбона (C_3lp).

Слой 11. Пестроцветные и переслаивающиеся глины – шляховская свита верхнего карбона (C_3shl).

Таким образом, в толще рыхлых четвертичных отложений общей мощностью до 5 м, выделено 9 слоев аллювиального и делювиального генезиса (суглинки, супеси, песок, галечник). Археологический материал встречен во всех слоях. Однако в большинстве из них обнаружены единичные каменные изделия. Основная коллекция каменных изделий, а также редкие фаунистические остатки, принадлежащие крупному бизону (определение А.К. Каспарова, ИИМК РАН), происходит из слоя 8, залегающего под погребенной почвой на глубине 3–4 м. Достаточно значительная коллекция получена из слоя 9, более сотни предметов обнаружено в слоях 4С и 7, около сотни в слое 6. Артефакты, найденные на дневной поверхности памятника, в современной почве и слое 2 относятся к мезолиту, из остальных слоев – к палеолиту.

В слое 4С вскрыт небольшой участок горизонта обитания эпохи верхнего палеолита мощностью 2–5 см, залегавшего *in situ* на контакте со слоем 5. Здесь расчищено зольно-углистое пятно и пятно ярко желтой охры и найдено 150 каменных изделий: грубое зубчатое скребло, фрагмент пластины, пластинка, фрагмент пластинки, медиальная часть микропластинки, отщепы – 10, мелкие отщепы – 20, чешуйки – 111, осколки – 3, кусок песчаника – 1. Значительная часть отщепов – 16 экз. – собрались в две подборки – 13 и 3. Более крупная подборка представляет собой сколы, снятые вокруг 3/4 периметра отсутствующего нуклеуса. К орудию подобраны 11 отщепов. На многих отщепах четко фиксируется применение верхнепалеолитической техники скола. Каменный инвентарь недостаточно выразителен для определения его культурной принадлежности. Можно уверенно сказать, что, судя по верхнепалеолитической технике скола, применявшейся при обработке камня, комплекс относится к верхнему палеолиту.

В средней части слоя 6 найдено 86 сколов (орудий нет): отщепы (крупнее 3 см) – 6, фрагменты пластин – 2, фрагменты пластинок – 11, фрагменты микропластинок (больше напоминают обломки чешуек) – 7, мелкие отщепы, фрагменты мелких отщепов и чешуйки – 60. В целом материал невыразительный, хотя по облику некоторых пластин и пластинок можно отнести его к верхнему палеолиту.

В слое 7 найдено 106 предметов: продольное скребло, сомнительный скребок на отщепе, пластина с ретушью, пластина с усеченным концом, фрагменты пластин – 25, отщепы – 57, чешуйки – 15, нуклеусы – два невыразительных сильно сработанных аморфных экземпляра, нуклевидные обломки – 2, манупорт – окаменевший коралл. В целом, каменный инвентарь настолько невыразителен, что не позволяет даже определить, к какому периоду палеолита, среднему или верхнему, он относится (четких следов верхнепалеолитической техники скола не отмечается).

Коллекция каменного инвентаря слоя 8 насчитывает 4558 предметов: орудия – 92 (2%), нуклевидные – 133 (2.9%), сколы – 4333 (95.1%). Орудия: остроконечники – 2 (один с ядрищным утончением проксимального конца), скребла – 9 (простые продольные – 5, двойные продольные с "костенковской" подтеской – 2, конвергентное скребло, угловатое скребло), протокостенковские ножи – 4, ножи с обушком – 9 (два с ядрищным утончением конца), мустьерские скребки – 9, сколы с усеченным ретушью концом – 7, резцы – 11, проколка, зубчато-выемчатые орудия, сколы с ретушью, мелкими ретушированными и единичными выемками – 30, "прочие" орудия – 7, отбойники – 2, наковальня (?).

Нуклевидные: пренуклеусы – 2, нуклеусы – 83, фрагменты нуклеусов – 21, пробные "нуклеусы" и нуклевидные обломки – 27. Нуклеусы плоскостного принципа расщепления (54 экз.): радиального скалывания – 5, ординарные – 23, ординарный двусторонний смежный – 1, ординарный двусторонний ортогональный – 1, полюсные – 21, ортого-

нальный – 1; подперекрестный нуклеус – 2. Нуклеусы протопризматического принципа расщепления (24 экз.): торцовые – 10, клиновидные – 8, подпризматический – 1, "уплощенно-протопризматические" нуклеусы – 5. "Бессистемные" или конкретно-ситуационные нуклеусы – 5.

Сколы: отщепы леваллуа – 8, треугольные отщепы (типичные леваллуазские острия) – 6, пластины – 108, фрагменты пластин – 438, пластинки и фрагменты пластинок – 39, отщепы 1629, сколы-отбросы – 2059.

В общих чертах технологию первичного расщепления камня индустрии данного слоя можно охарактеризовать как своеобразную технологию, направленную на получение леваллуазских пластин с торцово-клиновидных нуклеусов. Технологическая схема во многом сходна с верхнепалеолитической технологией получения пластин с клиновидных нуклеусов[1], но техника скола оставалась среднепалеолитической. В типологическом наборе орудий нет ни одной типично верхнепалеолитической формы. Отличительными чертами данной индустрии можно считать технологию получения леваллуазских пластин с торцово-клиновидных нуклеусов и комплекс орудий, характерными составляющими которого являются остроконечники, ножи, мустьерские скребки и резцы, тронкированные сколы, "протокостенковские ножи", скребла с ядрищным утончением спинки ("костенковская подтеска"), которое применялось и при изготовлении остроконечников и ножей с естественным обушком ("костенковская подтеска" на 17% орудий на сколах). На основании всестороннего анализа каменного инвентаря, как уже говорилось, было сделано предположение о том, что индустрия 8-го слоя, является финально среднепалеолитической (Нехорошев, 1992).

В слое 9 найдено 862 предмета: орудия – 69 (8%), нуклевидные – 70 (8.1%), сколы – 723 (83.9%). Орудия: скребла – 8 (простые – 2, двойные продольные – 2, конвергентные – 2, угловатое, поперечное), концевые скребки – 2, мустьерские скребки – 6 (один с ядрищным утончением проксимального конца), резцы – 2, проколка, сколы с косоусеченным ретушью концом – 2, сколы с выделенным концом – 5, выемчатое орудие, клювовидное орудие, пластины с ретушью – 3, пластины с зубчатой ретушью – 12, отщепы с ретушью – 2, отщепы с зубчатой ретушью – 14 (один с ядрищным утончением спинки у проксимального конца), мелкие отщепы с ретушью – 3, естественные отщепы с ретушью – 5, осколок с ретушью, ретушер.

Нуклевидные: 4 пренуклеуса (?) и 13 пробных "нуклеусов", 45 нуклеусов, 8 фрагментов нуклеусов. Нуклеусы плоскостного принципа расщепления (40 экз.): радиального скалывания – 5, ординарные – 26, ординарный смежный нуклеус, полюсные нуклеусы – 5, односторонний двуплощадочный нуклеус продольно-поперечного скалывания, нуклеус типа "джрабер", подперекрестный нуклеус. Нуклеусы протопризматического принципа расщепления (4 экз.): торцовые нуклеусы – 2, клиновидные – 2. Бессистемный нуклеус – 1.

Сколы: острия леваллуа – 2 ("первого" и "второго" снятия), отщепы леваллуа – 4, пластины – 98, фрагменты пластин – 74, отщепы – 383, сколы-отбросы (мелкие отщепы и чешуйки) – 148.

Материал слоя 9, несмотря на относительно небольшое количество находок, оказался весьма интересным. Здесь, как и в слое 8, четко выражена стратегия пластинчатого расщепления. В то же время технология расщепления представляется несколько "упрощенной" по сравнению с технологией слоя 8. Подавляющее большинство нуклеусов – параллельного плоскостного принципа расщепления. В коллекции мало торцовых и торцово-клиновидных нуклеусов; они менее выразительны, больше напоминают ординарные со смежными поверхностями скалывания либо ординарные с продольным негативом краевого скола, восстанавливавшим выпуклость поверхности расщепления. Также крайне схематичны реберчатые и полуреберчатые сколы, нет сколов подправки площадок типа "таблетки". Технология первичного расщепления более соответствует среднепалеолитической плоскостной, чем протопризматической. Последняя четко представлена в вышележащем слое и вполне может рассматриваться как развитие технологии, представленной материалами слоя 9.

В орудийном наборе также есть определенные отличия по сравнению с коллекцией слоя 8. Отсутствуют остроконечники, практически не представлены ножи с обушком, нет протокостенковских ножей, слабо представлен прием ядрищного утончения. Вместе с тем, как и в слое 8, показательны мустьерские скребки и резцы, сколы с усеченным концом, нет ни одной двусторонне обработанной формы.

Для определения абсолютного возраста слоев памятника были выполнены термолюминесцентные анализы в двух лабораториях и получены 14 дат. А.И. Шлюковым было взято 12 образцов. Для получения образца в стенке раскопа или зачистки пробуривалась скважина глубиной 1 м, из которой доставался материал для датирования; кроме того, производилось измерение радиоактивного фона и других необходимых параметров. Образцы отобраны так, чтобы датировать (по технологии "S-S анализа") все основные слои, давшие археологический материал:

– в зачистке южной стенки раскопа 1 (ЗР-1) по южной границе кв. Л-23 из слоя 8 (суглинок) – 2 обр.,

[1] Как ни странно, некоторые исследователи воспринимают этот вывод, высказывавшийся ранее, неверно, приписывая мне утверждение о "мустьерской стратегии расщепления" (см., например, Матюхин, 2003. С. 23).

– в зачистке стенки карьера, расположенной вплотную к южной стенке раскопа 2 (ЗР-2), из слоев 4С (супесь), 5 (суглинок), 7 (погребенная почва, суглинок), 8Е (песок) – 6 обр.,

– в зачистке стенки карьера, расположенной вплотную к южной стенке раскопа 3 (ЗР-3), из слоя 8CD (супесь) и 8Е (песок) – 2 обр.,

– в раскопе 4 (Р-4) из слоя 9В (песок) – 2 обр.

Еще два образца датированы О.А. Куликовым. Для датирования была представлена часть материала слоя 8Е (песок) зачистки 16 (позднее вошла в раскоп 2), отобранного для палинологического анализа, т.е. образцы были взяты по упрощенной методике без пробуривания скважины и инструментальных замеров необходимых параметров (см. таблицу и рис. 3).

Даты показывают весьма существенный разброс значений, причем нередко с инверсией – нижняя дата показывает более молодой возраст, чем верхний. Однако в некоторых случаях кажущаяся инверсия таковой не является (личное сообщение А.И. Шлюкова). Так, результаты датирования образцов из раскопа 1:

09-Vol-01	Шл., ЗР-1	8, середина	130 ± 11
10-Vol-01	Шл., ЗР-1	8, низ	109 ± 9

взаимно перекрываются полуторакратной суммой погрешностей, что, по правилам, считается совпадением в пределах разрешающей способности метода, а результат следует рассматривать как среднее значение – 120 ± 9 тыс. л.н. То же самое относится и к результатам датирования слоя 8 в раскопе 3:

01-Vol-01	Шл., ЗР-3	8CD, верх	223 ± 26
02-Vol-01	Шл., ЗР-3	8Е, верх	172 ± 18

В данном случае среднее значение составляет 200 ± 16 тыс. л.н. Явно одновозрастные (в пределах разрешающей способности метода) образцы из слоистых песков раскопа 4:

11-Vol-01	Шл., Р-4	9В, южная стенка	80 ± 15
12-Vol-01	Шл., Р-4	9В, восточная стенка	144 ± 25

отобранные на расстоянии не более 3 м друг от друга, показывают результаты, отличающиеся более чем на полуторакратную сумму погрешностей. Однако в данной фракции балочного аллювия происходит недостаточное уничтожение прогенетической памяти во время осадконакопления. По правилам геохронометрии, можно дать только оценку нижней возрастной границы по образцу с меньшим результатом, т.е. возраст толщи не древнее 80 тыс. л.н.

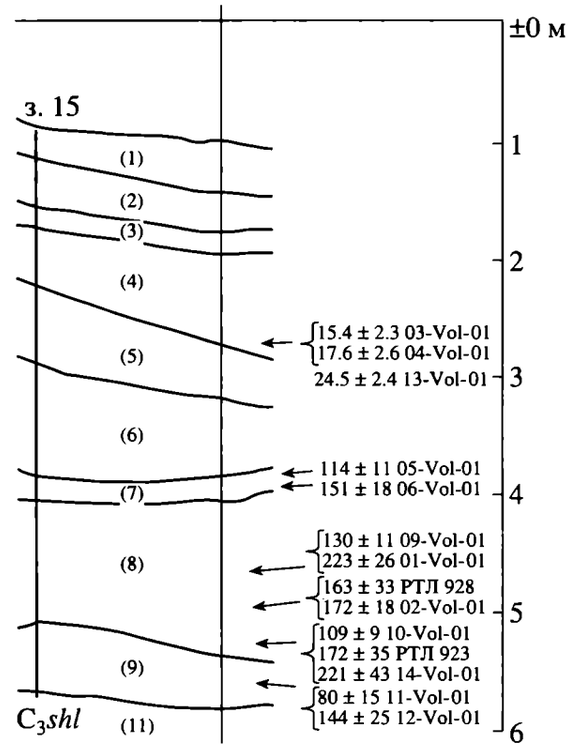


Рис. 3. Стоянка Шлях. Схема слоев, датированных термолюминесцентным методом.

Таблица

№ образца	Место взятия	Слой	Дата (тыс. л.н.)
03-Vol-01	Шл., ЗР-2	4С, низ	15.4 ± 2.3
04-Vol-01	Шл., ЗР-2	4С, низ	17.6 ± 2.6
13-Vol-01	Шл., ЗР-2	5	24.5 ± 2.4
05-Vol-01	Шл., ЗР-2	7, верх	114 ± 11
06-Vol-01	Шл., ЗР-2	7, низ	151 ± 18
09-Vol-01	Шл., ЗР-1	8, середина	130 ± 11
01-Vol-01	Шл., ЗР-3	8CD, верх	223 ± 26
10-Vol-01	Шл., ЗР-1	8, низ	109 ± 9
РТЛ 928	Шл., З-16	8Е, верх	163 ± 33
02-Vol-01	Шл., ЗР-3	8Е, верх	172 ± 18
РТЛ 923	Шл., З-16	8Е, низ	172 ± 35
14-Vol-01	Шл., ЗР-2	8Е, низ	221 ± 43
11-Vol-01	Шл., Р-4	9В, южная стенка	80 ± 15
12-Vol-01	Шл., Р-4	9В, восточная стенка	144 ± 25

Обозначения: здесь и далее Vol – образцы А.И. Шлюкова, РТЛ – образцы О.А. Куликова, Шл. – Шлях, ЗР – зачистка (у) стенки раскопа, З-16 – зачистка 16, Р-4 – раскоп 4.

Следует отметить, что образцы, отобранные одной колонкой в зачистке у раскопа 2, дали нормальную последовательность результатов:

03-Vol-01	Шл., ЗР-2	4С, низ	15.4 ± 2.3
04-Vol-01	Шл., ЗР-2	4С, низ	17.6 ± 2.6
13-Vol-01	Шл., ЗР-2	5	24.5 ± 2.4
05-Vol-01	Шл., ЗР-2	7, верх	114 ± 11
06-Vol-01	Шл., ЗР-2	7, низ	151 ± 18
14-Vol-01	Шл., ЗР-2	8Е, низ	221 ± 43

Причем нет противоречия и с результатами датирования слоя 8 раскопа 3 (в среднем 200 ± 16).

Практически совпали (с учетом доверительного интервала) результаты датирования слоя 8Е раскопа 2, выполненные в разных лабораториях, – образцы РТЛ 923, 928 взяты в 6–7-ми метрах севернее образца 14-Vol–01:

РТЛ 928	Шл., З-16	8Е, верх	163 ± 33
РТЛ 923	Шл., З-16	8Е, низ	172 ± 35
14-Vol-01	Шл., ЗР-2	8Е, низ	221 ± 43

Еще ближе значения датирования слоя 8Е, верх, хотя и отобранные из раскопов 2 и 3 на расстоянии более 40 м:

РТЛ 928	Шл., З-16	8Е, верх	163 ± 33
02-Vol-01	Шл., ЗР-3	8Е, верх	172 ± 18

Если обобщить изложенные поправки, то возраст слоев на основании термолюминесцентного датирования выглядит следующим образом:

Слой	Дата (тыс. л.н.)
4С, низ	16.5
5	24.5 ± 2.4
7, верх	114 ± 11
7, низ	151 ± 18
8	200 ± 16

Не вписываются в эту схему датировки слоя 8 раскопа 1 – 120 ± 9 и слоя 9В раскопа 4 – не древнее 80 тыс. л.н., что, по мнению А.И. Шлюкова, может свидетельствовать о неправильной корреляции слоев памятника.

Совершенно другую хронологическую картину дали в совокупности результаты геологического исследования, радиоуглеродного, палеомагнитного и палинологического анализов.

По костям из слоя 8 получены две радиоуглеродные даты (AMS): OxA-8306 – 46300 ± 3100 и OxA-8307 – 45700 ± 3000 л.н. (некалиброванные), а также радиоуглеродная дата, выполненная традиционным методом: ЛЕ 5522 – более 26000 л.н.

Палеомагнитные исследования четко зафиксировали два экскурса: в слое 4А – моно 25–30 тыс. л.н. (Кочегура, 1992. С. 20), 26–28 тыс. л.н. (Мернер и др., 2001. С. 28), а в слое 9В – каргаполово 42–44 тыс. л.н. (Кочегура, 1992. С. 20) по другим данным, в диапазоне 39–45 тыс. л.н., в среднем 42 тыс. л.н. (Мернер и др., 2001. С. 28). Причем удалось не просто зафиксировать экскурсы, но и уверенно определить "лицо" одного из экскурсов именно как каргаполово, а другого – как моно, что уже позволяет судить о возрасте соответствующих слоев безотносительно к результатам других методов. Особенно значим в данном случае экскурс каргаполово, который является одним из двух экскурсов (второй – бива-I, ≈190 тыс. л.н.), использующихся в качестве репера для привязки к хронологической шкале (Мернер и др., 2001. С. 31). Для демонстрации палеомагнитных вариаций (рис. 4) выбрано наклонение геомагнитного поля, как наиболее наглядно показывающее наличие экскурсов: "Экскурсом сейчас считается отклонение геомагнитного поля от его стабильного направления более чем 60° дуги большого круга" (Кочегура, 1992. С. 14). Таким образом, отклонение кривой за 30° в сторону меньших значений показывает наличие экскурса. Определению нижнего экскурса как каргаполово не противоречат и AMS-даты слоя 8С, поскольку то обстоятельство, что радиоуглеродные определения выполнены на пределе возможностей метода по сильно минерализованным костям, заставляет рассматривать в качестве более достоверного верхний предел обеих абсолютных дат с двумя доверительными интервалами – 40 тыс. л.н. (Нехорошев и др., 2003. С. 11–13).

Как известно, радиоуглеродные даты даются со статистической ошибкой, соответствующей 1σ (одна "сигма" – "плюс/минус"), т.е. с вероятностью 68.3%, что соответствует одному доверительному интервалу. С учетом двух доверительных интервалов (две "сигмы") вероятность увеличивается до 95.4% (Плихт, 1998. С. 80) – до минимально допустимой вероятности согласно теории вероятности. Следовательно, возраст костей слоя 8, по которым выполнено датирование, а также и самого слоя 8, определяется с минимальной вероятностью в диапазоне от 40 до 52 тыс. л.н. Иными словами, теоретически возраст слоя 8 равновероятен любой точке этого диапазона, что не противоречит и результатам палеомагнитного анализа. К сожалению, этой простой истины до сих пор не понимают некоторые археологи, считающие, что радиоугле-

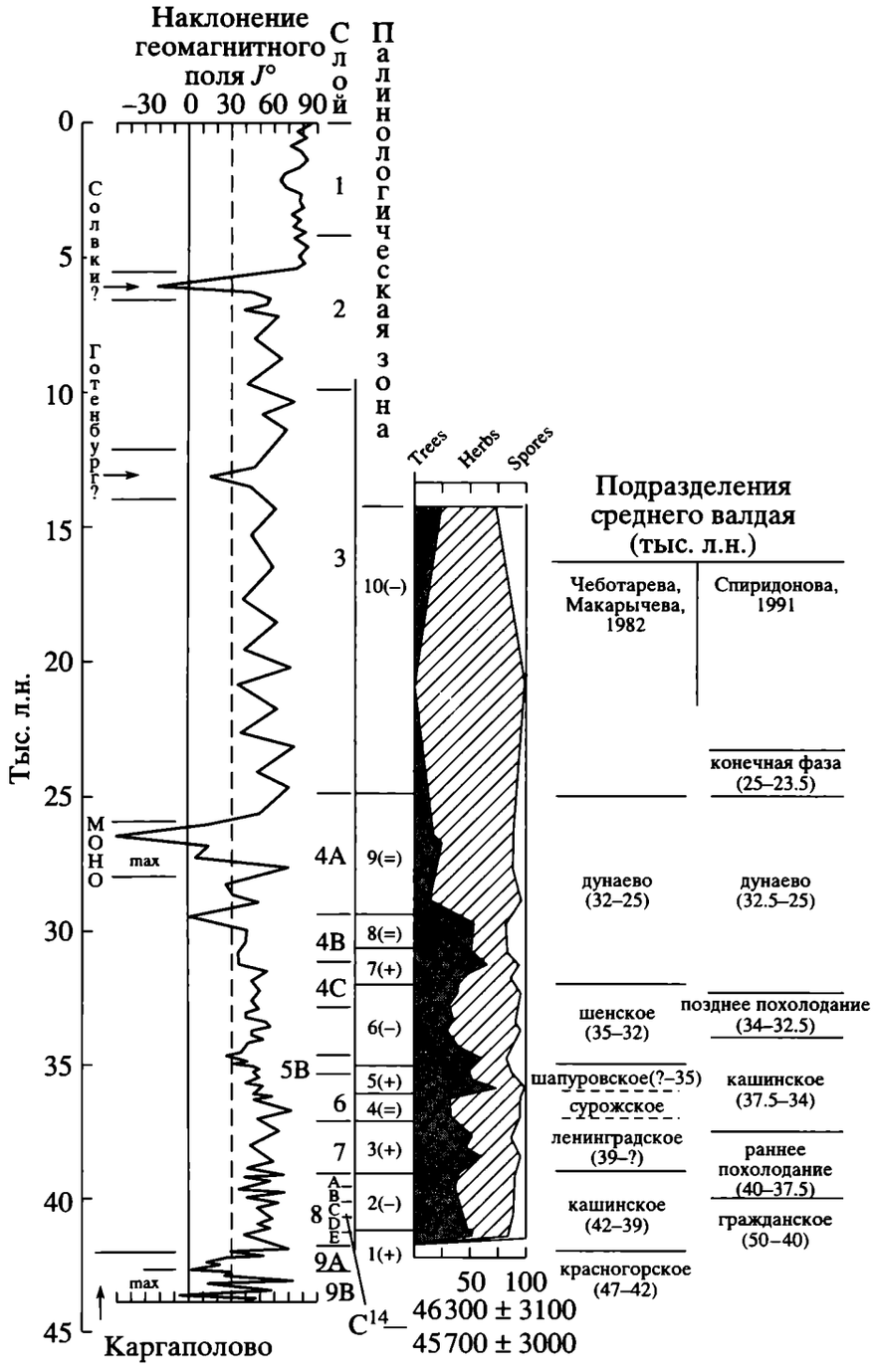


Рис. 4. Соотношение результатов геологических, радиоуглеродных, палеомагнитных и палинологических исследований стоянки Шлях с подразделениями среднего валдая. (+) – межстадиальные условия, (=) – переходные условия, (–) – стадиальные условия.

родное датирование стоянки Шлях не согласуется с выводами палеомагнитного исследования (см., например: Матюхин, 2003. С. 23).

Результатам палеомагнитного изучения образцов осадков памятника Шлях также соответствуют и данные спорово-пыльцевого анализа, которые позволили выделить 10 палинозон (рис. 4). К межстадиальным ритмам отнесены зоны 1, 3, 5, 7. Это время формирования бореальных флор с потеплением климата и увеличением влажности. Зоны стадиального ритма – зоны 2, 6, 10 – характеризовались распространением перигляциальной растительности. В основном это лесостепные ландшафты с участием березы и сосны, что указывает, в свою очередь, на интервалы похолодания климата. Здесь отмечено наибольшее количество рваной пыльцы. Остальные палинозоны имеют переходный характер (Нехорошев и др., 2003. С. 13–15).

Итоги палинологического анализа вполне соответствуют основным палеогеографическими событиями среднего валдая (рис. 4) и не противоречат возрасту слоев 8 и 9, так как погребенная поч-

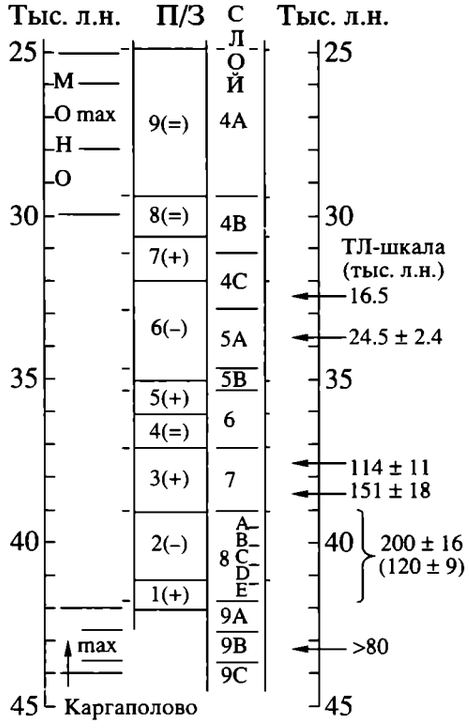


Рис. 5. Стоянка Шлях. Соотношение хронологических шкал: "комплексной" и термолюминесцентной. ПЗ – палинологическая зона.

ва (слой 7) сопоставляется с первой половиной (37–39 тыс. л.н.) кашинского (молодовского) потепления (34–39 тыс. л.н.). Поскольку слой 8 залегает ниже этой погребенной почвы и выше слоя 9 (42–44 тыс. л.н.), его возраст должен соответствовать интервалу 40–41 тыс. л.н.

Сопоставление результатов палинологического и палеомагнитного исследований, помимо определения возраста слоев 8 и 9, позволяет также уточнить представление о возрасте слоя 4С. Археологический материал этого слоя, залегающий на контакте со слоем 5, должен датироваться временем древнее 32 тыс. л.н., но моложе 34–35 тыс. л.н. (т.е. в диапазоне 32–34 тыс. л.н.), о чем говорит, во-первых, то, что он залегает стратиграфически значительно ниже уровня верхнего палеомагнитного экскурса, сопоставляемого с моно (25–30 тыс. л.н.), а во-вторых, довольно холодные (стадиальные), судя по пыльце, условия формирования нижней половины слоя 4 и верха слоя 5, которые соответствуют концу шенского – 32–35 тыс. л.н. (Чеботарева, Макарычева, 1982) или "позднего" – 32.5–34 тыс. л.н. (Спиридонова, 1991) похолодания, или первому похолоданию брянского (дунаевского) межстадиала – Спиридонова, 2002. С. 97). Суровые климатические условия в кровле слоя 5 фиксируются и геологическими исследованиями.

Также можно определить и возраст археологического материала слоя 6. Учитывая залегание находок в средней части слоя, которая согласно палинологическому анализу относится к верхней части палинозоны 4, имеющей переходный характер и сопоставляемой с сурожской фазой, последовавшей вслед за первой половиной кашинского (молодовского) потепления (37–39 тыс. л.н.), а также расположение по разрезу значительно ниже слоя 4С, отделенного конечной, шапуровской, фазой молодовского потепления (палинозона 5) и большей частью шенского похолодания (палинозона 6), абсолютный возраст должен находиться в диапазоне 35–36 тыс. л.н. (рис. 4).

Таким образом, получены две хронологические шкалы. Одна – термолюминесцентная, другая комплексная – по результатам геологических, радиоуглеродных, палеомагнитных и палинологических исследований (рис. 5).

Однако результаты термолюминесцентного датирования вряд ли могут быть приняты. Трудно представить возраст слоя 8 в раскопе 1 равным 120 ± 9 тыс. л.н. Радиоуглеродные анализы, полученные из этого слоя и выполненные в двух разных лабораториях, показали наличие радиоуглерода. Даже не обсуждая точность этих датировок, присутствие радиоуглерода указывает на то, что слой не может быть древнее 57 тыс. лет – периода практически полного распада изотопа C^{14}. Как известно, период полураспада изотопа C^{14} составляет 5730 ± 40 лет (Плихт, 1998. С. 78). За десять периодов полураспада – 57300 лет – радиоуглерода остается 0.1%, что не улавливается современными приборами[2].

Еще менее вероятной представляется датировка слоя 8 в раскопах 2 и 3 равной 200 ± 16 тыс. л.н. Во-первых, нет оснований сомневаться в правильности геологической корреляции слоев по разрезу (она достаточно очевидна и для неспециалиста в области геологии), во-вторых, археологический материал раскопа 3 соответствует материалу раскопа 1, да и по общим археологическим представлениям индустрия слоя 8 не может иметь возраст в 200 тыс. л.н. Иначе – научная сенсация, явление на уровне преориньяка, секлиньена, хумальена и т.п. Кроме того, в расположенных в непосредственной близости от этих раскопов зачистках 19 и 20 в слое 9 зафиксирован палеомагнитный экскурс, "лицо" которого определено как каргаполово (этот же экскурс обнаружен и в зачистке 15, и в раскопе 4).

Также слой 9В раскопа 4 (не древнее 80 тыс. л.н.) не может быть моложе слоя 8, поскольку является частью слоя 9, галечника, который всегда залегает под слоем 8. Другого, вышележащего, слоя галечника в отложениях памятника нет. Тонкая структура нижнего палеомагнитного экскурса, который зафиксирован именно в слое 9В, имеет "лицо" экскурса каргаполово. Даже если бы этот нижний экскурс соотносился с экскурсом блейк, хронологические рамки которого определяются в

[2] Фактический предел радиоуглеродного метода составляет 45 тыс. л.н. (Кузьмин, 2005. С. 180, 181).

100–114 тыс. л.н., результаты термолюминесцентного датирования вышележащего слоя 8 в раскопах 2 и 3, полученные в разных лабораториях (200 тыс. л.н.), все равно достаточно далеки от представлений о возрасте этого экскурса. При соотнесении же нижнего экскурса с экскурсом бива-I (≈190 тыс. л.н.) снимается противоречие с определением возраста слоя 8 в раскопах 2 и 3, но возникает противоречие с датировкой самого слоя 9В раскопа 4 (не древнее 80 тыс. л.н.) и с обликом археологического материала.

Термолюминесцентное датирование слоя 4С (16.5 тыс. л.н.) также нельзя принять, поскольку тонкая структура верхнего палеомагнитного экскурса имеет "лицо" экскурса моно, 25–30 тыс. л.н., а не готенбург, 12–14 тыс. л.н. (Кочегура, 1992. С. 20), а сам слой залегает стратиграфически значительно ниже этого экскурса.

Таким образом, несмотря на противоречивые и сомнительные данные термолюминесцентного датирования, результаты геологического, радиоуглеродного, палеомагнитного и палинологического изучения стоянки Шлях позволяют относительно уверенно установить возраст слоев памятника:

Слой	Дата (тыс. л.н.)
4С	32–34
5	34–35
6	35–36
7	37–39
8	40–41
9	42–44

Конечно, эти определения нельзя считать окончательными и твердо установленными. Они основываются на нескольких допущениях: возраст погребенной почвы – 37–39 тыс. л.н., экскурса каргаполово – 42–44 тыс. л.н., моно – 25–30 тыс. л.н., хотя есть и другие данные (Мернер и др., 2001). Тем не менее сдвиг датировок экскурсов в ту или иную сторону не изменит главного заключения: индустрии слоев 8 и 9 на сегодняшний день являются единственным среднепалеолитическим комплексом Русской равнины, который уже сейчас может быть однозначно датирован самым концом среднего палеолита, непосредственно предшествующим появлению, синхронным и даже более молодым, чем первые в регионе верхнепалеолитические памятники, такие как Костенки 14, культурный слой IVб (Синицын, 2004) и Костенки 12, культурный слой V (Аникович, 2004). Предварительные палеомагнитные исследования Костенок 12 показывают, что к.с. V залегает ниже экскурса каргаполово (Аникович и др., 2004. С. 35), что не противоречит IRSL-дате 44 150 ± 3780 л.н. (там же, С. 21). Палеомагнитные исследования Костенок 14, выполненные в двух лабораториях, зафиксировали экскурс каргаполово значительно выше уровня залегания к.с. IVб, что подтверждается рядом IRSL-датировок (но противоречит радиоуглеродным датам (Синицын и др., 2004. С. 43, 44; Синицын, 2005).

В целом, значение материалов слоев 8 и 9 определяется тем, что впервые для Русской равнины представлено развитие индустрии самого конца среднего палеолита, причем индустрии, показывающей наличие предпосылок перехода к верхнепалеолитическим методам обработки камня. Технолого-типологические черты названных комплексов пока не дают оснований прямо связывать их с какими-то конкретными памятниками ранней поры верхнего палеолита, но ясно показывают, что в конце среднего палеолита в регионе была четко выражена тенденция развития в направлении пластинчатой технологии верхнепалеолитического свойства (Вишняцкий, Нехорошев, 2002). До классической верхнепалеолитической технологии, базирующейся на торцово-клиновидном нуклеусе, носителям индустрии слоя 8 оставалось сделать один шаг – применить верхнепалеолитическую технику скола при первичной обработке камня и изготовлении орудий. Следовательно, также впервые для Русской равнины можно констатировать сосуществование на Среднем Дону средне- и верхнепалеолитических культур подобно тому, как это зафиксировано в горном Крыму, Испании и др.

В заключение следует отметить, что термолюминесцентное датирование, проведенное в двух лабораториях, независимо от методики отбора образцов показало сходные результаты по слою 8 в раскопах 2 и 3, которые, по-видимому, далеки от совершенства. Кроме того, термолюминесцентный метод представил в верхнем хронологическом диапазоне, вероятно, значительно омоложенные даты (в два раза), а в диапазоне от 40 тыс. лет, помимо разброса определений возраста в 100 тыс. лет (слой 8 – от 109 до 223 тыс. л.н.), произошло удревнение в 2–5 раз при двух-трех кратной инверсии (слой 9 не древнее 80, слой 8 до 223 тыс. л.н.). На этом фоне возникают вопросы по датировкам среднепалеолитических памятников прошлых лет, выполненным по аналогичной методике, как в России, так и за рубежом. В частности, как известно, именно на подобных датировках основываются представления о возрасте костных останков неандертальцев и раннего *homo sapiens* на ближневосточных памятниках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аникович М.В. Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы (периодизация, хронология, генезис) // Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. Воронеж, 2004.

Аникович М.В., Хоффекер Дж. Ф., Попов В.В. и др. Новые данные о многослойной стоянке Костенки 12

(Волковская) // Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. Воронеж, 2004.

Вишняцкий Л.Б., Нехорошев П.Е. Рубеж среднего и верхнего палеолита на Русской равнине (в свете результатов изучения стоянки Шлях в Волгоградской области) // Нижневолжский археол. вестн. Вып. 4. Волгоград, 2002.

Кочегура В.В. Применение палеомагнитных методов при геологической съемке шельфа. СПб., 1992.

Кузьмин Я.В. Современные направления в радиоуглеродном датировании археологических объектов (обзор трудов конференций 2002–2003 гг.) // РА. 2005. № 3.

Матюхин А.Е. Мустьерские комплексы долины Северского Донца // Археологические записки. Вып. 3. Каменный век. Ростов-н/Д., 2003.

Мернер Н.-А., Петрова Г.Н., Пилипенко О.В. и др. Появление экскурсов на фоне изменения магнитного момента Земли // Физика Земли. 2001. № 10.

Нехорошев П.Е. Технология расщепления камня мустьерской стоянки Шлях (предварительные данные) // Проблемы палеолита и мезолита Волго-Уралья. Саратов, 1992.

Нехорошев П.Е. Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита. СПб., 1999.

Нехорошев П.Е., Вишняцкий Л.Б., Гуськова Е.Г. и др. Результаты естественнонаучного изучения палеолитической стоянки Шлях // Нижневолжский археол. вестн. Вып. 6. Волгоград, 2003.

Плихт ван дер И. Калибровка радиоуглеродной временной шкалы // Археологические вести. Вып. 5. СПб., 1998.

Синицын А.А. Современный этап исследования палеолита Костенок. Хроностратиграфия и таксономия памятников ранней хроностратиграфической группы // Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. Воронеж, 2004.

Синицын А.А. Палеомагнитные экскурсы и вулканический пепел Костенок (Воронежская обл.) как реперные горизонты археологической и геологической хронологии неоплейстоцена Восточной Европы // Квартер-2005. Матер. IV Всерос. совещания по изучению четвертичного периода. Сыктывкар, 2005.

Синицын А.А., Хоффекер Дж.Ф., Синицына Г.В. и др. Костёнки 14 (Маркина гора) // Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. Воронеж, 2004.

Спиридонова Е.А. Эволюция растительного покрова бассейна Дона в верхнем плейстоцене–голоцене. М., 1991.

Спиридонова Е.А. Палинология и стратиграфия Костенок 14 в контексте палеоклиматических реконструкций Костенковско-Борщевского района // Верхний палеолит – верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур. Матер. междунар. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения Александра Николаевича Рогачева. СПб., 2002.

Чеботарева Н.С., Макарычева И.А. Геохронология природных изменений ледниковой области Восточной Европы в Валдайскую эпоху // Палеогеография Европы за последние сто тысяч лет. М., 1982.

The results of dating of the Shlyakh site

P. E. Nekhoroshev

Summary

The Shlyakh site takes a particular position among the Middle Palaeolithic sites of the Russian Plain. The excavations conducted in 1990–1991 and 1998–2001 exposed a number of cultural strata ranging from the late Middle Palaeolithic to the Mesolithic. Abundant stone inventory was found in strata 8 and 9. The analysis of the industry led to the idea that it could be dated to the final stage of the Middle Palaeolithic due to the transitional character of a flaking technology. Subsequently this supposition has been confirmed by the results of multidisciplinary scientific research including geological, radiometric, palynological and palaeomagnetic studies. The available evidence indicates that strata 8 and 9 should be dated within a rather narrow chronological interval of 40–44 kyr bp, while the age of stratum 4C (Upper Palaeolithic) is most probably around 32–34 kyr bp.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 3, с. 31–40

ГОРНЫЙ АЛТАЙ В ХУННУСКОЕ ВРЕМЯ: КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ

© 2006 г. А. А. Тишкин, В. В. Горбунов

Алтайский государственный университет, Барнаул

К настоящему времени разброс мнений исследователей по проблеме культурной принадлежности археологических комплексов Горного Алтая хуннуско-сяньбийской[1] эпохи весьма значителен. Условно их можно разделить на две группы. Первая признает существование нескольких самостоятельных культур или типов памятников: булан-кобинских, берельских, кок-пашских, айрыдашских (Елин, 1990; 1994; Худяков, 1993а; б; 1998а; б; в; 2005; Тетерин, 1995; 2001; 2004; Бобров и др., 2003). Вторая рассматривает развитие одной булан-кобинской (Мамадаков, 1990; 1994; Соенов, 1999; 2003; Тишкин, Горбунов, 2003; 2005) или кудыргинской общности (Суразаков, 1992; 2002). Неоднозначно решаются и вопросы датировки конкретных памятников в рамках рассматриваемой эпохи.

Сейчас в Горном Алтае открыто 36 погребальных комплексов хуннуско-сяньбийского времени, на которых раскопано 696 могил (учитывались только опубликованные сведения). Материалы ряда крупных объектов введены в научный оборот лишь частично, но они позволяют создать общую схему культурно-хронологического развития региона на протяжении II в. до н.э. – V в. н.э. Нами проделана работа по систематизации всех данных, введенных в научный оборот. Сравнительный анализ признаков погребального обряда демонстрирует их единую основу. Это свидетельствует о существовании одной археологической культуры, наиболее удачное название для которой – "булан-кобинская". Различия между отдельными памятниками по типам погребальных сооружений и способам захоронений не имеют массового характера и, вероятнее всего, отражают участие нескольких этнокультурных компонентов в процессе формирования и длительного существования общности.

Типологический анализ инвентаря из раскопанных погребений позволяет выделить три хронологические группы памятников, каждой из которых соответствует определенный предметный комплекс. Эти группы могут быть соотнесены с тремя последовательными этапами в развитии булан-кобинской культуры: 1) Усть-Эдиганский этап (II в. до н.э. – I в. н.э.); 2) Бело-Бомский этап (II – первая половина IV в. н.э.); 3) Верх-Уймонский этап (вторая половина IV – первая половина V в. н.э.).

В настоящей статье представим характеристику раннего (усть-эдиганского) этапа. К нему относятся могильники Усть-Эдиган, Сары-Бел, Чендек (восточная группа), Яломан-II (западная группа), Пазырык (курганы № 23, 24, 42), которые расположены в северной, центральной и восточной частях Горного Алтая. Среди надмогильных сооружений преобладают небольшие каменно-земляные насыпи округлой, реже подпрямоугольной формы с обозначенной крепидой из более крупных камней. На могильном поле курганы образуют подобие тесных параллельных цепочек. Под насыпями находятся грунтовые могильные ямы, в большинстве которых сооружены каменные ящики из массивных плит; реже встречаются деревянные или комбинированные (каменно-деревянные) внутримогильные конструкции. Способы погребений представлены одиночной ингумацией в сопровождении верхового коня и без него, кенотафами (с конем и без животных), а также захоронениями одной лошади. Умершие люди располагались либо на боку с согнутыми ногами, либо вытянуто на спине. Выделяется два направления ориентации погребенных и сопровождавших коней: в западный и восточный сектора (с преобладанием последнего). Лошади располагались на боку на перекрытии ящика, со смещением "в ноги человека". Гораздо реже они лежали параллельно умершему за длинной стенкой внутримогильной конструкции. Инвентарь из памятников усть-эдиганского этапа весьма разнообразен.

Вооружение представлено оружием дальнего и ближнего боя, а также воинским доспехом. Остат-

[1] Традиционно период II в. до н.э. – V в. н.э. в научной литературе обозначается гунно-сарматской эпохой, однако для восточной части евразийских степей такое название не отражает реальной историко-культурной ситуации. В это время в Центральной Азии и на сопредельных территориях господствовали сначала хунну, а затем сяньби, влияние которых было определяющим для древнего населения Южной Сибири. Одним из авторов статьи предложено такое расширенное наименование, как хуннуско-сяньбийско-жужанское время (Тишкин, 2004. С. 296).

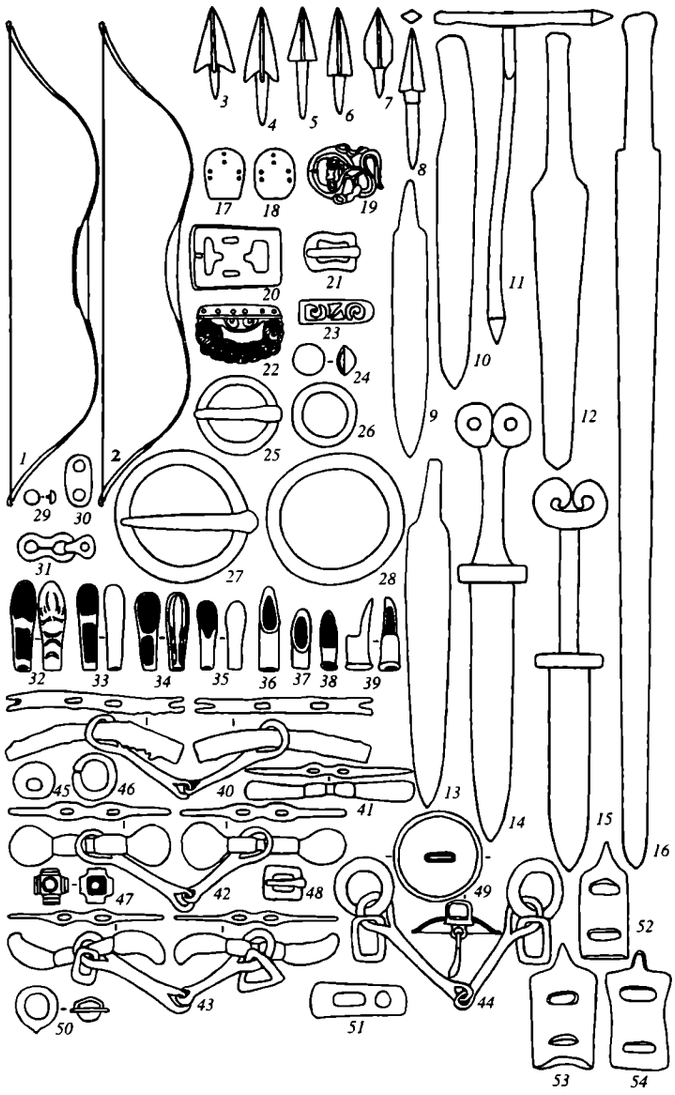


Рис. 1. Вооружение (*1–18*), снаряжение человека (*19–39*) и верхового коня (*40–54*). Памятники: Усть-Эдиган – *5–10, 12, 13, 16, 20, 25, 26, 36, 53, 54*; Сары-Бел – *4, 15, 37, 50*; Чендек – *1, 38*; Пазырык – *39*; Яломан-II – *2, 3, 11, 14, 17–19, 21–24, 27–35, 40–49, 51, 52*. Материал: *1, 2* – рог, дерево; *3–10, 12–18, 21, 27–31, 35, 41–44, 46, 48* – железо; *11* – дерево; *19, 20, 22–24, 26, 32–34, 45, 47, 49, 50* – цветной металл; *25* – цветной металл, железо; *36–39, 51–54* – рог; *40* – железо, рог. Масштаб: *1, 2* – 1 : 12; *3–15, 17–39, 45–54* – 1 : 3; *16, 40–44* – 1 : 4.

ки сложносоставных луков встречены во всех памятниках усть-эдиганского этапа. Обычно сохраняются только комплекты роговых накладок. Судя по ним, луки относятся к двум типам. Один состоит из семи накладок: две пары концевых боковых, две срединные боковые и срединная тыльная (рис. 1, *1*). Другой включает шесть накладок: две пары концевых боковых и две срединные боковые (рис. 1, *2*). Такие луки впервые появились у хунну в III в. до н.э. и в дальнейшем широко использовались многими народами Евразии (Худяков, 1993б. С. 121, 122). Оформление ранних булан-кобинских накладок точно соответствует хуннуским экземплярам (Коновалов, 1976. Табл. III–V; Цэвэндорж, 1985. С. 79; Худяков, Цэвэндорж, 1990. Рис. 1–4; Давыдова, 1996. Табл. 12, *3, 4*; 52, *4, 5*; 84, *10, 11*; Миняев, 1998. Табл. 57, *1*; 63, *1*). Это позволяет датировать найденные комплекты временем наибольшего распространения собственно хуннуских луков III/II в. до н.э. – I в. н.э., хотя применение луков "хуннуского типа" продолжалось до V в. н.э. включительно.

Боевые наконечники стрел, изготовленные из железа, происходят из могильников Усть-Эдиган, Сары-Бел, Яломан-II. Все они имеют черешковый насад. Выделяются трехлопастные изделия трех типов: треугольные (рис. 1, *5, 6*), треугольные шипастые (рис. 1, *3, 4*), шестиугольные (рис. 1, *7*), а также бронебойный наконечник с четырехгранным ромбовидным пером треугольной формы (рис. 1, *8*). Железные трехлопастные наконечники широко применялись многими кочевыми и оседлыми народами Евразии с рубежа IV и III вв. до н.э. (Хазанов, 1971. С. 36, 37). Территориально булан-кобинским экземплярам наиболее близки наконечники каменской культуры Лесостепного Алтая III–II вв. до н.э. (Могильников, 1996. Рис. 46, *1, 2*) и тесинского этапа тагарской культуры Минусинской котловины II–I вв. до н.э. (Худяков, 1986. Рис. 16, *1, 2*). Особое внимание обращают на себя треугольные наконечники с шипами, идентичные хуннуским экземплярам II в. до н.э. – I в. н.э. (Коновалов, 1976. Табл. I, *8, 9*; Миняев, 1998. Табл. 30, *1, 5*). Позже I в. н.э. такие наконечники в центрально-азиатском регионе практически не встречаются. Стрелы с шестиугольным пером известны у хунну во II в. до н.э. – I в. н.э., а также у сарматов в I в. до н.э. – I в. н.э. (Худяков, 1986. Рис. 5, *1*; Хазанов, 1971. Табл. XIX, *32*). Экземпляры, наиболее близкие бронебойному наконечнику, имеются среди хуннуских изделий (Худяков, 1986. Рис. 6, *1, 22*).

Фрагмент двухлезвийного меча (рис. 1, *16*) обнаружен на могильнике Усть-Эдиган. Подобные изделия можно найти среди сарматского и среднеазиатского вооружения I–V вв. н.э. (Хазанов, 1971. С. 17–21. Табл. XII, *1, 3*; Кожомбердиев, Худяков, 1987. Рис. 7, *1*; Левина, 1996. Рис. 85, *1*). Для Центральной Азии не исключается их появление со II в. до н.э. и даже раньше (Кожомбердиев, Худяков, 1987. С. 89), что, возможно, подтверждается находкой фрагмента двухлезвийного клинка и рукояти на Дырестуйском могильнике (Миняев, 1998. Табл. 30, *13, 14*).

Кинжалы, зафиксированные на памятниках Усть-Эдиган, Сары-Бел и Яломан-II, имеют клинок линзовидного сечения и могут быть разделены на два основных типа. Первый включает экземпляры с прямым брусковидным перекрестием и волютообразным навершием (рис. 1, *14, 15*). Эти изделия генетически восходят к оружию скифского времени. Наиболее точные аналогии им есть в

бактрийских (юэчжийско-кушанских) комплексах III в. до н.э – I/II в. н.э. и среди оружия саргатской культуры II–IV вв. н.э. (Погодин, 1998. Рис. 2, *2*; Литвинский, 2001. С. 244–248. Табл. 58, *1–3*; 61, *12, 13*). Второй тип представляют кинжалы без перекрестия и навершия (рис. 1, *9, 10, 12, 13*). На западе они известны у сарматов с I в. до н.э. – I в. н.э., а на востоке – у хунну во II в. до н.э. – I в. н.э. (Хазанов, 1971. Табл. X, *1–3*; XI, *4*; Давыдова, 1996. Табл. 9, *5*).

Деревянная модель чекана найдена на могильнике Яломан-II. По своим признакам она копирует боевые изделия скифского времени. На Алтае самые поздние реальные образцы данного вида оружия встречены в памятниках III–II вв. до н.э. (Могильников, 1997. С. 51. Рис. 42; Кочеев, 1999. С. 75. Рис. 4).

Железные панцирные пластины, обнаруженные на комплексе Яломан-II, относятся к доспеху ламеллярной структуры, имеют укороченные пропорции, овальнопрямоугольную форму и шесть сквозных отверстий для крепления (рис. 1, *17, 18*). Идентичные изделия происходят из хуннуских памятников конца III в до. н.э. – I в. н.э., а также известны у племен Приамурья и сяньби во II–III вв. н.э. (Давыдова, 1995. Табл. 95, *10, 19*; 104, *1, 2*; Рец. Юй Су-Хуа, 1999. Рис. 3, *3*; Деревянко, 1987. Табл. VII, *2, 3, 8*; VIII, *1–3*; Горбунов, 2003. С. 42, 43; 2005. Рис. 1, *1*). Две панцирные пластины из Яломана-II имели с внутренней стороны бронзовую подкладку. Анализ этого металла показал его неместное происхождение (Тишкин, Хаврин, 2004. С. 305), что, возможно, указывает на импортный характер первых булан-кобинских панцирей.

Снаряжение человека включает различную гарнитуру, которую можно разделить на основные и стрелковые пояса и портупейные ремни. Пряжки весьма разнообразны. Интересны медные ажурные изделия с изображением ящерицы, имеющие шпенек для закрепления ремня (рис. 1, *19*). По общей форме, зооморфному стилю и крепежным деталям они близки хуннуским изделиям из Забайкалья II в. до н.э. – I в. н.э. (Давыдова, 1995. Табл. 14, *9*; 125, *13*; 1996. Табл. 15, *13*; 33, *9*; Миняев, 1998. Табл. 67, *7*; 81, *8*; 103, *1, 2*; 118, *1*). Отметим еще прорезную прямоугольную пряжку со шпеньком (рис. 1, *20*), также подобную хуннуским образцам (Миняев, 1998. Табл. 80, *8, 9*). Наиболее многочисленны рамчатые пряжки с подвижным язычком. Среди них есть экземпляры прямоугольной формы, а некоторые имеют вогнутые боковые стороны рамки (рис. 1, *21*). Пряжки округлой формы, как правило, отличаются более крупными размерами (рис. 1, *25, 27*). У одной из них есть перекладина для крепления язычка (Тетерин, 1995. Рис. 5). Аналогии ей известны только в хуннуских материалах (Коновалов, 1976. Табл. XII, *26*; Миняев, 1998. Табл. 12, *18*; 53, *2*). Еще имеются изделия с округло-прямоугольными рамками (Тетерин, 1995. Рис. 6). Они также характерны для культуры хунну (Коновалов, 1976. Табл. XI, *15*). Оригинальны пряжки, состоящие из восьмерковидной рамки с сомкнутой серединой и подвижного щитка-зажима (рис. 1, *31*). Близкие экземпляры, но без щитка можно найти среди хуннуской поясной гарнитуры (Миняев, 1998. Табл. 50, *3*). В целом ранние булан-кобинские поясные пряжки существенно отличаются от таких предметов скифской эпохи и имеют надежную нижнюю границу по рубежу III/II в. до н.э.

Наконечники ремней делались из меди и железа. Они имеют овальнопрямоугольную форму, ажурные прорези по всей поверхности (рис. 1, *23*) или одно отверстие для закрепления неподвижного конца ремня (Тетерин, 1995. Рис. 7). Данные изделия похожи на хуннуские образцы из памятников Забайкалья (Коновалов, 1976. Табл. XIV, *1–14*).

Круглые кольчатые распределители ремней (рис. 1, *26, 28*) по два или три экземпляра, как правило, встречаются в составе второго или стрелкового пояса. Обычно они составляют комплект с круглыми пряжками с подвижным язычком, что находит полные соответствия в поясных наборах из хуннуских памятников Монголии и Забайкалья II в. до н.э. – I в. н.э. (Цэвэндорж, 1985. Рис. 18, *8–11*; Давыдова, 1996. Табл. 11, *21, 23, 26, 30*; 12, *22, 23*; 23, *6–8*; 42, *5, 7, 8*; 52, *7–10*; Миняев, 1998. Табл. 7, *24, 25, 30*; 93, *5, 6, 10*). Такие распределители достигают и весьма крупных размеров.

Ложечковидные застежки зафиксированы во многих мужских погребениях. Бронзовые экземпляры часто украшены орнаментом и снабжены двумя перемычками с внутренней стороны (рис. 1, *32–34*). Изделия из железа и кости (рис. 1, *35–39*) более простые. Данные предметы в большом числе присутствуют в хуннуских памятниках II в. до н.э. – I в. н.э. и четко маркируют этот хронологический период (Давыдова, 1995. Табл. 185, *36–38*; 187, *16, 17*; 1996. Табл. 71, *28*; 72, *1, 2*; Миняев, 1998. Рис. 18, *31–34*).

Среди поясной гарнитуры обнаружены различные бляхи. Медные позолоченные бляхи-накладки на нижний край пояса из памятника Яломан-II сделаны в ажурном стиле с изображением двух кошачьих хищников (рис. 1, *22*). Идентичный предмет найден в погребении № 138 Иволгинского могильника (Давыдова, 1996. Табл. 39, *2*). Медная выпуклая бляха круглой формы с выступающей скобой для крепления (рис. 1, *24*) относится к так называемым пуговицам. Аналогии ей известны среди хуннуских памятников Монголии и Забайкалья (Цэвэндорж, 1985. Рис. 3, *8*; Давыдова, 1996. Табл. 8, *1*; 11, *7–9*; 12, *14*; 51, *3*; Миняев, 1998. Табл. 93, *2*). Железные бляхи-накладки представлены маленькими округлыми экземплярами (рис. 1, *29*) и более крупными овальными (рис. 1, *30*). Подобные предметы также встречаются в мате-

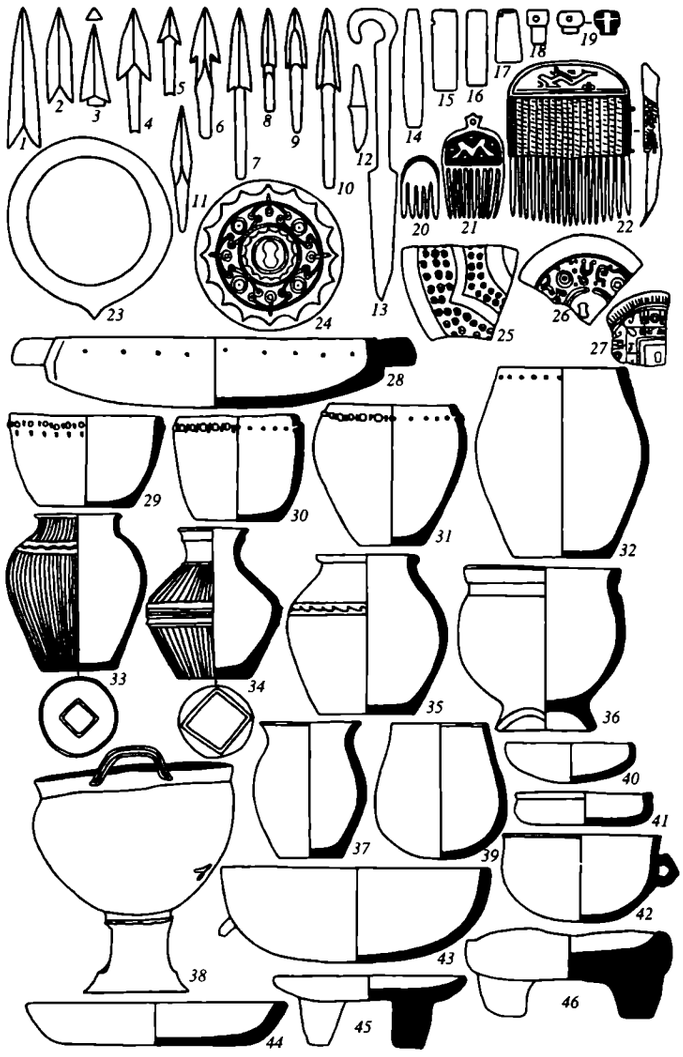


Рис. 2. Орудия труда и предметы быта. Памятники: Усть-Эдиган – *1, 3–6, 11, 17, 21, 23, 26, 29, 31, 32, 35, 36, 42, 43*; Сары-Бел – *19*; Чендек – *8, 27*; Яломан-II – *2, 7, 9, 10, 12–16, 18, 20, 22, 24, 25, 28, 30, 33, 34, 37–41, 44–46*. Материал: *1–11, 14–19, 21* – рог; *12, 13* – железо; *20, 22, 28, 39–45* – дерево; *23–27, 38* – цветной металл; *29–37* – керамика; *46* – камень. Масштаб: *1–27* – 1 : 3; *28–46* – 1 : 4.

риальной культуре хунну (Коновалов, 1976. Табл. XII, *11, 18*; XIV, *15, 16*).

Снаряжение верхового коня демонстрируют уздечные и седельные наборы. Найденные железные удила имеют кольчатые окончания звеньев с округлым или квадратным сечением грызла (рис. 1, *40, 42–44*). Они снабжались псалиями, а иногда и обоймами для повода (рис. 1, *43, 44*). Псалии – роговые и железные, стержневидные двудырчатые (рис. 1, *40–43*) и кольчатые (рис. 1, *44*). Все эти предметы встречаются в хуннуских памятниках II в. до н.э. – I в. н.э. (Коновалов, 1976. Табл. VI). Среди них наиболее показательны железные стержневидные двухдырчатые псалии с уплощенными окончаниями. Они имеют S-видную (рис. 1, *43*) и весловидную форму с трапециевидными и округлыми расширениями (рис. 1, *41, 42*). Такими экземплярами снабжены хуннуские погребения Монголии и Забайкалья, есть они и на Иволгинском городище (Цэвэндорж, 1985. Рис. 18, *2, 3*; Давыдова, 1995. Табл. 14, *30*; Миняев, 1998. Табл. 30, *9–12*; 63, *16, 17*; 95, *10–12*).

Железные уздечные пряжки имеют прямоугольную рамку и подвижный язычок (рис. 1, *48*). Они вполне соответствуют аналогичным поясным, но несколько меньше по размерам. Распределители ремней представлены двумя видами. Медные изделия крестовидной формы (рис. 1, *47*) близки аналогичному предмету из Дырестуйского могильника (Миняев, 1998. Табл. 1, *2*). Железные распределители из сомкнутых колец (рис. 1, *46*) также соответствуют хуннуской уздечной гарнитуре (Коновалов, 1976. Табл. X, *15*; Миняев, 1998. Рис. 15, *8*).

Зафиксированы различные уздечные украшения: сегментовидная плоская бляха-подвеска с отверстием (рис. 1, *45*), сердцевидные бляхи-пронизки с умбоном и выступающей скобой (рис. 1, *50*) и круглые бляхи, крепившиеся к ремням узды при помощи вставных скоб с подвешенным к ним язычком (рис. 1, *49*). Последние по своей функции напоминают звенящие бляхи с колокольчиками из Дырестуйского могильника, а по форме и пропорциям – бляхи с умбонами из того же памятника (Коновалов, 1976. Табл. VII, *4–9*; Миняев, 1998. Табл. 45, *1–4*).

В целом раннебулан-кобинские уздечные наборы сильно отличаются от пазырыкских и полностью соответствуют хуннуской амуниции верхового коня.

Седельная гарнитура усть-эдиганского этапа продолжает линию развития предыдущей традиции. На это указывают подпружные пряжки общей прямоугольной формы, которые имеют двутавровые прорези и выступающие треугольные носики (рис. 1, *52–54*). Подобные изделия есть в памятниках Горного Алтая V–III вв. до н.э. (Кубарев, 1991. Табл. LII, *3*; 1992. Табл. X, *2*). Следует отметить, что пряжки с выступающим носиком известны и в хуннуских комплексах II в. до н.э. – I в. н.э., но они несколько отличны по форме и характеру прорезей под ремни (Давыдова, 1995. Табл. 182, *4, 5, 9*). Пряжка-блок (рис. 1, *51*) также имеет пазырыкские прототипы (Кубарев, 1992. Табл. IV, *2*; Кирюшин, Степанова, 2004. Рис. 82, *4*).

Орудия труда и предметы быта представлены различными категориями инвентаря. Костяные и роговые наконечники стрел, предназначенные для охоты, достаточно разнообразны. По характеру насада они делятся на втульчатые (рис. 2, *1–3*) и черешковые (рис. 2, *4–11*). Перо втульчатых изделий имеет четырехгранное (ромбовидное), реже трехгранное сечение. Его абрис может быть треугольной или пятиугольной формы с вырезным треугольным основанием, образующим ши-

пы (рис. 2, *1, 2*), а также с немного выступающей втулкой (рис. 2, *3*). Похожие наконечники известны в памятниках пазырыкской и каменской культур V–III вв. до н.э. и у хунну во II в. до н.э. – I в. н.э. (Давыдова, 1995. Табл. 180, *13, 14*; Могильников, 1997. Рис. 46, *22*; Шульга, 2003. Рис. 48, *29*; Кирюшин, Степанова, 2004. Рис. 74, *1–4, 6*). Все черешковые наконечники стрел имеют ромбовидное сечение пера, иногда выраженное только к острию. Среди них преобладают экземпляры треугольной (рис. 2, *5–7*), пятиугольной (рис. 1, *4*) и килевидной (рис. 2, *8–10*) формы с выделенными шипами. Более редки наконечники с вытянуторомбическим пером (рис. 2, *11*). Стрелы этой группы существенно отличаются от пазырыкских и маркируют в раннебулан-кобинских памятниках начальный период своего развития, возможно, отражая связи с лесостепным населением Западной Сибири (Могильников, 1997. С. 56).

Железные ножи подразделяются на два типа. Первый представлен небольшим изделием с немного выпуклым обухом и вогнутым лезвием, которое при переходе в черешок образует уступ (рис. 2, *12*). Второй характеризуется клинком с выделенным острием, наклонными плечиками, длинным черешком, раскованным в крюковое навершие (рис. 2, *13*). Оба типа имеют аналогии в памятниках хунну Забайкалья (Давыдова, 1996. Табл. 18; Миняев, 1998. Табл. 71).

Костяные и роговые трубочки (рис. 2, *14–17*) встречены в мужских погребениях. В литературе их обычно называют игольниками. Однако иглы в таких изделиях, насколько нам известно, не обнаружены. В силу этого не исключено иное назначение данных предметов. Аналогичные трубочки широко представлены в хуннуских захоронениях Центральной Азии II в. до н.э. – I в. н.э. (Давыдова, 1995. Табл. 181, *22, 23*; 1996. Табл. 71, *15–18*), а в Южной Сибири бытуют до V в. н.э. включительно.

Навершия стеков (рис. 2, *18, 19*) определены по конструктивному сходству с тюркскими изделиями. Но булан-кобинские экземпляры меньших размеров, и их атрибуция пока условна.

Гребни изготовлены из дерева и рога. Выделяются цельные (рис. 2, *20, 21*) и составные (рис. 2, *23*) изделия. Два гребня имеют оригинальный декор. Отмечается преемственность этих предметов туалета с гребнями пазырыкской культуры (Соенов, 1998. С. 166), но она не слишком выразительна.

Зеркала найдены на памятниках Усть-Эдиган, Чендек, Яломан-II. Первая группа включает круглые зеркала с выступом-шипом и односторонним уплощенным бортиком (рис. 2, *23*). Аналогичные изделия есть в материалах сарматской, саргатской и джетыасарской культур (Левина, 1996. Рис. 155; Худяков, 1998б. С. 137). Вторая группа представлена круглыми зеркалами с шишечкой-петлей в центре диска. Их тыльная сторона рельефна и покрыта многокомпонентным орнаментальным полем (рис. 2, *24–27*). Они определяются как ханьские или местные подражания китайским образцам. Анализ металла зеркал с могильника Яломан-II показал, что четыре экземпляра (все фрагменты) являются китайским импортом, а одно целое зеркало – местной копией (Тишкин, Хаврин, 2004. С. 305). Появление таких вещей в булан-кобинских памятниках четко отбивает их нижнюю границу рубежом III/II в. до н.э.

Посуда усть-эдиганского этапа представлена керамическими, медным и деревянными изделиями. Керамические сосуды по форме делятся на горшки (рис. 2, *31, 32, 37*), банки (рис. 2, *29, 30*), вазы (рис. 2, *33–35*) и кубки (рис. 2, *36*). Горшки с выделенной горловиной вроде бы имеют прототипы в позднепазырыкских памятниках, но большая часть сосудов находит аналогии в посуде раннего железного века северных предгорий Алтая (Худяков, 1998в. С. 206, 207; Тишкин, 2005). Вазы, напротив, по технологии, форме и орнаменту повторяют классические хуннуские сосуды. На их днищах имеются отпечатки в виде квадратов. Подобные изображения, но с дополнительными деталями имеются на некоторых сосудах с Иволгинского городища (Давыдова, 1996. Табл. 179, *1–4, 9*). Кубки могли быть заимствованы у носителей кокэльской или таштыкской культур (Худяков, 1998в. С. 207). На могильнике Усть-Эдиган также найдены бочонок и бомбовидный сосуд (Худяков, 1998в. Рис. 1, *6*; 3, *7*). Происхождение первого связывается с таштыкской культурой (Худяков, 1998в. С. 208). Медный котел снабжен П-образными ручками и поддоном с треугольными прорезями (рис. 2, *38*). Очень близкие изделия обнаружены в Иволгинском и Дырестуйском могильниках (Давыдова, 1996. Табл. 35, *4*; Миняев, 1998. Табл. 21, *6*). Деревянная посуда представлена различными кружками (рис. 2, *39*), мисками (рис. 2, *40, 41*), чашками с ручками (рис. 2, *42, 43*) и блюдами (рис. 2, *44, 45*). Такие изделия встречаются достаточно широко. Есть они среди материалов пазырыкской культуры и среди находок в тюркских памятниках (Овчинникова, 1990. Рис. 31; Кубарев, 1992. Рис. 16).

Каменный столик-алтарик прямоугольной формы на четырех ножках найден на могильнике Яломан-II (рис. 2, *46*). Такие предметы не характерны для Горного Алтая, но довольно часто встречаются в материалах каменской культуры Лесостепного Алтая второй половины VI–II вв. до н.э. (Могильников, 1997. С. 88–91).

Украшения костюма состоят из изделий, крепившихся непосредственно к одежде или надевавшихся на самого человека. Золотые и бронзовые диадемы обнаружены на памятниках Усть-Эдиган и Яломан-II. Они сделаны из толстой фольги, имеющей прямоугольную и квадратную форму с загнутыми краями и отверстиями для пришивания к

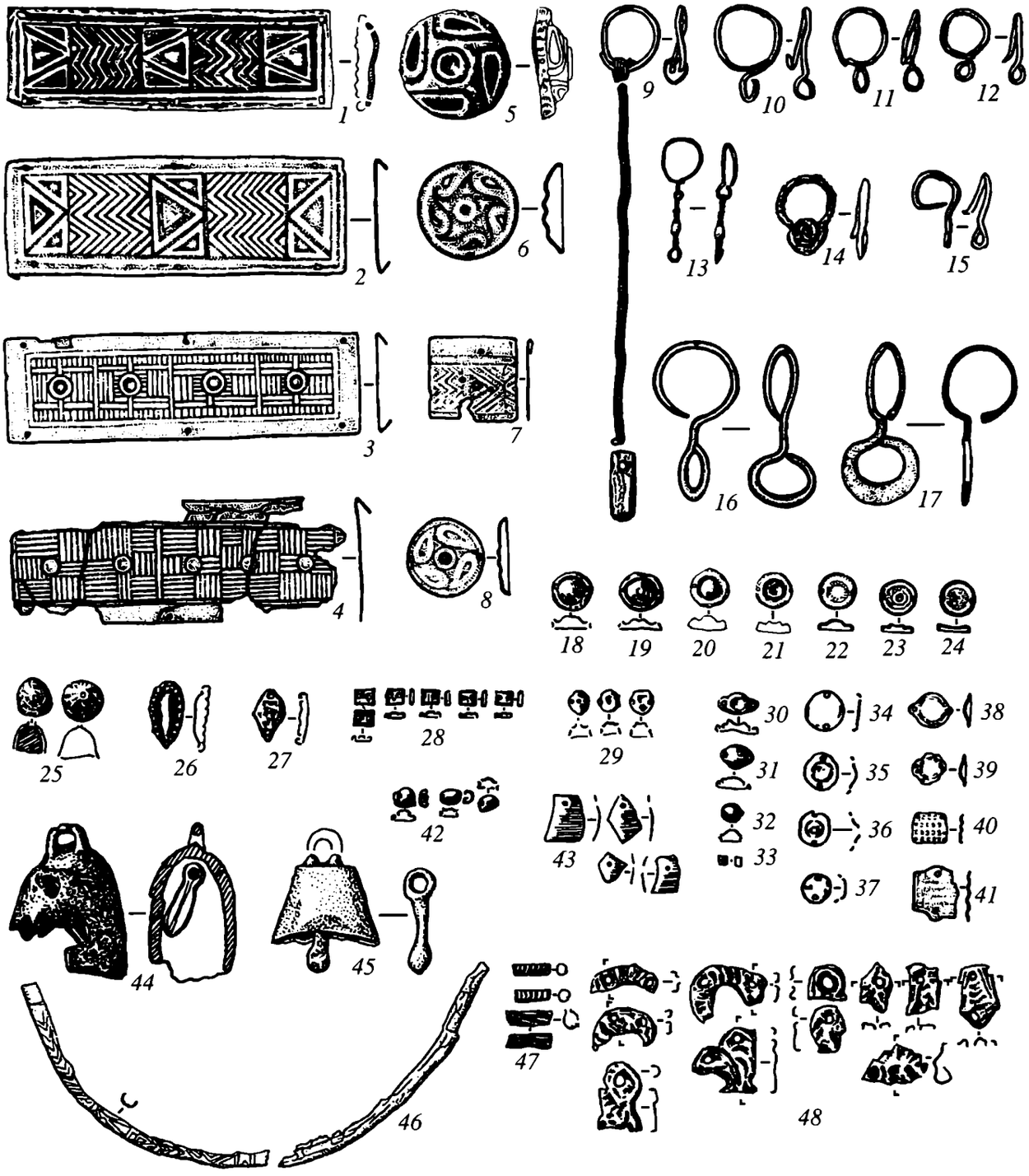


Рис. 3. Украшения костюма. Памятники: Усть-Эдиган – *2–4, 6–8, 16, 17, 22–24, 38–41, 46*; Чендек – *34–37*; Яломан-II – *1, 5, 9–15, 18–21, 25–33, 42–45, 47, 48*. Материал: *1–8, 10–12, 14–48* – цветной металл; *9, 13* – золото и камень. Масштаб: *1–45, 47, 48* – 1 : 2; *46* – 1 : 3.

основе. Поверхность диадем украшена тисненым геометрическим орнаментом (рис. 3, *1–4, 7*). Эти изделия представляют собой оригинальный элемент булан-кобинского костюма, не находящий пока аналогий (Борисенко, Худяков, 2004. С. 70).

В комплекте с диадемами встречены и бляхи-фалары, сделанные из таких же материалов и по сходной технологии. Они округлой формы с поверхностью, украшенной тисненым "вихревым" орнаментом (рис. 3, *5, 6, 8*). Удалось найти точную аналогию этим предметам из хуннуского Дырестуйского могильника, где такой фалар был прикреплен к центральной части ожерелья из бус (Миняев, 1998. Табл. 9, *2*). Отдаленно булан-кобинские бляхи-фалары напоминают некоторые украшения джетыасарской культуры (Левина, 1996. Рис. 119).

Многочисленные бляхи-нашивки из золота, меди и бронзы применялись для украшения головных уборов и обшлагов верхней одежды. Они найдены

на всех памятниках усть-эдиганского этапа. Встречаются следующие типы изделий: полусферические округлой формы (рис. 3, *29, 32, 34, 37, 42*) и такие же с кольцевым бортиком (рис. 3, *18–24, 35, 36, 39*), у некоторых из них выделены "ушки" под отверстия (рис. 3, *30, 31, 38*); выпуклые каплевидные с зернистым бортиком (рис. 3, *26*); ромбовидные гладкие (рис. 3, *27*); подквадратные гладкие (рис. 3, *28*) и тисненые (рис. 3, *40, 41*); неправильно геометрические гладкие (рис. 3, *43*); сложнофигурные тисненые (рис. 3, *48*). Точные аналогии полусферическим бляхам с кольцевым бортиком имеются на раннекушанском могильнике Тилля-тепе (Сарианиди, 1987. Рис. 2). Аналогии простым полусферическим бляхам есть в материалах джетыасарской культуры, там же встречаются подобные каплевидные бляхи с зернистым бортиком (Левина, 1996. Рис. 106, 110, 119). Остальные бляхи-нашивки находят самые обширные параллели. Сложнофигурные изделия в какой-то мере напоминают пазырыкские, но отличаются от них более толстой фольгой.

Золотые, серебряные и бронзовые серьги встречены на могильниках Усть-Эдиган и Яломан-II. По особенностям конструкции они делятся на несколько типов: кольчатая серьга с заведенными концами, на одном из которых гроздь зерни, со спиралевидной обоймой, цепочкой и каменной подвеской (рис. 3, *9*); восьмерковидная серьга из двух крюков, в малый из которых вставлена витая двухпетельчатая подвеска с камнем посередине (рис. 3, *13*); восьмерковидные серьги из двух неравных крюков (рис. 3, *10, 12, 15*), у одного экземпляра малый крюк припаян к большому (рис. 3, *11*); большие восьмерковидные серьги из двух крюков, нижний из которых иногда расплющен (рис. 3, *16, 17*); кольчатая серьга с одним плоским спиралевидным окончанием (рис. 3, *14*). Серьги трех первых типов напоминают изделия скифской эпохи (Могильников, 1997. Рис. 55а, *1, 2, 22*; Кирюшин, Степанова, 2004. Рис. 42, *1–11*). Большие восьмерковидные серьги известны в материалах Минусинской котловины рубежа эр и саргатской культуры (Трифанова, 2004. С. 95). Кольчатые серьги со спиралевидным окончанием имеют ранние прототипы в каменских памятниках V–III вв. до н.э. (Могильников, 1997. Рис. 55а, *24*). Их дальнейшим развитием становятся изделия с петлевидным крюком (Трифанова, 2004. Табл. I, *1, 14–16*).

Медные колокольчики, судя по их положению в могилах Яломана-II, использовались в качестве подвесок к поясу. Один из них имеет арочный абрис, другой – трапециевидный (рис. 3, *44, 45*). Точно такие изделия представлены среди хуннуских материалов Забайкалья (Коновалов, 1976. Табл. VII; Миняев, 1998. Табл. 5, *4*; 67, *4*; 101, *2*).

Гривны найдены на памятнике Усть-Эдиган. Они являются комбинированными, состоят из бронзовой или деревянной основы и золотой или серебряной обкладки (рис. 3, *46*). Эти изделия восходят к гривнам скифской эпохи, а в хуннуское время заканчивают свое существование, не встречаясь позже I в. н.э. (Тетерин, 2001. С. 109).

Оценивая в целом типовой набор инвентаря усть-эдиганского этапа, необходимо отметить сочетание в нем нескольких основных культурно-хронологических групп вещей. Первая отражает окончание предшествующих материальных традиций скифского времени. На Алтае они связаны в основном с наследием пазырыкской и каменской культур. Сюда относятся боевые шипастые наконечники стрел, модель чекана, подпружные пряжки и блоки, охотничьи втульчатые наконечники стрел, часть сосудов, столик-алтарик, сложнофигурные бляхи-нашивки, серьги и гривны. Все эти типы вещей, за редким исключением, исчезли из обихода в течение II в. до н.э. – I в. н.э., маркируя верхнюю хронологическую границу усть-эдиганского этапа.

Вторая группа предметов, самая многочисленная, целиком базируется на материальной культуре хунну. Она включает сложносоставные луки, бронебойный наконечник стрелы, кинжалы без перекрестия и навершия, панцирные пластины, поясные и уздечные наборы, бытовые ножи, трубочки, керамические вазы, котел и колокольчики. Большая часть этих изделий появляется и начинает свое развитие на рубеже III/II в. до н.э., четко очерчивая нижнюю хронологическую границу усть-эдиганского этапа. Сюда же можно отнести зеркала и их копии. Кроме того, часть предметов бытовала в Азии только на протяжении собственно хуннуского времени. Это престижные вещи: поясные ажурные пряжки, наконечники и бляхи, ложечковидные застежки и уздечные бляхи. После I в. н.э. они уже не использовались, утратив свой статус с падением власти хунну.

Третья группа предметов отражает влияние материальных традиций культур сарматского и среднеазиатского (раннекушанского) круга. К ней относятся кинжалы с перекрестием и навершием, возможно, меч, зеркала с выступом-шипом, полусферические и каплевидные бляхи-нашивки и, вероятно, бляхи-фалары. Появление этих изделий укладывается в рамки III–I вв. до н.э.

Можно говорить о становлении на усть-эдиганском этапе и собственно булан-кобинской культурной традиции. Она выражалась в видоизменении предшествующих и заимствованных типов изделий и наиболее ярко проявилась в украшениях костюма, которые составляют оригинальный и устойчивый комплект. Определенное сочетание предметов в типовом наборе усть-эдиганского этапа (рис. 1–3) также демонстрирует его своеобразие, позволяя четко отличать булан-кобинский материальный комплекс от других синхронных и сопредельных культур.

Выделенные группы вещей в наборе инвентаря усть-эдиганского этапа при сравнении с данными погребального обряда отражают участие различных компонентов в формировании булан-кобинской культуры. Первая группа соотносится с такими элементами погребального обряда, как положение умерших на боку с согнутыми ногами с ориентацией в восточный сектор, положение коня на животе вдоль длинной стенки конструкции, сооружение ящиков. Эти признаки обозначают местный компонент. Его доля как в инвентаре, так и в обряде невелика. Вторая и третья группы соответствуют следующим элементам погребального обряда: иная планиграфия могильников и новые надмогильные сооружения по сравнению с пазырыкскими, положение умерших вытянуто на спине, их ориентация на запад, положение коня на боку на перекрытии конструкции, отдельные захоронения лошадей. Данные признаки демонстрируют пришлый компонент. Несмотря на то что среди инвентаря ведущее место занимает хуннуская группа, погребений собственно хунну на Алтае не выявлено. Погребальная обрядность населения булан-кобинской культуры по сравнению с хуннуской имеет достаточно четкое своеобразие. В литературе существует версия, согласно которой пришлый компонент составляла иная этническая группа, находившаяся под сильным влиянием хуннуской культуры. Она могла прийти с территории Монголии. Кроме того, в формировании булан-кобинской культуры приняло участие население Восточного Казахстана (кулажургинская культура) (Мамадаков, 1990. С. 18). Действительно, кулажургинская погребальная обрядность во многих деталях совпадает с элементами обряда булан-кобинских памятников. Весьма вероятно, что кушано-сарматская группа инвентаря была привнесена в Горный Алтай через Восточный Казахстан.

Этнокультурные процессы, которые привели к сложению на территории Горного Алтая новой общности, невозможно объяснить без оценки политической ситуации в центральноазиатском регионе. В конце III в. до н.э. произошли важные изменения, обусловленные созданием сильной державы Хунну (209 г. до н.э.). Ее центр первоначально находился на территории Ордоса и Южной Монголии. Уже в 201 г. до н.э. шаньюй Модэ завоевал северные области Центральной Азии, включая Северную Монголию, южные районы Прибайкалья и Забайкалья, а также Южную Сибирь. К середине II в. до н.э. (165 г. до н.э.) хунну окончательно подчинили себе западные земли центральноазиатского региона, вытеснив оттуда наиболее сильных своих противников юэчжей.

Таким образом, начало усть-эдиганского этапа булан-кобинской культуры синхронизируется с политическими событиями самого конца III – первой половины II в. до н.э. Вероятно, решающим событием явился северный поход Модэ 201 г. до н.э., когда было установлено хуннуское господство над территориями Южной Сибири. Элита пазырыкской культуры, скорее всего, была уничтожена. Для закрепления новых земель в Горный Алтай переселили лояльное племя. Не исключено, что им могли являться и "кулажургинцы", получившие материальную поддержку от хунну для закрепления своего положения. Обосновавшись на новом месте, они включили в свой состав остатки местного населения. Возможна и иная реконструкция процесса образования булан-кобинской культуры, когда пришлых компонента могло быть два, но она пока плохо согласуется с данными погребального обряда.

Жизнь булан-кобинского населения на усть-эдиганском этапе протекала под эгидой подчинения державе Хунну. Эта зависимость усиливалась или ослаблялась из-за конкретной политической ситуации. Например, после 123 г. до н.э., когда хунну перенесли свою ставку в Северную Монголию, она могла возрасти, а после 56 г. до н.э. и 48 г. н.э. (расколы хунну на северных и южных) становилась формальной. В конце I в. н.э. северные хунну потерпели поражение от сяньби (93 г. н.э.) и утратили свое господство в большей части Центральной Азии. Земли Алтая оказались в сфере влияния победителей, что определило начало нового этапа в развитии булан-кобинской культуры.

Работа выполнена при поддержке РГНФ-Монголия (проект № 06-01-91809а/G).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII вв.). Новосибирск, 2003.

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Реконструкция женских головных уборов из могильника Усть-Эдиган в Горном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. № 1. Новосибирск, 2004.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I: Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул, 2003.

Горбунов В.В. Сяньбийский доспех // Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск, 2005.

Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 1. Иволгинское городище. СПб., 1995.

Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 2. Иволгинский могильник. СПб., 1996.

Деревянко Е.И. Очерки военного дела племен Приамурья. Новосибирск, 1987.

Елин В.Н. Кок-пашский тип археологических памятников предтюркского времени в Горном Алтае // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990.

Елин В.Н. О формировании населения гунно-сарматского времени на Алтае // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III. Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуни. Барнаул, 2004.

Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С. Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987.

Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). Улан-Удэ, 1976.

Кочеев В.А. Боевое оружие пазырыкцев // Древности Алтая. № 4. Горно-Алтайск, 1999.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991.

Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск, 1992.

Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М., 1996.

Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. Т. 2. М., 2001.

Мамадаков Ю.Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990.

Мамадаков Ю.Т. О роли миграций в демографических процессах в Горном Алтае в гунно-сарматское время // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994.

Миняев С.С. Дырестуйский могильник. СПб., 1998.

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тыс. до н.э. М., 1997.

Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. Свердловск, 1990.

Погодин Л.И. Вооружение населения Западной Сибири раннего железного века. Омск, 1998.

Рец К.И., Юй Су-Хуа. К вопросу о защитном вооружении хуннов и сяньби // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Горизонты Евразии. Вып. 2. Новосибирск, 1999.

Сарианиди В.И. Тилля-тепе и ювелирное искусство ранних кушан // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М., 1987.

Соенов В.И. Костяные гребни гунно-сарматского времени Горного Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1998.

Соенов В.И. История Алтая (с древнейших времен до XII века). Горно-Алтайск, 1999.

Соенов В.И. Археологические памятники Горного Алтая гунно-сарматской эпохи (описание, систематика, анализ). Горно-Алтайск, 2003.

Суразаков А.С. Памятники Горного Алтая первой половины и середины первого тысячелетия (кудыргинская культура) // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий (по данным археологии). Омск, 1992.

Суразаков А.С. Горный Алтай в конце I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. // История Республики Алтай. Т. 1. Горно-Алтайск, 2002.

Тетерин Ю.В. Поясные наборы гунно-сарматской эпохи Горного Алтая // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995.

Тетерин Ю.В. Гривны гунно-сарматской эпохи Южной Сибири // Древности Алтая. № 6. Горно-Алтайск, 2001.

Тетерин Ю.В. Вооружение кочевников Горного Алтая берельской эпохи // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Вып. 1. Новосибирск, 2004.

Тишкин А.А. О необходимости междисциплинарного изучения материалов гунно-сарматского времени Горного Алтая // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул, 2004.

Тишкин А.А. Керамические сосуды из курганов хуннуского времени могильника Яломан-II // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул, 2005.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. IX. Ч. I. Новосибирск, 2003.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Предметный комплекс из памятника Яломан-II на Алтае как отражение влияния материальной культуры хунну // Социогенез в Северной Азии. Ч. 1. Иркутск, 2005.

Тишкин А.А., Хаврин С.В. Предварительные результаты спектрального анализа изделий из памятника гунно-сарматского времени Яломан-II (Горный Алтай) // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул, 2004.

Трифанова С.В. Серьги из памятников Саяно-Алтая гунно-сарматского времени // Древности Алтая. № 12. Горно-Алтайск, 2004.

Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986.

Худяков Ю.С. Археология Южной Сибири II в. до н.э. – V в. н.э. Новосибирск, 1993а.

Худяков Ю.С. Эволюция сложносоставного лука у кочевников Центральной Азии // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1993б.

Худяков Ю.С. Проблема генезиса культуры хуннского времени в Горном Алтае // Древности Алтая. № 3. Горно-Алтайск, 1998а.

Худяков Ю.С. Зеркала из могильника Усть-Эдиган // Древности Алтая. № 3. Горно-Алтайск, 1998б.

Худяков Ю.С. Керамика хуннского времени из долины р. Эдиган // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998в.

Худяков Ю.С., Цэвэндорж Д. Новые находки хуннских луков в Гобийском Алтае // Археологические, этнографические и антропологические исследования в Монголии. Новосибирск, 1990.

Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул, 2003.

Цэвэндорж Д. Новые данные по археологии хунну (по материалам раскопок 1972–1977 гг.) // Древние культуры Монголии. Новосибирск, 1985.

The Altai Mountains in the Hunnian period: cultural and chronological analysis of archaeological material

A. A. Tishkin, V. V. Gorbunov

Summary

The data on 696 graves investigated in the Altai Mountains on 36 complexes of the Hunnian-Syanbiysky period (the 2nd c. BC – 5th c. AD) are published at present. A typological analysis of the obtained material gives the opportunity to conceive a cultural and chronological scheme of the development of the Bulan-Kobinskaya culture. Only the early (Ust'-Edigansky) stage dated to the 2nd c. BC – 1st c. AD is described in this paper. The material complex attesting to a considerable influence of the Hunnian material culture was the main index. This process is attested to by the written sources, which reflect the military and political history of the Central Asiatic nomads. The archaeological data demonstrates that the Altai Mountains were a part of the Hunnu State.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 3, с. 41–51

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ АНТРОПОЗООМОРФНЫХ ФИБУЛ (ПРОСТЫЕ ФОРМЫ)

© 2006 г. В. Е. Родинкова

Институт археологии РАН, Москва

Антропозооморфные фибулы – притягательный и благодатный объект исследования, которому в той или иной степени уделено внимание в работах, посвященных восточноевропейскому раннему Средневековью. Большая часть их известна в бассейне Среднего Днепра в качестве случайных находок и в составе кладов "древностей антов". Названием эти украшения обязаны своеобразной манере оформления, обильно и органично вплетенным в их декор изображениям зверей, птиц, змей, человека, реалистичным или фантастическим, единичным или образующим вычурные многочастные композиции. Яркость и выразительность использованных древними мастерами образов поневоле будит воображение и создает иллюзию тонкости и проницаемости грани, что отделяет мировосприятие современного человека от мифологизированного сознания наших предков. Возникает впечатление, что все эти хаотично расположенные самодостаточные на первый взгляд фигуры и личины в действительности связаны в некую систему, в которую ее творцы не могли не вкладывать определенный смысл и значение. Результатом размышлений подобного рода стала серия работ, посвященных семантическому анализу антропозооморфных фибул, реконструкции мифологических представлений их создателей и хозяев и в целом попыткам приблизиться к пониманию духовного мира древнего населения Поднепровья (см., например: Эдинг, 1930. С. 140–152; Рыбаков, 1953. С. 94; 1988. С. 200–204; Василенко, 1977. С. 83, 86, 87, 90–93; Амброз, 1993; и др.). Примечательно, что работы эти написаны, как правило, в достаточно экспрессивной манере. Днепровские фибулы вообще настраивают исследователей на поэтический лад, поскольку никаким другим изделиям раннеславянского круга археологическая литература не обязана таким количеством емких эпитетов, эмоциональных сравнений и красочных метафор.

Следует отдать должное популярности отмеченного направления исследований и особым возможностям, которые предоставляют в данном отношении антропозооморфные застежки. Но не менее важно и "вещеведческое" изучение этих украшений. В частности, весьма интересна и неоднозначна проблема их типологического развития. Исследователями предложен ряд типологических и классификационных схем, которые демонстрируют различное понимание рассматриваемого материала и разные подходы к его систематизации (Спицын, 1899; Калитинский, 1928. С. 295–299; Эдинг, 1930. С. 124–139. Рис. 1; Рыбаков, 1948. С. 60, 61. Рис. 7; 1953. С. 92, 94. Рис. 23; Werner, 1950. S. 158, 159, 168–170. Taf. 34; 35; Корзухина, 1974. С. 428–455; Айбабин, 1990. С. 25, 26; Амброз, 1993. Рис. 3; Приходнюк, 1998а. С. 14. Рис. 10; 2000. С. 55–65. Рис. 7; Szmoniewski, 2004). Настоящая работа представляет собой еще одну попытку проанализировать эволюцию этих вещей и оценить влияние, которое могли оказать на их развитие древности различных регионов Европы.

Группа антропозооморфных фибул – литых двухщитковых застежек, украшенных рельефными изображениями зверей, птиц, змей, людей – разделяется на две подгруппы. Подгруппу простых (I) составляют экземпляры, у которых ножку с головной пластиной, прикрывающей ось пружинного механизма, соединяет лишь выпуклая дужка (рис. 1; 2; 3, *I*). Подгруппа сложных (II) образована изделиями, у которых щитки помимо дужки соединяются дополнительными тяжами-перемычками, придающими украшениям вычурность и ажурность (рис. 3, *II*). В свое время было высказано предположение о развитии этих вещей в направлении от сложных к простым формам (Эдинг, 1930. С. 124–139); сейчас более обоснованной выглядит противоположная точка зрения. Весьма живо и образно процесс создания сложных антропозооморфных фибул на базе простых описан А.К. Амброзом на примере находок из Мартыновки и Блажков (1993. С. 181, 183).

Принято считать, что простые антропозооморфные застежки были сконструированы на основе двупластинчатых под сильным воздействием пальчатых (рис. 3, *9, 10*) (Калитинский, 1928. С. 293–299; Рыбаков, 1948. С. 60, 80; 1953. С. 92, 94; Корзухина, 1974. С. 448, 449; Амброз, 1993. С. 179). Очевидно, именно в результате знакомства с последними среди интересующих нас вещей появились экземпляры с ромбической или близкой к пятиугольной ножкой, повторяющей очертания пальчатых образцов. А.К. Амброз приписывал честь создания новой разновидности украшений автору

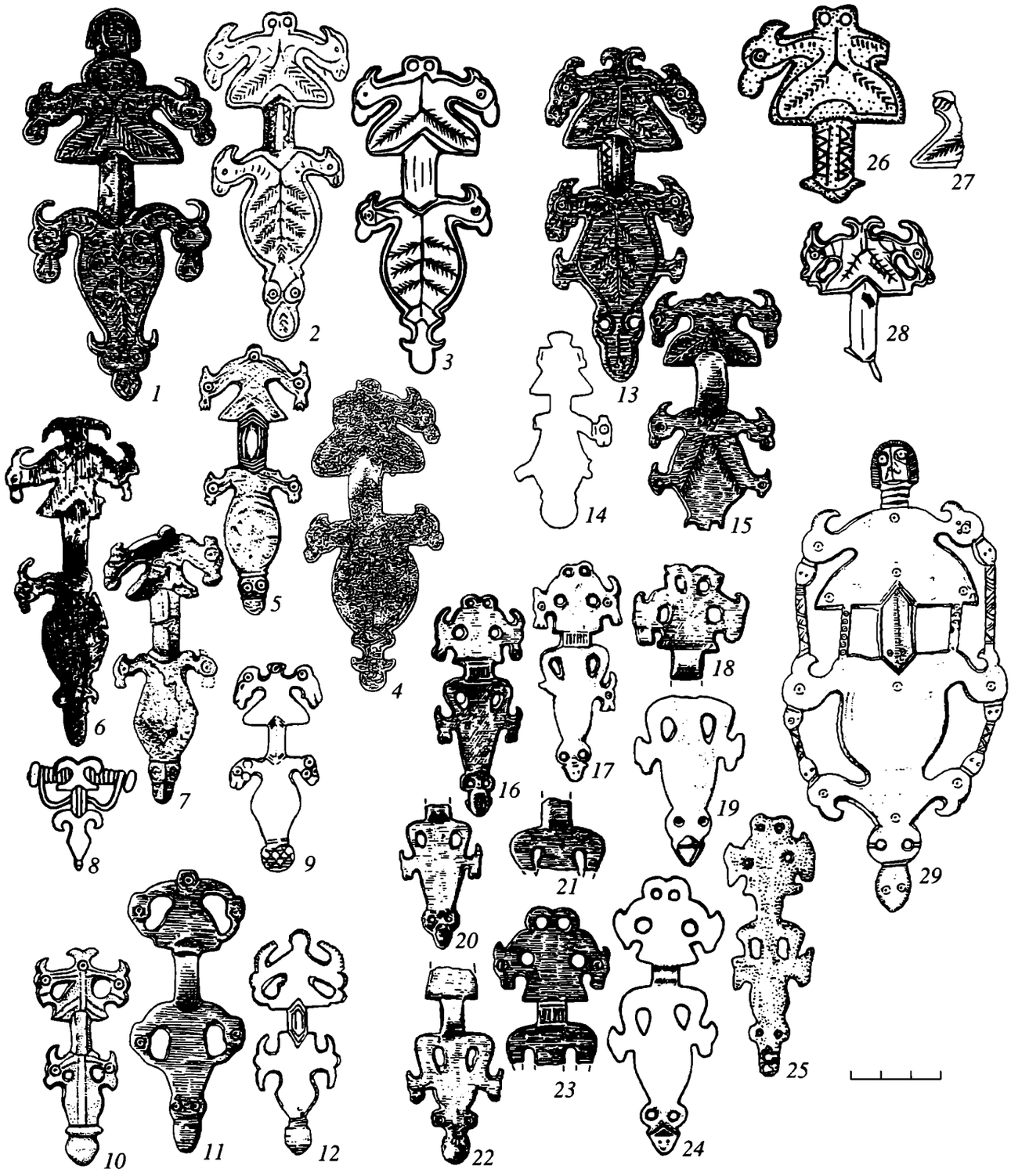


Рис. 1. Простые антропозооморфные фибулы (тип I.1). *1* – Мартыновский клад; *2* – Колькёд-Фекетекапу "А", погр. 388; *3, 4* – Каневский клад (?); *5, 12* – Лучистое (*5* – склеп 38, погр. 8; *12* – склеп 54, погр. 16); *6* – Трубчевский клад; *7* – Волошское; *8* – Тумяны, погр. 148; *9* – Чуфут-Кале; *10* – Суук-Су, погр. 55; *11, 15–20, 22* – Пастырское городище; *13* – Козиевский-Новоодесский клад; *14* – Скалистое, склеп 218; *21* – Хмельна; *23* – Среднее Поднепровье; *24* – Кэрнаре; *25* – Ханска; *26* – Жаботин; *27* – Великобудковский клад; *28* – Мотронинское городище; *29* – Блажковский клад (?).

пары брошей из Мартыновского клада (1993. С. 180, 181). Он считал мартыновские фибулы уникальным явлением днепровского ювелирно-прикладного искусства, шедевром, появившимся на свет в результате случайного стечения обстоятельств, а изготовившего их мастера – единоличным творцом канонов новой весьма востребованной моды. Но сейчас сходные по стилю орнаментации изделия известны и в других комплексах – в кладах из Великих Будков, Козиевки-Новой Одессы, района Канева (?) на Пастырском и Мотронинском городищах, в Жаботине, в погребении 388

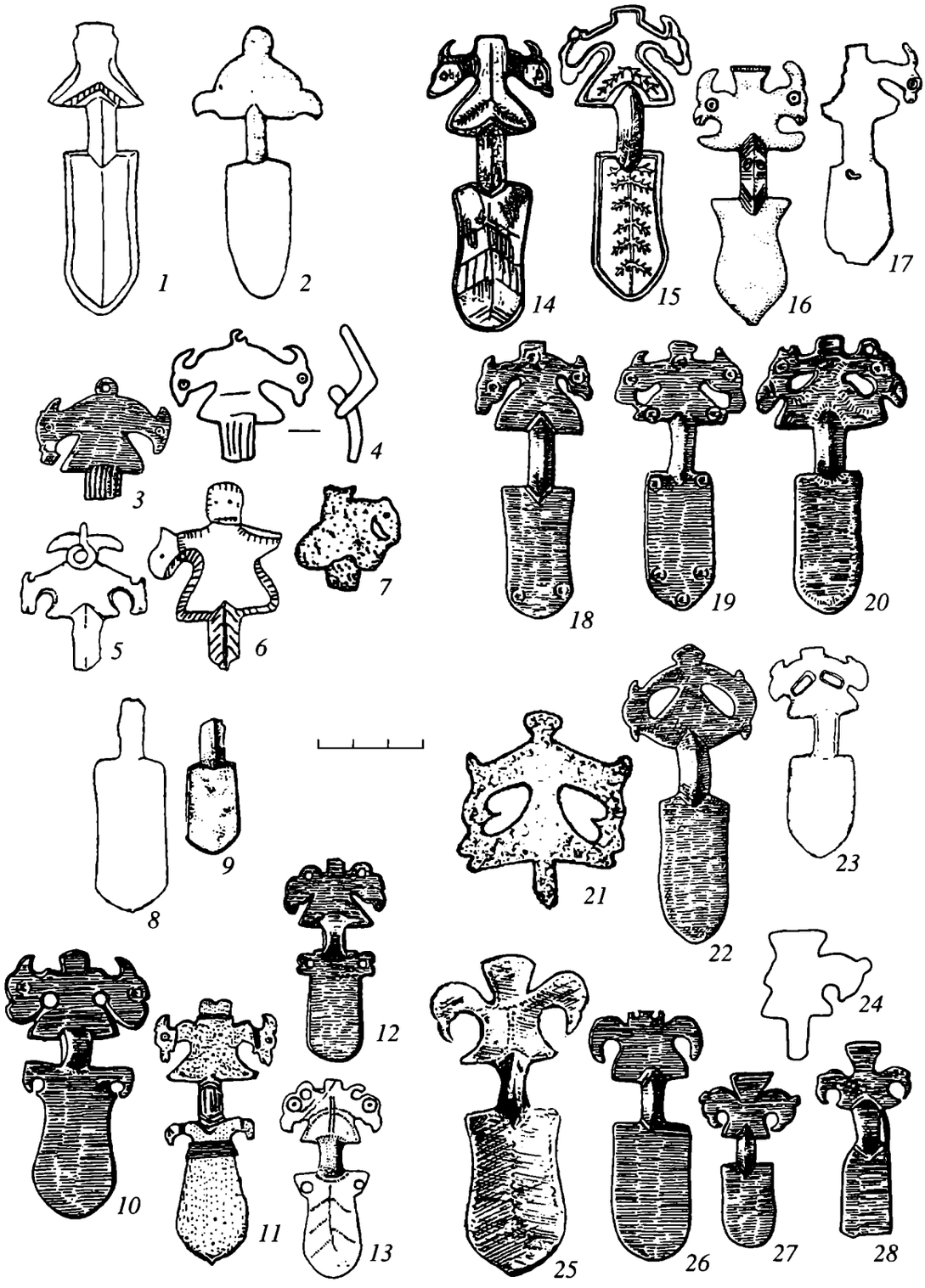


Рис. 2. Простые антропозооморфные фибулы (тип I.2). *1, 15, 16* – Суук-Су (*1* – случайная находка; *15, 16* – погр. 131); *2* – Скалистое, склеп 406; *3* – балка Яцевая; *4, 14* – Градижск; *5, 8* – городище Никодимово; *6* – Пузино; *7* – Волошское; *9, 12* – Пастырское городище; *10* – уроч. Молочарня (Пеньковка); *11* – Лучистое, склеп 38, погр. 8; *13* – Игрень; *17* – Козиевский-Новоодесский клад; *18* – Хмельна; *19* – Райки; *20* – Поставмуки; *21* – Григорьевка; *22* – о. Кизлевый; *23* – Журавка; *24* – юг Черкасской обл.; *25* – Трубчевский клад; *26* – Лесовые Скибинцы; *27* – Лебеховка; *28* – Трощин.

могильника Колькёд-Фекетекапу "А" (рис. 1, *1–4, 13, 15, 26–28*). Довольно многочисленны также фибулы, близкие мартыновским по форме, с ромбической в основе ножкой, оканчивающейся схематическим изображением звериной морды, с одной парой рельефных выступов по бокам каждого из щитков. Они являются фактически единственным "сквозным" типом антропозооморфных застежек, известным на всех территориях, где встречены вещи "антского" круга, от Прибалтики до Крыма и от Паннонии до бассейна Северского Донца (рис. 1, *1–12*). В связи с этим стоит предположить,

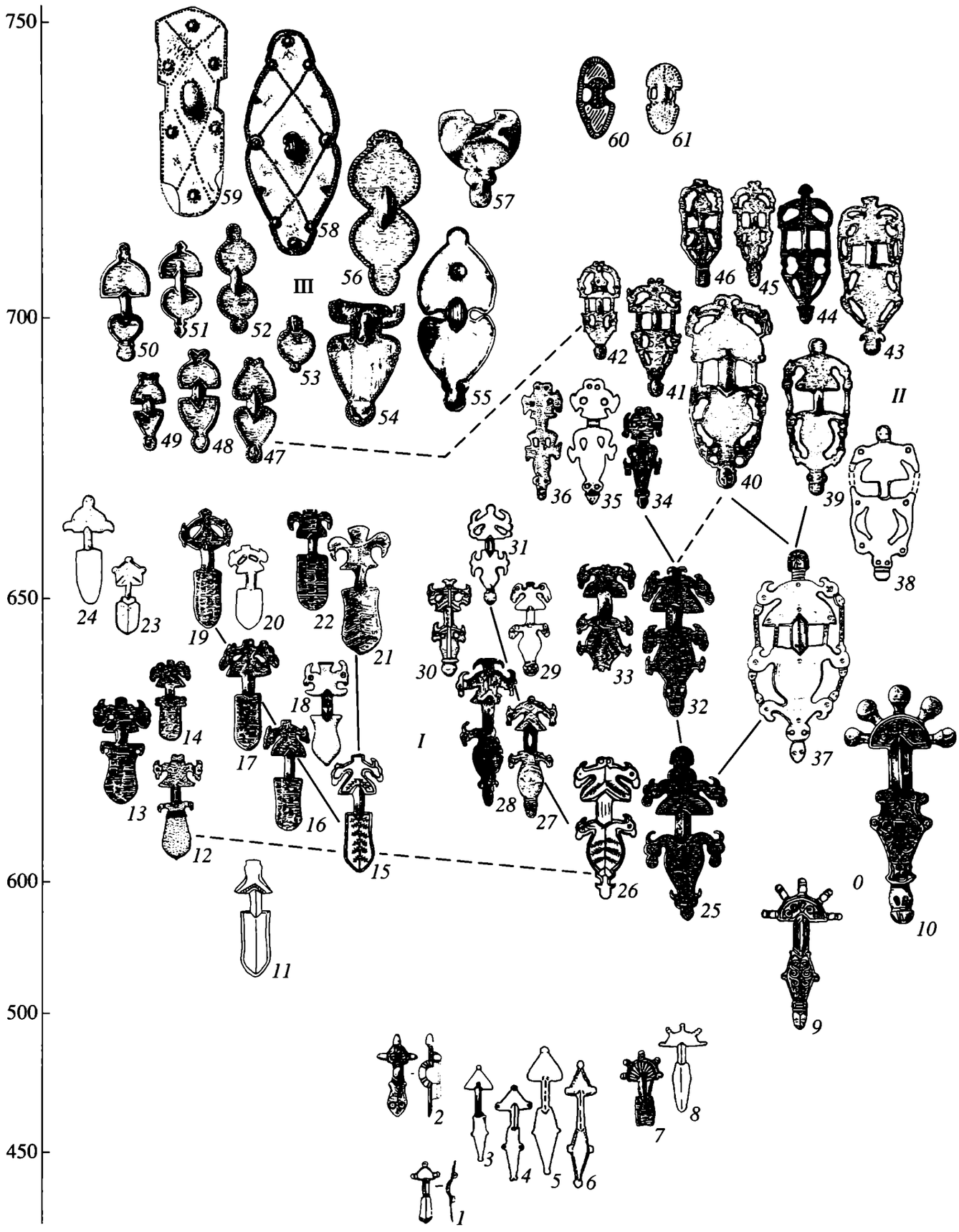


Рис. 3. Схема типологического развития антропозооморфных и двупластинчатых фибул. *0* – пальчатые фибулы; *I* – простые антропозооморфные фибулы; *II* – сложные антропозооморфные фибулы; *III* – днепровские двупластинчатые фибулы. *1* – Теремцы; *2* – Киевская губ.; *3* – Каневский уезд; *4* – Смолин; *5, 6* – Бригецио; *7* – Пастырское городище; *8* – Мощенка; *23* – Кушнаренково, погр. 21.

что формирование данной категории украшений, одновременное появление в различных местах одних и тех же идей и образов имели более глубокие причины, нежели творческий порыв одного человека.

Антропозооморфные фибулы традиционно возводят к двупластинчатым с треугольным головным щитком, как находки из Смолина, Бригецио, Вишкова, бывшего Каневского уезда и др. (рис. 3, *3–6*) (Калитинский, 1928. С. 293–295. Табл. XXXVIII, *72, 73*; XXXIX, *81, 82* и др.; Амброз, 1993. Рис. 3, *1–3*). О.М. Приходнюк включал в этот перечень еще экземпляр из Теремцев (рис. 3, *1*) (1998а. С. 14. Рис. 10, *19*; 2000. С. 64, 65. Рис. 7, *17–19*). А.К. Амброз, однако, отметил, что головные пластины днепровских антропозооморфных застежек часто имеют полукруглые контуры (1993. С. 179). Этот факт может свидетельствовать как о наличии среди их прототипов двупластинчатых фибул с полукруглой головкой, так и об их происхождении от пальчатых, у которых выступы-"пальцы" на полукруглом щитке заменены зоо- и антропоморфными изображениями. В данном контексте интересны две находки из Поднепровья – с городищ Пастырское и Мощенка. Они сочетают удлиненные суженные к свободному концу пластинчатые ножки и полукруглые головки, украшенные пятью профилированными "пальцами" по краю (рис. 3, *7, 8*) (Корзухина, 1996. № 73, *26*. Табл. 28, *1*; Гавритухин, 2004. С. 214. Рис. 2, *14*).

Согласно последним исследованиям, перечисленные выше фибулы с треугольными головными щитками и подобные им датируются поздними фазами периода D2, горизонтом D2/D3 и периодом D3 по Я. Тейралу (Tejral, 1988; 1995 и др.), т.е. временем от 440–450-х годов до начала последней четверти V в. Находки из Мощенки, Пастырского и их аналоги из Крыма не выходят за рамки второй половины V в., а экземпляр из Теремцев отнесен к первой половине этого столетия (Гавритухин, 2000. С. 281–294; 2004. С. 214; Этнокультурная карта..., 1985. С. 49. Рис. 9, *17*). Простые антропозооморфные же фибулы принадлежат кругу "древностей антов" I группы, которые соотносятся с финальными этапами существования колочинской и пеньковской культур и в сложившемся виде зафиксированы в Поднепровье во второй – третьей четвертях VII в. (Гавритухин, 1996а. С. 89–95). Собственных оснований для изменения этого хронологического определения антропозооморфные фибулы пока не предоставляют, но для ряда других входящих в указанный комплекс типов украшений в литературе предложены более ранние датировки (см., например: Bálint, 1992. S. 389–415). Тем не менее даже если формирование "антского" металлического убора происходило еще в рамках VI в., приходится констатировать, что рассмотренные выше двупластинчатые и антропозооморфные фибулы разделяет хронологическая лакуна, которая не позволяет видеть между ними прямую генетическую связь. В ряде регионов Восточной Европы – юго-западном Крыму, северо-восточном Причерноморье, Приуралье, северном Кавказе – двупластинчатые застежки продолжают существовать и после V в., но они слишком различны с антропозооморфными по технике изготовления и формам (некоторые примеры см.: Айбабин, 1990. Рис. 11; 12; Амброз, 1989. Рис. 19, *1, 2, 12*; 20, *1, 7, 17, 23*; 21, *1, 14–17, 27*; 27, *1, 2*; 28, *1, 7, 12, 20–22*), чтобы можно было выстраивать их в единую типологическую цепочку.

Наибольшие ассоциации с двупластинчатыми вызывают антропозооморфные фибулы с так называемыми лопатообразными (или геральдическими) щитками. Удлиненная пластина, прикрывающая иглоприемник, у них имеет прямые или плавно вогнутые боковые стороны, иногда несколько расширена к противоположному от дужки концу (рис. 2). Тем не менее среди двупластинчатых серий, на мой взгляд, нет изделий, форма ножек которых послужила непосредственным образцом при создании антропозооморфных брошей с лопатообразными щитками. Переходным звеном между этими двумя группами украшений мог бы быть своеобразный экземпляр из Суук-Су (рис. 2, *1*; 3, *11*) (Корзухина, 1996. № 9. Табл. 113, *3*), но данная находка не связана с конкретным комплексом и не имеет четкой даты, поэтому однозначно утверждать, что она предшествует по времени появлению антропозооморфных застежек, а не является гибридным изделием, созданным на основе поздних крымских двупластинчатых типов под влиянием днепровских образцов, невозможно. Определенную близость лопатообразным щиткам "антских" фибул демонстрирует также ножка фибулы, случайно найденной в бывшей Киевской губ. (рис. 3, *2*). Ее головной щиток шестиугольный, дополненный тремя удлиненными выступами-"пальцами". Е.Л. Гороховский на основании общего морфологического сходства с двупластинчатыми экземплярами, с одной стороны, и ранними пальчатыми – с другой, датировал ее второй половиной V в. (1999. С. 70, 71. Рис. 1, *1*). Возможно, эту находку или близкие ей стоит рассматривать в качестве одного из прообразов интересующей нас группы украшений. Вообще же антропозооморфные фибулы с лопатообразными (как, впрочем, и с ромбовидными) ножками являются, кажется, спонтанной новацией, быстро обретшей популярность и растиражированной среди определенных групп раннесредневекового населения Восточной Европы.

Простые антропозооморфные застежки в целом представляют собой неоднородный массив материала. Для них трудно определить общие основания дробного членения, что уже было отмечено исследователями (Амброз, 1993. С. 184; Приходнюк, 2000. С. 65). Отсутствие среди рассматриваемых украшений унификации, единых стандартов

форм и орнамента должно указывать на то, что они, как и пальчатые фибулы днепровского круга, отражают начальные этапы становления нового костюмного комплекса. По-видимому, эти вещи существовали в Поднепровье в течение относительно краткого времени, и к моменту выхода из употребления их стиль и набор не успели окончательно сформироваться[1]. И все же в подгруппе простых антропозооморфных застежек можно выделить ряд более мелких таксонов. Экземпляры с овальными или ромбическими, восходящими к формам пальчатых застежек, ножками составляют тип I.1 фибул I подгруппы. В его рамках наиболее массовой является серия I.1.А, объединяющая изделия с одной парой зооморфных изображений по бокам головного щитка и еще одной – по бокам ножки, у дужки. Это находки из Мартыновского (пара), Каневского (?) (пара), Трубчевского кладов, с Пастырского городища, из Волошского, Чуфут-Кале, погребения 55 в Суук-Су, погребения 8 склепа 38 и погребения 16 склепа 54 в Лучистом, погребения 388 могильника Колькёд-Фекетекапу "А" (рис. 1, *1–7, 9–12*) (Корзухина, 1996. № 27, *11а, б*; 73, *69*; 139; 150, *2а*; 152, *1*. Табл. 8, *1, 2*; 31, *3*; 108, *3*; 110, *7*; 111, *3*; Приходнюк и др., 1996. С. 81. Рис. 2, *5*; 3, *4*; Айбабин, 1990. С. 26. Рис. 13, *2, 3, 6*; Kiss, 1996. S. 107, 200, 201. Taf. 76, *6*; 148, *5*; Шедеври Платар, 2004. № 188. Рис. на с. 138). Интересный экземпляр из погребения 148 могильника Тумяны фиксирует, очевидно, синтез антропозооморфных фибул серии I.1.А и арбалетовидных варианта 3а1 по В.И. Кулакову, по образцу которых у данной вещи изготовлены игла и пружинный механизм (рис. 1, *8*) (Кулаков, 1989. С. 198, 199. Рис. 53, *1*). Наиболее ранними в типологическом отношении кажутся изделия из Мартыновки, Колькёда, Канева с четкой формой и тщательно проработанным декором. В ходе дальнейшего развития украшения данной серии утрачивают тонкость гравировки и реалистичность черт птиц на боковых выступах, которые сливаются с краями щитков, как у экземпляров с Пастырского, из Лучистого и Суук-Су.

Фибулы серии I.1.Б характеризуются одной парой более или менее схематизированных зооморфных изображений на головке и двумя – на ножке. При этом на ножке боковые отростки размещены у примыкающего к дужке конца и в месте наибольшего расширения щитка, как правило, посередине. Таковы находки из Козиевского-Новоодесского клада (пара), с Пастырского городища, вероятно, из бывшего Остерского уезда (рис. 1, *13, 15*) (Корзухина, 1996. № 73, *68*; 81, *8а, б*; 96. Табл. 31, *2*; 48, *5, 6*). У застежки из склепа 218 могильника Скалистое изображения животных редуцированы и лишь слабо угадываются в бесформенных выступах по бокам (рис. 1, *14*) (Веймарн, Айбабин, 1993. С. 37. Рис. 20, *22*). Особую группу составляют фибулы с Пастырского городища (9 экз.)[2], из Хмельны, Среднего Поднепровья, Кэрнаре (пара), а также деградированный экземпляр с поселения Ханска (рис. 1, *16–25*) (Корзухина, 1996. № 21, *2*; 73, *60–67*; 102, *20*. Табл. 31, *4, 6–12*; 87, *6, 11*; Parczewski, 1991. S. 119. Ryc. 1, *3, 4*; Tab. I, *3, 4*; Приходнюк, 2005. С. 38, 53. Рис. 36, *6*; 37, *3, 4, 6*; 38, *3, 4*; 42, *3, 4*; 65, *2*; Daskalov, Dimitrov, 1999. Abb. 2, *1, 2*; Постикэ, 1985. С. 162. Рис. 1, *6*). Ближайшие к дужке выступы на их удлиненных щитках предельно схематизированы, с двух сторон соединены с краями пластины и приближают форму ножки к вытянутому треугольнику. Детальное сходство всех перечисленных вещей позволяет объединять их в самостоятельный вариант I.1.Б-а в рамках серии I.1.Б антропозооморфных фибул.

Фрагментированные находки из Жаботина, Великобудковского клада и с Мотронинского городища[3] определяются только на уровне принадлежности к типу I.1, скорее, к серии I.1.А или I.1.Б (рис. 1, *26–28*) (Приходнюк, 1998б. Рис. 65, *6*; Горюнова, 1992. С. 127, 128. Рис. 1, *15*).

Тип I.2 объединяет фибулы с лопатообразной (геральдической) формой ножки. Головные пластины этих украшений, как правило, имеют треугольную форму. Серию I.2.А составляют изделия без боковых выступов на удлиненных щитках, орнаментированные только парой рельефных звериных изображений на головках. Таковы два экземпляра из погребения 131 Суук-Су и находки из Градижска, Козиевского-Новоодесского клада, Хмельны, Райков, Поставмук, Журавки, Григорьевки и с о. Кизлевый (рис. 2, *14–23*) (Кракало, 2002. С. 86. Рис. 1, *2*; Корзухина, 1996. № 1; 21, *1*; 69; 76; 81, *9*; 144; 150, *5а, б*. Табл. 48, *7*; 87, *1, 2, 9*; 108, *8*; 111, *7, 8*; Айбабин, 1990. С. 26. Рис. 13, *8*; Обломский, 1998. С. 60. Рис. 4, *20*; Родинкова, 1996. № 32. Рис. 101, *8*). У типологически ранних образцов зооморфные элементы выглядят вполне реалистично, у более поздних – теряют свою выразительность, срастаясь с краями пластины.

У экземпляров из Трубчевского клада, Лесовых Скибинцев, Лебеховки, Трощина и из южной части Черкасской области[4] изображения зверей на треугольном щитке заменены парой разделенных массивным трапециевидным выступом клювовидных отростков, обозначающих, вероятно, предельно упрощенные птичьи головки (рис. 2, *24–28*) (Приходнюк и др., 1996. С. 81. Рис. 2, *6*; 3, *3*; Корзухина, 1996. № 13; 31; 74, *1*. Табл. 87, *4, 5, 10*). Они

[1] К близким выводам пришел и А.К. Амброз при рассмотрении звериных и человеческих образов, использованных в декоре антропозооморфных фибул (1993. С. 179).

[2] Еще один фрагмент аналогичной фибулы, найденной недавно на Пастырском городище, не опубликован. Благодарю И.О. Гавритухина за возможность ознакомиться с рисунками этой и других вещей.

[3] Благодарю М.Е. Леваду за возможность публикации этой находки.

[4] Последняя фибула ранее не публиковалась.

достаточно своеобразны, чтобы быть выделенными в самостоятельную серию I.2.Б, однако новый материал может внести в предложенную схему коррективы.

К сериям I.2.А или I.2.Б, видимо, принадлежат фрагменты фибул с городищ Никодимово[5] и Пастырское (рис. 2, *8, 9*) (Корзухина, 1996. № 73, *59*. Табл. 31, *5*) и две застежки из погребения с ингумацией в Градижске, известные по описанию (Кракало, 2002. С. 86). Общие пропорции и формы ножек позволяют так же определять экземпляр из склепа 406 могильника Скалистое (рис. 2, *2*) (Айбабин, 1990. С. 26. Рис. 13, *5*; Веймарн, Айбабин, 1993. С. 95. Рис. 66, *5*) и одну из пастырских находок, дошедшую до нас в виде наброска из архива А.А. Спицына (Корзухина, 1996. № 73, *57*. Табл. 94, *34*). Однако проработка головных пластин двух последних вещей в деталях не соответствует канонам, по которым изготовлены остальные украшения типа I.2. Это выделяет их из круга простых антропозооморфных фибул и делает возможным предположение, что их облик отражает влияние не только днепровских, но и каких-то иных ювелирных традиций. Несколько напоминает антропозооморфные застежки с лопатообразными ножками и своеобразный экземпляр из погребения 21 Кушнаренковского могильника (рис. 3, *23*) (Генинг, 1972. Рис. 8, *12*). Не исключено, что его следует рассматривать в контексте каких-то взаимодействий между среднеднепровским и прикамским населением.

Серию I.2.В составляют застежки с двумя парами зооморфных выступов по бокам. При этом крупные изображения, расположенные на головках фибул, читаются достаточно определенно, а те, что размещены на ближнем к дужке конце лопатообразного щитка, имеют незначительные размеры и носят явно рудиментарный характер. Выполненные таким образом украшения известны в погребении 8 склепа 38 в Лучистом, в уроч. Молочарня (с. Пеньковка), на Пастырском городище[6], в Игрени и, возможно, Звонецком (рис. 2, *10–13*), хотя в двух последних случаях нет полной уверенности, что речь не идет об одной и той же вещи с запутанным определением места находки (Айбабин, 1990. С. 26. Рис. 13, *7*; Корзухина, 1996. № 63; 73, *58*; 134. Табл. 31, *1*; 87, *8*; 108, *4*; Приходнюк, 1998б. Рис. 73, *6*).

Только на уровне принадлежности к подгруппе простых антропозооморфных фибул может быть определена находка из погребения 172 могильника Чакберень-Ородпуста, а также фрагменты – треугольные щитки с парными звериными изображениями по бокам – из Пузино, Волошского, Градижска, балки Яцевой, хутора Тахтайки и с городища Никодимово (рис. 2, *3–7*) (Кракало, 2002. С. 86. Рис. 2, *2*; Kiss, 1996. S. 201. Fußnote 68; Родинкова, 1996. № 24. Рис. 101, *2*; Приходнюк, 1998б. Рис. 73, *4*; Корзухина, 1996. № 133, *1*; 143. Табл. 108, *7, 12*; Седин, 1997. С. 286, 287. Рис. 2, *4*).

Картографирование выделенных групп украшений (рис. 4) показывает, что большинство их происходит из ареала "древностей антов" – Среднего Поднепровья, днепровского лесостепного Левобережья и Надпорожья. Как неоднократно отмечали исследователи, антропозооморфные фибулы – яркий элемент днепровского раннесредневекового вещевого комплекса, выделяющий его на фоне синхронных европейских древностей. Основная часть рассмотренных находок тяготеет к правому берегу и непосредственно примыкающей к реке части левого берега Днепра. Для населения, обитавшего в глубине днепровского Левобережья, такие изделия характерны в меньшей степени. В Среднем Поднепровье фиксируются две зоны их концентрации: северная (Поросье и р-он Канева) и южная (Потясминье с центром на Пастырском городище). Значительное количество подобных украшений известно также в юго-западном Крыму, на могильниках типа Суук-Су и Лучистое, а единичные экземпляры – в верхнем течении Днепра, Мазурском Поозерье, бассейне Дуная. Шире всего распространены застежки серии I.1.А, которые встречены практически на всех перечисленных территориях. Фибулы варианта I.1.Б-а являются локальной разновидностью, связанной прежде всего с Пастырским очагом ювелирно-ремесленного производства. Экземпляры типа I.2 показательны для материальной культуры населения днепровского бассейна и, отчасти, Крыма. При этом образцы серии I.2.А распределены в Поднепровье сравнительно равномерно, а находки серий I.2.Б и I.2.В, несмотря на малочисленность, достаточно четко фиксируют различия указанных выше среднеднепровских ареалов. Фибулы с клювовидными выступами на головном щитке (за исключением образца из Черкасской обл.) встречены в Поросье и Подесенье. Застежки с редуцированными зооморфными изображениями на ножке найдены южнее, в Потясминье, Надпорожье и, кроме того, в Лучистом. Приведенные наблюдения являются еще одним аргументом в пользу вывода о существовании в раннесредневековом вещевом комплексе Поднепровья локальных различий (Гавритухин, Щеглова, 1996. С. 56, 57; Родинкова, 2003).

Находки простых антропозооморфных фибул вне их главного ареала свидетельствуют, в первую очередь, о включении в сферу непосредственных интересов днепровского населения в VII в. юго-западного Крыма. Большая часть крымских экземпляров представлена оригинальными, не ранними в типологическом отношении формами, хотя некоторые из них (например, фибула из погребения 131

[5] Благодарю автора раскопок на Никодимовском городище А.А. Седина за разрешение опубликовать эту находку.

[6] С Пастырского городища происходит еще одна неопубликованная фибула данной серии.

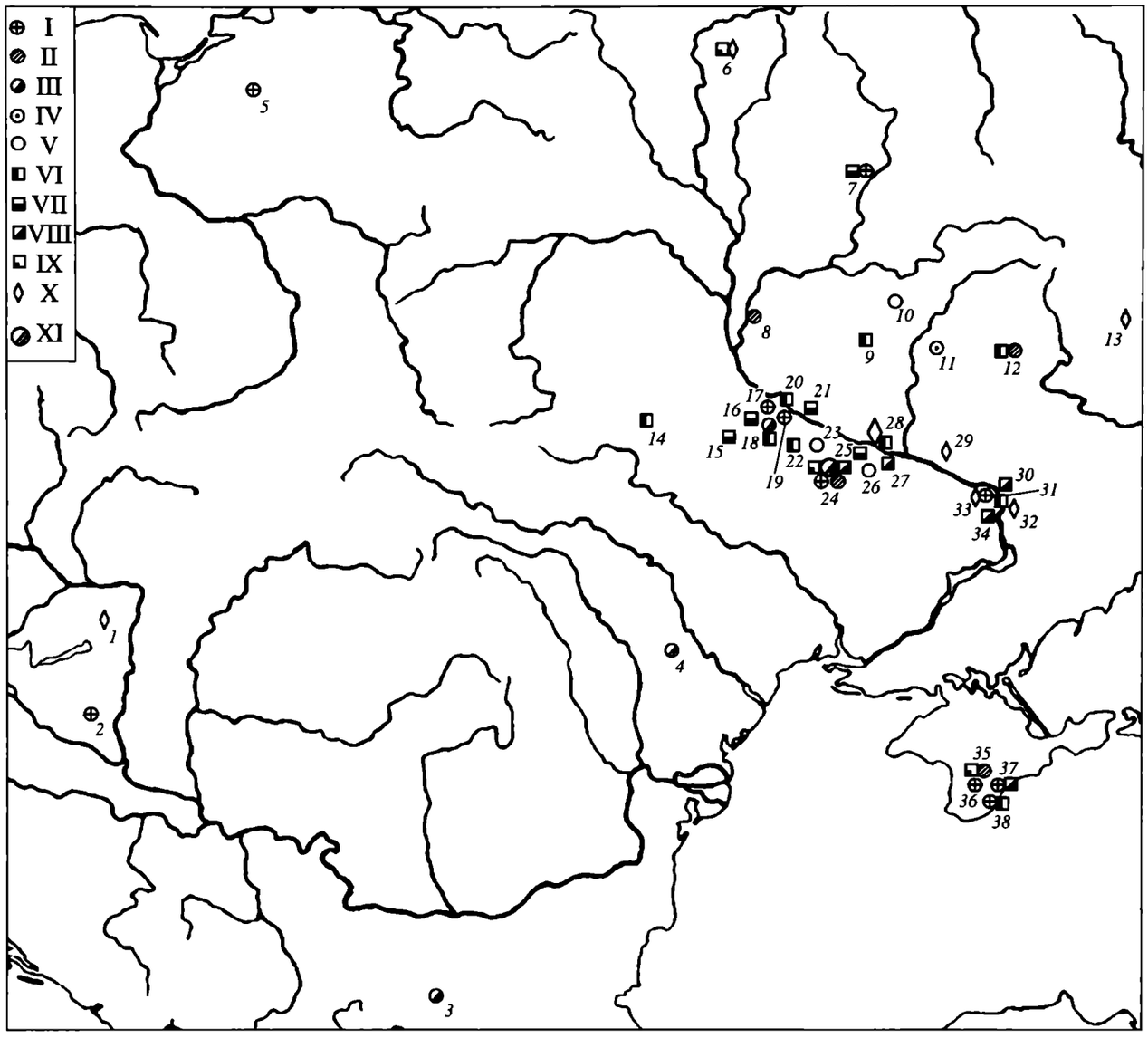


Рис. 4. Распространение простых антропозооморфных фибул. I – фибула серии I.1.А; II – фибула серии I.1.Б; III – фибула варианта I.1.Б-а; IV – фибула переходного типа из Блажков; V – фибула определяется на уровне принадлежности к серии I.1.А или I.1.Б; VI – фибула серии I.2.А; VII – фибула серии I.2.Б; VIII – фибула серии I.2.В; IX – фибула определяется на уровне принадлежности к серии I.2.А или I.2.Б; X – фибула определяется на уровне принадлежности к подгруппе I; XI – более 2 экз. *1* – Чакберень-Ородпуста; *2* – Колькёд-Фекетекапу "А"; *3* – Кэрнаре; *4* – Ханска; *5* – Тумяны; *6* – Никодимово; *7* – Трубчевск; *8* – Остерский уезд; *9* – Поставмуки; *10* – Великие Будки (Хутор); *11* – Блажки; *12* – Козиевка-Новая Одесса; *13* – Пузино; *14* – Райки; *15* – Лесовые Скибинцы; *16* – Трощин; *17* – Мартыновка; *18* – Хмельна; *19* – Канев; *20* – Григорьевка; *21* – Лебеховка; *22* – Журавка; *23* – Жаботин; *24* – Пастырское; *25* – юг Черкасской обл.; *26* – Мотронинское городище; *27* – Молочарня (Пеньковка); *28* – Градижск; *29* – Тахтайка; *30* – Игрень; *31* – о. Кизлевый; *32* – балка Яцевая; *33* – Волошское; *34* – Звонецкое; *35* – Скалистое; *36* – Чуфут-Кале; *37* – Лучистое; *38* – Суук-Су.

в Суук-Су, рис. 2, *15*), несомненно, являются образцами мартыновского стиля. Можно предположить, что колочинско-пеньковский комплекс женского убора появился на Крымском полуострове со своими владелицами, по каким-то причинам переселившимися из Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья. В новой среде многие типы вещей прижились и их развитие продолжилось, но уже вне связи с исходными художественно-ремесленными традициями. А.И. Айбабин показал, что в Крыму предпринимались попытки наладить собственное производство пальчатых фибул днепровских серий (1990. С. 25). То же, вероятно, происходило и с антропозооморфными фибулами. При этом крымские мастера, получавшие заказы на изготовление незнакомых им ранее украшений, неминуемо вносили в формирование их местного облика свою лепту.

Северное и северо-западное направление контактов жителей Поднепровья в археологическом выражении не столь отчетливо, хотя можно думать, что в раннем Средневековье взаимоотношения с населением Балтийского региона для днепровских племен были не менее значимы, чем в римское время или в эпоху функционирования пути "из варяг в греки". Фибула из Тумян, очевидно,

является одним из объектов, отражающих проникновение элементов культуры Среднего Поднепровья в юго-восточную Прибалтику и наоборот. Эта находка, как и некоторые другие, например малые пальчатые фибулы из верховьев Немана и Днепра и отчасти крымские материалы, могут фиксировать один из существовавших в древности водных путей из Балтийского в Черное море.

В бассейне Дуная простые антропозооморфные застежки встречены в тех же регионах, что и пальчатые фибулы "антского" круга (ср. карту: Гавритухин, 1996б. Рис. 51), что указывает, видимо, на избирательный характер и конкретную этнокультурную направленность юго-западных торговых или матримониальных связей среднеднепровского племенного объединения. Находки фибул варианта I.1.Б-а в Кэрнаре и на поселении Ханска свидетельствуют о контактах населения некоторых районов современных Болгарии и Молдовы с жителями не просто Среднего Поднепровья, а конкретного памятника – Пастырского городища.

Как было отмечено выше, во временном отношении простые антропозооморфные броши представляют собой достаточно компактный массив материала. Оснований считать отличия, обусловившие их разделение на серии и варианты, хронологическими на сегодняшний день не имеется. Практически все их разновидности, по-видимому, сосуществовали на сравнительно коротком временном отрезке и быстро вышли из употребления. Вместе с тем очевиден факт развития данной группы украшений, выразившегося в изменении размеров, форм, характера и способов орнаментации изделий. Суммируя наблюдения, сделанные в процессе типологического анализа материала, можно определить общие направления развития стиля этих вещей. Схема эволюции простых, сложных антропозооморфных и двупластинчатых застежек представлена на рис. 3. Она, как и принципы типологического членения, используемые в настоящей работе, является продолжением и дальнейшей разработкой той системы, что в тезисном виде была изложена А.К. Амброзом (1993. С. 179–184. Рис. 3).

Итак, простые антропозооморфные фибулы – это, кажется, спонтанная новация в материальной культуре населения Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья. В их облике читается двупластинчатая основа, но заметно и сильное влияние пальчатых застежек. Стиль их орнаментации, сюжеты и образы, используемые в декоре, изначально были заимствованы, вероятно, в византийском ювелирно-прикладном искусстве (Амброз, 1993. С. 181). Наиболее ярко новые декоративные и стилистические идеи воплощены в паре серебряных экземпляров из Мартыновского клада (рис. 1, *1*; 3, *25*). К ним примыкают образцы из Колькёда, Великих Будков, одна из фибул Каневского клада и сделанная несколько грубее застежка из Жаботина (рис. 1, *2, 3, 26, 27*; 3, *26*), которые составляют горизонт самых ранних в типологическом отношении изделий. Дальнейшее развитие стиля осуществляется в сторону упрощения первоначальных форм и орнамента. Византийские павлины мартыновских фибул не приживаются в днепровской среде, их черты "расплываются", утрачивают четкость и узнаваемость, превращаясь вначале в изображения каких-то фантастических животных, а затем и вовсе в безликие фигурные выступы, которые зачастую сливаются с краями щитков. Очертания пластин становятся грубее и схематичнее. Тонкий гравированный орнамент из спиралей и пальметт как бы "рассыпается" на отдельные, не связанные в единую композицию элементы. У типологически поздних экземпляров поверхность пластин гладкая, лишь иногда украшенная редкими кружками, насечками и прочерченными линиями. Наиболее последовательно этапы эволюции, а точнее, деградации простых антропозооморфных брошей представлены застежками серии I.1.А, повторяющими форму мартыновских образцов (рис. 1, *1–12*; 3, *25–31*). В какой-то момент происходит "мутация" этой схемы: в месте наибольшего расширения удлиненных щитков некоторых фибул (не исключено, что под влиянием пальчатых) появляется дополнительная пара боковых отростков. Начало данного эволюционного ряда положено экземплярами из Козиевского-Новоодесского клада и с Пастырского городища (рис. 1, *13, 15*; 3, *32, 33*). Они выполнены еще в мартыновской орнаментальной традиции, хотя их боковые выступы, особенно дополнительная пара на ножке, выглядят довольно грубыми репликами птичьих головок, изображенных на более ранних в типологическом отношении вещах. Фибулы варианта I.1.Б-а отражают финальную стадию развития таких украшений (рис. 1, *16–25*; 3, *34–36*). Зооморфные образы у них практически утратили реалистичность, выступы срослись с краями щитков и воспринимаются как сложная система перемычек и отверстий, придающая изделиям ажурность и вычурность. Их форма явно перекликается с обликом сложных антропозооморфных застежек (рис. 3, *II*, *37–46*), причем сходство этих двух групп состоит не только в близости внешнего вида, но и в общей территории распространения (район Пастырского городища) и, вероятно, во времени существования.

У фибул типа I.2, с лопатообразными или геральдическими ножками, более зримо проступает двупластинчатая схема. Однако в целом они были созданы, очевидно, под сильным влиянием антропозооморфных фибул с ромбическими ножками, что проявляется прежде всего в манере оформления их головных щитков. Кроме того, рудиментарные боковые отростки на лопатообразных пластинах фибул серии I.2.В (рис. 2, *10–13*; 3, *12–14*) так-

же могли быть заимствованы у застежек типа I.1, для которых характерны одна-две пары зооморфных изображений на ножках. Экземпляры из Градижска и погребения 131 Суук-Су (рис. 2, *14, 15*; 3, *15*), у которых боковые выступы проработаны достаточно отчетливо, а на поверхность нанесен гравированный орнамент в виде "елочки", демонстрируют знакомство изготовивших их мастеров с образцами мартыновского стиля. Возможно, это наиболее ранние в типологическом смысле украшения рассматриваемой разновидности. Дальнейшее развитие застежек с лопатообразными ножками осуществляется в том же направлении, что и фибул с ножками ромбической формы. Появляется бóльшая резкость и угловатость в очертаниях головных пластин, происходит общее упрощение и огрубение первоначальных орнаментальных сюжетов и образов. Выступы начинают трактоваться как фантастические "расплывшиеся" звериные фигуры, а затем полностью схематизируются и либо сливаются с краями щитков, образуя ритмичную кайму по краю изделия, либо превращаются в крючковидные отростки, весьма отдаленно напоминающие головы птиц (рис. 3, *12–14, 16–21*). Нужно отметить, что фибулы типа I.2 являются, так сказать, тупиковой ветвью эволюции простых антропозооморфных застежек и выходят из употребления вместе с другими украшениями круга "древностей антов" I группы.

Переходным звеном между простыми и сложными антропозооморфными фибулами традиционно считается находка из Блажков (рис. 1, *29*; 3, *37*) (Амброз, 1993. С. 181, 183). Ее верхний и нижний щитки соединены перемычками, которые осмыслены мастером как изображения змей, и по этому признаку она должна относиться к подгруппе сложных экземпляров. Однако прочие характерные особенности – пропорции, форма, трактовка боковых выступов, проработка фигур, оканчивающих головную пластину и ножку – делают рассматриваемый образец похожим на простые антропозооморфные застежки, особенно, как справедливо отметил А.К. Амброз, на изделия мартыновского мастера. Судя по имеющимся данным, блажковская фибула входила в состав большого "клада", разошедшегося по рукам, из которого сохранились еще цельнолитой браслет с расширенными гранеными концами и псевдопряжка (Корзухина, 1996. № 77. Табл. 43, *1–4*). Подобные украшения обычны в днепровских ранесредневековых кладах I группы, для которых, в свою очередь, характерны простые антропозооморфные застежки без перемычек между щитками. Вероятное сочетание псевдопряжки и литого браслета в одном комплексе с рассматриваемой фибулой, хотя и не является прямым аргументом в пользу отнесения последней к подгруппе простых антропозооморфных брошей, свидетельствует по крайней мере о синхронности их существования. Тем не менее очевидно, что фибула из Блажков (или близкие ей экземпляры) должна стоять в начале типологического ряда, приведшего к возникновению в Среднем Поднепровье всего многообразия сложных антропозооморфных застежек. Анализу этой категории украшений будет посвящена следующая работа.

Статья написана при финансовой поддержке РГНФ, проект № 05-01-01435а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Вып. I. Симферополь, 1990.

Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа V–VII вв. М., 1989.

Амброз А.К. К происхождению днепровских антропозооморфных фибул // РА. 1993. № 2.

Василенко В.М. Русское прикладное искусство. Истоки и становление. I в. до н.э. – XIII в. н.э. М., 1977.

Веймарн Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский могильник. Киев, 1993.

Гавритухин И.О. Датировка днепровских кладов первой группы методом синхронизации с древностями других территорий // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996а.

Гавритухин И.О. Типологическое определение инвентаря. Фибулы // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996б.

Гавритухин И.О. Финал традиций культур римского времени в Восточном Прикарпатье // Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa. Łódź, 2000.

Гавритухин И.О. Среднеднепровские ингумации второй половины V–VI в. // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. СПб., 2004.

Гавритухин И.О., Щеглова О.А. Группы днепровских раннесредневековых кладов // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996.

Генинг В.Ф. Южное Приуралье в III–VII вв. н.э. (проблема этноса и его происхождения) // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972.

Гороховський Є.Л. Дві архаїчні пальчасті фібули з Середньої Наддніпрянщини // Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тисячолітті н.е. Київ; Львів, 1999.

Горюнова В.М. Новый клад антского времени из Среднего Поднепровья // Археологические вести. Вып. I. СПб., 1992.

Калитинский А.П. К вопросу о некоторых формах двупластинчатых фибул из России // Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый семинарием им. Н.П. Кондакова. Т. II. Прага, 1928.

Корзухина Г.Ф. Среднее Поднепровье в V–VIII вв. // РА ИИМК РАН. 1974. Ф. № 77. Д. № Р-134.

Корзухина Г.Ф. Клады и случайные находки вещей круга "древностей антов" в Среднем Поднепровье // МАИЭТ. Вып. V. Симферополь, 1996.

Кракало І.В. Антські старожитності з Градизька // АЛЛУ. 2002. Ч. 1.

Кулаков В.И. Могильники западной части Мазурского Поозерья конца V – начала VIII вв. // Barbaricum. Warszawa, 1989.

Обломский А.М. Поселение Журавка Ольшанская в Среднем Поднепровье (опыт культурно-хронологического анализа материалов) // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 13. Мінск, 1998.

Постикэ Г.И. Археологические исследования на средневековом поселении Ханска // АИМ в 1981 г. 1985.

Приходнюк О.М. Основні підсумки та завдання вивчення Пастирського городища // Археологія. 1998а. № 3.

Приходнюк О.М. Пеньковская культура. Воронеж, 1998б.

Приходнюк О.М. Фибулы Пастырского городища // Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего средневековья. Воронеж, 2000.

Приходнюк О.М. Пастирське городище. Київ; Чрнівці, 2005.

Приходнюк О.М., Падин В.А., Тихонов Н.Г. Трубчевский клад антского времени // Материалы I тыс. н.э. по археологии и истории Украины и Венгрии. Киев, 1996.

Родинкова В.Е. Раннесредневековые памятники Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья с датирующими находками // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996.

Родинкова В.Е. Локальные разновидности женского металлического убора VII в. в Поднепровье // Чтения, посвященные 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ. Тез. конф. Ч. II. М., 2003.

Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М., 1948.

Рыбаков Б.А. Древние русы // СА. 1953. № XVII.

Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1988.

Седин А.А. Никодимовское городище раннего средневековья в восточной Белоруссии // Этногенез и этнокультурные контакты славян. Тр. VI Междунар. Конгресса славянской археологии. Т. III. М., 1997.

Спицын А.А. К вопросу о происхождении так называемых готских фибул // ЗРАО. НС. Т. XI. Вып. 1–2. СПб., 1899.

Шедеври Платар. Колекція старожитностей. Фотоальбом. Київ, 2004.

Эдинг Д. Антропо- и зооморфные фибулы Восточной Европы // Уч. зап. Института этнических и национальных культур народов Востока. Т. II. М., 1930.

Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н.э. Киев, 1985.

Bálint C. Der Gürtel im frühmittelalterlichen Transkaukasus und das Grab von Üč Tepe (Sowj. Azerbajdžan) (Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe) // Awarenforschungen. Bd. 1. Wien, 1992.

Daskalov M., Dimitrov D.J. Ein Paar anthropozoomorphe Bügelfibeln (des sog. Dnjeprtyps) aus Südbulgarien // Archaeologia Bulgarica. III. № 3. Sofia, 1999.

Kiss A. Das awarenzeitlich gepidische Gräberfeld von Kölked-Feketekapu A. Innsbruck, 1996.

Parczewski M. Metalowe zabytki naddnieprzańskie z VI–VIII w. w zbiorach krakowskiego Muzeum Archeologicznego // Archaeoslavica. 1991. № 1.

Szmoniewski B.S. Anthropozoomorphic brooches of the Dnepr type in initial phases of the early Middle Ages. The migration of a style – idea – object // Wędrówki rzeczy i idei w Średniowieczu. Spotkania Bytomskie. T. V. Wrocław, 2004.

Tejral J. Zur Chronologie der frühen Völkerwanderungszeit im mittleren Donau // Archaeologia Austriaca. 1988. Bd. 72.

Tejral J. Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonauraum // Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donauraum. Brno, 1995.

Werner J. Slawische Bügelfibeln des 7. Jahrhunderts // Reinecke Festschrift. Mainz, 1950.

On typological development of anthropozoomorphic fibulae (simple forms)

V. E. Rodinkova

Summary

The article is devoted to the investigation of one of the brightest elements of "Ants" material complex from the turn of 6th c. to the middle – the third quarter of the 7th c. The origin of anthropozoomorphic fibulae is traditionally connected with two-lamellar fibulae with a triangular head shield but a sizeable chronological gap does not permit to confirm that there is a direct relation between these two varieties of adornments. Anthropo-zoomorphic brooches also demonstrate noticeable signs of the radiate-head specimens influence but they are, on the whole, a spontaneous innovation in the material culture of the population of the Middle Dnieper region.

Simple anthropozoomorphic fibulae constitute two types inside of which series and variants of similar things are marked out. Probably, all these things were in use at one time and during a comparatively short period. The specimens from the Martynovsky treasure and the similar specimens, whose ornamentation resembles the manner characteristic of Byzantine arts and crafts, are the earliest in a typological respect. The further development of the style proceeded towards simplification and coarsening both of the original forms and the ornament. The peculiarities of expansion of these things point to the presence of local adornment sets within the limits of the complex of "Ants' antiquities". The anthropozoomorphic fibulae came from the Dnieper region to the Crimea where the own production of such goods was obviously established. The specimens from the Baltic region and the Danube basin mark the main lines and directions of cultural contacts of the Middle Dnieper population at the final stage of the epoch of the Great migration.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 3, с. 52–62

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ПЕРСТНИ X – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIII в. ИЗ КИЕВА (ХРОНОЛОИЯ, ТИПОЛОГИЯ)

© 2006 г. Л. П. Михайлик

Институт археологии РАН, Москва

Целью настоящего исследования является реконструкция развития древнерусского ювелирного искусства на примере отдельного вида древнерусских украшений, а именно – перстней с территории древнего Киева. Источниковедческую базу исследования составляют 90 экземпляров перстней из различных археологических комплексов древнерусского времени на территории Киева. К сожалению, следует констатировать определенную ограниченность источниковедческой базы и неудовлетворительное состояние введения источников в научное обращение.

Хронологические границы исследования (X – первая половина XIII в.) обусловлены традиционными временными рамками княжеской поры. При этом довольно дискуссионной является нижняя хронологическая граница. В ее определении мы опирались на археологическое датирование исследуемых комплексов. Достоверные комплексы IX в. с находками перстней на территории Киева в настоящее время не известны.

Прежде чем перейти к типологии перстней, следует дать краткую характеристику комплексов из которых они происходят.

Перстни из погребений. Перстни этой группы были найдены на территории киевского некрополя – Десятинной церкви и близлежащих к ней участков. За базовую основу при исследовании этих погребений взята работа М.К. Каргера "Древний Киев" Т. 1. (1958). Среди 44 "рядовых" погребений, перстни найдены в двух (№ 26, 46), из 17 погребений "зажиточных" дружинников также в двух погребениях (№ 107, 112). Еще четыре перстня были найдены в погребениях зажиточных женщин. Эти погребения были исследованы археологами в разные годы, поэтому общепринятой нумерации погребений на данный момент нет. Таким образом, перстней из погребений всего 10 экземпляров.

Перстни из кладов. Почти 60 кладов с ювелирными изделиями из золота и серебра были найдены на территории Киева. Из них 56 происходит из Верхнего города. В топографическом отношении клады располагаются так: 28 – в границах "Города Владимира", 16 – в границах "Города Ярослава" и 12 на территории Михайловского монастыря. В своей работе мы опирались на труд Г.Ф. Корзухиной "Русские клады X–XIII вв." (1954). Из кладов происходит 48 перстней, это самая многочисленная группа.

Перстни из жилых комплексов. Достаточно большое количество перстней было обнаружено на протяжении разных лет при исследовании многочисленных жилых комплексов. Такие находки случались при раскопках жилищ и иных построек на Подоле, а также в "городе" Ярослава. Определенное количество перстней, найденных в Киеве, хранится в Музее истории Киева (МИК). К сожалению, почти все вещи до сих пор не были изданы, о них известно место находки и описание вещи по учетной карточке музея (11 единиц).

Перстни из неопределенных комплексов. Материал этой группы происходят из бывшей коллекции Б.И. и В.Н. Ханенко (1902. С. 45–71; 1907. С. 34–67). Перстни, как и вся коллекция, датированы довольно широко, а именно всей славянской эпохой (VI–XIII вв.). Для более детального изучения были отобраны перстни, происходящие из Киева, изображения которых сохранились (9 единиц). Так же в эту группу украшений включены перстни из собрания Национального Музея истории Украины (НМИУ), которые происходят с территории усадьбы Десятинной церкви. Все вещи были найдены во время археологических раскопок под руководством Т.М. Мовчановского 1936–1937 годов. К сожалению, ни отчетов, ни дневников об этих раскопках не сохранилось. Исходя из этого целесообразно соединить их в одну группу (всего 7 экз.). Также к этой группе относятся перстни из собрания МИК[1]. Эти вещи найдены в Киеве, но условия и более точное место находки не известно (всего 3 экз.).

ТИПОЛОГИЯ ДРЕВНЕРУССКИХ ПЕРСТНЕЙ С ТЕРРИТОРИИ ДРЕВНЕГО КИЕВА

Металлические перстни древнерусского периода неоднократно привлекали внимание археологов (Арциховский, 1930. С. 71–88; Недошивина, 1967. С. 253–274; Седова, 1959. С. 223–261; 1981. С. 121–

[1] Благодарю сотрудника музея Наталью Николаевну Будзинскую за разрешение публикации ее материала.

143; Макарова, 1981. С. 39–46). Предложенная исследователями совокупность максимально возможных характеристик, приемлемых для описания данной категории вещей (Арциховский, 1930. С. 70–110; Седова, 1981. С. 121–144; Рындина, 1963. С. 200–268), упорядочена Т.Г. Сарачевой (1994. С. 85–97). Классификационная схема этой исследовательницы является наиболее оптимальной и открытой. Главное преимущество этой разработки состоит в близких географических границах регионов. Существенна стройность и последовательность построения типологии, а главное, удобство в использовании при обработке киевского материала. Следует указать, что вышеупомянутая типология используется как базовая.

Перстень, как и любой другой артефакт, состоит из одного или несколько конструктивных элементов, каждый из которых предусматривает собственную форму, построение, способ соединения с другими элементами. В конструкции перстня выделяются несколько ключевых частей (конструктивных элементов): обруч, щиток, оправа, вставка (Щапова и др., 1990. С. 9). По самым общим признакам – совокупностно конструктивных элементов – было выделено три класса перстней.

I. Перстни, состоящие из дужки.

II. Перстни, состоящие из дужки и щитка.

III. Перстни, состоящие из дужки, оправы и вставки.

Дужка является обязательным конструктивным элементом всех разновидностей перстней. В перстнях класса I дужка – единственный конструктивный элемент, тем не менее его форма отличается большим многообразием. В перстнях классов II и III дужки двух форм: простые пластинчатые или жгутовые. При появлении новых конструктивных элементов, которые являются одновременно и декоративными (щиток, оправа, вставка), варьировались именно они, а не дужка. Форма щитка в поперечном или продольном сечении отличается от формы дужки. Щиток всегда находится на передней части дужки, которая при ношении перстня остается открытой и видимой. Оправа (гнездо, коронка, каст) служит для закрепления вставки. Таким образом, дужка является верификационным конструктивным элементом перстней класса I, щиток – класса II, коронки и вставки – класса III. Форма этих элементов является существенным признаком для деления перстней на типы в каждом классе (Сарачева, 1994. С. 85).

КЛАСС I. ПЕРСТНИ, СОСТОЯЩИЕ ИЗ ДУЖКИ

Тип 1. *Пластинчатые прямые перстни.* 3 экз. (рис. 1, *1*)

Дужка замкнутая или разомкнутая. Концы разомкнутой дужки оформлялись разными способами. Обычно декор на подобных перстнях отсутствует. Изготовляли их с помощью ковки.

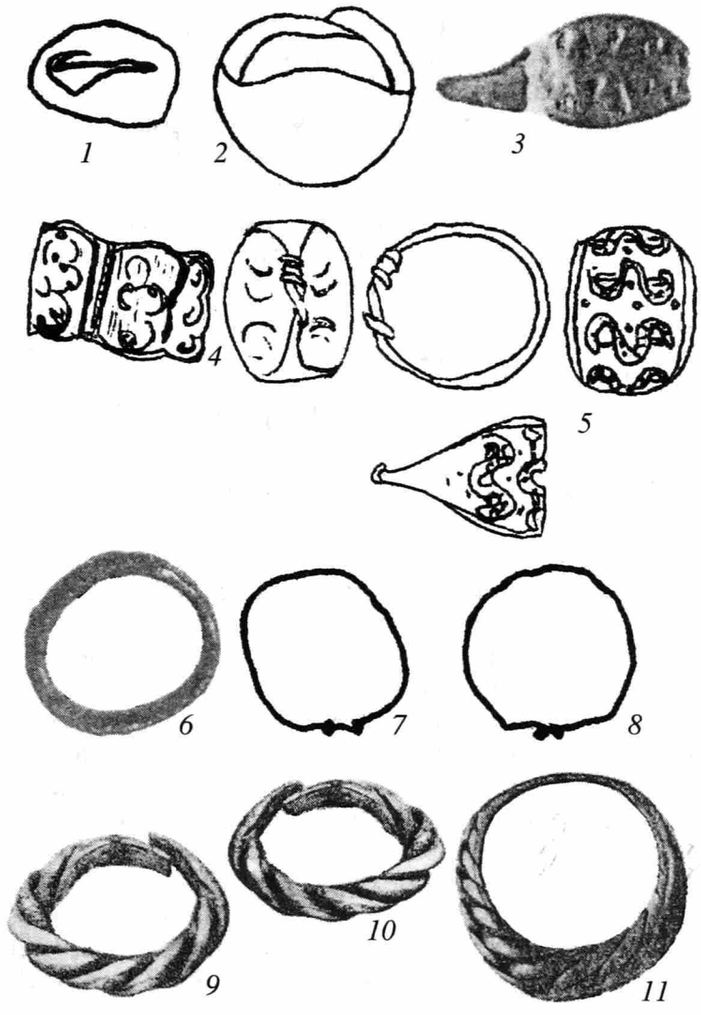


Рис. 1. Класс 1. Перстни, состоящие из дужки. *1* – пластинчатые прямые перстни (тип 1); *2, 3* – пластинчатые широкосерединные перстни (тип 2); *4, 5* – пластинчатые широкосерединные с завязанными концами (тип 2а); *6* – простые проволочные перстни (тип 3); *7, 8* – проволочные перстни с завязанными концами (тип 3а); *9, 10* – витые перстни (тип 4); *11* – плетеные перстни (тип 5).

В этот тип входят также перстни аналогичные по форме, но изготовленные путем литья в односторонних твердых (каменных) формах или в пластичных (глиняных) формах, полученных путем оттиска в них готового изделии или модели. Дужка разомкнутая, по всей длине украшенная рельефным геометрическим или растительным декором разных вариантов. Пластинчатые прямые перстни широко распространены в XI–XII вв. на территории Древней Руси (Сарачева, 1994. С. 87).

Среди нашего материала можно назвать два серебряных перстня из погребений (Каргер, 1958. С. 145. п. № 26. Табл. IX. *1*; С. 149. п. № 46). У одного завязаные концы, второй с гравированным орнаментом (рис. 1, *1*).

Тип 2. *Пластинчатые широкосерединные перстни.* 4 экз. (рис. 1, *2, 3*)

Дужка разомкнутая, большинство перстней с декором, расположенным на расширенной части пластины. Встречаются как кованные, так и литые изделия. Последние, отлитые в твердых, иногда в пластичных односторонних формах, имеют разомкнутую дужку. Этот тип перстней известен на территории Северо-Восточной Руси (Недошивина, 1967. С. 269), а также на памятниках Финляндии (Сарачева, 1994. С. 87), датируется второй половиной X в. (Седова, 1981. С. 129). Представлен следующими экземплярами: первый перстень из погребения (рис. 1, *2*), концы заходят один за другой. (Голубева, 1949. С. 110), второй (рис. 1, *3*) происходит из клада (ОАК, 1911. Рис. 103*д*). Оба перстня из серебра.

Тип 2а. *Пластинчатые широкосерединные с завязанными концами*. 2 экз. (рис. 1, *4, 5*)

К подтипу принадлежат кованые перстни с завязанными концами. Такие перстни встречены на узкой территории Днепровского Левобережья. Они четко выделяются хронологически – вторая половина X – начало IX в. (Сарачева, 1994. С. 87). В нашем материале тип представлен двумя перстнями, они происходят из погребений, изготовлены из серебра. Щиток первого занимает 3/4 дужки, края волнистые (рис. 1, *4*). Перстень чеканный, орнамент, заполненный чернью, состоит из колец, прямых черточек, точек (Каргер, 1958. С. 177–182. п. № 112. Табл. XX, *2в*). Второй имеет плоский, овальный со сглаженными углами щиток (рис. 1, *5*), на котором размещен зигзагообразный орнамент (Боровський, Архіпова, 1993. С. 56).

Тип 3. *Простые проволочные перстни*. 3 экз. (рис. 1, *6*)

Изготавливались при помощи ковки, а также литья в двусторонних формах. Имеют как разомкнутую дужку (ковка), так и сплошную (литье), декор отсутствует. Были широко распространены в второй половине X–XII вв. (Сарачева, 1994. С. 87). У нас тип представлен серебряным перстенем, происходящим из погребения (Голубева, 1949. С. 111), а также перстенем из собрания НМИУ (рис. 1, *6*) (Церква Богородиці..., 1996. № 29).

Тип 3а. *Проволочные перстни с завязанными концами*. 3 экз. (рис. 1, *7, 8*).

Отличаются от предыдущих связанными концами дужки. Широкое распространение простых проволочных перстней на территории Руси подчеркивала Н.Г. Недошивина (1967. С. 268). Менее распространенными являются проволочные перстни с перевитью (Сарачева, 1994. С. 87). Среди нашего материала есть три перстня этого типа: два золотых (Каргер, 1958. С. 298. п. № 123. Табл. XXVII) (рис. 1, *7, 8*) и один из серебра (Голубева, 1949. С. 109). Все они из погребений.

Тип 4. *Витые перстни*. 3 экз. (рис. 1, *9, 10*)

Преобладают перстни, свитые из круглой проволоки, перекрученной трижды, концы оформлены в виде петли или расплющены (Сарачева, 1994. С. 88). Наиболее ранние экземпляры датируются IX в. (Седова, 1981. С. 129). У нас этот тип представлен перстнем из клада. Он серебряный, половина окружности свита в три дрота с перевитью (ОАК, 1903. Табл. V, *18*). К этому же типу относятся также два экземпляра (рис. 1, *9, 10*) из коллекции Б.Н. Ханенко (1902. № 1045, 1046).

Тип 5. *Плетеные перстни*. 1 экз. (рис. 1, *11*)

Перстни этого типа могут быть сплетены разными способами в 2, 3, 7 жгутов. Ранние экземпляры имеют сомкнутую дужку (концы завязаны), более поздние – разомкнутую (концы расплющены, плетение расположено в передней части дужки). Ранние экземпляры датируются серединой XI в. (Седова, 1981. С. 127). У нас тип представлен золотым перстнем из клада (Корзухина, 1954. С. 122. Табл. XLIV, *11*).

КЛАСС II. ЩИТКОВЫЕ ПЕРСТНИ

Главным конструктивным элементом перстней этого класса является щиток. Именно его поперечное сечение и форма служат основными критериями для разделения перстней на типы и подтипы. По поперечному сечению выделяются перстни с плоскими и выпуклыми щитками. Плоские щитки могут иметь в развертке форму круга, овала, квадрата, прямоугольника и различных многоугольников.

По характеру орнаментации плоских щитков можно выделить следующие подтипы: *1* – перстни с розетками из кринов; *2* – с розетками геометрического характера; *3* – с рапортом бордюра из лозы; *4* – с княжеским знаком или надписями; *5* – с изображением зверей, птиц или антропоморфных фигур (Макарова, 1986. С. 39).

Выпуклые щитки имеют форму розетки, усеченной пирамиды, цилиндра. Какие-либо подтипы отсутствуют.

Тип 6. *Перстни с плоским, круглым и овальным щитком, находящимся в одной плоскости с дужкой*. 12 экз. (рис. 2, *12–25*)

Дужка пластинчатая, сомкнутая. Принадлежат к древнейшему типу украшений этой категории. Литой перстень с круглым щитком с изображением птицы был найден в Новгороде, в слое первой половины X в. (Седова, 1981. С. 137. Рис. 50, *13*). Чаще всего перстни этой группы изготовлялись с помощью литья в разъемной форме со стержнем. Отдельные экземпляры отлиты по восковой модели, но встречаются и кованые изделия (Седова, 1981. С. 129). Щиток чаще всего орнаментирован. У нас тип представлен следующими экземплярами.

К *подтипу 2* относятся следующие перстни: первый найден в составе клада № 36 (рис. 2, *12*) (по Г.Ф. Корзухиной). В.П. Даркевич отнес этот перстень к украшениям восточного происхождения, учитывая отсутствие древнерусских аналогий

Рис. 2. Класс 2. Щитковые перстни. *12–25* – перстни с плоским щитком, находящимся в одной плоскости с дужкой (круглым и овальным) (тип 6); *26–39* – перстни с плоским щитком, находящимся в одной плоскости с дужкой (квадратным и прямоугольным) (тип 6а).

(1976. С. 53. Табл. 39, *25*). Но Т.И. Макарова считает, что перстень полностью вписывается в круг изделий с чернью, которые изготовлялись на Руси по восточным образцам (1986. С. 128. № 51). Второй – имеет стертый щиток, но можно предположить, что орнамент имел вид звезды или солнца со стилизованными лучами (Кондаков, 1896. Табл. V, *7*) (рис. 2, *13*). К этому подтипу относятся еще два

перстня из колекции МИКа. Первый орнаментирован косым крестом (рис. 2, *18*), на другом прочерчена звездочка, щиток овальный (рис. 2, *22*). Все перстни серебряные.

К *подтипу 3* относятся два перстня с довольно сложным гравированым орнаментом. На круглом щитке одного из них (рис. 2, *16*) в прямоугольной центральной части изображено два полукрина, в боковых частях размещен усложненный полукрин на черненом фоне (Макарова, 1986. С. 42. № 52). На втором перстне (Макарова, 1986. С. 42. № 53) подобный рисунок (рис. 2, *16*). Оба перстня серебряные.

К *подтипу 4* относится серебряный перстень с изображением княжеского знака (рис. 2, *17*). (Макарова, 1986. С. 42. № 56).

К *подтипу 5* принадлежат два перстня с антропоморфными изображениями. В первом случае (рис. 2, *14*) на овальном щитке перстня чернью изображен архангел Михаил в полный рост. Перстень золотой, дужка проволочная, вероятно служил печаткой (Кондаков, 1896. Табл. IX, *13*; Корзухина, 1954. С. 118). Следует заметить, что перстень подобного вида известен по находке из Белозерья (Сумина, 1999. С. 184. Рис. 8, *3*). На щитке второго перстня изображена черненая антропоморфная фигура, скорее всего, Христа. Ни сам перстень, ни его изображения не сохранились (Кондаков, 1896. Табл. IX, *17*; Корзухина, 1954. С. 118).

Тип 6а. *Перстни с плоским квадратным или прямоугольным щитком, находящимся в одной плоскости с дужкой*. 16 экз. (рис. 2, *26–39*)

Существовали одновременно с другими щитковыми перстнями. Также имели разнообразную орнаментацию. Изготовлялись преимущественно из оловянисто-свинцовых сплавов. Отливались в двусторонних разъемных каменных формах со стержнем. Подобные изделия имели богатую орнаментацию: косые кресты, решетки и т.п. В нашем материале представлен следующими подтипами.

К *подтипу 1* относятся два перстня, оба серебряные. Первый с прямоугольным щитоком (рис. 2, *36*). Орнамент в виде прямоугольника, вписанного в ромб, украшен внутри тонкой гравировкой (Макарова, 1986. С. 42. № 57). Второй перстень подтипа (рис. 2, *28*) с черненым узором на квадратном щитке. Орнамент состоит из четырех прочерченных треугольников, с полукринами внутри. Все композиция похожа на косой крест. Украшение нельзя назвать типичным, аналогии ему не известны. Но конструктивные элементы узора, а именно полукрины, достаточно распространены (Ханенко, 1907. С. 37. Табл. XXX. № 1108).

Многочисленны перстни *подтипа 2* нашей классификации. Рассматривая этот комплекс вещей, мы сталкиваемся с достаточно показательными следами серийного производства. Более всего это заметно на перстнях с четырехлепестковыми розетками. Можно выделить две пары перстней, подобных друг другу этим с орнаментом. Первая пара украшений (рис. 2, *29, 33*) практически идентична: в центре щитка розмещена розетка с четырьмя горельефными лепестками (Ханенко, 1907. С. 37. Табл. XXX. № 1109; Макарова, 1986. С. 128. № 60). По краям щитков прочерчен контур, напротив каждого лепестка напаяны шарики. Дужки в местах крепления к щитку расходится надвое. Отличие перстней несущественно. Щитки второй пары украшений (рис. 2, *30, 32*) не так ярко выражены и практически сливаются с дужкой (Макарова, 1986. С. 128, 129. № 58, 59). Они прямоугольные с четырехлепестковой розеткой в центре, на дужках сквозные отверстия. На щитке одного из перстней этого подтипа изображена фигура, напоминающая крест, вписанный в ромб (рис. 2, *34*). Дужка перстня в месте крепления к щитку расходится натрое (Макарова, 1986. С. 128. № 61.) Следующий перстень имеет квадратный щиток с двумя выступами вверху и внизу (рис. 2, *35*); в центре ромб, в углах следы гравировки (Кондаков, 1896. Табл. V, *1*). Еще два перстня подтипа происходят из одного клада (Макарова, 1986. С. 130. № 104, 105). Щитки перстней усложнены выступами, орнамент растительно-геометрический, с чернью по гравировке (рис. 2, *37, 38*). Последний перстень этого подтипа происходит из погребения (рис. 2, *26*). Он бронзовый, на щитке розетка (Хойновский, 1892. № 57). Все перстни этого подтипа, за исключением последнего, из серебра.

Единственный перстень *подтипа 3* состоит из трех прямоугольных полей (рис. 2, *27*), разделеных рельефными валиками (Макарова, 1986. С. 42. № 62). В каждом отсеке на черненном фоне изображена ажурная лоза. В.П. Даркевич отнес этот перстень к произведениям восточного искусства, мотивируя это отсутствием древнерусских аналогий (1976. С. 53. Табл. 39, *24*).

Перстни *подтипа 4*. К перстням с княжеским знаком на щитке, относится один (рис. 2, *34*) (Макарова, 1986. С. 42. № 64). Изготовлен он из серебра, в центре щитка изображена крестообразная фигура вписанная в ромб. К этому же подтипу отнесен перстень из низкопробного золота (рис. 2, *31*) с орнаментом в виде имитации арабского слова "АЛЛАХ" (Корзухина, 1954. С. 115). Оба перстня, вероятно, служили печатками.

Тип 6б. *Перстни с плоским шестиугольным щитком, находящимся в одной плоскости с дужкой*. 22 экз. (рис. 3, *40–59*)

Подобны другим перстням этого типа, техника изготовления та же самая, отличаются по форме щитка.

К *подтипу 1* относятся следующие перстни. Первый с щитком, орнаментированным розеткой с ярко выраженной зеркальной симметрией

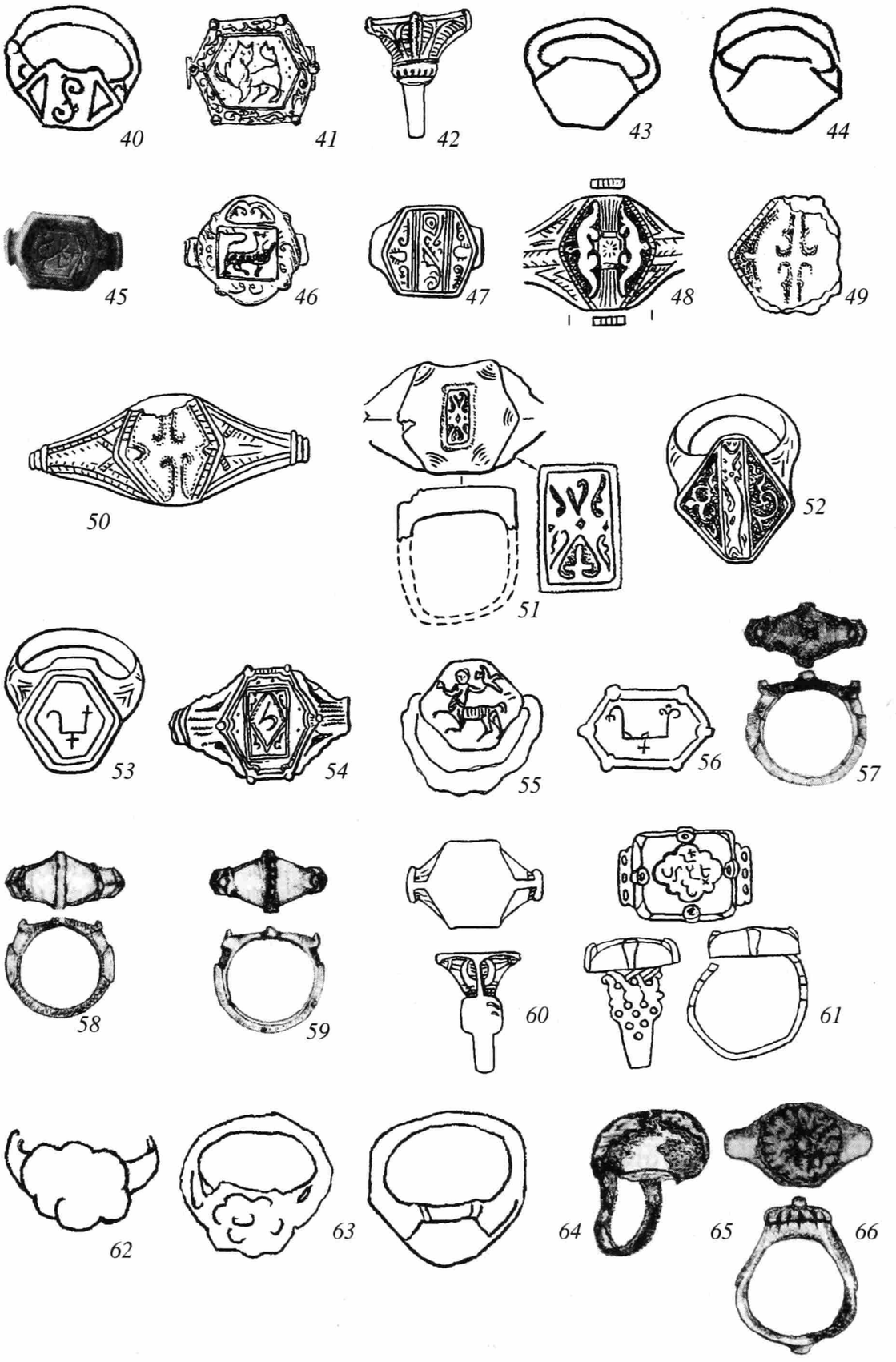


Рис. 3. Щитовые перстни. *40–59* – перстни с плоским щитком, находящимся в одной плоскости с дужкой (шестиугольные) (тип 6б); *60–66* – перстни с выпуклым объемным щитком (тип 7).

(рис. 3, *48*). В центре композиции маленькие штришки – радиально расходящиеся лучи (Макарова, 1986. С. 42. № 69). Второй перстень из того же клада (клад № 103) повторяет тот же сюжет (рис. 3, *49*), но в более упрощенной форме (Макарова, 1986. С. 42. №70). На щитке третьего перстня (рис. 3, *50*) изображены два крина, близких изображениям на предыдущих перстнях. Этот перстень очень похож по своему выполнению и замыслу, форме щитка, декору на первый перстень этого подтипа (Макарова, 1986. С. 42. № 71). Все перстни подтипа серебряные.

Подтип 3 представлен следующими экземплярами. На щитке первого перстня (рис. 2, *51*) нанесена гравировировка на черненом фоне в виде бордюра из перевернутых кринов (Макарова, 1986. С. 43. № 72). Второй перстень происходит из того же клада (клад № 103), орнамент выполнен чернью по гравировке (рис. 3, *52*) и представляет собой вариации сложной виноградной лозы (?) (Макарова, 1986. С. 44. № 73) Третий перстень (рис. 3, *40*) орнаментирован двумя треугольниками, посередине растительный орнамент в виде лозы (ОАК, 1911. Рис. 103*а*). Еще на одном перстне этого подтипа (рис. 3, *47*) также изображена лоза (Макарова, 1986. С. 44. № 75). Аналогичный перстень с подобным орнаментом найден на городище Княжа Гора (Макарова, 1986. С. 44. № 74). Все перстни этого подтипа серебряные.

Три перстня *подтипа 4* выполнены из серебра (рис. 3, *53, 54, 56*) и два из золота (рис. 3, *45*). На первом перстне изображен знак Рюриковичей (рис. 3, *53*) простых и четких очертаний, углубления рамки щитка заполнены чернью (Макарова, 1986. С. 44. № 80). Княжеский знак на втором перстне (рис. 3, *54*) имеет уже более усложненный рисунок (Макарова, 1986. С. 44. № 81). На следующем (рис. 3, *56*) княжеский знак объединен с элементами растительного орнамента (Макарова, 1986. С. 44. № 82). На первом, золотом перстне, княжеский знак составлен из нескольких соединенных вместе крестиков с усиками между ними, по краям щитка такие же усики. Перстень известен по описанию, изображение отсутствует (Корзухина, 1954. Клад № 76. Табл. XXXII, *3*). Завершает подтип украшений золотой перстень с арабской надписью (рис. 3, *45*). По краям щитка плетеный орнамент, в середине гравировка из элементов арабских букв (Корзухина, 1954. Клад № 97. Табл. XXXVII, *3*). Следует отметить, что на втором перстне из этого клада (клад № 97) тоже были арабские буквы, о нем уже говорилось выше (рис. 3, *31*).

К *подтипу 5* относятся следующие перстни. Один (рис. 3, *41*) золотой, на щитке изображен лев с повернутой назад головой и поднятой лапой. Вокруг щитка растительный орнамент, по углам напаяны выпуклые шарики (Кондаков, 1896. Табл. XV, *3*). Второй перстень (рис. 3, *46*) серебряный, на щитке изображение ягуара (барс?, лев?) с поднятой правой лапой и поднятым хвостом. Орнамент выполнен чернью по гравировке (Макарова, 1986. С. 128. № 98). Последний перстень этого подтипа (рис. 3, *55*) имеет золотой щиток и серебряную подвижную дужку. На щитке изображен кентавр с соколом в руке (Кондаков, 1896. С. 103. Рис. 63). Вероятно, все перстни этого подтипа использовались в качестве печаток.

Следует упомянуть три перстня, происходящих из коллекции МИКа, не относящихся ни к одному из подтипов (рис. 3, *57–59*). Они достаточно схожи между собой: дужка плоская, с ребром по внешнему краю, щиток ромбовидный с двумя лапками, посередине валик. Существовало мнение, что между валиком и лапками были несохранившиеся вставки. Аналогии этим киевским перстням были найдены в Новгороде (Седова, 1981. С. 136. Рис. 49, *8*) и Полоцке (Штыхов, 1975. С. 68. Рис. 33, *16*).

Не включенными в какой-либо подтип остались два перстня из клада 1955 года (Гончаров, 1956. С 132. Рис. 7, *3, 4*). Изображение на их щитках совсем стерлось. Перстни, вероятно, служили печатками (рис. 3, *43, 44*).

Тип 7. *Перстни с выпуклым объемным щитком*. 7 экз. (рис. 3, *60–66*)

Пластинчатая дужка перстней сомкнута. Щитки имеют объемную форму и значительно выступают над дужкой. Можно назвать следующие их формы: розетка, шар, конус, пирамида, сложный контур. Строение щитков разное: сплошные, пустые, ажурные. Основное распространение этих перстней пришлось на XI–XIII вв. (Сарачева, 1994. С. 88). В нашем материале тип представлен пятью экземплярами. Рассмотрим их по формам щитка. Шестиугольный выступающий над дужкой щиток имеют три перстня (рис. 3, *60, 63, 64*) (ОАК, 1911. Рис. 103*в, г*; Корзухина, 1954. Клад № 68. Табл. XXIX, *14*). Еще один перстень (рис. 3, *61*) имеет прямоугольный щиток, с черненым орнаментом в виде имени "Арсен" (по-армянски) (Корзухина, 1954. Клад № 68. Табл. XXIX, *13*). Отметим также перстень с щитком в виде шестилепестковой розетки (рис. 3, *62*). Половина дужки отсутствует (ОАК, 1911. Рис. 103*б*). Все перстни серебряные.

КЛАСС III. ПЕРСТНИ СО ВСТАВКАМИ

Тип 8. *Перстни со вставками*. 6 экз. (рис. 4, *67–72*)

Перстни этого типа имеют пластинчатую сомкнутую дужку. У некоторых отмечены фигурные переходы к оправе. Форма оправ чаще всего округлая, выступающая над дужкой. Вставки повторяют форму оправы и имеют плоский или выпуклый край, закреплены с помощью обжатия тонким краем оправы (Сарачева, 1994. С. 92). Близкие по форме перстни найдены в Новгороде и Ярополче-Залесском в слоях XII–XIII вв. Вставки

Рис. 4. Класс 3. Перстни со вставками. *67–72* – перстни со вставками (тип 8); *73–76* – перстни со вставками, дужка проволочная (тип 8а); *77–80* – перстни, имеющие несколько вставок (тип 9).

в них также закреплены с помощью обжатия кантом оправы (Сарачева, 1994. С. 92).

У нас тип представлен следующими экземплярами. Два перстня из собрания МИКа происходят из жилищных комплексов. У первого дужка расширена в круглый щиток, который находится в одной с ней плоскости. Щиток имел вставку из пасты, которая со временем распалась (рис. 4, *68*). Второй перстень имеет разомкнутую дужку, расширяющуюся в средней части в круглый щиток с глубокой выемкой. Концы перстня равномерно сужаются и немного заходят один за другой. Щиток имел вставку из стекла или пасты (рис. 4, *69*). Еще два перстня (рис. 4, *71, 72*) происходят из коллекции Б.М. Ханенко (1902. № 450, 1035).

Тип 8а. *Перстни с вставками, дужка проволочная*. 4 экз. (рис. 4, *73–76*)

Аналогичны другим перстням этого типа, существенное различие состоит в способе изготовления дужки. Дужка у таких перстней кованая. Этот подтип мы выделили на базе находок киевских перстней. Датировки их не отличается от других перстней этого типа. В нашем материале этот тип представляют два перстня. Оба золотые, имеют большие овальные каменные вставки. В первый (рис. 4, *73*) вставлен аметист, кант и проволока довольно тонкие (Корзухина, 1954. С. 117, 118. Клад № 98). Вставка второго (рис. 4, *74*) – темная яшма. По краям щитка, в месте крепления к дужке, выступы овальной формы, отдаленно напоминающие крылья (Кондаков, 1896. Табл. IX, *26*). Аналогии этим киевским перстням можно найти в новгородских слоях XII – середины XIV в. (Седова, 1981. С. 140. Рис. 54).

Тип 9. *Перстни, имеющие несколько вставок*. 4 экз. (рис. 4, *77–80*)

По общей характеристике они близки другим перстням этого типа, существенное различие состоит в количестве вставок, а также технологии изготовления. Перстни этого типа выделены на базе находок из Киева. Ярким представителем этого типа является перстень с тремя вставками (рис. 4, *77*), происходящий из тайника под фундаментом Десятинной Церкви (Каргер, 1941. С. 75–85). Датирован он XIII в., но можно предположить, что был в использовании и раньше. Достаточно интересен перстень из коллекции Б.Н. Ханенко (1902. № 1049). Он серебряный с круглым выступающим щитком, в который вставлено несколько камней и смальты (рис. 4, *80*). Также можно назвать перстень из коллекции МИКа, происходящий из жилых комплексов. Щиток имеет круглую вставку из фиолетового ограненного стекла. По обеим сторонам щитка по три мелких круглых гнезда с такими же вставками, закрепленными "глухим" способом прямо в щиток. (рис. 4, *79*). Аналогии такому перстню не известны.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДРЕВНЕРУССКИХ ПЕРСТНЕЙ С ТЕРРИТОРИИ КИЕВА

Собранный на территории Киева материал, дает возможность сделать следующие выводы. Большинство перстней происходит из определенных комплексов, как закрытых (погребения, клады), так и таких, "закрытость" которых вызывает определенные сомнения (жилые комплексы). При этом довольно интересными являются перстни, связь которых с определенным комплексом не выяснена. Это, прежде всего, находки из усадьбы Десятинной Церкви и перстни из собрания МИКа. Аналитический потенциал таких находок значительно ниже, тем не менее для некоторых видов анализа (сравнительный, хронологический, искусствоведческий, социальный и т.п.) они вполне пригодны.

Весь массив материала четко распределяется на две хронологические группы: раннюю (X–XI вв.) и позднюю (XII–XIII вв.).

Перстни X–XI вв. Основную группу этого времени составляют находоки из погребений и жилых комплексов. Типологически это простые кованые перстни (пластинчатые и проволочные). В основном это местные изделия, но присутствует в незначительном количестве импорт (рис. 1, *26*). Изготовлены они из серебра и разных вариантов бронзовых сплавов.

Из 20 перстней, датированных этим временем, 10 происходят из некрополей. Все погребения, содержащие перстни, женские. Это парные погребения, в которых воина сопровождает женщина, именно ей и принадлежат найденные украшения (рис. 1, *4, 26*). Кроме перстней в погребениях присутствует богатый вещевой инвентарь. Остальные захоронения можно интерпретировать как погребения зажиточных женщин (Каргер, 1958. С. 206–208), так как выявленные перстни не были единичным украшением в этих погребениях, они лишь дополняли убор (рис. 1, *5, 7, 8*). Еще два перстня из погребений (рис. 1, *1*) принадлежат более простой прослойке населения (на что возможно указывает отсутствие или бедность вещей, сопровождавших умершую).

Довольно интересным является бронзовый перстень (рис. 1, *26*), вероятно, импортного происхождения, так называемой коринфской меди (Хойновский, 1892. С. 24). Перстни с щитками еще не были широко известны на Руси в X–XI вв., куда они чаще всего попадали путем импорта. В нашем случае можно предположить, что вещь попала непосредственно с самим ее владельцем, скорее всего, похороненная женщина была наложницей (Каргер, 1958. С. 168).

Остальные перстни этого хронологического периода происходят из жилых, а также из неопределенных комплексов. Все украшения изготовлены из бронзы или меди, лишь один перстень серебряный (рис. 3, *66*). Большинство находок происходит из Верхнего города (Боровский, 1979. С. 34; Боровский, Архіпова, 1989. С. 54), их четыре (рис. 2, *18*; 3, *57, 58*; 4, *69*), и два украшения с Подола (Сагайдак, 1991, С. 87) (рис. 1, *3*; 4, *68*), а также присутствуют три перстня из неопределенных комплексов (рис. 2, *22, 59*; 3, *66*).

Перстни XII–XIII вв. Эта хроногруппа представлена большим количеством материала (70 единиц) и многообразием типов. Большинство перстней происходит из кладов, именно они составляют основную массу изучаемого материала. Сюда же входят находки из жилых, а также из неопределенных комплексов.

Перстней из кладов насчитывается 48. Почти все клады датированы в границах 70-х годов XII в. – 1240 г. (Корзухина, 1954. С. 5). Перстни этой группы сделаны из драгоценных металлов.

Вторая группа украшений датированных XII–XIII вв., также происходит из жилых и неопределенных комплексов. Как и вещи ранней хронологической группы (X–XI вв.), рассматриваемые перстни можно разделить по месту их находки. Соответственно, четыре перстня происходят с Подола (Гупало, Івакін, 1989. С. 64) и один – из Верхнего города (Боровский, 1979. С. 76) (рис. 1, *3*; 2, *19*; 3, *65*). Все они изготовлены из простых металлов.

Остановимся детальнее на перстнях из кладов. Почти все перстни имеют уникальный и индивидуальный характер и выполнены преимущественно на заказ. Некоторые перстни можно довольно уверенно интерпретировать как родовое отличие, тамгу. Это касается перстней из клада № 103 (по Г.Ф. Корзухиной). На них, в разнообразных вариа-

циях, повторяется довольно похожий сюжет, а именно – два крина, зеркально симметричные друг другу (рис. 2, *48–50*). Вероятно, все три перстня с розетками из кринов изготовлены разными мастерами. В этой ситуации уместна мысль, что перстни с этим близким орнаментом носили члены одной семьи, для которых разные мастера повторили сюжет. В этом случае уместно предположить, не ли имел этот сюжет значение, близкое к символу родовой, семейной принадлежности (Макарова, 1986. С. 43).

Многие перстни из кладов являются, по сути, печатями, имеющими разнообразный орнамент. Подобные перстни можно охарактеризовать как символ власти или свидетельство личности. Вполне уверенно можно говорить, что перстни с изображением архангела Михаила (рис. 2, *14*) и Христа (Корзухина, 1954. С. 118), а также перстень с изображением трех святых (рис. 2, *20*) принадлежали лицам духовного сана и использовались в религиозных обрядах. Часть перстней из кладов имеет на своем щитке так называемый знак Рюриковичей. Этот двузубец размещен на одном перстне из клада № 103 (по Г.Ф. Корзухиной) (рис. 3, *53*) и на двух экземплярах из клада № 108 (по Г.Ф. Корзухиной) (рис. 2, *17*; 3, *56*). В настоящее время считается общепринятым, что древнерусские княжеские знаки в виде двузубцев прямоугольных форм связаны с потомками Мстислава Большого. Знак на перстне из клада № 103 (по Г.Ф. Корзухиной) целиком вписывается в систему знаков древнерусских князей, скорее всего, он близок к знаку праправнука Мстислава Большого – Романа Мстиславича (умер в 1205 г.), но более сложный (Макарова, 1988. С. 243). Эти перстни можно уверенно интерпретировать как знаки власти.

Присутствует значительное количество импортных изделий. Выше были указаны вещи восточного происхождения (рис. 2, *31, 45*), а также византийские (рис. 2, *12, 27*). Наличие импортных украшений свидетельствует о довольно тесных торговых и дипломатических отношениях с другими странами. Такие перстни могли принадлежать купцам или же дипломатам. Говоря о импорте, нельзя не упомянуть перстень, происходящий из тайника под фундаментом Десятинной церкви (рис. 4, *77*). Это золотой перстень с тремя округлыми кастами, из них один пустой, второй заполнен пастой, в третий вправлен рубин. Часть дужки и щиток были покрыты накладной филигранью. Довольно сложная техника, с помощью которой изготовлена вещь, драгоценный металл и камень позволяют предполагать, что киевский перстень имеет византийское происхождение, тем более, что ему известно довольно много аналогий. По предположению Л. Пекарской (1996. С. 49), этот перстень близок византийскому перстню из коллекции Б. Билбоу. Логично было бы отнеси эту вещь к импортным византийским изделиям. Так же к импортным изделиям следует отнести схожий с описаным выше перстень из коллекции Ханенко (1902. № 1049). Он серебряный, с круглым выступающим щитком, в который вставлено несколько камней или смальты (рис. 4, *80*).

Кроме индикатора социальной или родовой принадлежности, перстень выполнял функцию обычного украшения. Это относится прежде всего к перстням со вставками. Камень, оправленный в золотую проволоку, дополнял ювелирный ансамбль (рис. 4, *73, 74*). Здесь следует упомянуть перстень со вставкой в виде камеи (рис. 4, *67*). Материал, из которого выполнена вставка, и происхождение самой вещи не известны.

Анализируя перстни из жилых комплексов, можно сделать следующий вывод. Все украшения простых типов, выполнены из недрагоценных металлов, преимущественно бронзовые. Эти перстни можно интерпретировать именно как ювелирные изделия, выполняющие исключительно функции украшений. Говорить о каком-либо функциональном назначении, как символе социального статуса (брака), тоже целесообразно, но такие интерпретации являются сугубо гипотетическими.

Подводя общий итог изучения такой категории древнерусского ювелирного искусства, как перстень, нужно указать, что это украшение имело полифункциональное назначение, как далеко не каждое другое украшение. Кроме эстетической функции обычного женского украшения и детали костюма, перстень служил символом власти, индикатором имущественной и социальной принадлежности, имел значение удостоверения личности собственника, части религиозного культа. Именно поэтому перстень отличается определенной самобытностью, значительной индивидуальностью и многообразием типов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арциховский А.В. Курганы вятичей. М., 1930.

Археологічні розкопки у Києві. Київ, 1936.

Богусевич В.А. Археологічні розкопки в Києві на Подолі в 1950 році // Археологія. Т. 9. Київ, 1954.

Боровский Я.Є. Археологічні дослідження в "городі" Ярослава // Археологічні дослідження стародавнього Києва. Київ, 1979.

Боровский Я.Є. Архипова Є.І. Дослідження "міста" Ярослава 1984–1989 рр. // Стародавній Київ. Археологічні дослідження 1984–1989 рр. Київ, 1993.

Голубева Л.А. Киевский некрополь // МИА. Т. 11. М., 1949.

Гончаров В.К. Археологические раскопки в Киеве 1955 года // Археологія Т. 10. Київ, 1956.

Гупало К.М., Івакін Г.Ю. Дослідження Київського Подолу (1974–1975 рр.) // Археологія Києва. Київ, 1976.

Даркевич Д.В. Художественный металл Востока. М., 1976.

Каргер М.К. Тайник под развалинами Десятинной церкви в Киеве // КСИИМК. № 10. М., 1941.

Каргер М.К. Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1950.

Каргер М.К. Древний Киев Т. 1. М.; Л., 1958.

Кондаков Н.П. Русские клады Т. I. СПб., 1896.

Корзухина Г.Ф. Русские клады IX–XIII вв. М.; Л., 1954.

Макарова Т.И. Черневое дело Древней Руси. М., 1986.

Макарова Т.И. Перстни с геральдическими эмблемами из киевского клада // Древности славян и Русь. М., 1988.

Недошвина Н.Г. Перстни // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М., 1967.

ОАК за 1903 г. СПб., 1906.

ОАК за 1911 г. СПб., 1913.

Пекарска Л. Тайник Десятинної церкви // Церква Богородиці Десятинна у Києві. Київ, 1996.

Рыбаков Б.А. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси // СА. 1940. № IV.

Сагайдак М.А. Давньо-Київський Поділ. Київ, 1991.

Сарачева Т.Г. Металлические перстни Днепровского Левобережья (конец IX – первой половины XIII в.) // История и эволюция древних вещей. М., 1996.

Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода. М., 1978.

Сумина И.А. Металлические перстни средневекового Белозерья // Археологический сборник. Тр. МГУ Вып. 111. М., 1999

Церква Богородиці Десятинна у Києві. Київ, 1996.

Ханенко Б.И. Древности Приднепровья. Вып. V. Киев, 1902.

Ханенко Б.И. Древности Приднепровья. Вып. VI. Киев, 1907.

Хойновский А.Д. Раскопки великокняжего двора. Киев, 1902.

Штыхов Г.В. Древний Полоцк. Минск, 1975.

Щапова Ю.П., Лихтер Ю.А., Столярова Е.К. Морфология древностей. Киев, 1990.

Metallic rings of the 10th – the first half of the 13th c. from the city of Kiev (chronology and typology)

L. P. Mykhailyk

Summary

A collection of metallic rings from Kiev numbers more than 100 specimens and constantly increases. An insufficient level of study of the cumulative material whose time of existence is limited by the 10th c. – the first half of the 13th c. determined a choice of this material as a subject of a special investigation. Chronological bounds as well as attracted complexes are limited for convenience of the investigation. The archaeological finds of the metallic rings from Kiev necropolis and the housing estates dated to the 10th – 13th cc. constitute its source base. All the finds that are available for a study are included in the investigation. A typological system is developed on the basis of the existing typologies and also with the regard for the investigated material. It includes 9 types, and also 5 subtypes that systematize the character of imprints on shields of rings. Two chronological groups of the rinks are marked out: the early group of the 10th – 11th cc. and the late group of the 12th – 13th cc. Basing on the chronological and the typological results the author makes attempts of interpretation and also carries out more detailed investigations of separate groups of adornments. As a result rings of an import origin, rings of a functional destination such as rings-signets, patrimonial signs, power symbols, indicators of material and social ranks are marked out. Besides a social destination rings served as adornments, details of attire.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 3, с. 63–74

ХОЗЯЙСТВО И РЕМЕСЛО НАСЕЛЕНИЯ КАРЕЛЬСКОЙ ЗЕМЛИ В СРЕДНИЕ ВЕКА

© 2006 г. А. И. Сакса

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

Развитые экономика, хозяйство и ремесло являлись причиной демографического подъема и основой благополучия населения центральных районов древней Карельской земли (рис. 1) и расцвета его культуры в XII–XIV вв.. Об этом имеются свидетельства средневековых письменных источников и материалы из раскопок, относящихся к летописной кореле могильников, поселений и кладов.

Земледелие. В карельских грунтовых могилах найдено значительное количество кос, серпов, мотыг, рабочих топоров и костей домашних животных (корова, лошадь, свинья, овца). Это определенно означает, что в рассматриваемое нами время основой экономики карел были земледелие и скотоводство. Принято было считать, что наличие значительного количества рабочих топоров в подавляющей части мужских погребений означало ведущую роль подсеки в земледелии. Имеющийся у нас археологический материал дает основание считать, что на Карельском перешейке в XIII в., как и в соседних районах Новгородской земли, получило распространение пашенное земледелие (Кирьянов, 1959. С. 312, 319, 320, 330–335; Кирьянова, 1979. С. 73–82; 1989. С. 228, 229; Сакса, 1984. С. 112–117; 2001. С. 257–271; Кочкуркина, 1986. С. 84–90). Именно в XIII – начале XIV в. в Карелии стали возникать небольшие постоянные поселения с прилегающими к ним полями и другими сельскохозяйственными и природными угодьями (Сакса, 1984. С. 112–117; 1998, С. 157–160). Они вполне сопоставимы с деревнями Передней Карелии времени присоединения Новгородских земель к Москве, переписанных в писцовой книге Водской пятины 1500 г. Из злаковых культур в это время культивировались рожь, овес и ячмень. Пшеницу высевали в основном в центральной части Карельского перешейка на территории будущего прихода Рауту, одного из средневековых поселенческих центров (Ronimus, 1906. P. 11–13, 58; Kirkinen, 1994. P. 77–81). Вероятно, эту ситуацию можно проецировать и на более раннее время эпохи крестовых походов и начала средневековья, когда и возникли рассматриваемые нами деревни (Сакса, 1984. С. 116; Saksa, 1985. P. 46; 1992. P. 476).

В конце 1980-х и в 1990-е годы нами, совместно с учеными из Карельского исследовательского центра университета г. Йоенсуу, Геологического исследовательского центра Финляндии, университета г. Турку и Института озероведения РАН проводились палеоэкологические исследования на Карельском перешейке и в Северо-Западном Приладожье, целью которых было изучение развития земледелия в этом регионе и, в более общем плане, влияния деятельности человека на окружающую среду (Сакса, 1994. С. 101–104; Taavitsainen et al., 1994. P. 29–40; Grönlund et al., 1995; Saksa et al., 1996. P. 371–376; Grönlund et al., 1997. P. 391–395). Проведенные на расположенных вблизи археологических памятников озерах и болотах исследования пыльцы растений и других органических отложений значительно пополнили археологические материалы и данные письменных источников по рассматриваемой проблематике. Выяснилось, что на острове Кильпола в Северо-Западном Приладожье следы ранних опытов занятий земледелием относятся к римскому железному веку, в то время как в более позднее время конца железного века, на острове пыльца злаковых отсутствует в диаграммах донных отложений. Подобные наблюдения сделаны и по анализам образцов донных отложений Внутренней Финляндии (Taavitsainen et al., 1994. P. 37, 38; Saksa et al., 1996. P. 371–376). Наиболее приемлемым объяснением можно считать эпизодическую земледельческую деятельность охотников за пушниной, совершавших на Карельский перешеек и соседние с ним районы Восточной Финляндии продолжительные сезонные промысловые поездки в середине – третьей четверти I тыс. н.э.. В Северном Приладожье на о-ве Риеккала, на котором исследовано датированное временем около 500 г. н.э. погребение, в образцах донных отложений расположенного неподалеку от места его находки оз. Кирьявалампи пыльца ржи постоянно присутствует начиная от рубежа VI–VII в. (около 600 г. н.э.). (Simola, 2003. P. 106, 107). Эти новые данные палеоэкологических исследований служат еще одним аргументом в пользу отнесения времени зарождения центров постоянного населения к эпохе меровингов (VI–VII вв.) (Сакса, 1998. С. 157–160). На рассматриваемой территории ведущей формой экономики земледелие становится лишь начиная с XI в., а к XIII в. уже складывается цельная система малодворных деревень с примыкающими к ним полями и другими угодьями.

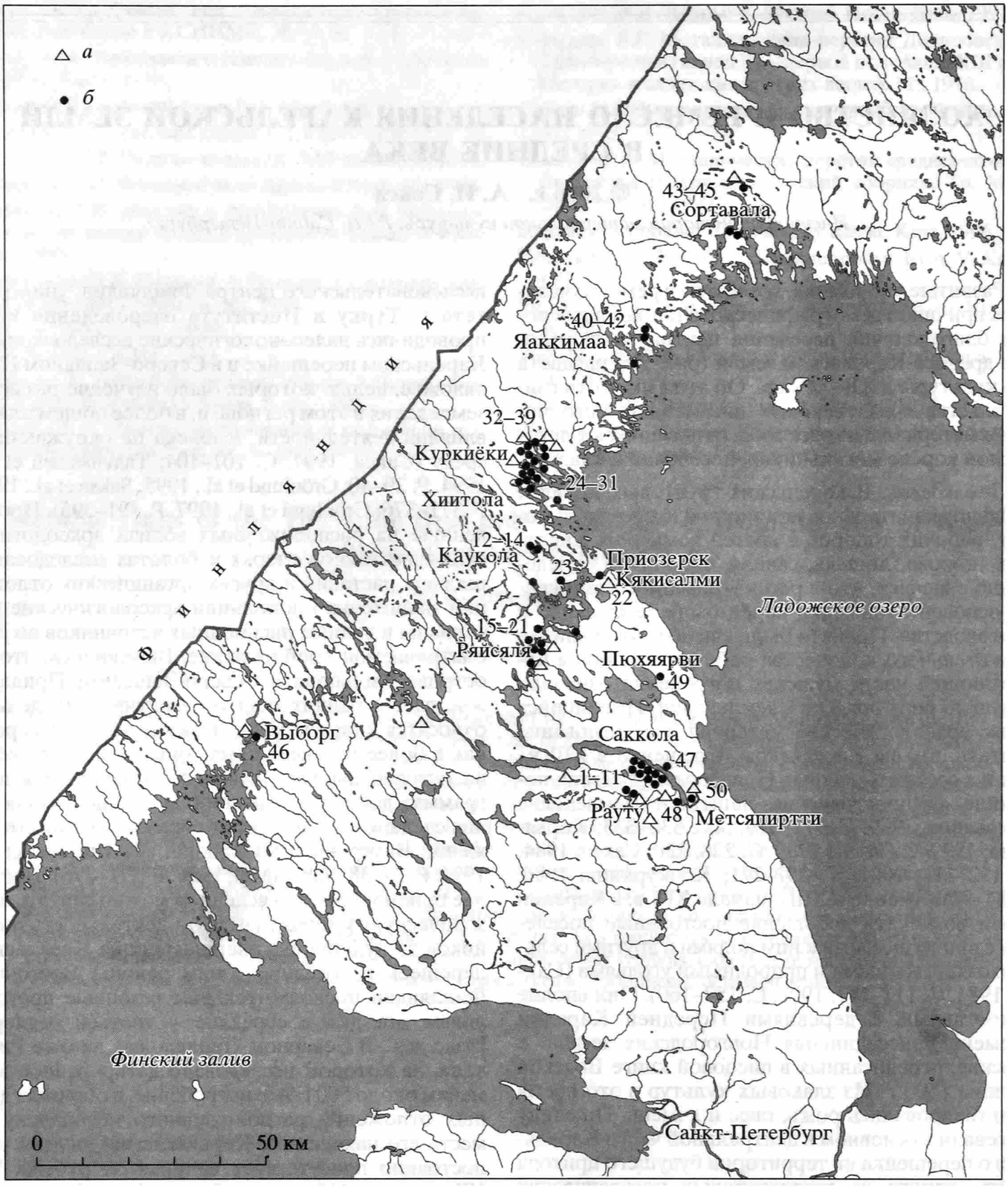


Рис. 1. Памятники эпохи викингов (800–1050 гг. н.э.) и эпохи крестовых походов (1050–1300 гг. н.э.) на территории центральных областей древней Карельской земли; *а* – могильники викингов IX–XI вв.; *б* – памятники эпохи крестовых походов 1050–1300 гг.

Скотоводство является, пожалуй, наименее изученной темой. Найденные на поселениях, в культовых каменных насыпях, около культовых камней и в погребениях кости домашних и диких животных еще ждут своего исследователя. В целом, без учета процентного соотношения, найдены кости коровы, лошади, овец и свиней. Из найденных в Новгороде берестяных грамот знаем, что налоги в Карелии платили, в том числе и шерстяными тканями (Арциховский, Борковский, 1958. С. 66).

Остатки шерстяных тканей встречены и в карельских грунтовых могилах эпохи крестовых походов. Большое количество костей и зубов лошади найдено нами в культовых каменных насыпях этого же времени в дер. Ольховка (Лапинлахти). Количество их так велико, что имеются основания говорить о культе лошади. Лошади из Карелии были хорошо известны и ценимы в Новгороде. К примеру, в берестяной грамоте № 266 из слоя 1369–1382 гг. предлагается взять в дорогу "кони карельские" (Арциховский, Борковский, 1963. С. 93, 94). Карельские лошади вывозились также в XIV в. в Финляндию и через Выборг в Швецию (Кочкуркина, 1986. С. 91; Saksa, 1998. P. 198). Роль лошади в Карелии также отражает легенда Коневецкого монастыря на Ладожском озере о "Конь-камне" и приносимых к нему в жертву лошадях.

Охота, рыболовство, промысловая деятельность в древней Карелии были, наряду с земледелием и скотоводством, существенными статьями не столько дохода (за исключением отраженных в летописи неурожаев и голодных годов), но и как средство постоянной (иногда сезонной) деятельности. Свидетельства этому известны по письменным источникам. Часть шкурок куницы, бобра, нерпы и белок уходила в оплату даней, но часть свободно продавалась или менялась на различные товары у сборщиков налогов (Кочкуркина, 1986. С. 91, 92; Кочкуркина и др., 1990. С. 91). В Задней Карелии охота и промыслы играли еще более важную роль в экономике; подати здесь платили от "лука", т.е. продуктами охоты, а не земледелия, как на Карельском перешейке. В Карелии в средневековье исключительно важным промыслом было рыболовство. Хорошие рыбные ловли и места нереста упоминались в мирных и торговых договорах между Новгородом и Швецией (Ореховский мирный договор 1323 г., земельные и другие акты XV в.) (Материалы по истории Карелии XII–XVI вв. 1941. 99–123). Также и из текстов новгородских берестяных грамот становится очевидным, насколько важным промыслом была рыбная ловля (грамоты № 259, 260, 280) (Янин, 1975. С. 137–139, 201). Роль рыбной продукции как важнейшей статьи в торговле конца эпохи язычества и в раннее средневековье подчеркивается материалами раскопок 1970–1990-х годов в крепости Корела и 1999–2004-х годов в Выборге, в ходе которых в нижних слоях середины XIII–XV в. были найдены многие десятки поплавков из сосновой коры и грузил от сетей. В то же время, на удивление мало встречалось костей и чешуи рыб при исключительно хорошей сохранности органики в культурных слоях. Можно предположить, что большая часть улова уходила на внешние рынки (Saksa, 1998. P. 198; Saksa et al., 2002. P. 37–64; 2003. P. 15–20; Сакса, 2002. С. 150–164; 2004. С. 569–584). Рыболовство как важный промысел горожан не отражено в средневековых источниках по истории Выборга, но хорошо известно по древнерусским писцовым книгам и другим письменным источникам относительно Корелы (Kuujo, 1958. P. 19, 20; Громов, Шаскольский, 1963. С. 23; Saksa, 1998. P. 198).

Ремесло карел представлено многочисленными предметами, инструментами и изделиями ремесленников из культурных слоев поселений и могил, которые демонстрируют высокий уровень и хорошее качество работы. Карельские ремесленники добывали озерную и болотную руду, плавили железо, изготавливали из него оружие, орудия труда, ремесленные инструменты и другие изделия, производили самые разнообразные украшения из бронзы и серебра. Остатки кузниц найдены в Ховинсаари Тонтинмяки, в Хиитола и Куркиёки Кууппала (Leppäaho, 1949. P. 44–46). Из могилы 2 на могильнике Кекомяки в Каукола Коверила известны инструменты кузнеца (Schvindt, 1893. P. 32–34). Шлаки в большом количестве повсеместно находят на поселениях и в могильниках; в 1985 г. на городище Хямеенлахти в Куркиёках нами найдена железная крица. К эпохе крестовых походов карельские ювелиры достигли высокой степени специализации в изготовлении украшений карельского женского костюма. Ювелиры, специализирующиеся по литым бронзовым украшениям, фибулам, пронизкам, цепедержателям, рукоятям и металлическим деталям ножей использовали для их украшения зооморфный, ленточный, ракообразный, спиральный и другие орнаменты. Изготовители бронзовых копоушек, ножен ножа и серебряных подковообразных фибул украшали их поверхность гравированным растительным и ленточным орнаментом, демонстрируя хорошее знание материала и используя все стилевые возможности орнаментальных мотивов и различную технику (рис. 2, 3). (Кочкуркина, 1986. С. 49–64; Saksa, 1990. P. 69–73; 1998. P. 197–200). По манере проводить линию и заполнению поверхности изделия орнаментом, по самим орнаментальным мотивам можно определить руку конкретного мастера и изделия одной "школы" или кузницы и тем самым определить территорию распространения украшений, рынки сбыта (Saksa, 1998. P. 199).

Картирование распространения традиционных, входящих составной частью в женский убор украшений карельских типов XII–XIV вв., со всей очевидностью показывает, что вещи определенных форм распространялись в большей части на ограниченной территории (рис. 2–7). Часть украшений распределялась внутри конкретной общины, часть же имела более широкое распространение. По распространению овально-выпуклых фибул, представляющих самую многочисленную группу находок, можно заключить, что на территории древней Карелии существовало несколько центров их производства (Linturi, 1980. P. 65–69). В данном случае следует учитывать, что каждую фибулу можно было копировать, и каждая последующая копия

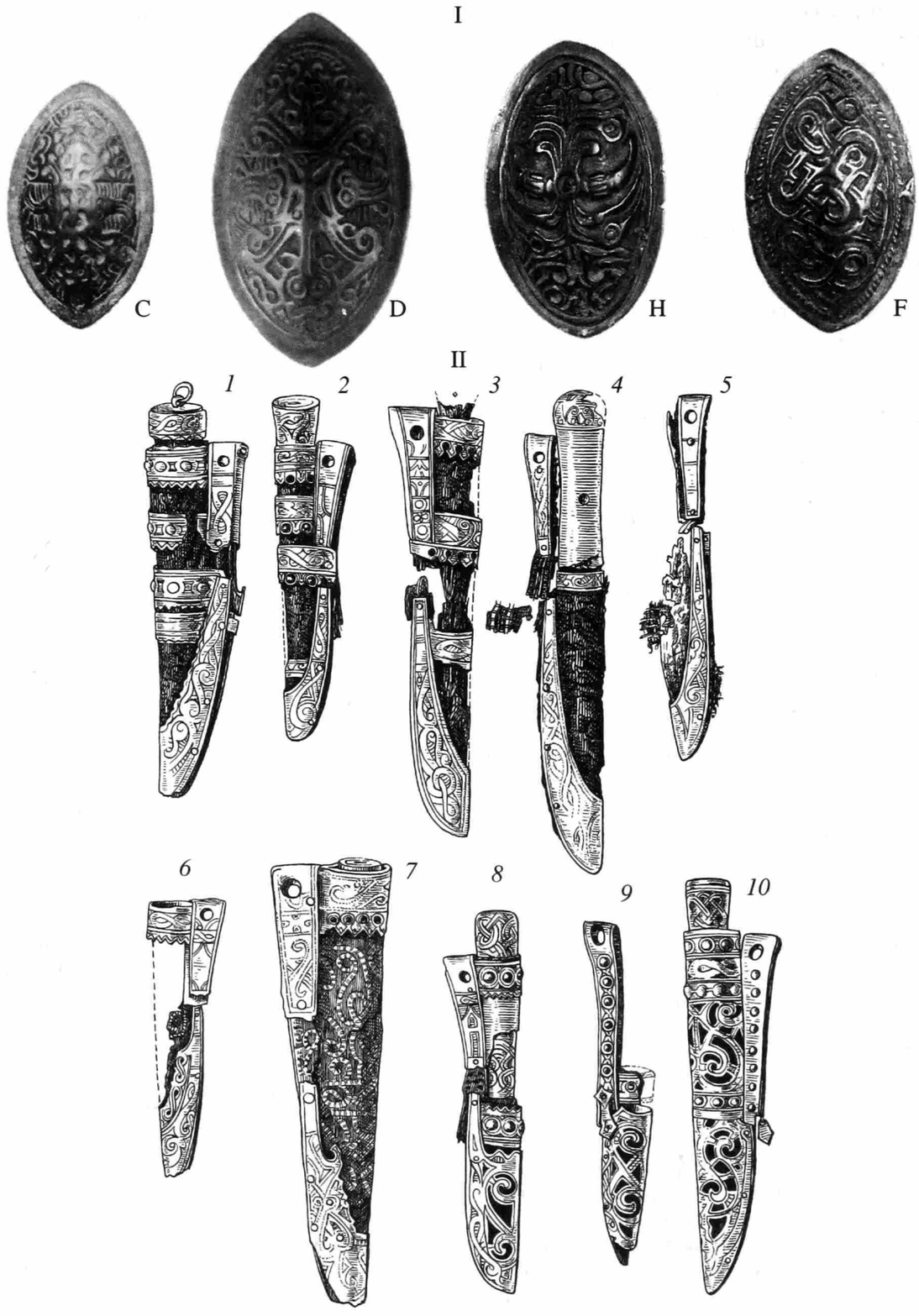


Рис. 2. I – карельские овально-выпуклые фибулы. Типы C, D, H, F; II – ножны ножей (*1–10*).

имела свою зону распространения (Tomanterä, 1994. P. 48, 49). Между территориями распространения украшений различных типов прослеживаются свои характерные особенности. Различия проявляются в вариантах и орнаментации общих для всей территории Карельской земли типов украшений, составляющих сложившийся к XII–XII вв. национальный убор карельского женского костюма.

В украшениях, следовательно, проявляются местные варианты, которые отражают особенности в костюме местных общин. И даже в этом случае мы не можем достоверно определить, в какой степени на эти различия влияют происходящие со

временем изменения в формах украшений. Во всяком случае проведенное нами основанное на деталях в форме, орнаментации и даже манере нанесения орнаментации на вещи типологическое исследование дает основание полагать, что конкретные выделенные виды украшений бытовали одновременно. Также и распространение аналогий украшениям внутри карельских древних общин отражает существовавшие между ними связи. К сожалению, материал Северо-Западного Приладожья не достаточен для выводов о деталях местного варианта карельского костюма. Имеющиеся данные, все же позволяют утверждать, что и на этой территории древней Карелии существовало свое производство украшений. Об этом свидетельствуют материалы, полученные и нашими раскопками на могильнике Калмистомяки в Кууппала в Куркиёках. Культурные связи в области распространения карельских типов украшений между центральными районами Карельского перешейка и Приладожской Карелией прослеживаются по количеству их находок и картам распространения.

На основании изучения украшений карельских типов мы можем утверждать, что в каждом поселенческом центре (или центре концентрации населения, в который входило несколько деревень) (рис. 4–8) существовали свои кузницы и мастера. Что же касается большого количества находок овально-выпуклых фибул карельских типов (к примеру, C, D, H и F, рис. 2, I) и их широкого распространения (рис. 4, 5), следует учитывать, что наплечные парные фибулы служили непременным и функционально значимым элементом женского костюма. Их распространение отвечает зоне распространения типа женской одежды с наплечными лямками, скрепляющимися в данном случае фибулами.

Археологический материал свидетельствует о профессиональном умении карельских кузнецов и уровне их технической подготовки, что указывает на существование определенных "школ", в рамках которых этот уровень мастерства достигался. На современном этапе исследования можно предполагать, что такими школами ремесла были укрепленные городища Карелии – собственно торгово-ремесленные центры: Кякисалми – Корела, Тиверский городок, городище Хямеенлахти в Куркиёках, Паасонвуори в Сортавале. При раскопках этих укрепленных торгово-ремесленных поселений обнаружен богатый материал, который свидетельствует о производственной деятельности, связанной с обработкой металла (Appelgren, 1891. P. 126–136; Кирпичников, 1979, С. 59–73; Кочкуркина, 1981. С. 38–61, 68–85; 1986. С. 49–55. Рис. 13, 14; Saksa, 1992a. P. 10, 11, 16–17. Kuv. 3; 1998. P. 199, 200). В Выборгском замке на Кузнечном дворике также найдены остатки мастерской, существовавшей там до возникновения шведского укрепления, в которой изготавливались и ремонтировались ко-

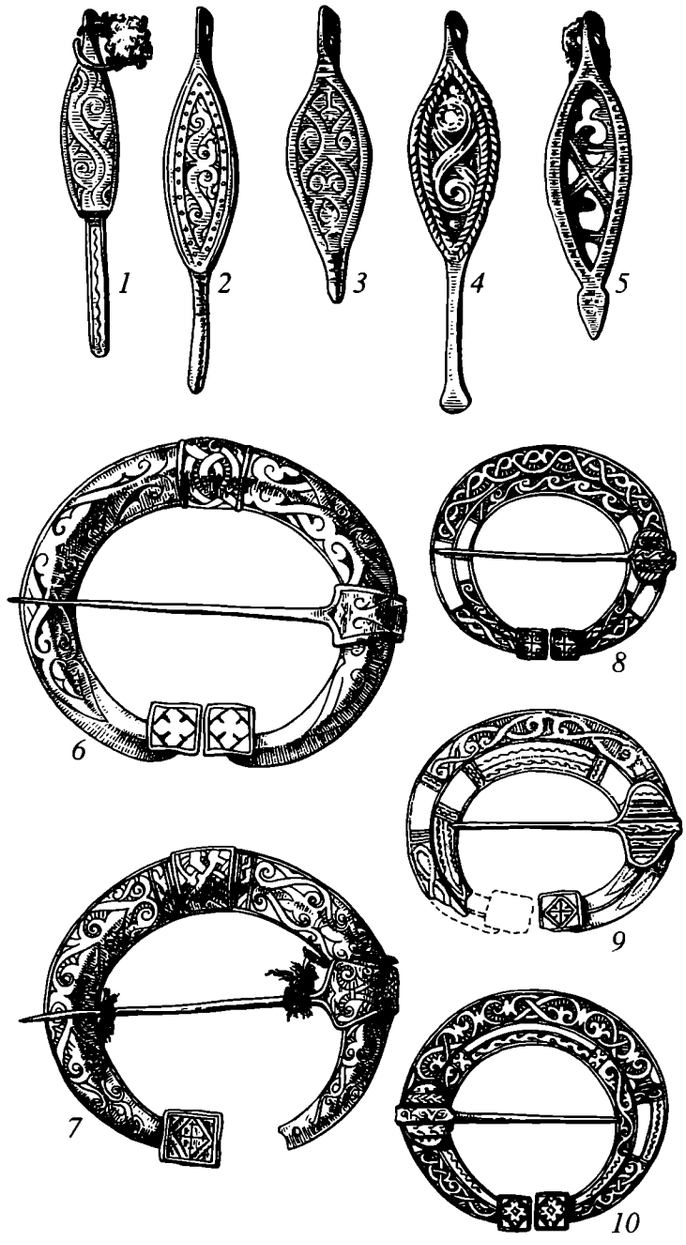


Рис. 3. Копоушки (*1–5*); подковообразные фибулы (*6–10*).

стяные и металлические предметы (Тюленев, 1995. С. 22).

Имеющиеся среди находок в Карелии такие, например, ценные привозные изделия, как серебряные броши-медальоны, распределяются по территории достаточно равномерно; они найдены в Каукола Кекомяки, Ряйсяля Тонтинмяки и на Тиверском городке, в Суотниеми под Приозерском, в Саккола Леппясенмяки, Патья и Сипилянмяки, в Хиитола Кильпола, Миккели Туккала. Большая часть находок приходится на могильники Кекомяки (6 экз.) и Тонтинмяки (3 экз.) в Карелии и Туккала (6 экз.) в Саво. В распространении вещей карельских типов выделяется ближайший к центру древней Карелии Кякисалми – Кореле (с 1310 г.) район оз. Вуоксы ((Узервы русских летописей (Уусиярви-новое озеро)), а именно могильники

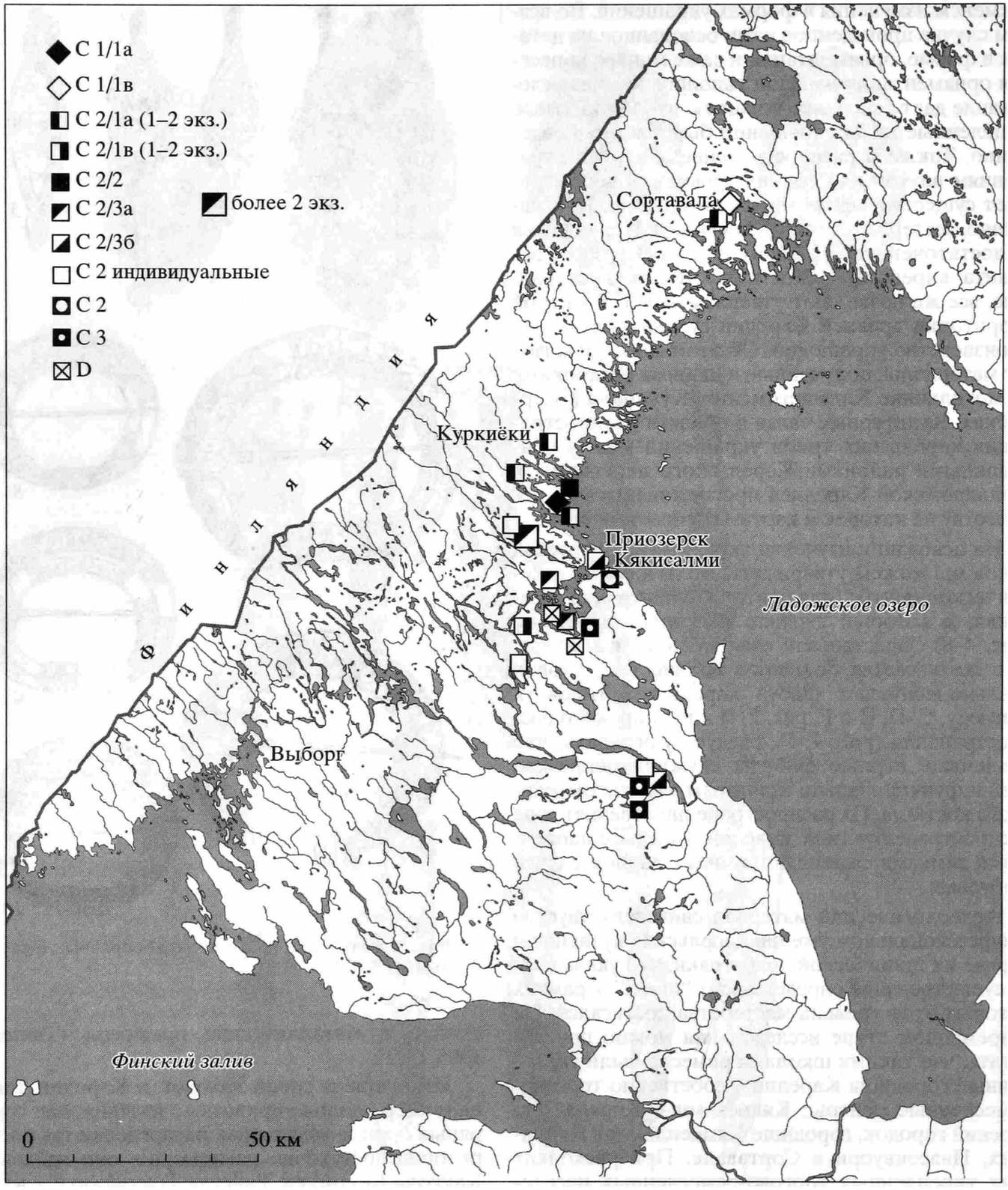


Рис. 4. Распространение овально-выпуклых фибул типов C и D.

Каукола Кекомяки, Суотниеми и Ряйсяля Тонтинмяки и соответствующие им поселенческие центры. Также и на южном берегу оз. Суходольское (Суванто) в Саккола Лапинлахти наблюдается концентрация находок карельских украшений. По всей видимости, у населения, проживавшего на выгодных водных путях и плодородных землях нижнего течения Вуоксы, были лучшие возможности приобретать сукрашения.

Ювелирное искусство. О происхождении карельского ювелирного искусства, форм украшений и их орнаментации высказывались различные

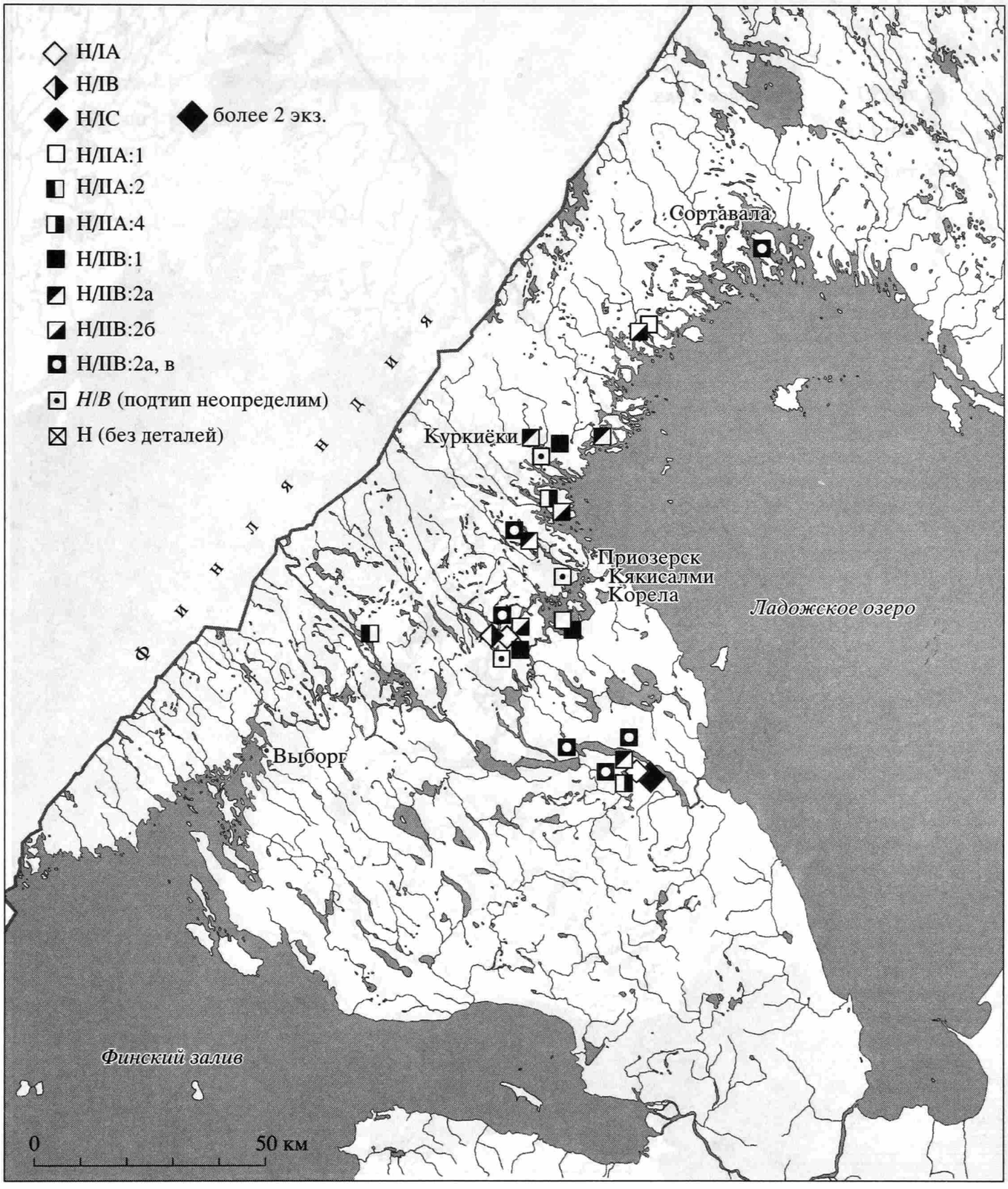


Рис. 5. Распространение овально-выпуклых фибул типов Н.

предположения. Особенно это касается бронзовых овально-выпуклых фибул и серебряных подковообразных с плоской или выпуклой дугой (Appelgren-Kivalo, 1910; Ailio, 1922; Nordman, 1924; 1945; Strandberg, 1938; af Hällström, 1948; Salmo, 1956; Lehtosalo, 1966; Lehtosalo-Hilander, 1988; Linturi, 1980; Huurre 1980; см. также Кочкуркина, 1986. С. 55–64; Uino, 1997. P. 166–170; Saksa, 1998. P. 200, 201). Исходной областью происхождения карельского растительного и шнурового орнамента считалась Византия через посредство Древней Руси, либо Готланд. Также и в Финляндии предпола-

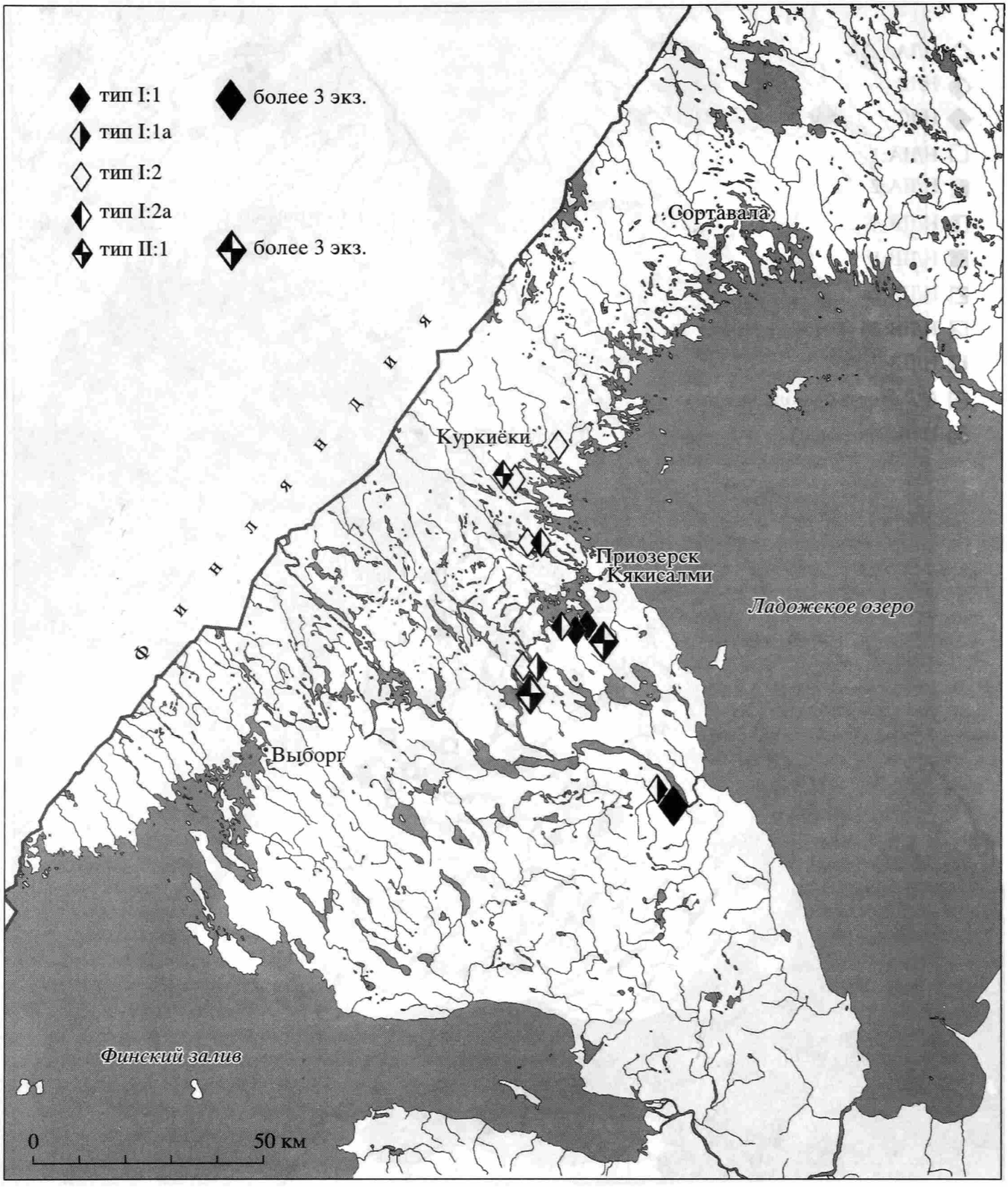


Рис. 6. Распространение копоушек по типам.

гались свои прототипы (Lehtosalo-Hilander, 1988. P. 27–29). Страндберг подчеркивал значение именно Новгорода в зарождении орнаментации карельских серебряных подковообразных фибул (Strandberg, 1938. P. 167, 173–202). Это его предположение получило подтверждение в свете новых данных из раскопок в городе. В средневековых слоях Новгорода найдены многочисленные предметы из дерева и кожи, украшенные растительным и шнуровым орнаментом (см. например: Колчин, 1971. С. 24. Рис. 7, 8, 25. Табл. 1, *2, 4, 6–9, 11*; 3, *1, 4–12, 19, 21, 26–35*; 5, *1–4*; 7, *3, 4, 6*; 9; 13; 17, *2*; 18, *1–3, 6*; 23,

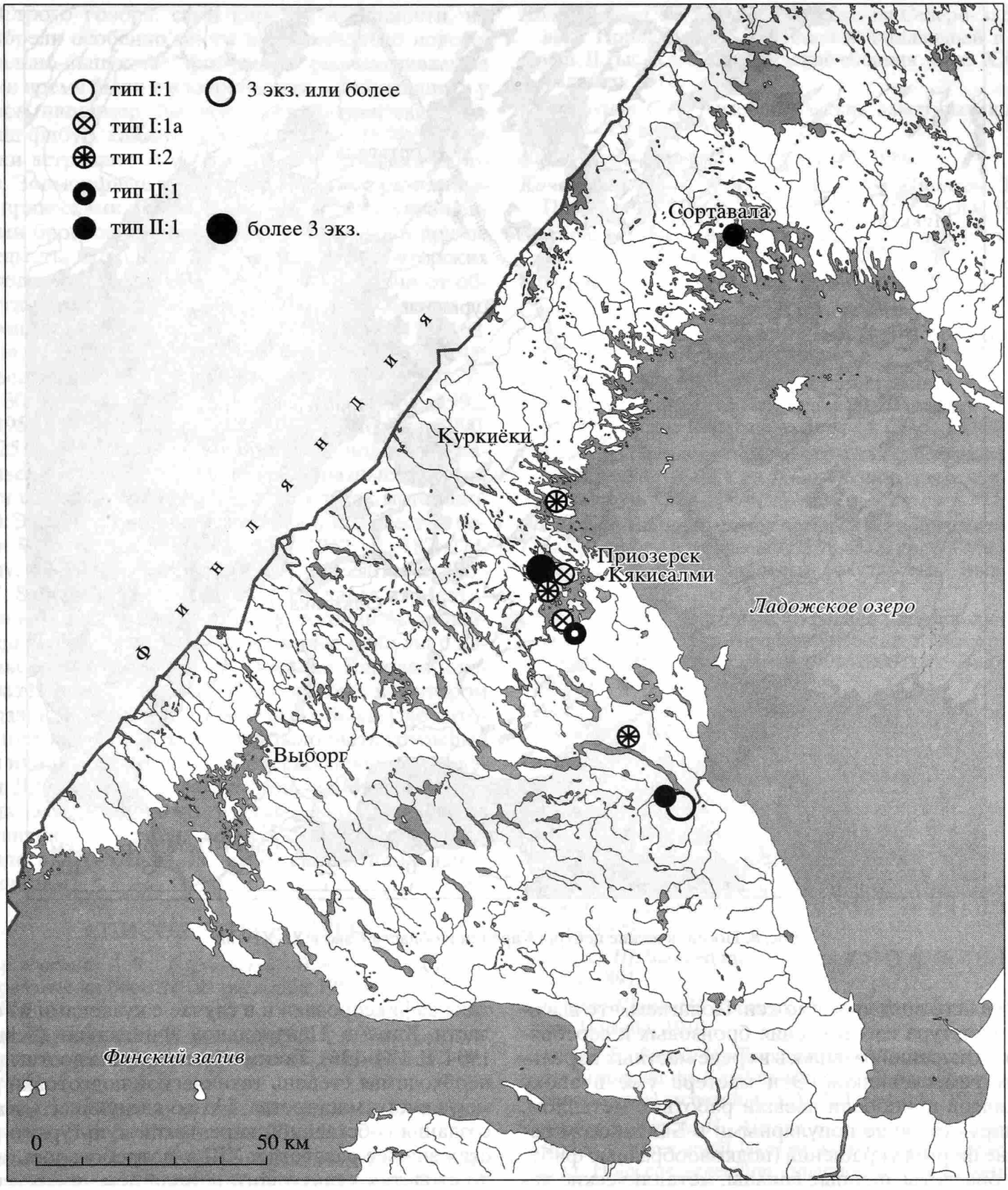


Рис. 7. Распространение серебряных подковообразных фибул по типам.

1; 25, *4*; 42, *4*; 43; 46). При раскопках в Новгороде найдены и аналогичным образом украшенные металлические изделия (Седова, 1981. С. 85, 90, 109, 117, 146, 148. Рис. 30, *1, 3, 4*; 32, *4*; 42, *3–9*; 44, *1–3, 7, 9*; 57, *8*; 58, *5–11, 17*). Проблемой является и ответ на вопрос, каким образом возникла богатая и самобытная карельская культура эпохи крестовых походов и как появились изготовившие эти великолепные украшения мастера? Вопрос этот явно недостаточно рассматривался в литературе, возможно потому, что при современном состоянии изученности материала ясный и однозначный от-

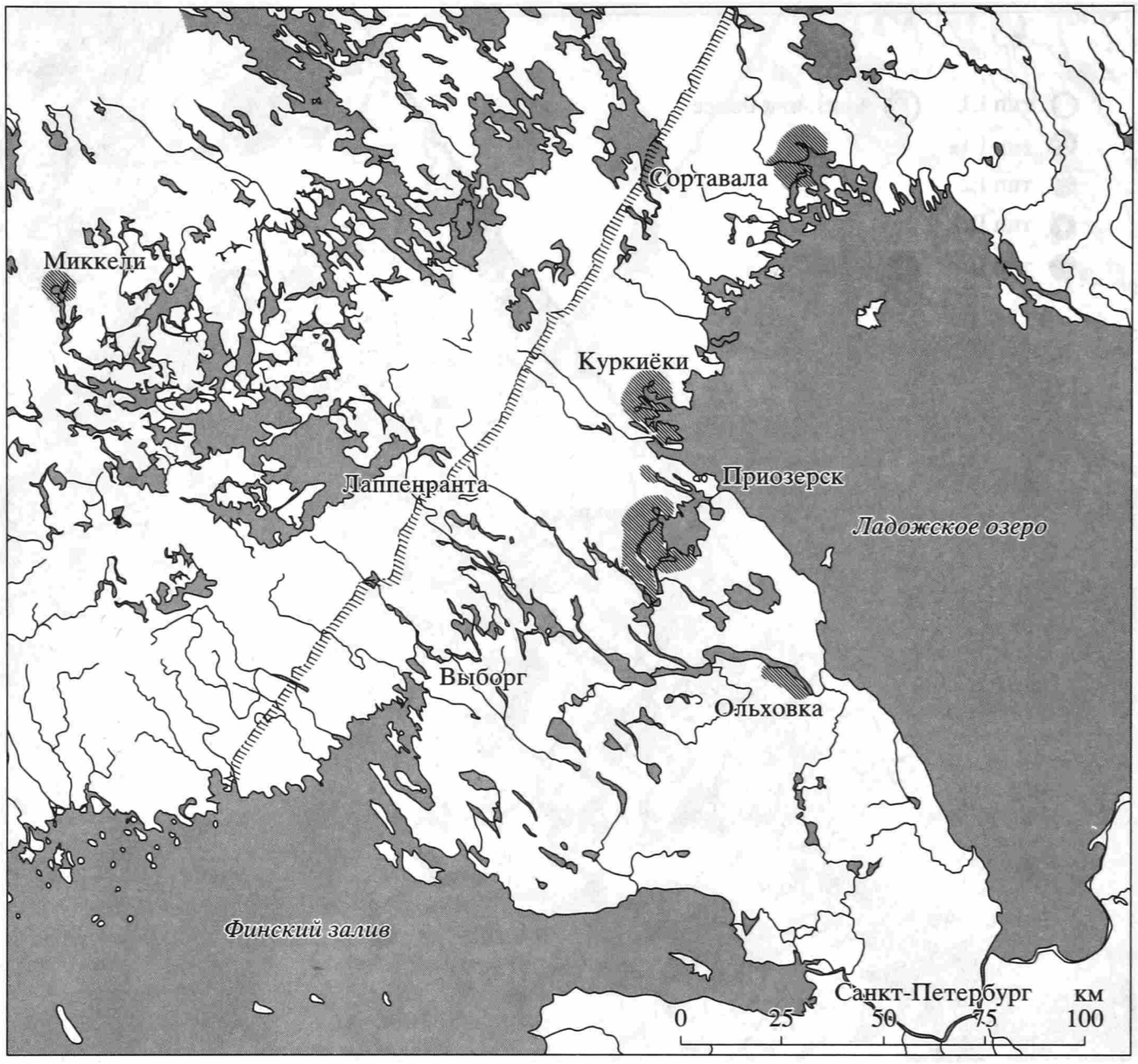


Рис. 8. Поселенческие центры Карелии и области Саво в XI–XIV вв.

вет на него вряд ли возможен. Полагаем, что высокая культура изготовления бронзовых и серебряных украшений развилась в среде местных карельских ремесленников. Эти мастера уже в эпоху викингов приобрели навыки работы с металлом, копируя ставшие популярными в Балтийском регионе формы украшений (подковообразные фибулы, браслеты, шейные гривны, металлические части поясов и др.). При этом был проявлен свой вкус, основанный на своих (не только мастеров, но и потребителей изделий) эстетических представлениях, определенная избирательность в выборе только части из доступных, ставших общебалтийскими или общефинскими украшений. Изготавливались даже свои варианты общепризнанных в регионе украшений, таких как массивные бронзовые браслеты с волнистым орнаментом, который в Карелии и Саво становится угловатым. Такая практика зафиксирована и в случае с кузнецами из области Хяме в Центральной Финляндии (Schulz, 1994. P. 124–136). Таким образом, была достигнута необходимая степень технической подготовки ремесленного мастерства. Но до следующего этапа создания собственной карельской культуры и достижения ее расцвета к XIII в. потребовалось около столетия культурного и, полагаем, профессионального общения с мастерами Новгородской земли и других прибрежных земель восточной части Балтийского моря. Это был период активного участия в международной торговле, но для возникновения своей развитой культуры требовалась своего рода "революция" в экономике и социальной организации карельского общества. Новой карельской племенной культуре как одному из явлений подобного рода в рассматриваемом регионе Балтики, "пришло время" родиться.

Строго говоря, сами карелы, в сущности, не изобрели особенно много принципиально нового. Овально-выпуклые фибулы в рассматриваемое нами время были в употреблении в Финляндии, а у ливов, например, были в употреблении такие же типы фибул, как и у карел (Tönisson, 1974). Копоушки встречаются у пермских и мерянских народов. Зооморфные подвески, пронизки с различными привесками, бронзовые бусы, ножи с украшенными бронзовыми накладками ножнами и другие предметы входили в убор многих финно-угорских народов Восточной Европы на территории от области расселения ливов в современной Латвии до Коми (Финно-угры..., 1987. С. 23, 24, 49, 116–162. Табл. X, XVIII, LIII; Кочкуркина, 1978. С. 139–145; Савельева, 1987. С. 86, 88, 99, 148, 149. Рис. 29, *77–93*; 30, *1–10*; 34, *36–40*; 37, *115, 117*; Saveljeva, 1992. P. 495–502. Abb. I, *3–8, 10, 18, 19, 28*; Kirkinen, 1990. P. 251–261; 1994. P. 23). Большие, подобные карельским, серебряные подковообразные фибулы и их обломки найдены также в кладах материковой Эстонии и на о-ве Сааремаа в количестве более 30 экземпляров (Tönisson, 1962. P. 182–274. Tahv. XXIV, *1, 6*; XXV, *1*; XXVI, *1*; Eesti..., P. 356–367; Selirand, 1989. P. 142–144). В кладах из Маэтагузи и Тырма в северной части Эстонии были найдены серебряные подковообразные фибулы с карельской орнаментацией. Древняя Карелия, следовательно, была окружена миром, в котором образцы или идеи для творчества были уже готовы или зарождались. Нужно было быть готовыми для их заимствования и творческого переосмысления. Для этого требовались лишь необходимая степень экономического и социально-культурного развития. Это стало возможным в Карельской земле в XII–XIII вв. по изложенным нами выше причинам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953–1957 гг.) М., 1958.

Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 гг.) М., 1963.

Громов В.И., Потемкин Л.Е., Шаскольский И.П. Приозерск. Исторический очерк. Л., 1963.

Кирпичников А.Н. Историко-археологические исследования древней Корелы (Корельский город XIV в.) // Финно-угры и славяне. Л., 1979.

Кирьянов А.В. История земледелия Новгородской земли. МИА. № 65. М., 1959.

Кирьянова Н.А. О составе земледельческих культур Древней Руси. СА. 1979. № 4.

Кирьянова Н.А. Новые материалы по земледелию Новгородской земли // Естественные методы в археологии. М., 1989.

Колчин В.А. Новгородские древности. Резное дерево // САИ. Вып. Е1-55. М., 1971.

Кочкуркина С.И. Контакты населения Северо-Западного Приладожья с Эстонией и Финляндией в I – нач. II тыс. н.э. Скандинавский сборник. Вып. XXIII. Таллинн, 1978.

Кочкуркина С.И. Археологические памятники корелы V–XV вв. Л., 1981.

Кочкуркина С.И. Корела и Русь. Л., 1986.

Кочкуркина С.И., Спиридонов А.М., Джаксон Т.Н. Письменные известия о карелах. Петрозаводск, 1990.

Материалы по истории Карелии XII–XVI вв. Петрозаводск, 1941.

Савельева Е.А. Чудские могильники XI–XIV вв. Л., 1987.

Сакса А.И. Комплекс археологических памятников у д. Ольховка (Лапинлахти) // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984.

Сакса А.И. Международные исследования на Карельском перешейке и в Приладожской Карелии // Археологические изыскания. Вып. 14. СПб., 1994.

Сакса А.И. Поселенческие центры как фактор расцвета Карелии в X–XIV вв. // Поселения: среда, культура, социум. СПб., 1998.

Сакса А.И. Выборг – город четырех исторических традиций (итоги иследований 1998–2000 гг.) // Культурное наследие Российского государства. Вып. 3. СПб., 2002.

Сакса А.И. Новые данные по ранней истории средневекового Выборга (предварительные итоги археологических исследований 1998–2000 гг.). Выборг, 2004.

Седова М.В. Ювелирные изделия Великого Новгорода (X–XV вв.) М., 1981.

Тюленев В.А. Исследования древнего Выборга. СПб., 1995.

Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1987.

Янин В.Л. Я послал тебе бересту.... М., 1975.

Ailio J. Karjalaiset soikeat kupurasoljet: katkelma Karjalan koristetyylin kehityshistoriasta // SMYA. № XXXII. Helsinki, 1922.

Appelgren Hj. Suomen muinaislinnat // SMYA. № XII. Helsinki, 1891.

Appelgren-Kivalo Hj. Romansk ornamentik // Finskt Museum. Helsinki, 1910.

Grönlund E., Simola H., Taavitsainen J.-P., Saksa A. Land-use history on the Karelian Isthmus – a project outline // Fennoscandia archaeologica. V. XII. Helsinki, 1995.

Grönlund E., Simola H., Alenius T., et al. Palaeoecological studies of three small lakes in western Lake Ladoga region. Holocene vegetation dynamics, history of agriculture and effects of vegetation and land-use changes on aquatic ecosystems. Proceedings of the 2nd Lake Ladoga Symposium // University of Joensuu. Publications of Karelian Institute. № 117. Joensuu, 1997.

Eesti esiajalugu. Tallinn, 1982.

af Hällström O. Lisiä suomalaisten soikeiden kupurasolkien syntyhistoriaan // Suomen Museo 1947–1948. Helsinki, 1948.

Huurre M. Oval tortose brooches with knob ornaments // Fenno-ugri et slavi. Helsingin yliopiston arkeologian laitos. Moniste 22. Helsinki, 1980.

Kirkinen H. Merjasta Mikkeliin. Kadonneen sukulaiskansan jaljilla. // Inkerin teillä. Porvoo, 1990.

Kirkinen H. Karjalan historia juurista Uudenkaupungin rauhaan // Karjalan kansan historia. Porvoo, 1994.

Kuujo E. Kakisalmen kaupungin ja maalaiskunnan historia. T. I // Käkisalmen historia. Lahti, 1958.

Lehtosalo P.-L. Rapukoristeisten solkien ajoituksesta // Suomen Museo. Helsinki, 1966.

Lehtosalo-Hilander P.-L. Esihistorian vuosituhannet Savon alueella // Savon historia. T. I. Kuopio, 1988.

Leppäaho J. Räisälän Hovinsaaren Tontinmäen paja, sen langanvetovälineet ja langan vedosta (vanutuksesta) yleensä // Suomen Museo. Helsinki, 1949.

Linturi E. Ristiretkiajan eläinkoristeiset kupurasoljet // Helsingin yliopiston arkeologian laitos. Moniste 24. Helsinki, 1980.

Nordman C.A. Karelska järnäldersstudier // SMYA. № XXXIV. Helsinki, 1924.

Nordman C.A. Smyckefyndet från Sipilänmäki i Sakkola // SMYA. № XLV. Helsinki, 1945.

Ronimus J.V. Novgorodin Vatjalaisen viidenneksen verokirja v. 1500 ja Karjalan silloinen asutus. Joensuu, 1906.

Saksa A. Results and perspectives of archaeological studies on the Karelian Isthmus // Fennoscandia archaeologica. V. II. Helsinki, 1985.

Saksa A.I. On the study of ancient Karelian craft centers // Iskos. № 9. Helsinki, 1990.

Saksa A. Käkisalmen maasta esiin kaivettu historia // Viipurin Suomalaisen Kirjallisuusseuran toimitteita. № 10. Lahti, 1992a.

Saksa A.I. Karjala ennen kolmatta ristiretkea // Suomen varhaishistoria // Studia historica septentrionalia. № 21. Rovaniemi. 1992b.

Saksa A. Rautakautinen Karjala. Muinais-Karjalan asutuksen synty ja varhaiskehitys // Studia Carelica Humanistica. № 11. Joensuu, 1998.

Saksa A., Grönlund E., Simola H. et al. The history of environment and development of agriculture on the Karelian Isthmus and NW Ladoga region: a palaeoecological and archaeological study // Congressus octavus internationalis fenno–ugristarum. Pars .VII. Jyvaskyla, 1996.

Saksa A., Belsky S., Kurbatov A. et al. New arhaeological excavation in Viipuri. Results of field investigations of the 1998–2001 seasons and current research problems of urban histori // Fennoscandia arhaeologica. V. XIX. Helsinki, 2002.

Saksa A., Saarnisto M., Taavitsainen J.-P. 1200-luvun lopun raadiohiiliajoitus Viipurista // SKAS. № 3. Turku, 2003.

Salmo H. Finnische Hufeisenfibeln // SMYA. № 56. Helsinki, 1956.

Saveljeva E.A. Die ethnokulturellen Kontakte der Perm Wytschegodskaja mit den westlichen Nachbarvolkem // Suomen varhaishistoria. Studia historica septentrionalia. № 21. Rovaniemi, 1992.

Schulz H.P. Frühmittelalterliches Metallhandwerk in der Provinz Häme, Finland // Fenno-ugri et slavi 1992. Prehistoric ekonomy and means of livelihood. Arkeologian osasto. J. № 5. Helsinki, 1994.

Schwindt T. Tietoja Karjalan rautakaudesta ja sitä seuraavilta ajoilta Käkisalmen kihlakunnan alalta saatujen löytöjen mukaan // SMYA. № XIII. Helsinki, 1893.

Selirand I. Viron rautakausi // Studia Archaeologica Septemtrionalia. T. 1. Rovaniemi, 1989.

Simola H. Karjalan luonto // Karjalan synty. T. I. Juväskylä, 2003.

Strandberg R. Les broches d'argent careliennes en form de fer a cheval et leurs ornaments. ESA. T. XII. Helsinki, 1938.

Taavitsainen J.-P, Ikonen L., Saksa A. On early agriculture in the archipelago of Lake Ladoga // Fennoscandia archaeologica. V. XL. Helsinki, 1994.

Tomanterä L. Mikkelin pronssit // Kalmistojen kertomaa. Rautakautinen Mikkelin seutu idän ja lännen välissä. Mikkeli, 1994.

Tonisson E. Eesti aardeleiud 9–13 sajandist // Muitsed kalmed ja aarded. Tallinn, 1962.

Uino P. Ancient Karelia. Archaeological studies – Muinais-Karjala. Arkeologisia tutkimuksia // SMYA. № 104. Helsinki, 1997.

Economy and handicraft of Medieval Karelia

A. I. Saksa

Summary

The paper presents a review of the Karelian economy in the 12th – 14th cc. as revealed by archaeology. The review is based on the palaeobotanical, palaeozoological and palaeoecological data confirmed by analysis of the material culture.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 3, с. 75–84

ХРОНОЛОГИЯ НИЖНЕВОЛЖСКОГО ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ГОРОДА И ЕГО ОКРУГИ

© 2006 г. Л. Ф. Недашковский

Казанский государственный университет

В XIII в. в результате завоеваний Чингисхана и его преемников основная часть Евразии оказалась включенной в состав Монгольской империи. Северо-западная часть этих огромных территорий оказалась под властью потомков Джучи, старшего сына Чингисхана. В современной научной литературе джучидское государство обычно называется Золотой Ордой. Государство Джучидов простиралось от Дуная на западе до бассейна Оби на востоке и от Хорезма и Северного Кавказа на юге до Прикамья на севере. Во второй половине XIII – XIV в. основные торговые пути, связывающие страны Западной Европы с Восточной Азией (иногда называемые "Великим шелковым путем") сместились на север и шли через территорию Золотой Орды. Это было связано с потерей европейцами старых торговых путей, проходивших через Ближний Восток, в результате полного поражения крестоносцев в Палестине в XII–XIII вв., так же как и с непрерывными войнами иранских Хулагуидов с египетскими Мамлюками.

Золотая Орда была одним из крупнейших государств средневековья, существовавшим во второй половине XIII – второй четверти XV в. Эту державу отличал, в частности, высокий уровень развития монетного обращения, в том числе мелкого розничного торга. В золотоордынский период наблюдались расцвет городов и ремесел благодаря протекционизму ханской власти, а также расцвет торговли.

Нижнее Поволжье являлось экономическим и политическим центром Улуса Джучи, средоточием всех торговых путей этого государства вплоть до его распада, а так же было доменом золотоордынских ханов, именно здесь кочевали их ставки.

С 40–50-х годов XIII в. начинается градостроительная деятельность золотоордынских ханов в Нижнем Поволжье. Наряду с только что основанными городами монголами активно использовались и старые города, бывшие наиболее значимыми в течение всей второй половины XIII в. Но постепенно новые, основанные самими Джучидами на Нижней Волге (где в домонгольское время не было традиций оседлости) города, а также их округа начинают играть все большую и большую роль.

Несмотря на активные работы последних десятилетий, памятники округи золотоордынских городов остаются менее исследованными, чем сами города. Большинство известных поселений исследовались только разведками. Сравнительно хорошо изученными можно считать только курганы Нижнего Поволжья золотоордынского времени.

Выделяются следующие закономерности в истории полевых исследований крупнейших золотоордынских городищ низовий Волги и памятников их округи.

Во всех рассмотренных регионах первые раскопки и разведки на золотоордынских памятниках начались еще в XIX в. Исследования продолжались и в 1920-х – начале 1930-х годов, а затем наблюдается большой перерыв в работах вплоть до 50-х годов XX в., когда они постепенно возобновляются (однако в округе городищ Селитренное и Шареный Бугор до середины 1960-х годов осуществлялись лишь разведочные исследования) и продолжаются до настоящего времени с максимальной интенсивностью, приходящейся на последнюю четверть века.

Мы рассматриваем, с учетом хронологии и характеристики населения, все археологические памятники золотоордынского времени, располагающиеся не далее чем в 60 км (2–3 дня пути) от центров Увекского, Царевского, Селитренного городищ и Шареного Бугра[1]. Путем изучения археологических и нумизматических материалов проводится сравнение исторических особенностей развития округи каждого из упомянутых крупнейших нижневолжских центров Золотой Орды на различных стадиях развития.

Увекское городище и его округа. В округе Увекского городища, расположенного на южной окраине Саратова, известны 159 памятников золотоордынской эпохи, в числе которых 53 поселения, 23 местонахождения, 18 грунтовых могильников, 31 курганная группа, 21 клад монет и 13 мест отдельных монетных находок (схему расположения и подробное описание памятников см. Недашковский, 2000. С. 113–162. Рис. 32).

[1] Археологические объекты, располагающиеся на расстоянии не более 60 км от центров и Селитренного городища, и Шареного Бугра одновременно, отнесены нами к округе Селитренного городища, как более значимого, столичного центра Золотой Орды.

Важным вопросом является выяснение хронологии памятников, рассмотрение этапов становления и развития округи золотоордынского Укека.

Лучшим датирующим материалом, имеющимся в нашем распоряжении, бесспорно являются джучидские монеты (они присутствуют в материалах 65 из 159 известных памятников). Монет не так много – почти в четыре раза меньше, чем с Увекского городища (если не учитывать клады, являющиеся совершенно особым типом нумизматических источников): это объясняется гораздо большей активностью денежного обращения в крупном городе, чем на периферии. Тем не менее нумизматический материал позволяет, опираясь на периоды денежного обращения в Золотой Орде (Мухамадиев, 1983; Федоров-Давыдов, 1960; 1963; 2003), уверенно выделить четыре основных этапа развития округи Укека. Первый этап – с 1266[2] по 1310 г. (с начала правления Менгу-Тимура до реформы Токты), второй – с 1310-го примерно по 1365 г. (с реформы Токты до начала массового обрезывания старых дирхемов и снижения веса новых монет), третий – с 1365 по 1380 г. (период разгара междоусобицы в Улусе Джучи) и четвертый – с 1380 по 1395 г. (правление Токтамыша).

Монеты, чеканенные в первый период (1266–1310 гг.), найдены на 14 памятниках (№ 1, 11, 13, 26, 29–30, 33, 41, 44, 50, 53, 83, 153, 158)[3]. Наиболее ранние точно датируемые монеты относятся к 1273–1287 гг., к концу правления Менгу-Тимура и к правлению Туда-Менгу (№ 1, 29, 50, 53, 83, 158). Еще в девяти случаях (№ 1, 13, 26, 29–30, 33, 41, 44, 153) отмечены находки монет эпохи Токты (1291–1312 гг.). На основании этого материала можно утверждать, что округа золотоордынского Укека сложилась еще в последней четверти XIII – начале XIV в. Однако как в 1260-х – 1280-х годах, так и в правление Токты и Узбека обращение джучидского дирхема в Укеке было гораздо более развитым, чем в его округе, в которой тем не менее обращались и монеты местной чеканки.

Находки монет и кладов второго этапа (1310–1365 гг.) охватывают 41 объект (№ 1, 16–18, 27, 29, 30, 40, 41, 43–45, 47, 50–53, 72, 77, 85, 100, 113, 124, 126, 129, 137, 139, 140, 143–148, 152, 154–159), причем на 23 из них (№ 16, 17, 27, 29, 30, 40, 41, 44–45, 47, 50, 53, 100, 113, 126, 129, 137, 139, 145, 146, 148, 155, 158) отмечены находки монет начального периода междоусобицы – 1359–1365 гг. Отсюда следует, что период расцвета округи Укека, как и период наивысшего расцвета Золотой Орды в целом, относится ко времени правления Узбека (1312–1342 гг.) и Джанибека (1342–1357 гг.), а на начальной стадии междоусобицы наметившийся упадок еще не приобрел таких катастрофических масштабов, как на следующем, третьем этапе. Дирхемы 1342–1365 гг. (всего одна монета периода междоусобицы датируется более поздним временем – 774 г.х.) составляют 56.6% всех серебряных монет из округи Укека, тогда как для самого города эта цифра всего 42.4%. Развитие обращения пулов в округе Укека также заметно отличается от картины, зафиксированной для Увекского городища: доля монет Узбека на памятниках округи заметно больше, а доля медных монет, чеканенных при Джанибеке и в период междоусобицы, намного меньше. Представляет несомненный интерес нумизматический комплекс одного из захоронений (№ 100), содержавший 11 серебряных монет только азакского чекана, причем шесть из них относятся к чеканке Абдуллаха 765 г.х. (1363–1364 гг.); автор полагает, что данное погребение с таким несвойственным денежному обращению Поволжья набором монет (в Укеке преобладают монеты "сарайских" ханов) можно связать с событиями политической истории – с попытками Мамая захватить поволжские города, предпринятыми в первой половине 1360-х годов.

Монеты третьего периода (1365–1380 гг.) найдены всего на трех памятниках (№ 17, 29, 154), не считая Увекского городища, – по одной на каждом. Монетных кладов третьего, как и первого, этапа не зафиксировано. Следовательно, есть все основания полагать, что это было время, характеризующееся значительным запустением рассматриваемой территории, экономическим кризисом, вызванным десятилетиями междоусобицы.

И, наконец, монеты и клады четвертого этапа (1380–1395 гг.) встречены в девяти случаях (№ 1, 19, 29, 44, 128, 141, 142, 148, 154), три из которых – клады, а два – единичные находки. Помимо Увекского городища монеты этого времени встречены лишь на трех поселениях. Мы можем заключить, что экономический подъем эпохи Токтамыша был не столь значительным, хотя и в округе Укека он имел место: доля пулов этого времени в окрестностях Укека выше, чем на городище, хотя дирхемов вне кладов вообще не найдено. Примечательно, что самая поздняя джучидская монета, обнаруженная в рассмотренном районе (№ 141), датируется 797 г.х. (1395 г.) – годом разорения Тамерланом поволжских городов, с которым мы можем связывать окончательный упадок и гибель не только Укека, но и окружавших его поселений.

Несомненный интерес вызывает и географическое размещение памятников округи Укека на различных этапах ее развития. На первом этапе шесть (42.9%) из 14 памятников, датированных монетами, размещались на Левобережье Волги. Во

[2] Известно всего три монеты 1250-х – первой половины 1260-х годов, найденные на Увекском городище и поселении у с. Советское. Ввиду этого представляется целесообразным выделять первый период лишь с 1266 г.

[3] Номера памятников округи Увекского городища даны по опубликованной ранее схеме (Недашковский, 2000. С. 114. Рис. 32), а номера памятников округи Царевского и Селитренного городищ и Шареного Бугра – по соответствующим иллюстрациям в настоящей статье.

второй период памятники Левобережья даже количественно преобладают над памятниками Правобережья, где располагалось всего 19 (46.3%) из 41 объекта этого времени. Ситуация кардинально меняется на третьем и четвертом этапах (их целесообразно рассмотреть здесь вместе ввиду малочисленности известных памятников – их всего 10): на Левобережье Волги зафиксировано лишь два (20%) объекта, а на Правобережье – восемь (80%).

Нам представляется возможным связывать количественное преобладание памятников Левобережья Волги над памятниками Правобережья (где располагался и сам город Укек) на втором этапе (1310–1365 гг.) с градостроительной политикой золотоордынских ханов: пока была сильна ханская власть, функционировали поселения на Левобережье, находившиеся на маршруте кочевания ханской ставки второй половины XIII – середины XIV в. Когда же ханская власть ослабела и ставка стала кочевать лишь в низовьях Волги (Федоров-Давыдов, 1994. С. 12) – на третьем и четвертом этапах, в 1365–1395 гг., – жизнь в округе Укека теплилась почти только на Правобережье Волги, преимущественно лишь в ближайших окрестностях золотоордынского Укека, тесно связанных с ним экономически.

Царевское городище и его округа. В округе Царевского городища, располагающегося в Ленинском р-не Волгоградской обл., учтено 98 памятников, в том числе 17 поселений, 7 грунтовых могильников, 27 курганных групп, 46 кладов и 1 случайная находка джучидской монеты (рис. 1).

Джучидские монеты присутствуют в материалах 59 из 98 имеющихся памятников. Нумизматический материал позволяет, опираясь на этапы денежного обращения в Золотой Орде, выделить пять основных этапов развития округи Царевского городища. Первый этап – с 1266[4] по 1310 г. (с начала правления Менгу-Тимура до реформы Токты), второй – с 1310 примерно по 1365 г. (с реформы Токты до начала массового обрезывания старых дирхемов и снижения веса новых монет), третий – с 1365 по 1380 г. (период разгара междоусобицы в Улусе Джучи), четвертый – с 1380 по 1395 г. (правление Токтамыша) и пятый – с 1395 по 1420 г. (эпоха Идегея).

Монеты, чеканенные в первый период (1266–1310 гг.), были найдены на 6 памятниках (№ 1, 2, 4, 8, 44, 66). Наиболее ранние точно датирующиеся монеты относятся к правлениям Менгу-Тимура и Туда-Менгу (№ 4, 8, 44, 66). Еще в 1 случае (№ 2) отмечены находки монет эпохи Токты (1291–1312 гг.). На основании этого материала можно утверждать, что округа Царевского городища сложилась еще в последней трети XIII – начале XIV в.

Находки монет и кладов второго этапа (1310–1365 гг.) охватывают 46 объектов (№ 1, 2, 4, 8, 12, 13, 17, 23, 24, 32–34, 37а, 39, 42, 47, 49, 51–57, 63, 65, 67, 68, 72–74, 77–79, 81–86, 89–92, 94, 95), причем на 20 из них (№ 1, 2, 8, 12, 13, 23, 34, 49, 53, 54, 56, 65, 67, 73, 78, 86, 90–92, 94, 95) отмечены находки монет начального периода междоусобицы – 1359–1365 гг. Отсюда следует, что период расцвета округи Царевского городища, как и период наивысшего расцвета Золотой Орды в целом, относится ко времени правления Узбека и Джанибека, а на начальной стадии междоусобицы наметившийся упадок еще не приобрел таких масштабов, как на следующем, третьем этапе.

Монеты третьего периода (1365–1380 гг.) найдены на 8 памятниках (№ 2, 12, 18, 61, 75, 80, 88, 93), не считая Царевского городища; в 5 случаях – это монетные клады.

Монеты и клады четвертого этапа (1380–1395 гг.) встречены в 9 случаях (№ 1, 2, 4, 12, 50, 58, 59, 62, 87), 5 из которых – клады. Помимо Царевского городища монеты этого времени найдены лишь на трех поселениях.

Монеты пятого этапа (1395–1420 гг.) были встречены в двух случаях – на Водянском городище (№ 2), где был найден единственный пул 799 г.х. (1396–1397 гг.), и в курганной группе у Калиновки (№ 24).

Селитренное городище и его округа. В округе Селитренного городища, расположенного в Харабалинском районе Астраханской обл., имеются 108 памятников, в числе которых 4 поселения, 57 местонахождений, 10 грунтовых могильников, 1 курган (?) и 36 кладов (рис. 2).

Определимые нумизматические материалы присутствуют в находках с 46 из 108 известных памятников. Выделяются следующие основные этапы развития округи Селитренного городища. Первый этап – с 1266 по 1310 г. (с начала правления Менгу-Тимура до реформы Токты), второй – с 1310 примерно по 1365 г. (с реформы Токты до начала массового обрезывания старых дирхемов и снижения веса новых монет), третий – с 1365 по 1380 г. (период разгара междоусобицы в Улусе Джучи), четвертый – с 1380 по 1395 г. (правление Токтамыша), пятый – с 1395 по 1420 г. (эпоха Идегея), шестой – с 1420 по 1459 г. (период распада Золотой Орды).

Монеты, чеканенные в первый период (1266–1310 гг.), найдены на трех памятниках (№ 1, 6, 71). Наиболее ранние точно датирующиеся монеты относятся к периоду правления Менгу-Тимура (№ 1, 71). Еще в одном случае (№ 6) отмечена находка монеты эпохи Токты (1291–1312 гг.). На основании этого материала можно полагать, что округа Селитренного городища начала складываться еще в последней трети XIII – начале XIV в.

Находки монет и кладов второго этапа (1310–1365 гг.) известны с 22 объектов (№ 1–4, 6, 55, 57,

[4] На Царевском городище была найдена также монета с именем халифа Ан-Насир лид-Дин Аллаха; монеты этого типа чеканились в конце XII – середине XIII в.

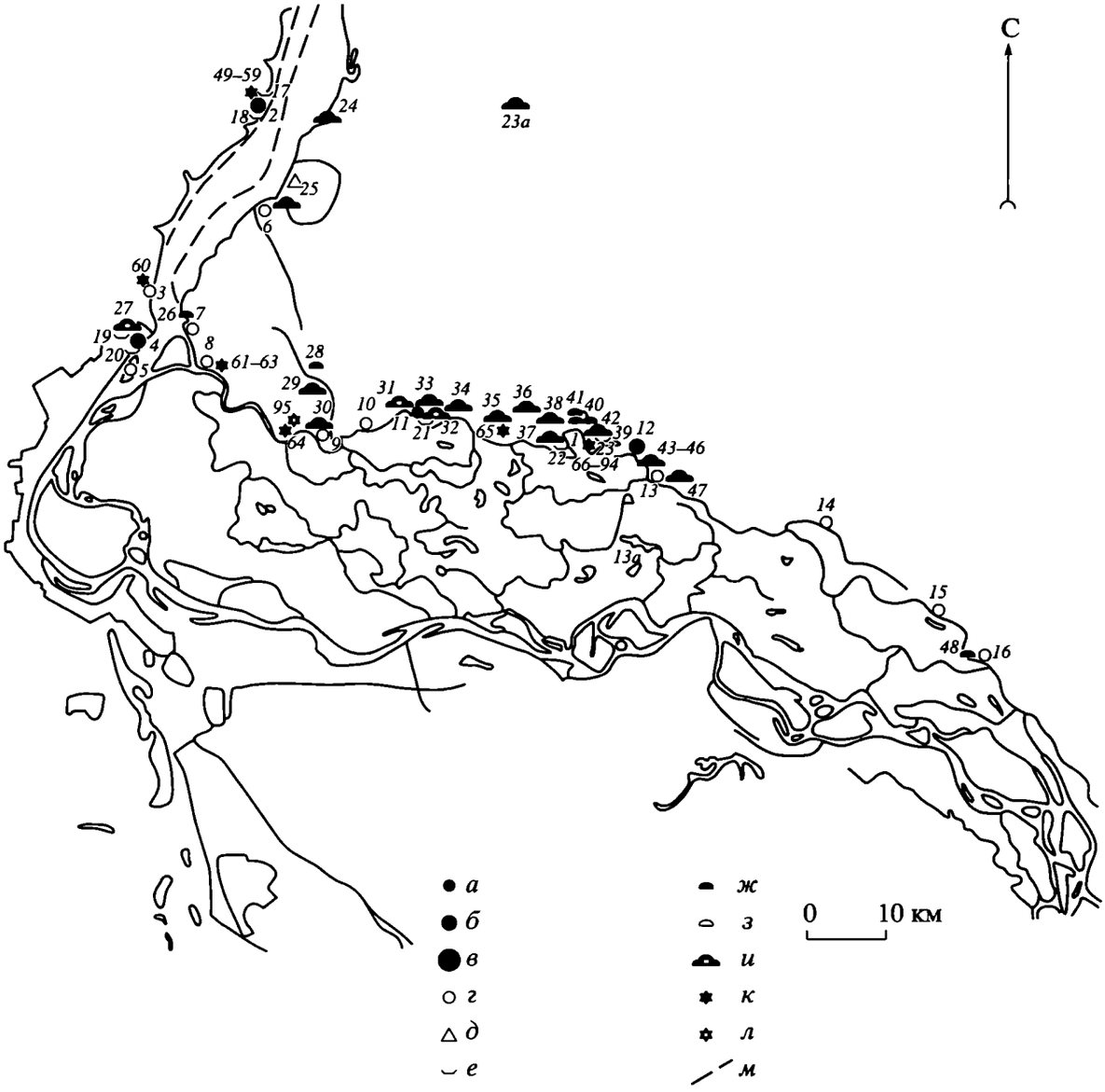


Рис. 1. Схема расположения памятников округи Царевского городища. Поселения: *1* – Царевское городище; *2* – Водянское городище; *3* – Винновка; *4* – Мечетное городище; *5* – Остров Денежный; *6* – Верхнее и Нижнее Погромное, *7* – Поселение у истока Ахтубы; *8* – Верхне-Ахтубинское (Безродное); *9* – Заяр; *10* – Заплавное; *11* – Бахтияровка; *12* – Колобовка; *13* – Зубовка; *14* – Капустин Яр; *15* – Пологое Займище; *16* – Дмитриевка. Грунтовые могильники: *17* – Водянский I; *18* – Водянский II; *19* – Мечетное I; *20* – Мечетное II; *21* – Мавзолей у Бахтияровки; *22* – Царев II; *23* – Царев I. Курганы и курганные группы: *23а* – Красный Октябрь; *24* – Калиновка; *25* – Верхнее Погромное; *26* – Осадная балка; *27* – Мечетное; *28* – 15 поселок; *29* – Заплавное I; *30* – Заяр; *31* – Заплавное II; *32* – Бахтияровка I; *33* – Бахтияровка II; *34* – Бахтияровка III; *35* – Ленинск I; *36* – Ленинск II; *37* – Маляевка I; *37а* – Маляевка VI; *38* – Маляевка V; *39* – Солодовка I; *40* – Солодовка II; *41* – Солодовка III; *42* – Царев; *43* – Колобовка I; *44* – Колобовка II; *45* – Колобовка III; *46* – Колобовка IV; *47* – Зубовка; *48* – Дмитриевка. Клады монет: *49–59* – Водянское городище I–XI-1912, 1971–1974, 1997, 2002 гг.; *60* – Винновка; *61–63* – Верхне-Ахтубинское (Безродное) I–III – 1848, 1873, 1916 гг.; *64* – Средне-ахтубинское; *65* – Пришиб; *66–92* – Царев I–XXVIII-1840-е годы, 1845–1851, 1958, 1962–1963, 1965, 1968, 1972, 1995, 1997, вторая половина 1990-х гг.; *93–94* – Царевский уезд I–II начало XIX в., 1864 г. Отдельные находки монет: *95* – Средняя Ахтуба. Условные обозначения к рис. 1, 2, 3 округи крупных золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Поселения: *а* – площадь менее 1 га; *б* – площадь от 1 до 7 га; *в* – площадь более 7 га; *г* – площадь неизвестна; *д* – местонахождения; *е* – грунтовые могильники. Курганы: *ж* – с золотоордынскими погребениями; *з* – с золотоордынскими материалами в насыпи; *и* – группы курганов с золотоордынскими погребениями; *к* – клады монет; *л* – отдельные находки монет; *м* – очертания берегов Волги до строительства Волгоградского водохранилища.

63, 67, 71, 73, 78, 79, 81, 84–86, 88, 89, 91, 93, 99), причем на 9 из них (№ 1–4, 55, 63, 67, 88, 99) отмечены находки монет начального периода междоусобицы – 1359–1365 гг. Отсюда следует, что период расцвета округи Селитренного городища, как и период наивысшего расцвета Золотой Орды в целом, относится ко времени правления Узбека (1312–1342 гг.) и Джанибека (1342–1357 гг.), а на начальной стадии междоусобицы наметившийся упадок еще не приобрел таких масштабов, как на следующем этапе.

Монеты третьего периода (1365–1380 гг.) были найдены всего на шести памятниках (№ 2, 3, 63, 83,

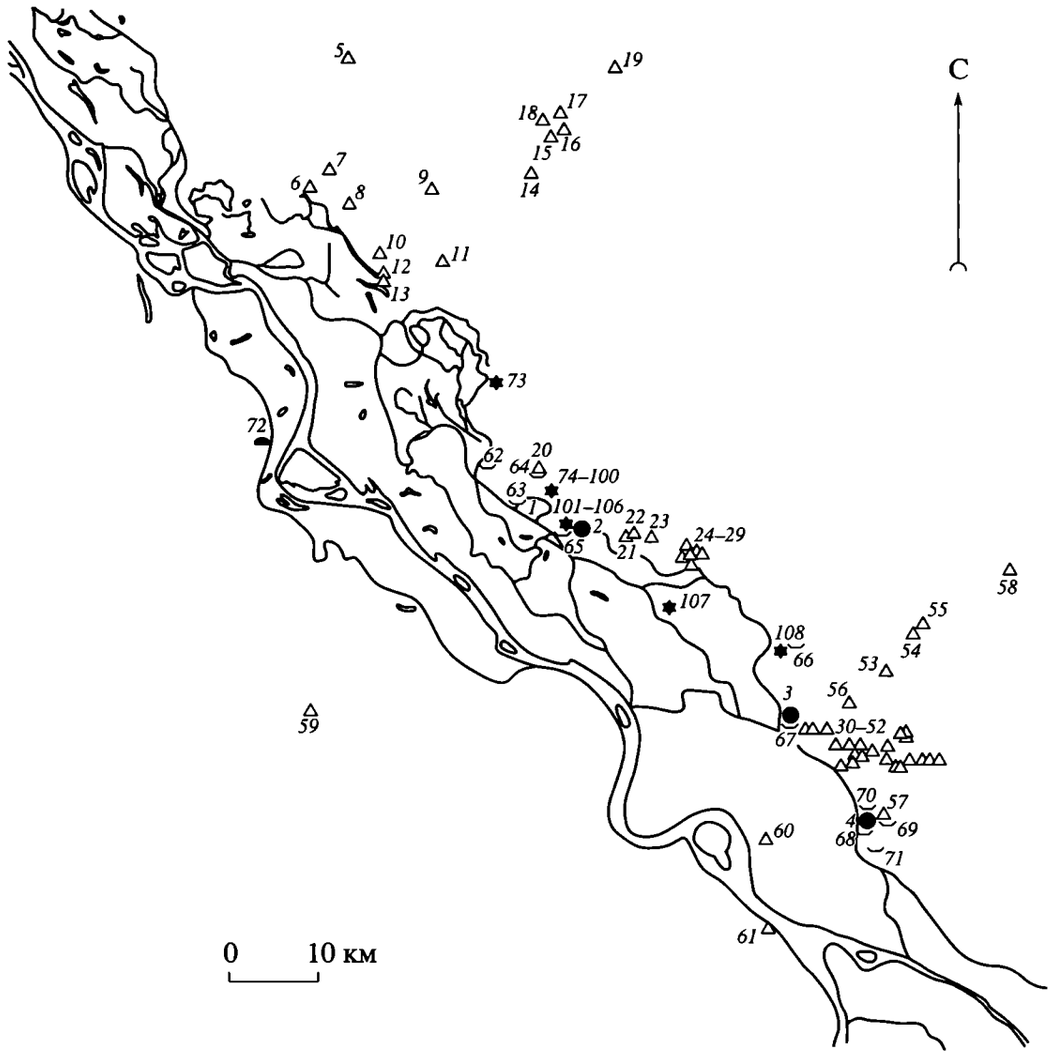


Рис. 2. Схема расположения памятников округи Селитренного городища. Поселения: *1* – Селитренное городище; *2* – Каменный Бугор; *3* – Лапас; *4* – Комсомольский. Местонахождения: *5* – Чорники; *6* – Бурля I; *7* – Бурля II; *8* – Чапчачи; *9–13* – Харабали I–V; *14* – Пустовальщик; *15* – Сурукул IV; *16* – Сурукул V; *17* – Салмурун I; *18* – Салмурун II; *19* – Булан; 20 – Селитренное; *21* – Вольное I; *22* – Вольное II; *23* – Вольное III; *24* – Вольное IV; *25–29* – Сероглазово I–V; *30* – Лапас I; *31* – Лапас II; *32* – Лапас III; *33–56* – Досанг I–XXIV; *57* – Комсомольский I; *58* – Исекей I; *59* – Косика; *60* – Петропавловка; *61* – Верхнелебяжье. Грунтовые могильники: *62* – Баста; *63* – Селитренное I; *64* – Селитренное II; *65* – Каменный Бугор; *66* – Хошеутово; *67* – Лапас; *68* – Комсомольский I; *69* – Комсомольский II; *70* – Комсомольский III; *71* – Комсомольский IV. Курганы: *72* – Енотаевка. Клады монет: *73* – Тамбовка; *74–100* – Селитренное I–XXVII 1878, 1922–1923, 1930, 1949, 1959–1960, 1968–1969, 1973, 1975–1976, 1979–1981, 1986–1987, 1991, 1997–1998, 2001–2002 гг.; *101–106* – Каменный Бугор I–VI-1998–2004 гг.; *107* – Черепаха; *108* – Хошеутово.

90, 108), не считая Селитренного городища; в трех случаях это монетные клады.

Монеты и клады четвертого этапа (1380–1395 гг.) встречены в 14 случаях (№ 1–4, 35, 63, 71, 74, 87, 92, 94, 96–98), 7 из которых – клады. Помимо Селитренного городища монеты этого времени найдены на трех поселениях, одном местонахождении и двух могильниках.

Монеты пятого этапа (1395–1420 гг.) были встречены в пяти случаях (№ 1, 2, 4, 78, 95), два из которых – клады.

Монетные находки шестого этапа (1420–1459 гг.) отмечены на 13 памятниках (№ 1, 2, 9, 75, 80, 82, 100–106), в том числе в 10 кладах.

Городище Шареный Бугор и его округа. В округе городища Шареный Бугор, располагающегося на северной окраине Астрахани, учтено 100 памятников, в том числе 16 поселений, 57 местонахождений, 20 грунтовых могильников, 1 курганная группа и 6 монетных кладов (рис. 3).

Нумизматические материалы присутствуют в находках всего с 15 из 100 известных памятников. Выделяются следующие основные этапы развития округи городища Шареный Бугор (в данном случае об округе говорится условно, так как само городище возникло на несколько десятилетий позже отдельных окружавших его памятников). Первый этап – с 1266 по 1310 г. (с начала правления Менгу-Тимура до реформы Токты), второй – с 1310 примерно по 1365 г. (с реформы Токты до начала массового обрезывания старых дирхемов и снижения веса новых монет), третий – с 1365 по 1380 г. (пери-

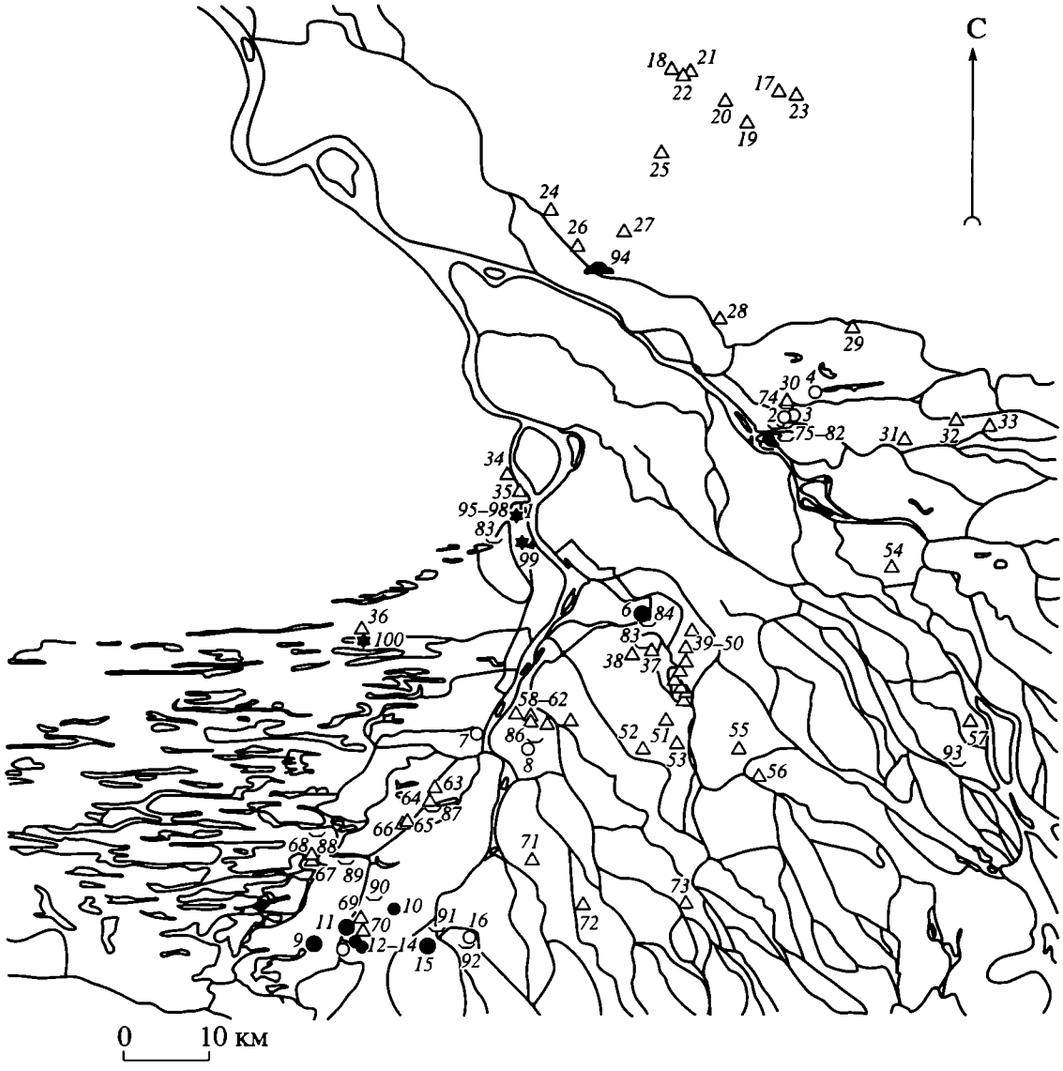


Рис. 3. Схема расположения памятников округи городища Шареный Бугор. Поселения: *1* – городище Шареный Бугор; *2* – Барановка I; *3* – Барановка II; *4* – Барановка III; *5* – Красный Яр; *6* – Мошаик; *7* – Ильинка; *8* – Татарская Башмаковка; *9* – Чертово городище; *10–14* – Маячное I–V; *15* – Самосделка; *16* – Караколь. Местонахождения: *17–23* – Исекей II–VIII; *24* – Аксарайский I; *25* – Аксарайский II; *26* – Сеитовка I; *27* – Сеитовка II; *28* – Хожетаевка; *29* – Байбек; *30* – Алча; *31* – Кривой Бузан; *32* – Караозек I; *33* – Караозек II; *34* – Дурное I; *35* – Дурное II; *36* – Николаевка; *37* – Мошаик; *38–41* – Началово I–IV; *42–50* – Начало I–IX; *51* – бугор "Седой"; *52* – Фунтово; *53* – Евпраксино; *54* – Володарский; *55* – Семибугры; *56* – Бараний Бугор; *57* – Крутое; *58–61* – Татарская Башмаковка I–IV; *62* – Яксатово; *63* – Новые Булгары I; *64* – Новые Булгары II; *65* – бугор "Большой Черный"; *66* – бугор "Малый Черный"; *67* – Джамба I; *68* – Джамба II; *69* – Маячное I; *70* – Маячное II; *71* – Иванчуг; *72* – Увары; *73* – Раздор. Грунтовые могильники: *74* – Барановка (Калмыцкий Бугор); *75* – Вакуровский Бугор I; *76* – Вакуровский Бугор II; *77* – Маячный Бугор I; *78* – Маячный Бугор II; *79* – Маячный Бугор III; *80* – Красный Яр; *81* – Мечетный Бугор I; *82* – Мечетный Бугор II; *83* – Шареный Бугор; *84* – Мошаик I; *85* – Мошаик II; *86* – Татарская Башмаковка (Хан-Тюбе и Тумак-Тюбе); *87* – Новые Булгары; *88* – Восточное; *89* – Икряное; *90* – Маячное; *91* – Самосделка; *92* – Караколь; *93* – Зеленга. Курганы: *94* – Сеитовка. Клады монет: *95–98* – Шареный Бугор I–IV, 1867, 1881, 1966 гг.; *99* – Карантинное; *100* – Николаевка.

од разгара междоусобицы в Улусе Джучи), четвертый – с 1380 по 1395 г. (правление Токтамыша), пятый – с 1395 по 1420 г. (эпоха Идегея), шестой – с 1420 по 1459 г. (период распада Золотой Орды).

Монеты, чеканенные в первый период (1266–1310 гг.), найдены на четырех памятниках (№ 5, 15, 77, 78). Наиболее ранние точно датирующиеся монеты относятся к периоду правления Менгу-Тимура (№ 77, 78). В трех случаях (№ 5, 77, 78) отмечены находки монет эпохи Токты (1291–1312 гг.). На основании этого материала можно полагать, что золотоордынские памятники дельты Волги начали появляться еще в последней трети XIII – начале XIV в.: в этот период возникают поселения Красный Яр (вместе с близлежащими к нему могильниками) и Самосделка.

Находки монет и кладов второго этапа (1310–1365 гг.) охватывают 9 объектов (№ 1, 5, 6, 9, 14, 15, 77, 78, 81), причем на 4 из них (№ 1, 5, 9, 15) отмечены находки монет начального периода междоусобицы – 1359–1365 гг. Отсюда следует, что период расцвета округи городища Шареный Бугор,

как и период наивысшего расцвета Золотой Орды в целом, относится ко времени правления Узбека и Джанибека.

Монеты третьего периода (1365–1380 гг.) были найдены всего на четырех памятниках (№ 5, 9, 15, 100), не считая городища Шареный Бугор; в 1 случае это монетный клад.

Монеты четвертого этапа (1380–1395 гг.) встречены в семи случаях (№ 1, 2, 5, 9, 15, 90, 98), один из которых – клад. Помимо городища Шареный Бугор монеты этого времени найдены на четырех поселениях и одном могильнике.

Монеты пятого этапа (1395–1420 гг.) были встречены в трех случаях (№ 1, 9, 99), один из которых – монетный клад. Помимо территории городища Шареный Бугор монеты данного этапа встречены лишь на одном поселении.

Монетные находки шестого этапа (1420–1459 гг.) отмечены всего в одном кладовом комплексе (№ 95), найденном на городище Шареный Бугор.

Значение археологических источников для изучения истории Золотой Орды трудно переоценить. Они являются не только самыми многочисленными, но и чрезвычайно важными, так как практически все письменные источники были известны, опубликованы и изучены еще в XIX – первой половине XX в. Более того, вообще не сохранилось нарративных источников, созданных в Улусе Джучи, а имеющиеся письменные сведения иноземных авторов весьма скудны по целому ряду вопросов.

Золотоордынские монеты являются не только базовым источником по хронологии Джучидов (ввиду аутентичности данной категории материала), но и характеризуют очень высокий уровень развития денежного обращения, в том числе мелкого розничного торга, динамику экономической жизни общества, вовлечения его членов как во внутреннюю, так и во внешнюю торговлю.

Улус Джучи имел две основные экономические составляющие: мир степных кочевников и оседлые сельскохозяйственные земли с городами. Экономика империи держалась на сельском хозяйстве (земледелии, скотоводстве и промыслах), ремесле, внешней и внутренней торговле. В государстве были хорошо развиты наука и культура. Существовала система делопроизводства, есть сведения о работе ученых (известны находки частей астролябий и квадрантов на Царевском городище) и творчестве литераторов, создававших свои произведения на "поволжском тюрки" – литературном языке городов Золотой Орды. Широко бытовали также монгольская и персидская письменность.

Города Улуса Джучи имели свои особенности исторического развития: они были связаны с деспотической властью ханов, первоначально города представляли собой замки знати и землянки строителей, в состав населения городов и их округи входило древнерусское и мордовское население. В городах и крупных поселениях имелась монументальная архитектура с богатым архитектурным декором: в наших материалах она встречена в округе Увекского (№ 1, 17, 29, 45, 52), Царевского (№ 1–4, 9, 12–16), Селитренного (№ 1–4) городищ и Шареного Бугра (№ 1–7, 10, 15). Города были благоустроены водоемами, арыками, водопроводами и даже общественными туалетами. Городские усадьбы иногда представляли собой "замки" аристократии с дворцами, бассейнами, домами слуг и охраны; имелись и небогатые усадьбы. Развитие рядовых жилищ происходило по линии перехода от землянок к деревянным наземным домам. В домостроительстве очень характерны горизонтальные отопительные дымоходы (каны), лежанки-суфы, умывальники (тошнау).

Городское ремесло было представлено гончарством, черной и цветной металлургией и металлообработкой, ювелирным делом, стеклоделием, косторезным, камнерезным и кожевенным делом, обработкой дерева. Известно, что появление производства чугуна в Европе связано именно с золотоордынским ремеслом. Мастера жили по кварталам, было развитым и усадебное ремесло. Города являлись центрами культурной жизни Улуса Джучи.

Выделяются следующие основные этапы развития округи золотоордынских городищ Нижней Волги. Первый этап – с 1266 по 1310 г. (с начала правления Менгу-Тимура до реформы Токты), второй – с 1310 примерно по 1365 г. (с реформы Токты до начала массового обрезывания старых дирхемов и снижения веса новых монет), третий – с 1365 по 1380 г. (период разгара междоусобицы в Улусе Джучи), четвертый – с 1380 по 1395 г. (правление Токтамыша), пятый – с 1395 по 1420 г. (эпоха Идегея), шестой – с 1420 по 1459 г. (период распада Золотой Орды).

Анализ количества памятников, существовавших в каждый из выделенных хронологических периодов, позволяет сделать вывод, что закономерности развития округи крупнейших золотоордынских городов Нижнего Поволжья были приблизительно одинаковыми (рис. 4, 5, *а, б*)[5].

Наиболее ранние памятники везде возникают еще во второй половине XIII – начале XIV в., благодаря градостроительной политике Джучидов, закономерно затронувшей в первую очередь места кочевок ханской ставки. Период расцвета округи нижневолжских городищ, как и период наивысшего расцвета Золотой Орды в целом, относится ко времени правления Узбека (1312–1342) и Джанибека (1342–1357), и на начальной стадии междоусобицы наметившийся упадок еще не приобрел таких масштабов, как на следующем этапе (1365–

[5] Черной заливкой на диаграммах 4–8 показано количество поселений.

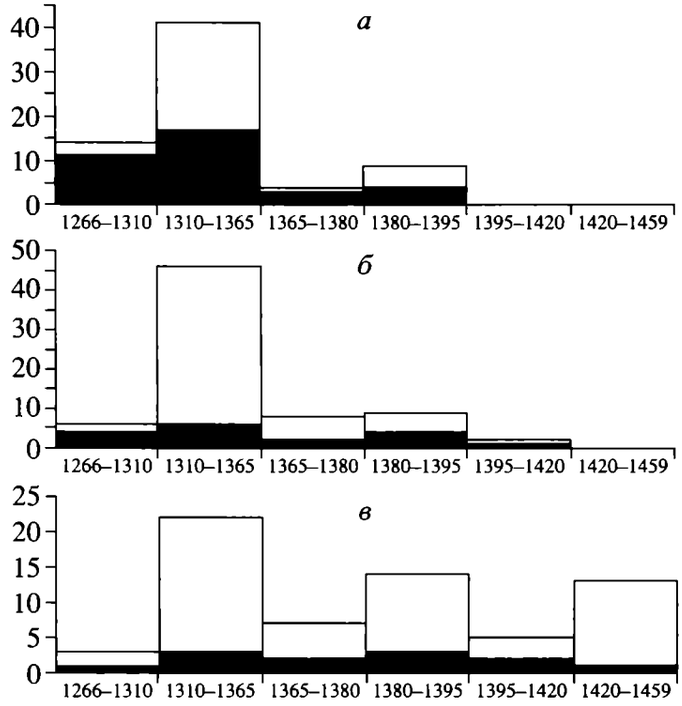


Рис. 4. Хронологическое распределение памятников округи Увекского (*а*), Царевского (*б*) и Селитренного (*в*) городищ.

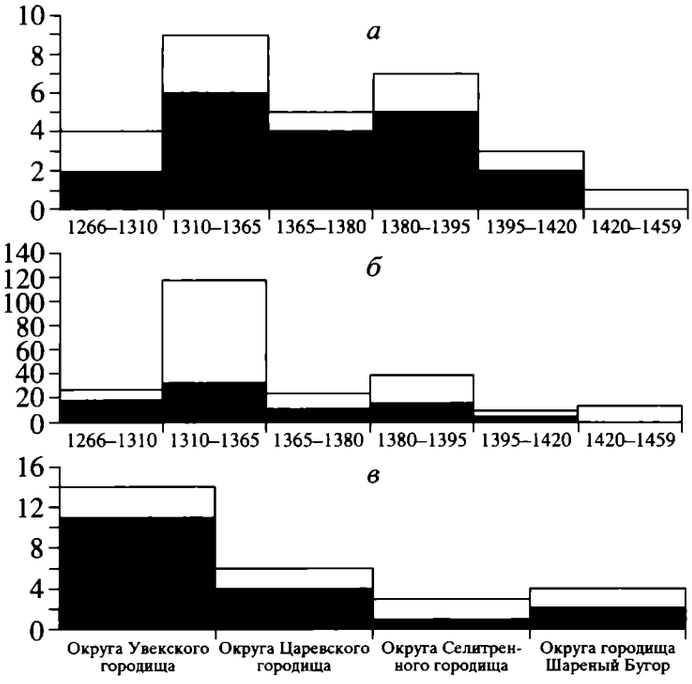


Рис. 5. Хронологическое распределение памятников округи городища Шареный Бугор (*а*) и памятников округи крупных золотоордынских городов Нижнего Поволжья в целом (*б*). Количественное соотношение памятников округи крупных золотоордынских городов Нижнего Поволжья на этапе 1266–1310 гг. (*в*).

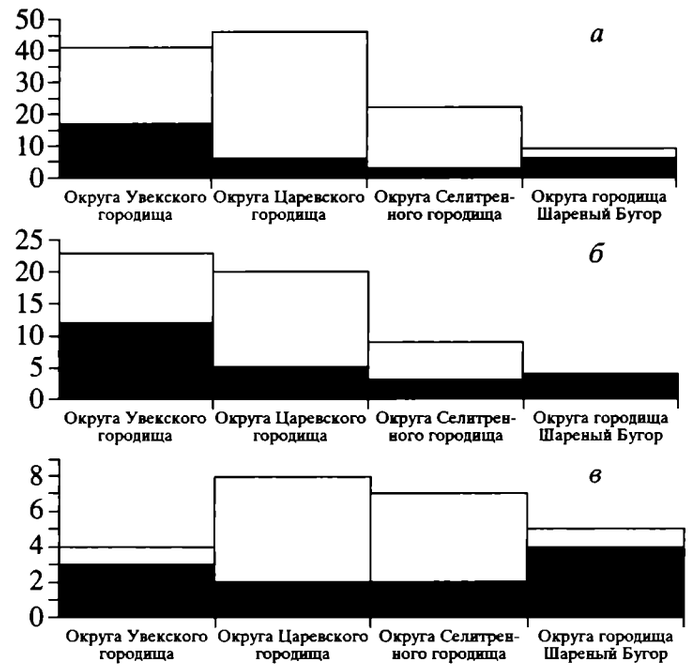


Рис. 6. Количественное соотношение памятников округи крупных золотоордынских городов Нижнего Поволжья на этапах 1310–1365 гг. (*а*), 1359–1365 гг. (*б*) и 1365–1380 гг. (*в*).

1380). В период правления Токтамыша (1380–1395) наблюдался небольшой экономический подъем. Имеются лишь незначительные отличия на двух самых поздних этапах. Так, Увекское городище и памятники его округи, видимо, перестают существовать после похода Тамерлана 1395 г., с которым связан также полный упадок Царевского городища и окружавших его памятников (более поздние монеты происходят лишь с Водянского городища, где найден лишь один пул этого периода, и из единственного кочевнического погребения на данной территории). Памятники же района Селитренного городища и городища Шареный Бугор существовали также и в более поздний период – вплоть до распада Улуса Джучи, причем округа Селитренного городища продолжала оставаться экономически более развитой, как и в XIV в.[6]

Диаграммы, построенные нами по каждому хронологическому периоду отдельно (рис. 5, *в*–7), показывают степень экономической мощи округи каждого из крупных городов домена Джучидов на различных этапах денежного обращения. Так, в период расцвета Золотой Орды (первая половина – середина XIV в.) наблюдается рост значения округи Царевского (там известно наибольшее количество объектов этого времени) и Селитренного городищ по сравнению с ранним этапом, на котором доминируют памятники округи Увекского городи-

[6] Следует, однако, отметить, что традиции оседлости были в целом более присущи округе городища Шареный Бугор, нежели округе Селитренного городища – это очевидно связано с более благоприятными природными условиями дельты Волги.

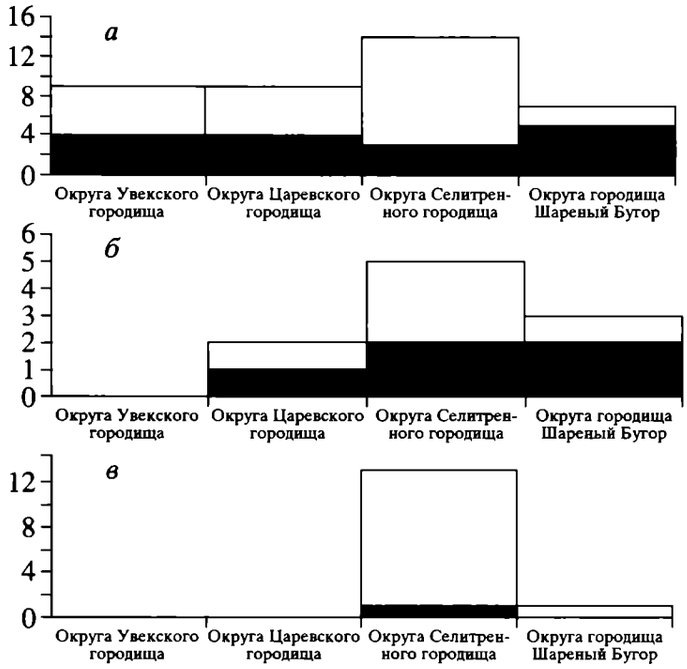


Рис. 7. Количественное соотношение памятников округи крупных золотоордынских городов Нижнего Поволжья на этапах 1380–1395 гг. (*а*), 1395–1420 гг. (*б*) и 1420–1459 гг. (*в*).

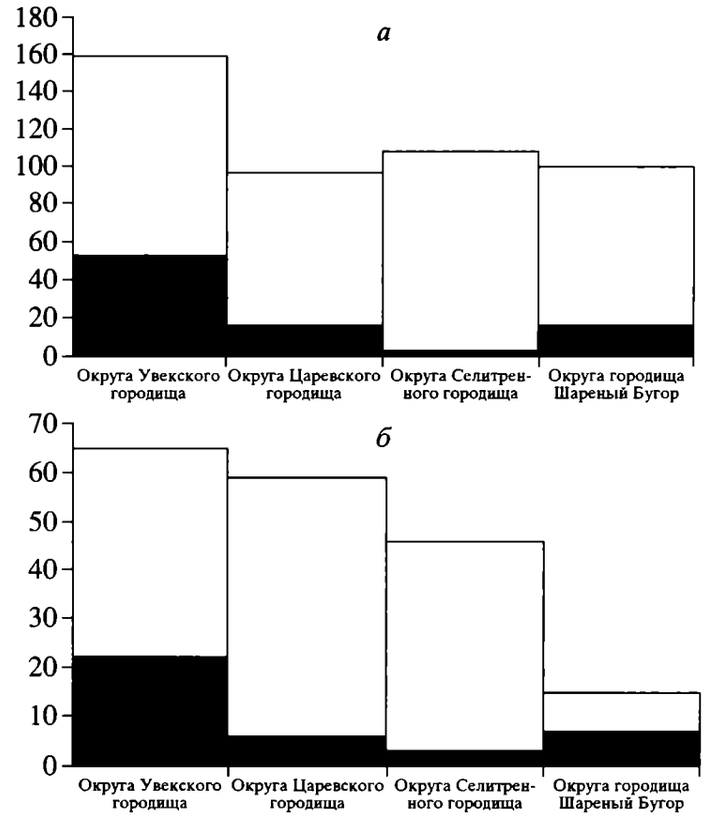


Рис. 8. Количественное соотношение памятников округи крупных золотоордынских городов Нижнего Поволжья (*а*) и количественное соотношение этих памятников, датированных монетами (*б*).

ща (рис. 5*в*, 6, *а*, *б*)[7]. В период апогея междоусобных войн (1365–1380 гг.) экономика округи Укека была существенно подорвана (рис. 6, *в*), а в правление Токтамыша (1380–1395) наиболее значимым районом Нижнего Поволжья (рис. 7, *а*) впервые становятся окрестности Селитренного городища (на более ранних этапах там всегда существовало меньше памятников, чем в округе Царевского городища). В конце XIV – середине XV в. однозначное лидерство округи Селитренного городища попрежнему сохраняется на фоне полного упадка других кустов памятников (рис. 7, *б*, *в*).

Еще одна диаграмма (рис. 8, *а*) показывает соотношение памятников разных регионов Нижней Волги для всего золотоордынского времени в целом, а другая (рис. 8, *б*) – степень включения населения этих районов в товарно-денежные отношения.

В целом в золотоордынское время в Нижнем Поволжье наибольшее количество памятников, и поселений в том числе, отмечается в округе Увекского городища, в которой наблюдается и наибольшее количество объектов, охваченных денежным обращением. Меньшее число памятников известно в округе Селитренного городища (где выявлено наименьшее число поселений), еще меньшее – в округе городища Шареный Бугор и в окрестностях Царевского городища. По степени развития монетного обращения за округой Увекского городища следуют памятники округи Царевского, Селитренного городищ и Шареного Бугра.

Работа выполнена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых № МК-1053.2005.6.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Мухамадиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М., 1983.

Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М., 2000.

Федоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. 1960. Т. I.

Федоров-Давыдов Г.А. Находки джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. 1963. Т. IV.

Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994.

Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М., 2003.

[7] Поселения округи Увекского городища, тем не менее, количественно доминируют над поселениями других регионов вплоть до 1359–1365 гг. включительно.

The chronology of the Lower Volga Golden Horde city and its regions

L. F. Nedashkovsky

Summary

The analysis of the quantity of sites, which existed in each of the periods allocated by us, gives the opportunity to conclude that the principles of development of the largest regions of the Golden Horde Lower Volga cities were approximately the same (Fig. 4, 5, a, b; the black colour in Diagrams 4–8 shows the number of settlements).

The earliest monuments appeared everywhere in the second half of the 13th c. – beginning of the 14th c. The period of flourishing of the Lower Volga cities regions as well as the period of the most vigorous growth of the Golden Horde as a whole refes to the time of the rule of Uzbek (1312–1342) and Janibek (1342–1357), while at the initial stage of the internecine wars the commencing decline had not yet the scale of the following stage (1365–1380). In the period of the Toktamysh rule (1380–1395) a slight economic rise took place. There are just slight differences in the two latest periods. Thus, the Uvek site and the monuments of its region seem to cease to exist after the Tamerlane raid of 1395, with which the decline of the Tsarevskoe site and surrounding monuments is also connected. As for the monuments of the Selitrennoe site region and of the Sharenyy Bugor site, they also existed in the later period and up to the destruction of the Ulus Jochi, while the Selitrennoe site region remained economically more developed, like in the 14th c.

The diagrams made for each chronological period separately (Fig. 5, c–7) show the extent of economic power of the region of each large city of the Jochids domain at different stages of monetary circulation. Thus, in the period of the Golden Horde flourishing (the first half of the 14th c – the middle of the 14th c.) we can observe the growth of significance of the region of the Tsarevskoe site (with the majority of objects of that time) and the Selitrennoe site in comparison to the earlier stage, when the monuments of the region of the Uvek site dominated (Fig. 5c, 6, a, b). During the apogee of the internecine wars (1365–1380) the economy of the Uvek region was significantly weakened (Fig. 6, c), while during the Toktamysh reign (1380–1395) the surroundings of the Selitrennoe site became for the first time the most important region of the Lower Volga (Fig. 7, a) (in the earlier stages there were fewer monuments in this region than in the region of the Tsarevskoe site). In the end of the 14th c. – the middle of the 15th c. the undoubted leadership of the region of the Selitrennoe site remained on the background of the complete decline of other groups of monuments. (Fig. 7, b, c).

One more diagram (Fig. 8, a) shows the proportion of monuments of different Lower Volga regions during the Golden Horde time as a whole, and another one (Fig. 8, b) – the extent of the involvement of the population of these regions into a monetary circulation.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 3, с. 85–94

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ

АХЕМЕНИДСКИЕ ГЕММЫ В ХОРЕЗМЕ

© 2006 г. С. Я. Берзина

Государственный музей Востока, Москва

На территории древнего Хорезма найдено небольшое количество ахеменидских гемм-печатей. Их значительно меньше в количественном отношении и они менее разнообразны, чем аналогичные памятники из Согда или Бактрии. Однако в отличие от последних, именно в Хорезме ахеменидские геммы по форме и содержанию стали прототипами местной хорезмийской глиптики, а сюжеты и образы, запечатленные на ахеменидских геммах, дали изобразительное начало хорезмийскому эпосу и космогоническому мифу[1].

Ахеменидские геммы из Хорезма относятся к двум определенным группам. Первая – подвесные печати разных форм с изображением царя-героя, побеждающего льва или львогрифона. Вторая – скарабеоиды с изображением птицеголового грифона. Первый сюжет восходит к ассирийским печатям с изображением царя, убивающего льва. Сюжет получил широкое распространение в Ахеменидском Иране. Обожествленный царь борется и побеждает силы хаоса, предстающие в образах львов, львогрифонов, быкообразных существ и сфинксов. Печати с такими изображениями датируются VI–V вв. до н.э. Второй сюжет также восходит к ассирийскому искусству. Образы сокологолового и орлиноголового грифонов широко использовались в ахеменидской глиптике V–IV вв. до н.э. Геммы-скарабеоиды, в частности с этим сюжетом, изготавливались в мастерских малоазийских провинций Ахеменидского Ирана.

Печать первой группы найдена в разрушенном и разграбленном погребальном сооружении, открытом в оазисе Дингильдже. М.Г. Воробьева, руководитель раскопок и автор публикации, писала об интересующем нас предмете следующее: "половина халцедоновой бусины-печати с изображением разинувшего пасть льва" (Воробьева, 1973. С. 83). Материал она описала как "светлый халцедон", форму печати определила как "скарабелоид" (Воробьева, 1973. С. 207), а для реконструкции изображения привлекла в качестве прямой аналогии печать из II Покровского кургана (Смирнов, 1964. С. 147. Рис. 16, *2б*). "Поза льва (на покровской печати – *С.Б.*) аналогична изображению на дингильджинской, на которой, видимо, тоже была сцена борьбы, но, вероятно, на двух сторонах печати, так как вытянутая вперед лапа зверя доходит до края печати, немного заходя и на боковую грань. Изображение на другой стороне не читается" (Воробьева, 1973. С. 207). В иллюстрациях гемма была представлена трижды: рисунком изображения на печати и оттиске (Рис. 29, Ш, *4*), фотоснимком (Табл. II, А, *3*) и рисунками обеих сторон сохранившегося фрагмента (Табл. II, Б, *6*). Однако все они неудачны и не позволяют составить цельное представление ни о форме геммы, ни об изображении на ней.

Обломок геммы из Дингильдже хранится в Государственном музее Востока (далее ГМВ). До археологов дошла не половина, а только четверть подвесной печати из белого халцедона, имевшей форму бочковидного, уплощенного с четырех сторон цилиндра, плоского вверху и закругленного внизу. Высота примерно 2 см, диаметр 1.6 см. От кругового изображения (рис. 1, *3*) на одной (широкой) стороне осталась верхняя часть вставшего на дыбы разъяренного льва: его голова с раскрытой пастью и прижатыми ушами и одна протянутая в сторону раскрытая лапа с выпущенными когтями (заходит на узкую сторону). Такое положение лапы было возможно только в том случае, если верхняя часть тулова льва была развернута впрямь. Ниже, в отрыве от вышеописанного изображения, находится какая-то часть животного или предмета, которую анатомически не удается привязать к фигуре льва. На сохранившемся краешке другой широкой стороны видны мелкие углубления от изображения, которое не определяется. Голова льва обращена на инталье влево, на оттиске вправо. Положение других частей тела льва не фиксируется, как и положение его противника, в котором исследовательница видела, исходя из покровской печати, фигуру ахеменидского царя.

На самом деле дингильджинскую и покровскую печати объединяет только общий сюжет. Формы печатей и изображения на них – разные. В свете современных знаний можно предложить несколько базовых вариантов реконструкции сцены на дингильджинской гемме. Все они были заложены еще в ассирийском искусстве и инспирированы царскими охотами. Что касается последних, то Ашшурнацирапал II (889–859 гг. до н.э.) в одной из

[1] В основе статьи одноименный доклад, прочитанный на конференции "Древность: историческое знание и специфика источника. Памяти Э.А. Грантовского и Д.С. Раевского". Институт Востоковедения РАН. Москва, 24 октября 2005 г.

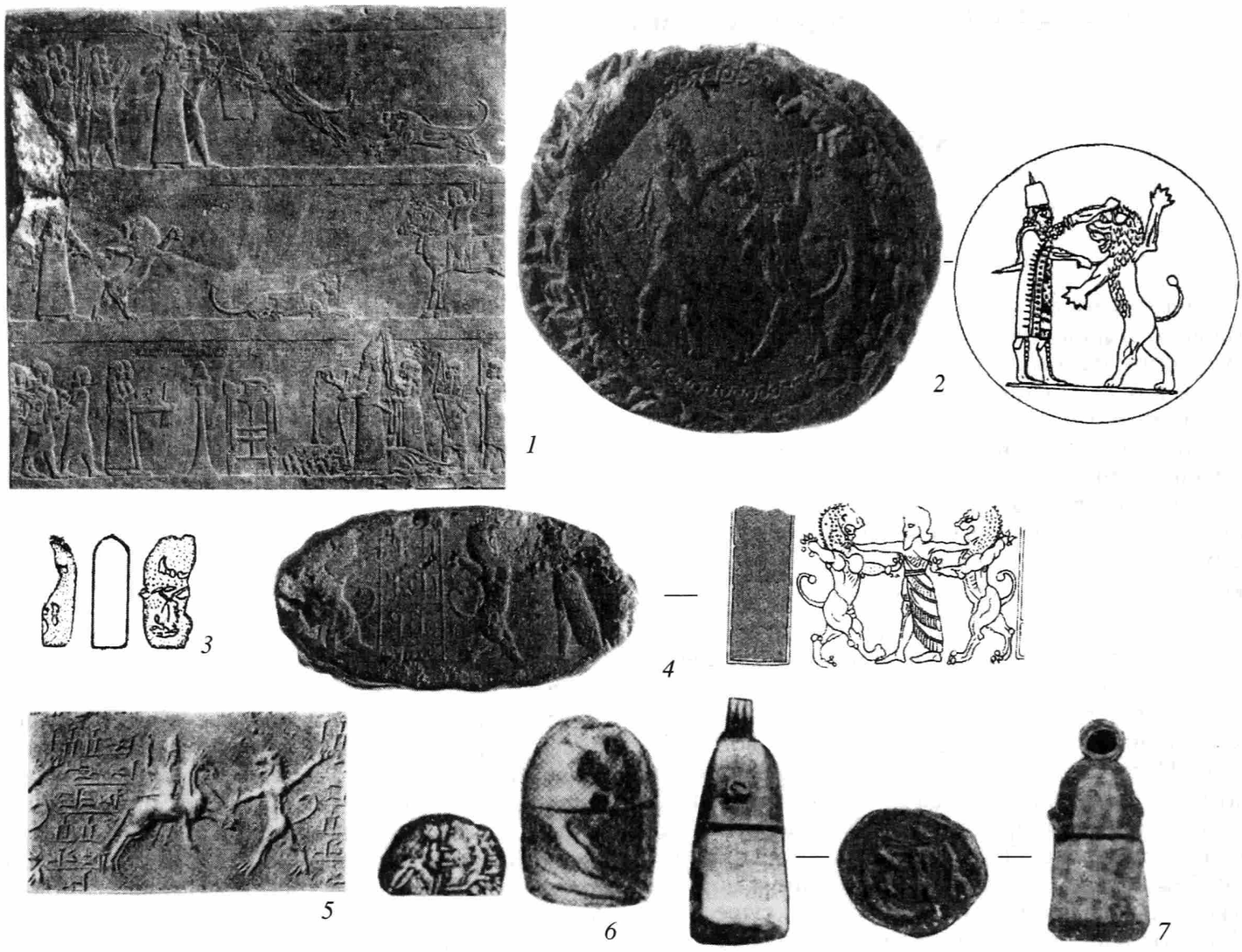


Рис. 1. Сцены львиной охоты на ассирийских памятниках: *1* – рельефная панель из дворца Ашшурбанапала II; *2* – оттиск печати Саргона II, прорисовка оттиска печати Саргона II; *3* – гемма из Алебастровой могилы, Дингильдже. Сцены львиной охоты на ахеменидских геммах: *4* – оттиск печати Фарнака, сына Аршамы; *5* – оттиск печати Айанакки, сына Пиратиш. Ахеменидские печати со сценами львиной охоты из Хорезма: *6* – печать, найденная в мавзолее Чирик-Рабата; *7* – печать найденная во II Покровском кургане.

своих надписей с гордостью сообщает, что убил 450 львов и 390 диких быков, а еще отрубил головы 200 страусам, расправившись с ними с такой легкостью, как будто это были птицы в клетках. Кроме того, царь поймал живыми, с помощью ловушек, 30 слонов, 50 быков, 20 львов и 140 страусов (Дандамаева, 2004. С. 29).

Именно в художественной культуре Ассирии появляются изображения вздыбленного разъяренного льва с головой, повернутой в профиль, в направлении противника, верхней частью туловища впрямь и распростертыми в обе стороны передними лапами. Мы видим такого льва в сценах львиной охоты на рельефной панели, украшавшей стену Северного дворца Ашшурбанапала II (669–635/629 гг. до н.э.) в Ниневии (Garrison, 1991. Fig. 14) (рис. 1, *1*), а также на оттиске печати Саргона II, приложенной к документу 715 г. до н.э. (Garrison, 1991. Fig. 13; Дандамаева, 2004. Рис. 46) (рис. 1, *2*). На ранних ахеменидских печатях эта иконография льва повторяется полностью. Оттиск печати Фарнака, сына Аршамы, происходящий из "Архива Крепостной стены" Персеполя и датируемый (согласно документу, к которому печать была приложена) 500 г. до н.э., представляет героя, который душит двух вздыбленных львов с распростертыми в обе стороны лапами. Кстати, герой изображен в ассирийском одеянии (рис. 1, *4*) (PFS 16) (Garrison, 1991. Fig. 11, *12*; Медведская, 2004. С. 640, 694. Рис. 136). Оттиски других печатей этого архива (PFS 52, PFS 95) также повторяют типичные ассирийские сцены. На эламской цилиндрической печати ахеменидского времени с именем Айанакки, сына Пиратиш, тот же вздыбленный лев с распростертыми лапами представлен в схватке с конным всадником (Б.М., инв. № 89009. Wiseman, 1958. № 107) (рис. 1, *5*).

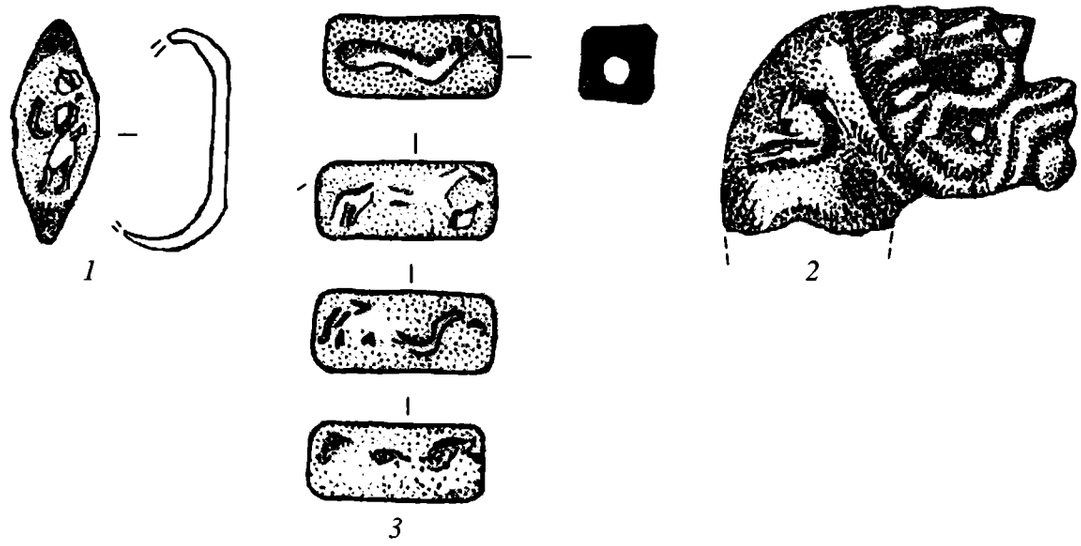


Рис. 2. Ахеменидские памятники из Дингильдже: *1* – кольцо-печать с изображением стреляющего лучника; *2* – бляшка с изображением льва/львицы с цветком лотоса; *3* – призматическая бронзовая печать.

Таким образом, возможны три варианта реконструкции сцены: царь/герой душит льва одной рукой и закалывает его другой, царь/герой душит двух львов, царь/герой верхом на коне готовится поразить зверя. В любом случае гемма-печать сопровождалась надписью с именем владельца. Изготовление дингильджинской геммы следует отнести к концу VI – началу V в. до н.э.

Дингильдже, где была найдена гемма, древний цветущий оазис в Правобережном Хорезме, плотно заселенный в середине I тыс. до н.э. Раскопки и разведки, проводившиеся здесь Хорезмской археолого-этнографической экспедицией, выявили, что основой хозяйства жителей этого района было ирригационное земледелие. Вода поступала из Амударьи по магистральному каналу, достигавшему в длину 35–40 км, и распределялась отводными сооружениями между многочисленными хозяйствами. Остатки домов и усадеб зарегистрированы в 53 пунктах, кроме того, во многих местах собраны фрагменты керамики, наконечники стрел, каменные поделки и другие предметы, не составляющие крупных скоплений, но свидетельствующие о некогда существовавших там поселениях. Оазис имел общественный центр, отдельно стоящее святилище или небольшой храм с круглым алтарем-жертвенником.

Гемма-печать принадлежала человеку, погребенному в ящике с крышкой, типа саркофага. Ящик и крышка были отлиты из алебастрового раствора. Саркофаг с телом умершего (сохранилась часть черепной коробки) поместили в яму, впущенную в материк. Между стенкой ямы и саркофага, в специально вырытую канаву положили жертвенную и заупокойную пищу, состоящую из частей туш лошади и овцы/козы. В могилу были положены также три собачьи головы и разбитая керамика (ритуальная порча). Найденный в слое засыпки череп лошади и сама опаленная поверхность засыпки ямы и древней почвы позволили М.Г. Воробьевой предположить, что захоронение сопровождалось тризной. Вероятно, могила имела ограду. От погребального инвентаря на долю археологов достались крохи: фрагмент вышеупомянутой геммы, фрагменты бронзовых браслетов и височных подвесок, отдельные каменные бусины, бирюзовая вставка в серьгу, а также фрагментированный бронзовый перстень-печать с изображением стреляющего лучника (хранится в ГМВ) (рис. 2, *1*) М.Г. Воробьева нашла ему аналогию в материалах из раскопок ахеменидского поселения близ Суз, в слое, датированном VI–V вв. до н.э. Изображения ахеменидского царя, стреляющего из лука, известны на дариках Ксеркса, изображения персидских лучников – на геммах-печатях разной формы (Неверов, 2004. № 8, 25).

Погребальное сооружение, которому археологи дали название "Алебастровая могила", уникально для архаического Хорезма типом погребения (захоронение в саркофаге), содержанием погребального инвентаря, среди остатков которого оказались две ахаменидских печати, а также своим местоположением. Могила была устроена за стенами уникальной хорезмийской усадьбы того же самого времени.

Усадьба выделяется изо всех многочисленных усадеб оазиса. Она в 2.5 раза превышала по площади наибольшую из синхронных и в 7 раз наименьшую (а по площади помещений в 4–5 раз первую и в 8 раз вторую). Отличается она и по типу строений, наличию отдельно стоящего здания бассейна, характеру жилых помещений, размеру общей, заключенной в ограду площади усадьбы и, наконец, по инвентарю, включавшему ахеменидские украшения. От последних сохранилась фрагментированная бронзовая бляшка с рельефным изображе-

нием головы льва (львицы) с зажатым в пасти цветком лотоса (Воробьева, 1973. Рис. 25; Табл. II, А, *6*; Б, *9*) (рис. 2, *2*). Бляшка предназначалась для украшения одежды или какого-то предмета. По мнению М.Г. Воробьевой, трактовка деталей бляшки, связанная с переднеазиатским и ахеменидским искусством, позволяет предположить, что она была привозной или, может быть, делалась по импортному образцу (Воробьева, 1973. С. 175). Выявленные закономерности в планировке здания и усадьбы также показывают знакомство с достижениями переднеазиатских и египетских зодчих, проникавшими в Хорезм через Персию. Усадьбу отличало еще и удобное положение по отношению к водным магистралям: к самой усадьбе подходил арык.

По мнению М.Г. Воробьевой, усадьба могла принадлежать не просто богатому хорезмийцу, но, скорее всего, правителю района, который стоял во главе имения ахеменидского вельможи. Этот хорезмиец был доверенным лицом последнего. "На эту же мысль наводит и расположенная недалеко разграбленная могила, среди остатков инвентаря которой оказались такие символы власти, как перстень-печать из бронзы с выгравированным лучником... и печать из халцедона с изображением типичного для раннеахеменидского времени ревущего льва" (Воробьева, 1973. С. 217). Усадьбу и непосредственно связанную с ней Алебастровую могилу М.Г. Воробьева относила к первой половине V в. до н.э., после Кюзели-гыр и до Калалы-гыр I (1973. С. 217).

Еще одна ахеменидская печать с этим сюжетом оказалась также в разрушенном и разграбленном мавзолее в Чирик-Рабате (рис. 1, *6*) (Трудновская, 1963. С. 201–213) на территории, непосредственно граничившей с Древним Хорезмом на востоке. Носителями археологической чирик-рабатской культуры были подвижные скотоводы, жившие в добрых отношениях, постоянных экономических и культурных контактах с хорезмийцами. По мнению Б.И. Вайнберг, это были исторические дахи/дайи (Вайнберг, Левина, 1993), по мнению И.В. Пьянкова – исторические массагеты (2004. С. 746, 750, 758). Попадание печати в Чирик-Рабат с территории Хорезма представляется весьма вероятным. О печати мы можем судить только по иллюстрациям и описаниям (Толстов, 1962. С. 147–148. Рис. 81; Трудновская, 1963. Рис. 9. № 16), современное местонахождение печати неизвестно. С.А. Трудновская описывает и определяет печать следующим образом: "Это печать-конус из белого халцедона с просверленным отверстием для подвешивания. Попавший в огонь камень прокалился и растрескался. Отсутствует фрагмент с частью изображения (рис. 9, *16*). На печати вырезана сцена единоборства царя в зубчатой короне с львиноголовым крылатым грифоном. Сохранились лишь верхние половины фигур. По форме, сюжету и стилю изображения камень принадлежит к ахеменидским изделиям V–IV вв. до н.э. Очень близкая по материалу, форме и изображению печать была найдена в сарматском кургане у с. Покровка на р. Илек в Южном Приуралье"[2]. Печать, по мнению С.А. Трудновской, использовалась в качестве украшения (1963. С. 211, 212).

Судя по фотоснимку оттиска интальи, царь и вздыбленный львогрифон схватились насмерть. Оба изображены в профиль, встречно друг к другу. Львогрифон протянул одну переднюю лапу к груди царя, другую – к его лицу. Царь левой рукой душит зверя за горло, а в отведенной правой (судя по положению плеча), вероятно, держит оружие.

Мавзолей, куда в свое время был положен владелец геммы, относится к самым ранним из погребальных сооружений этого рода. Остатки былой роскоши позволяют считать его местом погребения представителей родоплеменной знати. С.П. Толстов и С.А. Трудновская датировали мавзолей концом IV или рубежом IV–III в. до н.э. (Толстов, 1962. С. 148; Трудновская, 1963. С. 213). Б.И. Вайнберг и Л.М. Левина считают, что "весь комплекс находок и прежде всего наличие ахеменидской печати позволяют ограничить эту дату IV в. до н.э." (1993. С. 43). Персидские подвесные печати с аналогичным сюжетом датируются в пределах VI–IV вв. до н.э. (ср.: Никулина, 1994. № 401 – коническая печать VI в. до н.э.; № 444, 445 – пирамидальные восьмигранные печати V–IV вв. до н.э.).

Третья печать с тем же сюжетом (на которую ссылались М.Г. Воробьева и С.А. Трудновская) открыта на территории дальних северных соседей Хорезма, носителей прохоровской археологической культуры. Проблема прохоровской культуры как таковой, границы ее распространения, датировка и даже определение собственно прохоровских комплексов в настоящее время являются предметом научной дискуссии (Зуев, 2000. С. 304–330). Однако тезис о связях прохоровцев с населением Приаралья, о вероятности их первоначального местонахождения в целом или частично в Приаралье не пересматривался, как и возможность попадания хорезмийских памятников в курганы прохоровской культуры с берегов Аральского моря (Мошкова, 1987). Логично считать местом появления ахеменидских предметов в Приаралье именно Хорезм, ахеменидскую сатрапию, откуда они и попали к прохоровцам.

Прохоровцев принято отождествлять с историческими сарматами (М.И. Ростовцев) или савроматами (К.Ф. Смирнов). По мнению современных исследователей истории Средней Азии (Вайнберг, Левина, 1993. С. 93, 94; Пьянков, 2004. С. 748), это

[2] Трудновская ссылается на публикации: И. Кастанье (1913. С. 80–83), М.И. Ростовцева (1918. С. 19 и сл.; ОАК, 1913. С. 192, 193).

дахи (даи). Печать входила в состав богатого погребального инвентаря местного вождя/правителя, захороненного в нетронутом II Покровском кургане (Ростовцев, 1918. С. 21 и сл.). Печать сохранилась в своем первоначальном виде полностью. К сожалению, ее нынешнее местонахождение не известно. М.И. Ростовцев описывал печать следующим образом: "Печать в виде конуса из белого халцедона ахеменидского типа. Печать оправлена в золотой колпачок со скобкой наверху для подвешивания. На колпачке с двух сторон по накладному завитку из золотой проволоки. На печати обычное для ахеменидских печатей, но очень беглое изображение царя, борющегося со львом, поднявшимся на задние лапы. Правая рука царя схватывает льва за голову, в левой меч. Выс. [инталь] 0.5 см" (Ростовцев, 1918. С. 21. Табл. VI, *10–12*) (рис. 1, *7*). К.Ф. Смирнов, по публикации которого эта печать стала широко известна в советское время, писал о ней следующее: "Во втором покровском кургане найдена также прямоугольная ахеменидская печать из халцедона, оправленная в золотой колпачок с петелькой для подвешивания. Савроматы бассейна р. Илек, вероятно, использовали эту печать в качестве подвески-амулета" (Смирнов, 1964. С. 147. Рис. 16, *2б*; печать описана и нарисована неверно).

Судя по фотоснимкам, опубликованным М.И. Ростовцевым, печать из II Покровского кургана представляет собой восьмигранную пирамидальную подвеску со сквозным поперечным отверстием в верхней части и изображением на "донышке". Через отверстие проходит стержень, концы которого выступают из колпачка-обоймы и крепятся к ней проволочными заклепками-завитками. Инталья в форме восьмиугольника. В изображении на инталье воспроизводится традиционная сцена схватки ахеменидского царя со вздыбленным львом. Царь сжимает левой рукой шею льва, а в правой, отведенной в сторону, он держит кинжал/меч. Материал, форма геммы и изображение на ней имеют множество аналогий в памятниках ахеменидской глиптики. Это один из традиционных типов ахеменидских печатей V–IV вв. до н.э. (Boardman, 1970. P. 19–44. Pl. I–VIII et al.).

Другие геммы с таким сюжетом в Средней Азии не известны, как и не известно появление этого сюжета на местных печатях. Во всех трех случаях, независимо от этно-политической привязки владельцев последних двух, печати следует рассматривать как инсигнии персидских чиновников, правящих от имени ахеменидского царя. При этом надо учитывать, что две последние были обнаружены не по месту первоначального использования, а по месту находок.

Только первая из них может рассматриваться в контексте прямых отношений Ахеменидского Ирана и Хорезма в силу уже упоминавшихся находок в большой усадьбе Дингильдже, Алебастровой могиле, а также других ахеменидских печатей из этого оазиса. К ним относятся еще две печати, оставшиеся не атрибутированными. Одна: призматическая бронзовая печать с продольным отверстием внутри, имеющая выгравированные изображения животных на всех четырех сторонах (Воробьева, 1973. Табл. II А, *11*; Б, *4*) (рис. 2, *3*); современное местонахождение не известно. Другая: маленький сердоликовый скарабеоид с грифоном.

Призматическая печать была найдена в архаической усадьбе 11 А (Воробьева, 1973. С. 7, 8). Это характерное изделие IV в. до н.э., одна из форм многогранных печатей, широко известных по памятникам малоазийской глиптики ахеменидского времени (Richter, 1952. P. 189–195. Pl. XXX; Неверов, 1984. С. 47–49; Никулина, 1994. С. 88–93. Кат. № 465–474). Самой близкой аналогией печати из Дингильдже можно считать призматическую халцедоновую печать, хранящуюся в Ашмолеанском музее, Оксфорд. На ее четырех сторонах изображены животные: собака, лисица, ящерица и цапля (Richter, 1968. № 410; Boardman, 1970a. № 934; Никулина, 1994. № 233, 276). Нельзя исключить, что бронзовая печать из Дингильдже могла быть сделана в подражание печати-гемме.

Ахеменидский скарабеоид с изображением летящего сокологолового грифона на выпуклой стороне найден в окрестностях Дингильдже (Трудновская, Войтов, 1979. № 362), хранится в ГМВ, (рис. 3, *1*). Скарабеоид был отнесен С.А. Трудновской к III в. до н.э. На самом деле он датируется временем не позднее середины IV в. до н.э. Дингильджинский скарабеоид входит во вторую группу ахеменидских печатей, найденных на территории древнего Хорезма. Сюда же относятся: фрагментированный скарабеоид из Базар-калы с ушастым и рогатым грифоном, скарабеоид с аналогичным изображением из Беркут-калы и отпечатки большого скарабеоида из Кой-крылган-калы[3].

[3] С территории Средней Азии известны еще три ахеменидских скарабеоида с грифонами, собственно с львогрифонами. Один из собрания Б.Н. Кастальского, ныне хранится в Отделе Востока Государственного Эрмитажа (Никулина, 1994. № 542). Второй был найден случайно на средневековом городище Будрач (Брыкина, 1994. С. 32). Третий – также случайно на кушанском городище Бараттепа (Древности Южного Узбекистана. С. 260. № 46), Э.В. Ртвеладзе описывает его как ложный перстень. Место находки первого неизвестно. Оба последних оказались в постахеменидских слоях. Скорее всего, все эти скарабеоиды попали в Среднюю Азию в греко-римское время, подобно скарабеоиду с грифоном из Тилля-тепе (Sarianidi 1985, P. 46. Cat. V, *8*. Ill. 74). Единственное изображение львогрифона, которое можно связать со Средней Азией, собственно с Бактрией ахеменидского времени, имеется на золотом перстне из Амударьинского клада (Зеймаль, 1979. Кат. № 109).

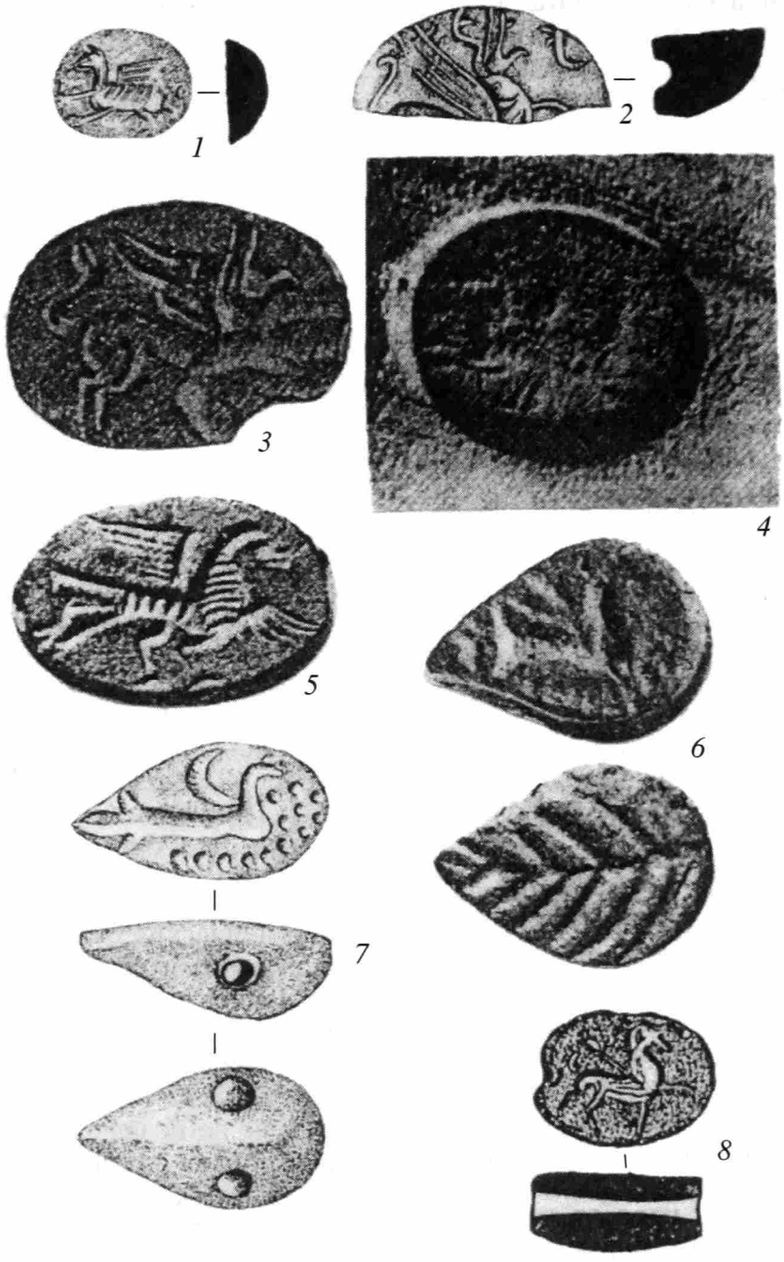


Рис. 3. Ахеменидские печати с изображением птицеголовых грифонов из Хорезма: *1* – скарабеоид из Дингильдже; *2* – скарабеоид из Базар-калы; *3* – скарабеоид из Беркут-калы; *4* – оттиск скарабеоида из Кой-крылган-калы. Хорезмийские печати с изображением птицеголовых грифонов: *5* – скарабеоид из Беркут-калы; *6* – скарабеоид из Беркут-калы; *7* – скарабеоид из разведочного маршрута Б.В. Адрианова; *8* – хорезмийский скарабеиод с изображением конеолене-грифона из Кой-крылган-калы.

Базаркалинский скарабеоид выполнен из черного камня кристаллической породы. На плоской поверхности скарабеоида сохранилась верхняя половина превосходного изображения грифона. Ушастый и рогатый орлиноголовый грифон представлен в движении, возможно в полете, с поднятыми крыльями, выброшенными вперед ногами и задранным вверх хвостом. Перед ним полумесяц лодочкой. Скарабеоид опубликован без описания и атрибуции, отнесен к IV–III вв. до н.э. (Трудновская, Войтов 1979. № 359; хранится в ГМВ) (рис. 3, *2*). Скрабеоид принадлежит к изделиям малоазийской мастерской ахеменидского времени и не может быть датирован позднее IV в. до н.э.

Ахеменидское происхождение имеет также скарабеоид из Беркут-калы, на котором изображен рогатый орлиноголовый грифон, аналогичный предыдущему (Толстов, 1948. Табл. 83, *7*. Рис. на С. 56) (рис. 3, *3*), описание его не приводится; современное местонахождение неизвестно.

В храме Кой-крылган-калы определенно был стандартный ахеменидский скарабеоид с грифоном, который использовался как печать. Оттиски крупного скарабеоида с изображением летящего

птицеголовго грифона сохранились на фрагментах большого расписного хума из Кой-крылган-калы, датированного IV в. до н.э. (Трудновская, 1967. С. 217) (рис. 3, *4*); современное местонахождение фрагментов хума неизвестно.

В Хорезме образы грифонов зафиксированы также и на других памятниках, копирующих ахеменидские образцы. Здесь найдена форма для изготовления скульптурной протомы орлиноголового грифона, аналогичной персепольскому. Протома предназначалась для капителей колонн парадного зала дворца ахеменидского сатрапа в Калалы-гыр I, рубеж V–IV вв. до н.э. (Толстов, 1962. С. 112. Рис. 53; Трудновская, Войтов, 1979. № 206. Рис. 3; Рапопорт, 2000. С. 31. Илл. 7*а, б*. Рис. 10); хранится в ГМВ. По ахеменидскому образцу был также выполнен керамический ритон с протомой грифона из Кой-крылган-калы, который упоминает М.Г. Воробьева (1967. С. 16. Рис. 46. № 8 (предположительно)); современное местонахождение неизвестно. В связи с завозом драгоценных ахеменидских ритонов на территорию Средней Азии следует упомянуть завершение ивуарного ритона в виде скульптурной протомы льва из Тахти Сангина V–IV вв. до н.э. (Древности Таджикистана, 1985. С. 72. № 186, автор И.Р. Пичикян).

Однако не эти памятники, а именно ахеменидские скарабеи с грифонами стали образцом для собственно хорезмийских печатей. Хорезмийские печати вырезаны из местного камня, конкреций известняка и сланца. Две такие печати, выполненные по типу скарабеоидов с местными вариациями образа птицеголового грифона, подняты на такырах Беркут-калы (Толстов, 1948. Табл. 83. № 4, 9. № 9 хранится в ГМВ, местонахождение № 4 неизвестно), (рис. 3, *5, 6*). Еще одна была найдена Б.В. Адриановым в разведочном маршруте 1957 г. хранится в ГМВ (рис. 3, *7*).

Первый из упомянутых беркуткалинских скарабеоидов местного производства имеет обычную форму, но отличается от классических образцов грубостью, приземистостью изображения грифона. Второй, толстый и плоский с обеих сторон (размеры: 2.5 × 2 × 1.3 см) имеет листовидную форму. На меньшей стороне вырезано стилизованное изображение грифона, в штриховом обрамлении, на большем – лист дерева с характерными прожилками. Скарабеоид из разведочного маршрута Б.В. Адрианова имеет на одной стороне инталью листовидной формы со стилизованным изображением грифона в штриховом обрамлении (размеры интальи 2.2 × 1 см). Другая его сторона, треугольная в разрезе, имеет сквозное отверстие в высокой части (высота 0.9 см).

Из раскопок в Кой-крылган-кале происходит скарабеоид обычной формы, вырезанный из коричневой известняково-железистой конкреции, с изображением местной модификации образа грифона – конеоленегрифона (Трудновская, 1967. С. 215, 216. Рис. 81, *1*; Трудновская, Войтов, 1979. № 358), современное местонахождение неизвестно (рис. 3, *8*). Первоначально С.А. Трудновская датировала этот скарабеоид IV в. до н.э., позднее IV–III вв. до н.э. Конеоленегрифон, пораженный стрелой, очевидно, замещает оленя, пораженного стрелой (о последнем см.: Вайнберг, 2004. С. 216, 217). Таким образом, конеоленегрифон становится персонажем хорезмийского календарного мифа.

Оба сюжета, появившиеся в Древнем Хорезме впервые на ахеменидских печатях, объединяются в сценах хорезмийского героического эпоса и космогонического мифа, воплощенных в ритуальных памятниках из храмов Калалы-гыр 2, Кой-крылган-калы и Гяур-калы 3. Изображение эпического момента – схватки героя/царя со львом – запечатлено на ритуальном предмете (навершие жезла?) из рога оленя, найденном в Калалы-гыр 2 (Вайнберг, 2004. Рис. 5, *24*. С. 184, 186, 187, 228), (рис. 4, *1*), а также на рельефах четырех ритуальных фляг из Кой-крылган-калы (Толстов, 1962. Рис. 65*е*; Воробьева, 1967. С. 201, 203. Рис. 75, *б*) (рис. 4, *2*) и одной из Джанбас-калы (Толстов, 1948. Табл. 82, *1*) (рис. 9*в*). В первом случае представлен типичный сюжет ахеменидских гемм: охота конного лучника на льва. В остальных – вариация этого сюжета, где всадник готовится пронзить льва копьем (Wiseman, 1958. № 108).

Сцена сражения бога/царя с фантастическим быкообразным существом, сопровождаемая хорезмийской надписью "он поразит, сразит", выполнена в рельефе на ритуальной фляге из Калалы-гыр 2 (Лившиц, 2004. Рис. 6, *22*. № 23, С. 205, 206; Вайнберг, 2004. Рис. 7, *10, 11*. С. 223–225) (рис. 5). Б.И. Вайнберг трактует ее как изобразительное воплощение части хорезмийского космогонического мифа.

Грифон в виде конегрифона представлен в сценах других частей того же мифа, изображенных на рельефах двух фляг из Кой-Крылган-калы (Толстов, 1962. Рис. 65*д, ж*; Воробьева, 1967. С. 205. Рис. 78. Табл. XXXII, *1*; Вайнберг, 2004. С. 218) (рис. 6), а также фляг из Калалы-гыр 2 и Гяур-калы 3 (Вайнберг, 2004. С. 225–227). Здесь конегрифон поражает чудовищную птицу, образ которой восходит к гриллам малоазийских гемм.

Как мне представляется, создание образа конегрифона, коня-птицы, прямо связано с появившейся (или выведенной) в Древнем Хорезме породой быстроаллюрных боевых коней, известных ныне как ахалтекинцы[4], и тем особым отношениям, которые складывались между наездником и конем этой породы (Ковалевская, 1977; 2004. С. 38–41;

[4] В статье употребляется название ахалтекинцы как общепринятое, не противопоставляя друг другу коней единой породы, которую и ныне разводят в двух туркменских оазисах, Текинском и Йомудском.

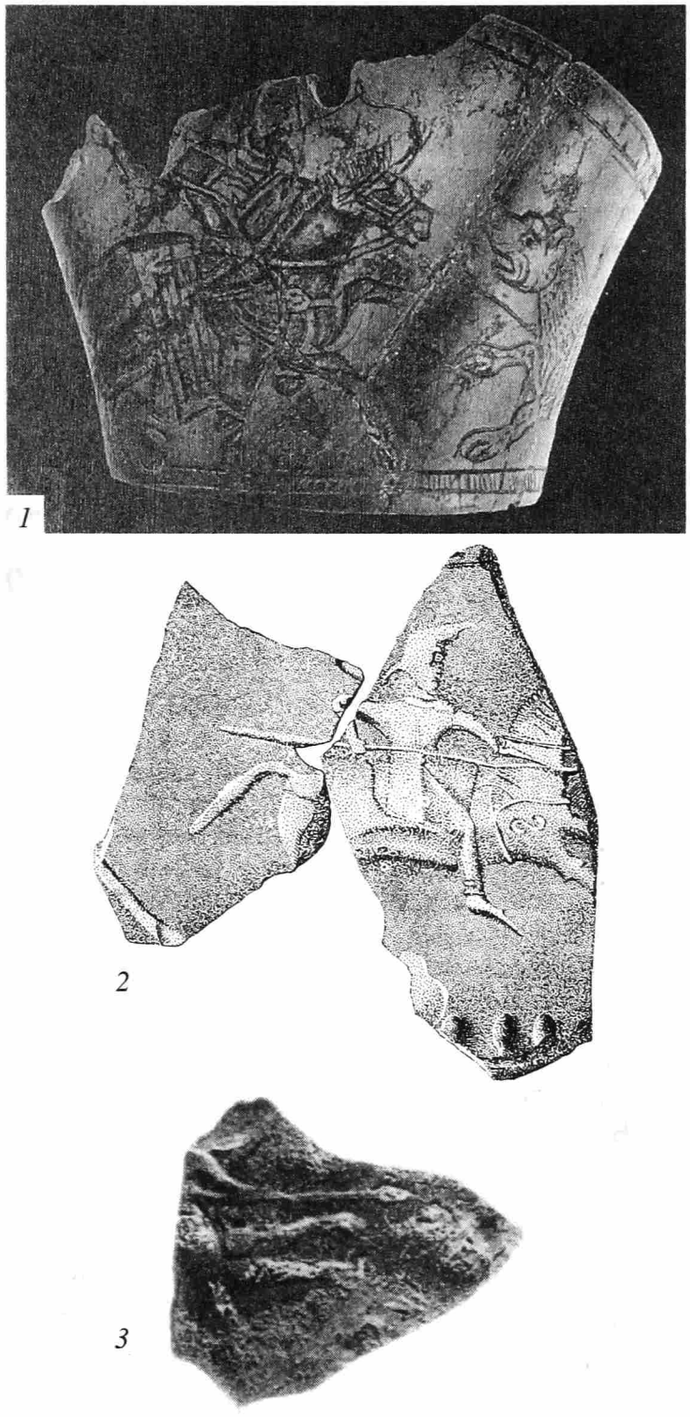


Рис. 4. Хорезмийские ритуальные памятники со сценами львиной охоты: *1* – из Калалы-гыр II; *2* – из Койкрылган-калы; *3* – из Джанбас-калы.

Берзина, 2002. С. 114–122). Здесь, кстати, нелишне будет вспомнить, что изображение хорезмийского правителя или героя на ахалтекинце зафиксировано на самом раннем из местных скарабеоидов[5], наиболее адекватном классическим ахеменидским образцам (Толстов, 1948. Рис. на обложке и титул. ст., хранится в ГМВ).

[5] Об этой гемме специально см.: Берзина, 2002.

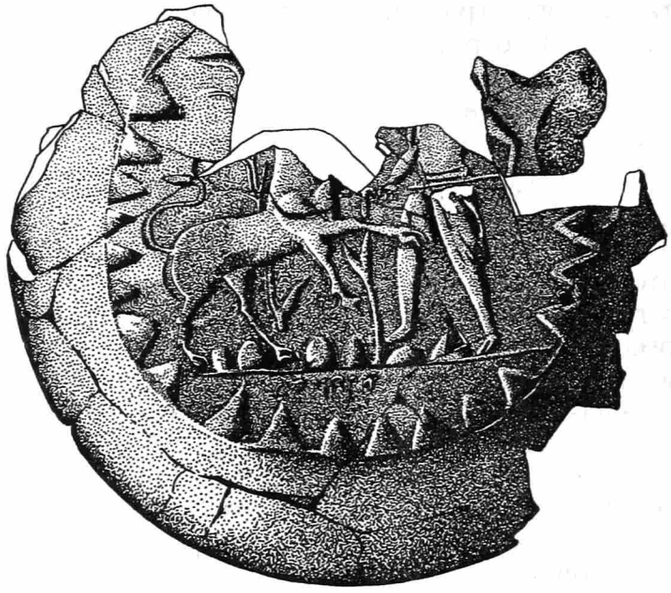


Рис. 5. Хорезмийский ритуальный памятник со сценой сражения бога-героя с быкообразным чудовищем.

Собранные в статье материалы представляют памятники ахеменидского искусства малых форм, а именно геммы, в Древнем Хорезме и показывают их влияние на формирование художественной культуры этой страны. Закономерность такого процесса определил еще В.Г. Луконин (Луконин, 1977. С. 72). Естественно, тот же процесс имел место и в других странах Средней Азии, входивших в Ахеменидскую империю. Хотя шел менее интенсивно, чем в Хорезме. Глухой отголосок такого явления мы находим в Согде. Так, сцена сражения царя-героя с львогрифоном, восходящая к ахеменидскому образцу, была воспроизведена на деревянных панно в двух домах раннесредневекового Пенджикента. "Под аркой изображены вздыбленный крылатый лев и сражающийся с ним герой, который, взяв льва рукой за затылок, закалывает его мечом. Меч он при этом держит в левой руке. На голове героя шлем, напоминающий фригийский колпак, из-под которого спускаются длинные волосы. Такой шлем и чешуйчатый доспех не засвидетельствованы в пенджикентской живописи, для которой в отличие от скульптуры не характерны экзотические и архаические реалии. Непосредственный прототип и семантика изображения неясны. В конечном итоге эта композиция восходит к памятникам древнего Ирана VI–IV вв. до н.э." (Маршак, 1985. С. 240, 241. № 585). Сцена хорошо известна по рельефам Персеполя (Луконин, 1977. С. 71). Особенность пенджикентского изображения, на что обратил внимание Б.И. Маршак, в том, что герой хватает чудище правой рукой, а закалывает его мечом, который держит в левой руке. Единственное возможное объяснение – архетип

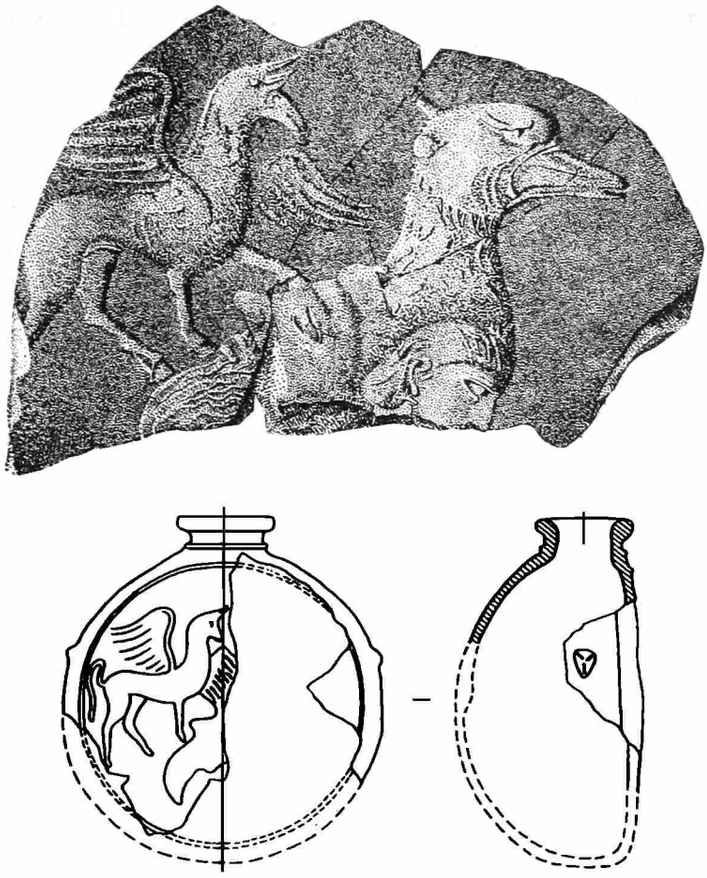


Рис. 6. Хорезмийский ритуальный памятник с изображением конеоленегрифона из Кой-крылган-калы.

сцены был заимствован с геммы-интальи, где изображение вырезалось всегда негативно.

Таким образом, хорезмийские памятники, законсервированные песками и сохранившие хронологический срез цивилизации середины I тыс. до н.э., свидетельствуют влияние ахеменидского искусства в Хорезме, а также могут быть использованы как образец для реконструкции ахеменидского вклада в историю художественной культуры Средней Азии в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Берзина С.Я. Кони в глиптике древнего Востока и образ ахалтекинца на древних геммах и печатях // Miras. № 1. Ашгабат, 2002.

Брыкина Г.А. Гемма с городища Будрач // Тез. конф. Института искусствознания Узбекистана. Ташкент, 1994.

Вайнберг Б.И. Реконструкция верований древних хорезмийцев по археологическим материалам // Калалы-гыр 2. Культовый центр в Древнем Хорезме IV–II вв. до н.э. М., 2004.

Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Чирикрабатская культура // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. I. М., 1993.

Воробьева М.Г. Терракоты, рельефы и алебастровые статуэтки // Кой-Крылган-кала – памятник культуры Древнего Хорезма IV в. до н.э. – IV в. н.э. М., 1967.

Воробьева М.Г. Дингильдже. Усадьба середины I тысячелетия до н.э. в Древнем Хорезме. М., 1973.

Дандамаева М.М. Древняя Месопотамия. СПб., 2004.

Древности Южного Узбекистана. Сока, 1991.

Зеймаль Е.В. Амударьинский клад. Каталог выставки. Л., 1979.

Зуев В.Ю. Проблемы хронологии Прохоровской культуры и курганы у деревни Прохоровка // ΣΥΣΣΙΤΙΑ. СПб., 2000.

Ковалевская В.Б. Конь и всадник. М., 1977.

Ковалевская В.Б. Быстроаллюрные боевые кони древности – ахалкетинцы // Ахал-теке информ. М., 2004.

Лившиц В.А. Надписи и документы // Калалы-гыр 2. Культовый центр в Древнем Хорезме IV–II вв. до н.э. М., 2004.

Луконин В.Г. Искусство древнего Ирана. М., 1977.

Маршак Б.И. Панно со сценой битвы героя с чудовищем // Древности Таджикистана. Каталог выставки. Душанбе, 1985.

Медведская И.Н. Ахеменидское искусство // История древнего Востока. Т. 3. М., 2004.

Мошкова М.Г. Среднеазиатская керамика из позднесарматских памятников // Прошлое Средней Азии. Душанбе, 1987.

Неверов О.Я. Ахеменидский цилиндр из Херсонеса // СГЭ. Вып. 49. Л., 1984.

Неверов О.Я. Иранские геммы // Иран в Эрмитаже. Формирование коллекций. СПб., 2004.

Никулина Н.М. Искусство Ионии и ахеменидского Ирана по материалам глиптики V–IV вв. до н.э. М., 1994.

ОАК за 1911 г. СПб., 1913.

Пьянков И.В. Средняя Азия в ахеменидское время // История Древнего Востока. Т. 3. М., 2004.

Рапопорт Ю.А. Хорезм в древности // Рапопорт Ю.А., Неразик Е.Е., Левина Л.М. В низовьях Окса и Яксарта. Образы древнего Приаралья. М., 2000.

Ростовцев М.И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего элленизма // МАР. Т. 37. Петроград, 1918.

Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964.

Толстов С.П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948.

Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.

Трудновская С.А. Круглое погребальное сооружение на городище Чирик-Рабат // Матер. Хорезмской экспедиции. Вып. 6. М., 1963.

Трудновская С.А. Печати // Кой-Крылган-кала – памятник культуры Древнего Хорезма IV в. до н.э. – IV в. н.э. М., 1967.

Трудновская С.А., Войтов В.Е. Древний Хорезм. Каталог выставки. М., 1979.

Boardman J. Pyromidal Stamp Seals in the Persian Empire // Iran. № 8. L., 1970a.

Boardman J. Greek Gems and Finger Rings. Early Bronze Age to Late Classical. L., 1970b.

Garrison M.B. Seals and the Elite at Persepolis: Some observations on Early Achaemenid Persian Art // Ars orientalis. V. 21. Michigan, 1991.

Richter G.M.A. Greek Subjects on "Graeco-Persian" seal stones // Archeologica Orientalia. In Memoriam Ernst Herzfeld. N.Y., 1952.

Richter G.M.A. Engraved Gems of the Greeks and the Etruscans. L., 1968.

Sarianidi V. L'Or de la Bactriane. Fouilles de la nécropole de Tillia-Tépé en Afghanistan Septentrional. Leningrad, 1985.

Wiseman D.J. Götter und Menschen im Rollsiegel Westasiens. Prague, 1958.

Akhemenid gemmae in Khwarizm

S. Ya. Berzina

Summary

A small quantity of Akhemenid gemmae-seals was found in the territory of ancient Khwarizm. Their number is noticeably smaller then that of analogous monuments from Sogda or Bactria, and they are less multifarious. The Akhemenid gemmae from Khwarizm relate to the two definite groups. The first group consists of hanging stamps of different forms with an imprint of a hero-tzar winning a lion or a lion-gryphon. The second one consists of scarabeoid seals with an imprint of a gryphon with a bird head. However it is in Khwarizm that the Akhemenid gemmae became prototypes of a local Khwarizmian glyptics by form and essence (the end of 5th c. – 3rd c. BC) and the graphic origin of the Khwarizmian epos and the cosmogonic myth began with subjects and images imprinted on the Achemenid gemmae.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 3, с. 95–105

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ

СТАНОВЛЕНИЕ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ НА ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОМ ВОСТОКЕ

© 2006 г. Г. А. Кошеленко

Институт археологии РАН, Москва

Проблема становления денежного обращения в среднеазиатском регионе уже неоднократно становилась объектом исследований, что естественно, поскольку данное явление представляет собой один из самых важных переворотов в экономической жизни любого общества. В последние десятилетия эту тему активно разрабатывал Е.В. Зеймаль (1978; 1983). Предложенная им схема может быть сформулирована следующим образом: возникновению денежного обращения и появлению самостоятельной монетной чеканки в среднеазиатском Междуречье предшествовало время, когда в данный регион поступали иноземные монеты, которые здесь, однако, воспринимались как слитки драгоценных металлов. Затем началась чеканка собственной монеты, которая являлась только подражанием наиболее широко распространенных иноземных монет. Только после этого наступал момент, когда в некоторых областях этого региона начиналась чеканка действительно самостоятельных монет местными правителями.

Эта абсолютно правильная теоретическая модель, однако, приходит в известное противоречие с реальными фактами, на что указывали оппоненты Е.В. Зеймаля (Пугаченкова, Ртвеладзе, 1983; Ртвеладзе, 2002. С. 14–16). Критики подчеркивали, что, например, селевкидские и греко-бактрийские монеты, выпущенные на местных монетных дворах, ни в коем случае нельзя воспринимать в качестве иноземных, как это делал Е.В. Зеймаль. Точно так же рассмотрение процессов, имевших место на территориях, расположенных к северу от Амударьи, отдельно от того что происходило на юге, неверно, так как эти территории составляли единую историко-культурную область. К этим соображениям необходимо добавить еще и следующее: в период завоеваний Александра Македонского на этих территориях в основанных им городах и военных колониях поселилось значительное число греков и македонян (только в восстании 323 г. до н.э. приняли участие, по свидетельствам античных авторов, 23000 греков). Экономическая жизнь греческого общества в это время была совершенно немыслима без монеты и развитого денежного обращения (Кошеленко, 1972. С. 59–78). В силу этого для важной части населения среднеазиатского региона потребность в монете была крайне настоятельной, и ее необходимо было удовлетворять.

Объектом нашего исследования будет период, как правило, выпадающий из зоны внимания исследователей истории среднеазиатского региона вообще и денежного обращения в частности. Мы имеем в виду время от смерти Александра Македонского в 323 г. до н.э. и до подчинения региона создателю новой огромной державы Селевку I в 305–303 гг. до н.э. Этот короткий исторический период был насыщен военными и политическими событиями. Хотя основной сценой борьбы диадохов были Эллада и Передний Восток, тем не менее и центральноазиатский регион был также затронут этими событиями. Кроме того, на каждом этапе борьбы победитель на данный момент стремился поставить на место сатрапов восточных областей своих приверженцев, что, естественно, усугубляло ситуацию.

Кроме того, для большей ясности картины мы решили не ограничиваться только собственно среднеазиатскими сатрапиями, но привлечь материалы по несколько более широкому ареалу, включив также восточно-иранские, а также и связанные с ними индийские области. Использование этих материалов, происходящих из областей, общественный и политический строй которых был однотипным с устройством собственно среднеазиатских, несколько расширяет круг источников и позволяет делать более обоснованные выводы.

Для лучшего понимания проблемы отметим некоторые отправные точки. Прежде всего необходимо указать, что в современной литературе принято считать, что в период царствования Александра Македонского на Востоке его державы действовал только один монетный двор – в Вавилоне (Le Rider, 2003. P. 229–234; Mørkholm, 1991. P. 48–50). Соответственно нам кажется необходимым рассмотрение его продукции, поскольку он был ближайшим к исследуемым нами регионам. Именно его продукция в основном поступала на Восток.

Монетное дело державы Александра Македонского подвергалось многим изменениям на протяжении его сравнительно недолгого царствования. Ж. Ле Ридер, детально исследовавший эту проблему, считает, что важнейший момент в истории его

развития – 333 г. до н.э. Вскоре после победы при Иссе по приказу македонского царя на монетном дворе Тарса начинают чеканить серебряные тетрадрахмы, которые заменили более ранние типы. На их лицевой стороне изображена голова Геракла, а на оборотной представлен Зевс, сидящий на троне, со скипетром в одной руке, его другая рука вытянута вперед, и на ней – орел, легенда – ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ. Вскоре после захвата Тира (июль 332 г. до н.э.) на том же монетном дворе Тарса был начат чекан и новой золотой монеты – статера. Аверс имеет изображение головы Афины в коринфском шлеме, вправо, на реверсе – Ники, держащей в руках στυλίς (кормовую мачту триеры), легенда такая же, как и у серебряных монет – ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ. Предполагают, что данный тип – напоминание о том, что захват финикийских городов означал гибель морской мощи персов. После Тарса эти монеты стали чеканить также Тир и Сидон. Вскоре монетные дворы и собственно Македонии (находившейся под управлением Антипатра) также стали выпускать эти монеты. Именно эти два типа стали ведущими во всей империи Александра. Именно их называют обычно "александровскими".

Вавилон был занят без боя армией Александра осенью 331 г. до н.э. Большинство исследователей считают, что созданный немедленно монетный двор начал выпускать значительное число монет "александровских" типов, причем наряду с обычными тетрадрахмами здесь чеканились также и декадрахмы (Waggoner, 1979. P. 7–29). Этот обычный чекан Александра Македонского на монетном дворе Вавилона все исследователи разделяют на три группы[1]. Относительно хронологического распределения этих групп существуют определенные расхождения во мнениях. Подавляющее большинство исследователей считают, что чеканка этих монет началась практически сразу же после занятия города Александром. Однако Ж. Ле Ридер (Le Rider, 2003. P. 298, 299) предложил достаточно радикальную передатировку. Согласно его выводам, начало чеканки монет групп 1 и 2 нужно отнести к 325/4 г. до н.э., а группа 3 должна датироваться периодом от 321/320 до 318/317 гг. до н.э., при этом все три группы монет должны являться продукцией вавилонского монетного двора (вопреки мнению М.Дж. Прайса, считавшего, что группа 3 выпускалась на монетном дворе Суз). Для наших целей в конечном счете эти расхождения не очень важны, поскольку для нас в первую очередь важен факт присутствия этих типов в продукции вавилонского монетного двора в то время, когда Александр находился на Востоке и в первые годы борьбы диадохов.

Особое место в монетной чеканке вавилонского монетного двора занимали тетрадрахмы (и более мелкие номиналы) от имени Мазея – видного персидского вельможи (ранее бывшего сатрапом Киликии, а затем Сирии), перешедшего на сторону Александра после битвы при Гавгамелах и назначенного им на пост сатрапа Вавилона. Эти монеты обычно называют "монетами со львом" – характерной особенностью их является изображение льва на оборотной стороне, здесь же имелась арамейская легенда с именем Мазея. На лицевой стороне имелось изображение Баала (Le Rider, 1972. P. 1–7; Price, 1991a. P. 70, 71; Mørkholm, 1991. P. 48; Nicolet-Pierre, 1999. P. 285–299). Ж. Ле Ридер предполагает, что это право чеканки монеты было результатом специального соглашения, когда Мазей предложил сдать Вавилон завоевателям без боя. Выполняя функции персидского сатрапа Киликии, Мазей обладал правом чеканки монеты от своего имени. В Вавилоне он получил от новой власти то же право. Однако наличие на монетах ряда символов и греческих букв заставляет думать, что определенный контроль представителей центрального правительства все же осуществлялся.

После смерти Мазея в 328 г. до н.э. чеканка монет этого типа продолжалась (хотя и после некоторого перерыва) вплоть, кажется, до 280 г. до н.э., хотя имя из легенды исчезло. Эти монеты в некоторых отношениях отличались от монет Мазея (Le Rider, 1972. P. 6, 7). В дальнейшем они, возможно, оказали, определенное влияние на развитие монетного дела Селевкидов[2].

Еще одна группа монет – результат деятельности вавилонского монетного двора – местная имитация афинских "сов". Эта группа монет давно уже привлекает внимание специалистов и ей посвящена обширная литература (Newell, 1938. P. 82–88; Le Rider, 1972. P. 1–7; 2003. P. 284–290; Price, 1991. P. 67, 68, 71; 2003. P. 274–277; Van Alfen, 2000. P. 9–58). Существуют довольно значительные расхождения относительно многих вопросов, связанных с их происхождением, характером, временем начала и конца выпусков, но для нашей темы они в сущности второстепенны, поскольку в самых основных выводах, важных для нас, исследователи едины. Некоторые из этих монет имеют надпись ΑΘΕ. Другие же носят арамейскую легенду с именем Мазака, бывшего сатрапа Египта, сдавшего страну Александру без сопротивления, хотя имеются сомнения в том, что легенда прочитана правильно[3].

[1] Начиная с работы Э.Т. Ньюэлла 1923 г. (Newell, 1923).

[2] Высказывались предположения, что в начале собственной монетной чеканки Селевка I на ряде новых монетных дворов (Селевкия на Тигре, Сузы, Экбатаны, Карры) лежал этот тип (Waggoner, 1965. P. 25; Kritt, 1997; Le Rider, 2003. P. 277).

[3] Э.Т. Ньюэлл высказал предположение, что Александр назначил Мазака на какой-то пост в награду за сдачу Египта. Право чеканить монету от своего имени ему также было дано по примеру Мазея. Целый ряд исследователей принял это объяснение (Le Rider, 2003. P. 286). Однако у ряда исследователей имеются сомнения в справедливости подобного объяснения.

Кроме того, на этом монетном дворе выпускались и золотые монеты: двойные дарики и дарики[4]. Они повторяют тип, характерный для ахеменидского чекана: с изображением на лицевой стороне царя с луком и копьем, на оборотной стороне – quadratum incusum. В дальнейшем на этой стороне появляются греческие буквы и монограммы, причем некоторые из них такие же, как и на монетах Мазея. Ж. Ле Ридер полагает, что в самом этом факте нет ничего удивительного. Александр в это время уже видел себя легальным наследником власти Ахеменидских царей и соответственно считал вполне допустимым подобный тип монеты. Эти монеты чеканились примерно до 300 г. до н.э. (Mørkholm, 1991. P. 48).

Ж. Ле Ридер, как и многие другие исследователи (Bellinger, 1963. P. 70–77; Mørkholm, 1991. P. 49), полагает, что нет никаких доказательств того, что на огромных пространствах к востоку от Вавилона при жизни Александра был открыт хотя бы один монетный двор. Существует мнение, что в македонской армии находился "походный" монетный двор, выпускавший свою монету в случае необходимости. Однако, как отмечает Ж. Ле Ридер, это предположение не находит никаких подтверждений.

Только после смерти великого завоевателя началось создание новых монетных дворов. В частности, в период регентства Пердикки был открыт монетный двор в Сузах (Mørkholm, 1991. P. 58)[5]. В 311/10 г. был открыт Селевком монетный двор в Экбатанах (Mørkholm, 1991. P. 72). Дальнейший процесс распространения власти и укрепления контроля Селевкидов над восточными сатрапиями привел к резкому увеличению числа монетных дворов на Востоке.

Однако на территории восточных сатрапий чеканилось и обращалось в последние годы жизни Александра и в период сразу же после его смерти большое количество монет, которые не были выпущены на официальных монетных дворах империи. Этот факт имеет большое значение, но он никогда не был объектом специального внимания. Ряд отдельных серий подвергался анализу, но в целом это явление никогда не рассматривалось.

Уже само обилие таких выпусков заставляет предполагать наличие серьезных и глубоких причин, порождавших это явление. К числу таких выпусков относятся: 1) подражания афинским монетам ("совам") IV в. до н.э.; 2) монеты, имеющие на лицевой стороне изображение голов Афины (иногда Зевса), но на оборотной изображение орла; 3) монеты правителя по имени Софит; 4) монеты, имеющие на лицевой стороне изображение сражения всадника с боевым слоном; 5) монеты от имени Асписана; 6) монеты от имени Вахшувара.

Более подробное рассмотрение каждой из этих групп позволяет, как нам кажется, сделать некоторые достаточно важные выводы.

Естественно, что начать необходимо с первой группы. Как мы уже отмечали, она представлена прекрасно выполненными подражаниями афинским монетам ("совам") IV в. до н.э. (Bernard, 1985a. P. 20, 21; Bopearachchi, Aman ur Rahman, 1995. P. 25. № 63–67). На лицевой стороне представлена голова Афины в шлеме вправо, на оборотной – сова, изображенная в профиль вправо, голова же ее – в фас. Легенда: АΘЕ. От оригиналов данная группа отличается только несколькими деталями в изображении Афины, иными дополнительными элементами монетного типа и монограммами, которые никогда не встречаются на собственно афинских монетах (рис. 1, *1*).

Известны следующие номиналы: тетрадрахмы (аттической весовой системы), дидрахмы, драхмы и гемидрахмы (за редким исключением почти все – более легкой весовой системы). До недавнего времени были почти неизвестны бронзовые монеты, принадлежащие этой группе, раскопки в Ай-Ханум заполнили эту лакуну, дав достаточное количество экземпляров нескольких номиналов (Bernard, Guillaume, 1980. P. 12; Bernard, 1985a. P. 19). Монеты происходят (помимо раскопок Ай-Ханум) из Амударьинского клада, а также из приобретений на рынке в Равалпинди[6] и т.д. По общепринятому мнению, район их чеканки и обращения – долина р. Амударья (древний Окс), т.е. Бактрия (Nicolet-Pierre, 1973. P. 35–38; Bernard, 1985a. P. 20). Хотя ранее иногда высказывалось мнение о том, что эти монеты относятся к ахеменидской эпохе и выпускались греками, жившими в городе Бранхидов (Narain, 1957. P. 1–6), в настоящее время эта теория, кажется, полностью оставлена (Mørkholm, 1979. P. 67).

В эту группу необходимо включить также несколько монет, которые стали известны после публикации клада, найденного в Афганистане (Nicolet-Pierre, Amandry, 1994. P. 34–54). Детально они были рассмотрены Е. Николе-Пьерр (Nicolet-Pierre, 1999. P. 296–305). Эти монеты полностью повторяют описанные выше "совы", но с одним дополнением. На лицевой стороне у них имеется греческая надпись ΣΤΑ-MNA, на оборотной стороне иногда встречаются буквы Ф-Λ. Естественно, что в этих буквах видят сокращенную форму имени, причем буквы MNA – начало патронима (Le

[4] Впервые идею о принадлежности этих монет к чекану вавилонского монетного двора высказал еще Ф. Имхоф-Блумер (Imhoof-Blumer, 1895. S. 1–22).

[5] О. Моркхольм высказывал даже предположение, не настаивая, впрочем, на нем, что открытие его имело место за несколько месяцев до смерти Александра (Mørkholm, 1991. P. 53). Несколько более радикальны взгляды М. Дж. Прайса (Price, 1991b. P. 484–489), относившего открытие этого монетного двора к 325 г. до н.э. Нам представляется, однако, что концепция Ж. Ле Ридера более справедлива.

[6] Отметим, что один экземпляр был найден достаточно далеко от Бактрии – в Систане (Rapson, 1904. P. 673. Pl. I, *1*).

Рис. 1. *1* – Подражание афинской тетрадрахме. Вероятно, бактрийский чекан; *2* – Диобол (?). Л.с. – голова Афины, о.с. – орел (по А.Х. Атаходжаеву); *3* – Тетрадрахма Софита. Коллекция Хироямы (по П. Бернару).

Rider, 2003. P. 281). Последнее предположение, по-видимому, не может быть поддержано, так как эти три буквы присутствуют на монетах, относящихся и к другим группам.

Какие же выводы можно сделать на основании этих монет. Прежде всего необходимо указать, что подлинные афинские "совы" были знакомы жителям Бактрии уже в V в. до н.э., как показывают находки ряда кладов: кабульского, амударьинского, балхского (Schlumberger, 1953. P. 1–62; Bellinger, 1962. P. 51–67; Troxell, Spengler, 1969. P. 1–19; Mac Dowall, Taddei, 1978. P. 201–203). Естественно, как уже было сказано, местное население воспринимало их только как слитки драгоценного металла, а не как монету. Тем не менее ее облик был уже знаком, к тому же вавилонский монетный двор (по той же самой причине) в годы правления Александра активно выпускал эту монету. Естественно, когда встал вопрос о начале чеканки собственной монеты, образцом для нее послужил хорошо известный и местному населению, и грекам монетный тип. Тот факт, что помимо серебра в эту группу входили и бронзовые монеты различных номиналов, заставляет думать, что эти монеты уже служили для рыночного обмена, являясь подлинной монетой, а не слитком металла. Естественным является предположение, что инициаторами этого нововведения были правители тех областей, где имелось наибольшее количество греков-поселенцев и греков-наемников.

Для решения вопроса о том, кто именно и когда выпускал эти монеты, решающее значение имеют

те буквы, которые имеются на некоторых выпусках. В интересующем нас регионе в рассматриваемое время были два правителя, имена которых начинались на "Ста" (ΣΤΑ): Стасанор и Стасандр.

Стасанор был греком с Кипра (из города Солы) и был одним из "друзей" Александра. Он занял достаточно высокий пост еще при Александре. Согласно свидетельству Курция Руфа, Стасанор был назначен правителем Ареи вместо Арсама (Curt. Ruf. VIII, 3, 17). По свидетельству Арриана (Arr. IV, 18, 3), он получил в управление также Драгиану. Свой пост он сохранил и во время перераспределения властных полномочий в 323 г. до н.э., при Пердикке, как об этом свидетельствуют Диодор (Diod. XVIII, 3, 3) и Юстин (Iust. XIII, 4, 21–23). Тогда же ранее единая "сдвоенная" сатрапия Бактрия-Согдиана была разделена на две, и Согдиана была передана Стаганору, также греку и киприоту (Iust. XIII, 4, 21–23).

После гибели Пердикки происходит новый передел сатрапий. На этот раз, по свидетельству Диодора (Diod. XVIII, 39, 6), Бактрия и Согдиана были вручены Стасанору, а Ария и Драгиана – Стасандру. Следующий раз правители сатрапий Востока упоминаются в связи с событиями 317–316 гг. до н.э., когда они совместно с Эвменом противостояли Антигону Одноглазому. Не приводя всего списка сатрапов, приведших свои войска в Сузиану, упомянем только, что Диодор говорит о Стасандре как о правителе Ареи и Драгианы. В его войске находился также отряд из Бактрии (Diod. XIX, 14, 6). Хотя в данном месте имя сатрапа Бактрии (и Согдианы?) не приведено, из дальнейшего изложения ясно, что им оставался Стасанор, который сохранил свой пост и после того, как армия Эвмена потерпела поражение (Diod. XIX, 48, 1). Стасандру повезло меньше, он был смещен со своего поста, и на его место был назначен Эвит (Diod. XIX, 48, 2). Однако практически сразу же после назначения он умер, и на его место Антигон поставил Эвагора.

Исходя из вышеизложенного, вполне можно предполагать, что буквы ΣΤΑ представляют собой сокращение имени Стасанора (Le Rider, 2003. P. 282). Он правил гораздо дольше, чем Стасандр. Во всяком случае не исключено, что он мог сохранить свой пост вплоть до похода Селевка. Именно в Бактрии находилась основная масса греков, для которых, в первую очередь, и чеканилась монета. Необходимо обратить внимание на то, что "маркирование" монет своим именем Стасанор проводил очень осторожно, что было нелишним в тогдашней достаточно сложной ситуации.

Вторая группа монет представлена драхмами и диоболами по весовой системе, чуть более легкой, чем аттическая (Bernard, 1985a. P. 21). Лицевая сторона – голова Афины в шлеме вправо, оборотная – орел вправо с головой, повернутой назад (рис. 1, *2*). Тип лицевой стороны очень близок типу ранней чеканки Александра Македонского. Помимо Бактрии отдельные экземпляры засвидетельствованы и в Согдиане, в частности на городище Афросиаб (Атаходжаев, 2005. С. 33–35. № 1). У некоторых диоболов на лицевой стороне не голова Афины, но голова Зевса. Отмечается очень большое техническое и стилистическое сходство данной группы с предыдущей. На основании этого делается вывод об их практической одновременности и одной и той же зоне обращения (Nicolet-Pierre, 1973. P. 35–42; Bernard, 1985a. P. 22). В настоящее время трудно сказать, кто именно выпускал эти монеты, но вполне вероятно, что они также принадлежали чекану Стасанора. Чеканка данной группы монет, видимо, также была порождена в первую очередь экономическими причинами.

Наконец, третья группа представлена уникальной тетрадрахмой (из коллекции И. Хироямы) (Bopearachchi, 1996. P. 19–32; Bopearachchi, 1999a. P. 55; Bopearachchi, 2003. P. 87. № 53), достаточно многочисленными драхмами и более мелкими номиналами (весовая система более легкая, чем аттическая). На лицевой стороне имеется изображение головы правителя вправо в шлеме, вокруг которого имеется венок, греческая легенда – ΣΩΦΥΤΟΥ (рис. 1, *3*). Иногда вместо головы правителя представлена голова Афины в шлеме. На оборотной стороне – изображение петуха (Whitehead, 1943. P. 60–72; Bernard, 1985a. P. 21). Монеты происходят из Афганистана и северо-западной части Индийского субконтинента. Уже в конце XIX в. было высказано предположение об индийском происхождении имени Софит (Lévi, 1890. P. 234–240), в сущности справедливое, но основанное на ложных этимологиях (Mookerji, 1946–47. P. 188–190). Исследователей смущало сочетание индийского имени и чисто греческого облика персонажа, представленного на лицевой стороне монет. Р.Б. Уайтхэд предложил видеть в Софите иранца, правившего где-то в долине Окса, ставшего независимым в период падения династии Ахеменидов. Этот вывод был принят, в частности, А.К. Нарайном, который, однако, продлил время правления Софита до 295 г. до н.э. (Narain, 1949. P. 93–99). В дальнейшем к этой проблеме в связи с публикацией монетных находок из раскопок Ай-Ханум обратился П. Бернар (Bernard, 1985a. P. 21, 24–28). Исследователь привлек особое внимание к близкому техническому и стилистическому сходству монет данной группы с ранее рассмотренными группами монет, особенно второй. Он высказал предположение о том, что все эти монеты были выпущены на одном и том же монетном дворе. Бесспорна их принадлежность одной и той же эпохе (время от Александра до Селевкидов) и одной и той же области. Вместе с тем П. Бернар указывал на то, что Софит – имя скорее всего индийское.

Рис. 2. Декадрахмы Эвдама (по П. Бернару).

Иногда утверждается, что Софит представлял собой мелкого правителя, сумевшего "выкроить" себе земли где-то на границе между владениями Селевка I и Чандрагупты. Соответственно его время несколько сдвигается, считается, что он правил в самом конце IV – начале III в. до н.э. (Mørkholm, 1991. P. 73). О. Бопеараччи также думает, что Софит правил когда-то в период сразу же после похода Селевка I на Восток (Bopearachchi, 1996. P. 19–32).

Недавнее открытие в Старом Кандагаре (столице Арахосии) греческой надписи II в. до н.э. (по палеографическим особенностям текста наиболее вероятная дата надписи – от 200 до 100 г. до н.э.) от имени Софита заставило вновь обратиться к проблеме монет, выпускавшихся от имени Софита (Bernard et al., 2004. P. 227–356). Исследовавший в связи с этим монеты Софита П. Бернар стремился доказать, что Софит представлял собой маурийского правителя Арахосии и соответственно эти монеты должны относиться к самому концу IV – началу III в. до н.э. Он также старался показать, что эти монеты – заключительное звено в длительной цепи эволюции монет, начальным звеном которой являются подражания афинским "совам" (Bernard et al., 2004. P. 282–316).

Принять эту концепцию довольно трудно. У нее в сущности только один опорный пункт: совпадение двух имен. Отметим также, что ранее сам П. Бернар прекрасно показал, что монеты Софита теснейшим образом связаны с бактрийским чеканом пост-александровского времени (Bernard, 1985b. P. 21, 24–28). В данной работе он еще больше усиливает эту аргументацию[7]. Однако он в данном случае поворачивает ситуацию: для него все эти монеты предшествуют эмиссиям Софита, но в Арахосии.

Попытки доказать эту теорию, предпринятые П. Бернаром, нельзя признать успешными. Все монеты, которые он рассматривает в этой связи, настолько связаны с Бактрией, что "отправить" их в Арахосию просто невозможно. Видимо, надо признать, что монеты Софита также производились где-то в Бактрии, при этом, как считают сейчас практически все исследователи, в период, непосредственно предшествующий походу Селевка. Причина же появления здесь правителя с индийским именем остается сейчас необъяснимой. Можно только предполагать, что в это время происходило какое-то политическое дробление ранее единой Бактрии.

Причины чеканки данной группы монет были двойственными: как экономическими, так и политическими. Наличие мелких номиналов говорит в пользу экономической причины. Появление имени правителя, от лица которого осуществлялась эмиссия, свидетельствует о желании широко оповестить мир о политических амбициях. Очень показательно сравнение выпусков Стасанора и Софита: первый заявляет о себе очень осторожно, второй же – "в полный голос". Если справедлив вывод о более позднем времени эмиссии монет Софита, то это отличие вполне вписывается в общую картину: прошло уже более 10 лет с того момента, когда правители Запада вмешивались в дела восточных сатрапий. Они были предоставлены сами себе и уже начали привыкать к своей независимости, которой, как им казалось, уже никто не угрожал.

Особого внимания заслуживают монеты, которые уже давно известны в науке и которые неоднократно были объектом исследований – монеты, которые, как это единодушно считают исследователи, имеют изображение сражения Александра Македонского с Пором на р. Гидасп[8].

В состав этой группы входят декадрахмы (рис. 2). На лицевой стороне представлена сцена

[7] П. Бернар очень четко показывает эволюцию монетного дела того монетного двора, который выпускал эти монеты: 1) подражания "совам"; 2) монеты того же типа, но место совы на реверсе занимает орел (иногда голова Афины заменена головой Зевса – у мелких номиналов); 3) монеты Софита. Дополнительным аргументом в пользу именно такого течения эволюции служит совпадение дополнительных элементов монетного типа: кадуцей, присутствующий на оборотной стороне монет Софита и на оборотной стороне монет с изображением орла; присутствие надписи ΣΤΑ-MNA или просто MNA на лицевой стороне некоторых "сов", но точно так же в форме MNA, MN или просто M на некоторых монетах Софита (Bernard et al., 2004. P. 283, 284).

[8] Начиная, кажется, с 20-х годов XX в. (Hill, 1922. P. CXIV–CXVI).

Рис. 3. Тетрадрахмы Эвдама (по П. Бернару).

битвы: идущий вправо слон, на котором сидят два персонажа. Сзади – всадник, поражающий копьем одного из персонажей. На оборотной стороне представлен мужчина в военном облачении, изображенный в фас, но с головой, повернутой влево. В правой руке у него эгида, левой он опирается на копье. Слева к нему подлетает Ника, с венком в руках. Данный персонаж – Александр Македонский, как он был представлен на прославленной картине Апеллеса. До недавнего времени было известно три бесспорных экземпляра монет этой серии. Однако еще несколько подобных монет относительно недавно было найдено в составе клада, происходящего из окрестностей Багдада (Dürr, 1974. S. 34–36; 1976. P. 43).

В этом же кладе имелись также и несколько тетрадрахм, бесспорно относящихся к этой же группе (рис. 3). Важнейший аргумент в пользу этого вывода – единство монограмм, имеющихся как на декадрахмах, так и на тетрадрахмах. Известны два типа тетрадрахм.

Первый тип характеризуется изображением идущего вправо лучника, натягивающего свой большой лук на лицевой стороне, и изображением идущего вправо слона. Второй тип имеет на лицевой стороне изображение идущего вправо слона, на котором едут два персонажа. Над ними – штандарт. На оборотной стороне – колесница, запряженная четырьмя скачущими вправо конями. На колеснице – два персонажа. Один из них – более крупного размера, он натягивает большой лук.

Хотя смысл изображений на этих монетах предельно ясен – это прославление победы Александра над Пором, но остается еще несколько вопросов, по которым нет согласия: кто именно выпускал эти монеты, когда и на каком монетном дворе[9]. По первому вопросу существуют следующие точки зрения: сам Александр Македонский (Hill, 1927. P. 205, 206; Price, 1982. P. 75–88; Lane Fox, 1996. P. 65–94), Александр Македонский или Пердикка (Goukowsky, 1972. P. 477), индийский царек Таксил (Hollstein, 1989. P. 5–17), наконец, Эвдам, один из индийских сатрапов, который прибыл со своими войсками, включая большое количество слонов в Сузиану, чтобы вместе с другими восточными сатрапами и Евменом сражаться с Антигоном Одноглазым (Bernard, 1985b).

Соответственно сторонники первого и второго решений относят эти монеты к самым последним годам жизни Александра – после завершения индийского похода. П. Бернар таким образом относит чекан этих монет к 317/316 гг. до н.э., как предполагали и некоторые более ранние исследователи (Hill, 1927. P. 206). С нашей точки зрения, наиболее обоснована концепция П. Бернара, который стремился показать, что на декадрахмах изображена сцена битвы Александра Македонского с Пором, при этом не на основе реального события (в самой этой битве Александр и Пор не встречались "лицом к лицу"), но уже в легендарной обра-

[9] Иногда вообще полагают, что данные предметы не являются монетами, считая их чем-то вроде наградных медалей (Holt, 1998. С. 125–127).

Рис. 4. Тетрадрахма Асписана (по О. Мокхольму).

ботке, как один из рассказов из складывающегося мифа об Александре. Он же стремится доказать, что монеты эти были выпущены на монетном дворе Суз в тот период, когда Эвдам находился там в составе войск коалиции сатрапов Востока, сражавшихся вместе с Евменом против Антигона Одноглазого[10]. В поддержку тезиса П. Бернара можно высказать еще некоторые соображения. Если бы эти монеты выпускались в последние годы царствования Александра и являлись бы "наградными", выдававшимися во время коллективной свадьбы в Сузах или при отпуске ветеранов в Сузах, то на них неизбежно находилось бы имя Александра. Изображение Александра на реверсе декадрахм с пучком молний Зевса в руке хорошо согласуется с легитимистской идеологией, исходящей от Пердикки и Евмена, но совершенно не отвечающей настроениям Антигона, являвшегося в сущности "предателем" дела Александра. В силу этого данные монеты могли быть выпущены только на каком-либо монетном дворе, не находящемся под контролем Антигона. В таком случае наиболее подходящим является монетный двор Суз. Не кажется нам доказательным и тезис В. Холлштайна о чеканке монет Таксилом. Аргументом у него служит мнение о низком качестве исполнения монет, что совершенно не верно. Исходя из этих соображений, мы считаем, что единственной концепцией, которая рационально объясняет все факты, является концепция П. Бернара. Соответственно мы принимаем его вывод.

Данные монеты, учитывая их иконографию и номиналы, а также конкретную ситуацию, в которой они выпускались, можно скорее всего, в первую очередь рассматривать как наградные, выплачиваемые после победы, одержанной в первом сражении с войсками Антигона Одноглазого.

Также требует особого внимания небольшая группа монет, выпущенная на монетном дворе Суз от имени сатрапа Асписана (Robinson, 1921. P. 37. 38; Mørkholm, 1991. P. 58). Он был назначен Антигоном Одноглазым в 316 г. до н.э. (см. выше), но более никогда в источниках не упоминался. Им была выпущена уникальная серия: на лицевой стороне, как у всех обычных монет, выпускавшихся от имени Александра, изображение головы Александра вправо в львином скальпе, на оборотной стороне также вполне обычное изображение Зевса, сидящего на троне влево, левая рука опирается на скипетр, правая протянута вперед, на ней – сидящий орел. Легенда: внизу, под троном Зевса – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, правее трона, сверху вниз – ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ, наконец, под рукой Зевса, более мелкими буквами – ΑΣΠΕΙΣΟΥ (рис. 4).

Данный тип чеканки явно имеет чисто политический характер: с одной стороны, сатрап демонстрирует свою приверженность центральным властям, выпуская монету общегосударственного типа, с другой же – ставит на ней и свое имя.

Наконец, к кругу монет исследуемого нами периода должны быть отнесены и монеты Вахшувара. Они представлены следующими эмиссиями: два типа статеров и один – двойной статер (см. Дьяконов, Зеймаль, 1988. С. 6–10. Здесь же предшествующая литература).

Статеры первого типа (рис. 5, *1*) имеют на лицевой стороне изображение головы правителя вправо – в кирбасии (?), поверх которого повязана диадема. За головой арамейская легенда из пяти знаков. Чтение этой легенды, как отмечают И.М. Дьяконов и Е.В. Зеймаль, не получило сколько-нибудь надежного толкования, но они сами предлагают чтение – NRGWR, что они считают "бесспорным" арамейским написанием имени Андрагор (Дьяконов, Зеймаль, 1988. С. 16). На оборотной стороне – персонаж в кирбасии и со

[10]Большинство исследователей, считающих эти монеты прижизненными александровскими выпусками, считают, что они производились на вавилонском монетном дворе, но Р. Дж. Лэйн Фокс согласен с П. Бернаром относительно Суз как места выпуска этих монет.

стрекалом (?) в руке, на колеснице, запряженной четверкой лошадей в галопе. Под ногами лошадей находится арамейская легенда из четырех знаков. Чтение этой легенды, согласно И.М. Дьяконову и Е.В. Зеймалю, следующим Й. Маркварту, – WHŠW (1988. С. 15).

На статерах второго типа (рис. 5, *2*) на лицевой стороне представлена голова Афины вправо, рядом с головой греческие буквы ΠΓ. Оборотная сторона в описании И.М. Дьяконова и Е.В. Зеймаля представлена следующим образом: стоящая крылатая богиня влево с жезлом и венком в правой руке и кадуцеем (?) в левой. В действительности же изображена Ника, держащая в руках στυλίς (кормовую мачту триеры), справа – арамейская легенда из шести знаков, слева – один знак, согласно чтению И.М. Дьяконова и Е.В. Зеймаля, WHŠWWR (1988. С. 15).

Необходимо указать, что этот тип полностью (за исключением легенды) воспроизводит тип статеров Александра.

Двойной золотой статер: на лицевой стороне голова Александра в слоновьем скальпе, вправо; оборотная сторона – стоящая крылатая богиня влево и арамейская легенда из шести (?) знаков. Поскольку эта монета не сохранилась и известна только на основе карандашной протирки (Cunningham, 1881. P. 172. № 23), точное чтение ее легенды невозможно. И.М. Дьяконов и Е.В. Зеймаль только отмечают, что она аналогична одной из двух ранее указанных легенд.

И.М. Дьяконов и Е.В. Зеймаль в своем исследовании этих монет стремились доказать, что эти эмиссии составляли гомогенную группу с монетами селевкидского правителя Парфии Андрагора, провозгласившего свою независимость от центрального правительства. Тем самым они относили их к 30-м годам III в. до н.э. (1988. С. 18.), соответственно они не должны рассматриваться в данной работе. Однако их исследование вызвало достаточно резкую критику, в частности было показано, что считать Андрагора и Вахшувара одним лицом невозможно (Пичикян, 1991. С. 308, 309; Кошеленко и др., 1999. С. 294–308; Ртвеладзе, 2002. С. 20, 21). Естественно, в связи с этим вновь встает вопрос о времени производства монет Вахшувара.

Необходимо указать, что для большинства современных исследователей представляется совершенно несомненным, что Вахшувар монетных легенд соответствует Оксиарту греческих и латинских авторов, который был одним из местных правителей в Бактрии, а затем, став тестем Александра Македонского, вдобавок к своим владениям в Бактрии получил также в управление и Парапамисады. Соответственно монеты с легендой Вахшувар могут относиться либо к последним годам царствования Александра, как это, например, считал М. Митчинер (Mitchiner, 1975, P. 2, 9, 10),

Рис. 5. *1* – Статер Вахшувара. Тип 1 (по И.М. Дьяконову и Е.В. Зеймалю); *2* – Статер Вахшувара. Тип 2 (по И.М. Дьяконову и Е.В. Зеймалю).

либо к периоду от смерти Александра и до завоевания Средней Азии Селевком, т.е. примерно к 315–305 гг., как это считают Ф. Холт, И.Р. Печикян и Э.В. Ртвеладзе (Holt, 1988. P. 96; Пичикян, 1991. С. 308, 309; Ртвеладзе, 2002. С. 20, 21).

С нашей точки зрения, необходимо обратить внимание на то, что по своему характеру монеты Оксиарта очень похожи на монеты Мазея и Балакра, двух сатрапов, которым, за особые заслуги, было позволено выпускать монету от своего имени. На их монетах, как и на монетах Оксиарта, имеются арамейские легенды. Во всех трех случаях монеты рассчитаны только на локальное обращение. Исходя из этих соображений и учитывая особое место Оксиарта в структуре местного общества, поскольку он был тестем царя, мы можем предположить, что право чеканить свою монету Оксиарт получил непосредственно от Александра Македонского. Естественно, что чеканка ее могла продолжаться и позднее – после смерти царя.

Постараемся теперь подвести некоторые итоги. Предпосылки к введению денежного обращения в самых восточных областях Ахеменидского царства создавались еще в период его существования. Дальнейший толчок им был дан в период завоеваний Александра. Особенно важной была роль греческих военных колоний, для населения которых монета была жизненно необходима. Введению монеты способствовали и политические причины – стремление местных правителей в той или иной форме заявить о своем статусе. Особенно значимым этот фактор стал в начальный период борьбы диадохов, когда стремления к определенной степени автономии, а то и полной независимости стали хорошо заметны у местных сатрапов. Попытка отнести возникновение собственного монетного дела в этом регионе ко времени непосредственно перед походом Селевка на Восток (Bopearachchi, 1999b. P. 87) никогда всерьез не обосновывалась и не может быть принята.

Самый ранний монетный двор, видимо, появился в Парапамисадах, у Оксиарта. Один или два (тесно связанных друг с другом) монетных двора затем начали функционировать в Бактрии. Вскоре к ним добавились монетные дворы в Сузах и Экбатанах.

Данная статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 05-01-01116а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Атаходжаев А.Х. Раннеантичные монеты с городища Афросиаб (новые находки) // Матер. по античной культуре Узбекистана. Самарканд, 2005.

Дьяконов И.М., Зеймаль Е.В. Правитель Парфии Андрагор и его монеты // ВДИ. 1988. № 4.

Зеймаль Е.В. Политическая история древней Трансоксианы по нумизматическим данным // Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л., 1978.

Зеймаль Е.В. Начальный этап денежного обращения древней Трансоксианы // Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. М., 1983.

Кошеленко Г.А. Восстание греков в Бактрии и Согдиане в 323 г. до н.э. и некоторые аспекты греческой политической мысли IV в. до н.э. // ВДИ. 1972. № 1.

Кошеленко Г.А., Гаибов В.А., Бадер А.Н. Монеты Андрагора как источник ранней истории Парфии // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. VII. М.; Магнитогорск, 1999.

Пичикян И.Р. Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды. М., 1991.

Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. Об обращении греко-бактрийских монет в Северной Бактрии // Общественные науки в Узбекистане. 1983. № 5.

Ртвеладзе Э.В. Древние и раннесредневековые монеты историко-культурных областей Узбекистана. Т. I. Ташкент, 2002.

Bellinger A.R. The Coins from Treasure of the Oxus // American Numismatic Society. Museum Notes. N.Y., 1962.

Bellinger A.R. Essays on the Coinage of Alexander the Great. N.Y., 1963.

Bernard P. Les monnaies hors trésors. Questions d'histoire gréco-bactrienne Fouilles d'Aï Khanoum. T. IV. // MDAFA. T. XXVIII. Paris, 1985a.

Bernard P. Le monnayage d'Eudamos, satrape grec du Pendjab et "maître des éléphants" // Orientalia Iosephi Tucci memoriae dicata. Serie orientale Roma. T. LVI. № 1. Roma, 1985b.

Bernard P., Guillaume O. Monnaies inédite de la Bactriane grecque à Aï Khanoum (Afghanistan) // RN. VI série. 1980. T. XXII.

Bernard P., Pinault G.-J., Rougemont G. Deux nouvelles inscriptions grecques de l'Asie Centrale // J. des savants. 2004. Juillet-Décembre.

Bopearachchi O. Sophytes, the enigmatic Ruler of Central Asia // Νομισματικα χρονικα. 1996. V. 15.

Bopearachchi O. La circulation et la production monetaire en Asie Centrale et dans l'Inde du Nord-Ouest (avant et après la conquete d'Alexandre) // Indologica Taurinensia. V. XV. Turin, 1999a.

Bopearachchi O. La production monétaire en Asie Centrale et dans l'Inde du nord-ouest du Ve siècle av. J.-C. au IIIe siècle ap. J.-C. // Matériaux pour l'histoire économique du monde iranien. Studia iranica. Cahier 21. Paris, 1999b.

Bopearachchi O. Les successeurs d'Alexandre le Grand en Asie Centrale et en Inde: les gréco-bactriens // Catalogue de l'exposition. De l'Inde à l'Oxus. Archéologie de l'Asie Centrale Lattes, 2003.

Bopearachchi O., Aman ur Rahman Pre-Cushana Coins in Pakistan. Pre-Cushana Coins in the Private Collection of Aman ur Rahman, supplemented by selected coins from the Peshawar Museum and the Private Collection of Khurshid Ahman Khan. Karachi, 1995.

Cunningham A. Relics from Ancient Persia in Gold, Silver and Copper // The J. of the Asiatic Society of Bengal. 1881.

Dürr N. Neues aus Babylon // Schweizer Münzblätter. 1974. V. 24.

Dürr N. Ein "Elephantenstater" für Porus // Proceedings of the International Congress of Numismatics. International Association of Professional Numismatics. Special Publication 9. L.; Basel, 1976.

Goukowsky P. Le roi Pôros, son éléphant et quelques autres // BCH. 1972. T. 96.

Hill G.F. British Museum Catalogue. Arabia, Mesopotamia, Persia. L., 1922.

Hill G.F. Greek Coins acquired by the British Museum in 1926 // Numismatic Chronicle. 8 serie. 1927. V. 7.

Hollstein W. "Taxiles" Prägung für Alexander den Grossen // Revue suisse de numismatique. 1989. T. 68.

Holt F. Alexander the Great and Bactria. The Formation of a Greek Frontier in Central Asia. L., 1988.

Holt F. Alexander of Macedon and the so-called Porus medaillons // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. Матер. междунар. конф. СПб., 1998.

Imhoof-Blumer F. Die Münzstätte Babylon // Numismatische Zeitschrift. 1895. V. 27.

Kritt B. The Seleucid Mint at Susa. Lancaster, 1997.

Lane Fox R.J. Text and image: Alexander the Great, coins and elephants // Bulletin of the Institute of Classical Studies. 1996. V. 41.

Le Rider G. Tetradrachmes "au lion" et imitations d'Athenes en Babylonie // Schweizer Münzblätter, 1972. V. 22.

Le Rider G. Alexandre le Grand. Monnaie, finance et politique. Paris, 2003.

Lévi S. Notes sur l'Inde à l'époque d'Alexandre // J. Asiatique. 1890.

MacDowall D.W., Taddei M. The Early Historic Period: Achaemenids and Greeks // The Archaeology of Afghanistan L.; N.Y.; San Francisko, 1978.

Mitchiner M. Indo-Greek and Indo-Scythian Coinage. V. I. The early Indo-Greek and their Antecedants: Alexander the Great, the Satraps of Egypt, Babylon, Ecbatana, Bactria and Kapisa, the Seleucids circa 330–150. L., 1975.

Mookerji R.K. The problem of Sophytes // Indian Culture. 1946–1947. V. 13.

Mørkholm O. The Hellenistic Period. Greece to India // A Survey of Numismatic Research 1972–1977. International Association of Professional Numismatists. Publication № 5. Berne, 1979.

Mørkholm O. Early Hellenistic Coinage from the Accession of Alexander to the Peace of Apamea (336 – 188 B.C.) Cambridge, 1991.

Newell E.T. Alexander Hoards, Demanhur 1905 // American Numismatic Society. Numismatic Notes and Monographs. № 19. N.Y., 1923.

Newell E.T. Miscellanea numismatica: Cyrene to India // Numisnatic Notes and Monographes. № 82. N.Y., 1938.

Narain A.K. Some interesting coins of Sophytes and the problem of his identification // J. Numismat. Soc. India. 1949. V. 9. № 2.

Narain A.K. The Indo-Greek. Oxford, 1957.

Nicolet-Pierre H. Monnaies grecques trouvées en Afghanistan // RN. VI série. 1973. T. XIII.

Nicolet-Pierre H. Argent et or frappés en Babylonie entre 331 et 311 ou de Mazdai à Séleucos // Travaux de numismatique grecque offerts a G. Le Rider. L., 1999.

Nicolet-Pierre H., Amandry M. Un nouveau trésor de monnaies d'argent pseudo-athéniennes venu d'Afghanistan (1990) // RN. 1994.

Price M.J. The "Poros" coinage of Alexander the Great: a symbol of concord and community // Studia Paolo Naster oblata. I. Numismatica antiqua. Louvain, 1982.

Price M.J. Circulation at Babylon // Mnemata. Papers in Memory of N.M. Waggoner. N.Y., 1991a.

Price M.J. The Coinage in the Name of Alexander the Great and Philip Arrhidaeus. Zürich; L., 1991b.

Rapson E.J. Note on ancient coins collected in Seistan by M.G.P. Tate // J. Royal Asiatic Soc. 1904.

Robinson E.S.G. Aspeisas satrap of Susiana // Numismatic Chronicle. 1921. V. I.

Schlumberger D. L'argent grec dans l'empire achéménide. A propos d'un trésor d'époque perse découverte à Caboul (Trouvaille du Tchaman-i Hazori) // Curiel R., Schlumberger D. Tresors monetaires d'Afghanistan. MDAFA. T. XIV. Paris, 1953.

Troxell H.A., Spengler W.F. A Hoard of early Greek Coins from Afghanistan // American Numismatic Society. Museum Notes. 1969. № 15.

van Alfen P.G. The "owls" from the 1973 Iraq hoard // American J. of Numismatics. 2000. № 12.

Waggoner N.M. The early Alexander Coinage at Seleucia on the Tigris // American Numismatic Society. Museum Notes. 1965. № 16.

Waggoner N.M. Tetradrachms from Babylon // Greek Numismatic and Archaeology. Essay in Honor of Margaret Thompson. Wetteren, 1979.

Whitehead R.B. The Eastern satrap Sophytes // Numismatic Chronicle. 1943.

Formation of monetary circulation in the Hellenistic East

G. A. Koshelenko

Summary

The author analyses coins issued by mints of the Hellenistic East (territories to the east of Media) in the period from the death of Alexander the Great (323 AD) and up to the establishment of the control of Seleucus I over these territories (approximately 305–303 BC). The author makes a conclusion that the coin prodaction copying Athenian "owls", coins issued on behalf of Sophytos, Eudamos, Aspeisas, Wahshuwar was caused by political as well as economical reasons. Wahshuwar who may be identified as Oxyartes, father-in-law of Alexander, was the first to begin the minting of coins. The mass presence of the Greeks on these territories created the economical prerequisites for minting.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 3, с. 106–115

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ

НАХОДКИ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ МОНЕТ К СЕВЕРУ ОТ АМУДАРЬИ-ОКСА

© 2006 г. К. Абдуллаев

Институт археологии АН Республики Узебкистан, Самарканд

За последние десятилетия в нумизматике Средней Азии эпохи античности был сделан значительный прорыв, связанный в первую очередь с археологическими исследованиями, а также, как это ни печально, с возросшей активностью кладоискательских "работ" на территории Афганистана, Таджикистана и Узбекистана. Первая категория находок, несмотря на свою относительную малочисленность, ценна своей информативностью, вторая преобладает по количеству, но сведения об ее происхождении не всегда достоверны. Предлагаемые в настоящей статье монеты большей частью являются новыми находками, осуществленными в процессе археологических исследований памятников, расположенных на территории Северной Бактрии и Согда.

Селевкиды

1. Селевк I. Тетрадрахма. Поселение Бойсарытепа. Сазаган, Самаркандская область. Институт археологии, Самарканд.

Л.с. Голова Геракла (Александр-Геракл) в львином скальпе в профиль, вправо. Скульптурно выполненная голова с тщательно проработанными деталями. На голове, подобно шлему, надет скальп хищника с заостренным вверх клыком. В углу разверстой пасти видно ухо персонажа. Некоторые детали львиной морды выполнены в виде ряда зерни, например нос хищника. Две зерни проставлены отдельно вне головы надо лбом и одна над мочкой уха. Грива льва передана длинными и короткими завитками с заостренными и закрученными концами. Край верхней челюсти льва, закрывающей частично лоб персонажа, также обрамлен короткими завитками. Спереди шкура завязана на узел со свисающими лапами хищника (рисунок, *1*).

О.с. По центру фигура Зевса Этафора на троне влево. Голова божества изображена в профиль, корпус в три четверти. Прическа показана в виде валика, обрамляющего лицо, из-под которого назад спадают длинные закрученные локоны. На макушке рельеф головы чуть заострен. Правая рука вытянута вперед и держит на ладони орла, обращенного к персонажу. Левая рука опирается на длинный скипетр, обозначенный зернью и увенчанный трехчастным навершием. Ступня левой ноги покоится на подставке, между тем как левая подогнута и опирается на носок. С левого бедра свисает конец плаща-гиматия. Трон с перекрещивающимися планками в верхней части показан анфас. Ножки трона профилированы, между ними в средней части проходит горизонтальный ряд зерни. Под этой линией и ножками трона размещена монограмма, снизу также горизонтальная линия. Другая монограмма располагается в левом поле под рукой, держащей орла. С края левого поля вертикально размещен якорь, обращенный вверх. Внизу слева, на уровне подставки – миниатюрная фигурка пасущегося коня. Легенда в две строки внизу горизонтально в пространстве между зернью и горизонтальной линией – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, справа по вертикали снизу вверх – ΣΕΛΕΥΚΟΥ. Диаметр – 29.4 × 26.0 мм, толщина – 3.01 мм, вес – 16.97 г. Отношение осей 180°. Сохранность хорошая. Монетный кружок скифатный и имеет чуть вытянутую овальную форму (Abdullaev et al., 2004. P. 10–13).

2. Антиох I. Хаприн. Джам. Самаркандская область. Частная коллекция. Л.с. Профильное изображение головы царя в диадеме. Из-под ленты видны завитки волос, крупные спереди надо лбом и более мелкие на затылке, последние разработаны более тонко и обозначены более четко. Над лентой беспорядочные крупные локоны. Ушная раковина показана в виде небольшого С-образного рельефа, небольшим же рельефом передана мочка уха. Над переносицей – два тонких завитка. Зернь следует по кругу двумя рядами: крупная по внешнему краю и мелкая по внутреннему (рисунок, *2*).

О.с. Сидящая фигура бога Аполлона на омфале влево. Левая рука опирается о лук, правая вытянута вперед и держит стрелу. Сиденье украшено ромбовидной сеткой. Фигура обнажена, по правому бедру проходят три поперечные рельефные линии, означающие складки плаща. Левее и чуть выше расположен контрольный знак в виде треугольника, вписанного в круг.

Легенда дана в две вертикальные строки: за спиной божества – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, причем первая буква В, вернее ее верхняя часть, срезана штемпелем, аналогично выглядит и последняя буква сигма; впереди фигуры также вертикально – ΑΝΤΙΟΧΟΥ. Вся композиция подчеркнута внизу горизонталь-

Рисунок. *1* – тетрадрахма Селевка I. Лицевая и оборотная стороны; *2* – драхма Антиоха I. Лицевая и оборотная стороны; *3* – халк Евтидема I. Лицевая и оборотная стороны; *4* – гемидрахма Деметрия I. Лицевая и оборотная стороны; *5* – халк Деметрия I. Лицевая и оборотная стороны; *6* – трихалк Деметрия I. Оборотная сторона; *7* – бронзовая монета Евкратида. Лицевая и оборотная стороны; *8* – тетрадрахма Гелиокла. Лицевая сторона; *9* – драхма Гелиокла. Лицевая и оборотная стороны; *10* – тетрадрахма Деметрия I. Лицевая сторона; *11* – тетрадрахма Евкратида. Лицевая и оборотная стороны.

ной линией. Оси изображений Л.с. и О.с. смещены на 180°. Диаметр – 25.2–25.6 мм, толщина – 4.7 мм, вес – 16.5 г. Монета в хорошей сохранности: драхма.

3. Антиох I. Халк. Бойсарытепа. Сазаган, Самаркандская область. Институт археологии, Самарканд.

Л.с. Голова Аполлона в трехчетвертном повороте вправо.

О.с. Композиция смещена влево. В центре поля фигура, напоминающая антропоморфную (трофей?). Слева нечетко фигурка Ники (?). Читаются лишь некоторые буквы легенды. В правом поле по вертикали – ΒΑΣΙΛΕ… . Плавно скошенный гурт. Диаметр – 16.4 мм, толщина – 3.3 мм, вес – 2.8 г.

4. Антиох I. Халк. Хаитабад. Канал Занг. Сурхандарьинская область. Частная коллекция.

Л.с. Голова (Афины?) вправо. Различимы лишь верхняя часть прически из прямых волос, глазная впадина, надбровные дуги, переносица, нижний контур подбородка.

О.с. Неразличима, в нижней части сохранились буквы: …ΠΟ… . Частично верхняя часть буквы "Χ". Диаметр –18–20 мм, толщина – 3.5 мм, плавно скошенный гурт. Сохранность плохая, местами лунки от порчи металла.

Греко-Бактрия

5. Диодот (Диодот с именем Антиоха?). Халк. Еркурган. А-16, помещение 8. Кашкадарья. Институт археологии, Самарканд, к-254 (Баратова, 2000. С. 131. Табл. I, *1*).

Л.с. Голова вправо в профиль.

О.с. Стоящая фигура Зевса с эгидой влево. Знак у правой ноги на уровне икр. Легенда плохо различима. Справа по вертикали лишь отдельные буквы …Σ…Λ… . Диаметр – 18.1 мм, толщина монеты – 2.6 мм, вес – 1.65 г.

6. Евтидем. Халк. Старый Термез. Цитадель, стратиграфический шурф-1 (XII ярус). Институт археологии, Самарканд (Pidaev, 2003. P. 5. Fig. 9, *3*).

Л.с. Голова Геракла в профиль, вправо. Две зерни на уровне переносицы. Прическа в виде рядов округлых буклей. Короткая бородка с усами. Скошенный гурт.

О.с. С трудом различима галопирующая лошадь вправо (?). Внизу по горизонтали фрагменты двух букв ΕΥ…. Диаметр – 19.8–20.02 мм, толщина – 3.01 мм, вес – 4.69 г. Соотношение осей Л.с. и О.с. – 90°.

7. Евтидем. Халк. Старый Термез. Цитадель, стратиграфический шурф-1 (XIII горизонт). Институт археологии.

Л.с. Голова Геракла в профиль, вправо. Отличная от предыдущей прическа в виде овальных буклей и подтреугольных завитков. Крупный завиток надо лбом.

О.с. Галопирующая лошадь вправо. Изображение сохранилось частично. Легенда в две горизонтальные строчки, сверху сохранились лишь верхние элементы букв – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, внизу – нижние части Θ до копыта лошади, далее – …ΥΔΗΜΟΥ. Диаметр – 21.1 мм, толщина – 3.9 мм, вес – 5.8 г. Соотношение осей Л.с. и О.с. – 90°.

8. Евтидем. Халк. Хаитабад. Русло канала Занг. Сурхандарьинская область. Частная коллекция.

Л.с. Голова бородатого Геракла вправо.

О.с. Изображение галопирующей лошади вправо. Горизонтальная надпись в две строки. Сверху – …ΑΣΙΛΕΩΣ, причем последняя буква "сигма" имеет нечеткий верхний элемент. Внизу первая буква слова стерта, остальные читаются отчетливо – …ΥΘΥΔΗΜΟΥ. По кругу едва заметная зернь. Диаметр – 20–21 мм, толщина – 3.5 мм. Монета в хорошей сохранности.

9. Евтидем. Халк. Кампыртепа. Сурхандарьинская область. Случайная находка. Институт искусствознания им. Хамзы, Ташкент.

Л.с. Бородатая голова молодого Геракла вправо.

О.с. Галопирующая лошадь вправо (рисунок, *3*). Легенда в две горизонтальные строчки, вверху над лошадью – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, снизу – ΕΥΘΥΔΗΜΟΥ. Диаметр – 19.0 мм, вес – 8.5 г.

10. Деметрий. Драхма (гемидрахма). Дальверзинтепа. Северо-восточный фас крепостной стены, верхний слой. Сурхандарьинская область. Институт искусствознания им. Хазмы, Ташкент.

Л.с. Бюст царя в шлеме в виде головы слона вправо (рисунок, *4*).

О.с. Обнаженная фигура Геракла фронтально. Правая рука в жесте венчания, левая держит палицу, с руки свисает шкура Немейского льва. Монограмма в виде буквы N помещена в нижнем левом поле. Легенда в две вертикальные строчки справа – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, слева – ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ. Диаметр – 17.0 см, вес – 2.97 г.

11. Деметрий. Обол. Еркурган. Институт археологии, Самарканд.

Л.с. Бюст царя вправо в шлеме в виде головы слона.

О.с. Обнаженная фигура Геракла, стоящая анфас. Правой рукой герой венчает голову, в левой держит палицу. С руки свисает шкура Немейского льва. Легенда в две вертикальные строчки: справа – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, слева – ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ. Линии монограммы заканчиваются округлыми рельефами. Диаметр – 11.0 мм, толщина – 1.2 мм, вес – 0.43 г.

12. Деметрий. Халк. Место находки – предположительно Мунчактепа. Байсунский район, Сурхандарьинская область. Термезский археологический музей.

Л.с. Голова слона вправо с трубящим хоботом. На шее колокольчик. Зернь по кругу (рисунок, *5*).

О.с. Кадуцей. Две вертикальные строчки. Справа от кадуцея – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, слева – ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ. Знак расположен в левом нижнем поле и представляет собой букву N. Диаметр – 27–24 мм; толщина – 3.2 мм, вес – 4.8 г.

13. Деметрий. Дихалк. Канал Занг. Округа Хаитабадтепа, Джаркурганский район, Сурхандарьинская область. Частная коллекция.

Л.с. Голова слона с трубящим хоботом вправо. Колокольчик отсутствует. Зернь по кругу в правом поле.

О.с. Кадуцей. Легенда в две вертикальные строчки. Справа – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, слева – ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ. Знак расположен в левом нижнем поле и представляет собой круг с пересеченной по диаметру линией с утолщениями на концах. Диаметр – 28–29 мм, вес – 11.3 г.

14. Деметрий. Тетрахалк. Джандавляттепа. Шерабадский район, Сурхандарьинская область. Верхний слой, в кладке кирпича. 2002 г. Институт археологии, Самарканд.

Л.с. Голова правителя вправо в слоновьем шлеме. Круговая зернь.

О.с. Голова трубящего слона вправо. Внизу горизонтальная строчка, возможно, ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ. Диаметр – 31.42 мм, толщина – 5 мм, вес – 21.8 г.

15. Деметрий. Трихалк. Городище Старого Термеза. Чингизтепа 1. 2002 г. Институт археологии, Самарканд.

Л.с. Голова Геракла вправо (?).

О.с. Стоящая фигура Артемиды фронтально. Правая рука извлекает стрелу из-за спины (рисунок, *6*). Легенда в две вертикальные строчки. Справа – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, слева – ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ. Монограмма помещена в левом нижнем поле в виде буквы K с вытянутой вертикальной линией, верх которой оформлен полукружием, образующим букву A.

16. Евкратид. Обол. Раннее подражание. Талашкантепа II. На поверхности памятника. 1979 г. Институт археологии, Самарканд.

Л.с. Голова царя в диадеме вправо. Зернь по кругу в правом поле.

О.с. Колпаки Диоскуров. Схематично. Легенда в две вертикальные строчки, слева нечитаемо, справа – ...ΠΑΤΙΔΥ. Монограмма под правым колпаком в виде буквы N. Диаметр – 9.4 мм, толщина – 1.2 мм, вес – 0.49 г.

17. Евкратид. Бронза. Кампыртепа. Помещение 13. Сурхандарьинская область. Институт искусствознания им. Хамзы, Ташкент.

Л.с. Бюст царя в "бактрийском" шлеме вправо (рисунок, *7*).

О.с. Всадники Диоскуры вправо. Легенда по кругу от 10.00 – ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΜΕΓΑΛΟΥ, снизу под изображением по горизонтали ΕΥΚΡΑΤΙΔΟΥ. Монограмма помещена под передними копытами лошадей в виде A с рельефной точкой по центру под горизонтальной перекладиной. Диаметр – 38.0 мм.

18. Евкратид. Дихалк квадратной формы. Билингва. Стратиграфический шурф. Джандавляттепа. Сурхандарьинская область. 2003 г. Институт археологии, Самарканд.

Л.с. Бюст правителя в шлеме, в профиль вправо по центру. Легенда в три строки. Читаются отдельные буквы. Слева по вертикали: ...ΙΛ..., сверху по горизонтали: Μ...Γ...ΟΥ, снизу по горизонтали: ...ΙΔ... .

О.с. Скачущие вправо всадники Диоскуры. Легенда в две горизонтальные строчки. *Maharajasa Evukratidasa* (?). Детали неразличимы. Размер – 23.0 × 22.4 мм, толщина – 4.6 мм, вес – 6.7 г.

19. Гелиокл. Тетрадрахма. Джам. Урочище Коразов. Частная коллекция.

Л.с. Голова царя вправо (рисунок, *8*). Лицо довольно молодое, с выступающим вперед прямым носом, плотно сжатыми губами и острым, выдающимся вперед подбородком. Шея короткая и довольно полная. Голова украшена диадемой, показанной в виде двух параллельных рельефных линий. На затылке диадема завязана в узел; один конец опущен вниз сразу от узла, другой (верхний) имеет сначала изгиб. Верхняя часть прически состоит из коротких, свободно расположенных буклей. Ниже диадемы волосы показаны менее рельефно: небольшая челка спускается на лоб, очень короткие пряди на шее, ушная раковина открыта.

Драпировка гиматия передана несколькими лаконичными линиями. Спереди край драпировки показан в виде буквы S в зеркальном отражении. От верхней части изгиба расходятся веерные складки, и к этому же изгибу притянута складка плаща из-за шеи. Изображение на л.с. заключено в ободок из рельефной пунктирной линии.

О.с. Стоящая фигура Зевса. Левая рука, поднятая до уровня головы, опирается о копье, правая опущена и держит пучок крылатых молний. Под фигурой горизонтальная черта, означающая землю. Монограмма помещена справа от фигуры в нижней части, под пучком молний и представляет собой букву Ш с перекладиной, расположенной чуть пониже центра; слева от верхнего угла отходит по диагонали прямая; от левой вертикальной линии под прямым углом до середины монограммы отходит другая линия. Концы всех линий оканчиваются небольшими округлыми утолщениями. Легенда из трех строк: по вертикали справа – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, слева – ΗΛΙΟΚΛΕΟΥΣ, снизу – ΔΙΚΑΙΟΥ. Диаметр – 29.7 мм, толщина – 4 мм, вес – 16.97 г.

20. Гелиокл. Драхма. Кампыртепа. Помещение 93. Сурхандарьинская область. Институт искусствознания им. Хамзы, Ташкент.

Л.с. Бюст царя в диадеме вправо.

О.с. Зевс, стоящий фронтально (рисунок, *9*). Левая рука опирается о копье. В правой опущенной руке пучок молний. Легенда в три строки. Справа по вертикали – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, слева – ΗΛΙΟΚΛΕΟΥ, внизу под горизонтальной чертой ΔΙΚΑΙΟΥ. Монограмма в виде А, вписанной в букву П, размещена в левом нижнем поле на уровне голени. Диаметр – 19.0 мм, вес – 3.10 г.

Монеты из частных коллекций

21. Антиох I. Драхма. Частная коллекция.

Л.с. Голова царя вправо в диадеме. Зернь справа по кругу вдоль скошенного гурта. Прямой, чуть удлиненный нос. Лицо пожилого человека со складками от крыльев носа и на уголках рта.

О.с. Протома рогатой лошади. Легенда: вертикальная строчка за головой лошади – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, горизонтальная – под протомой – ΑΝΤΙΟΧΟΥ. Знак монетного двора располагается в правом нижнем углу в виде треугольника, вписанного в круг. Зернь по кругу. Оси АР на 180°. Диаметр – 17.2 мм, толщина – 2.55 мм, вес – 4.85 г.

22. Деметрий I. Тетрадрахма. Частная коллекция. Приобретена на Ургутском базаре.

Л.с. Бюст царя в шлеме в виде головы слона вправо. По кругу ободок из пунктирных рельефов (рисунок, *10*).

О.с. Стоящая в анфас обнаженная фигура Геракла. Правая рука в жесте венчания, на голове венок. Левая рука держит палицу, с руки свисает шкура Немейского льва. Легенда в две вертикальные строчки: справа – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, слева – ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ. Монограмма в левом нижнем поле на уровне голени в виде буквы К с удлиненной вертикальной линией, конец которой заканчивается полукружием в виде Р. Оси изображений смещены примерно на 30°. Диаметр – 34.6 × 34.2 мм, толщина – 3.05 мм, вес – 17.09 г.

23. Евкратид. Тетрадрахма. Частная коллекция, приобретена на Ургутском базаре.

Л.с. Бюст царя вправо (рисунок, *11*). Голова украшена диадемой. Концы диадемы свисают вниз параллельно. Ободок из рельефных пунктиров с поперечными черточками. Плащ скреплен аграфом на правом плече.

О.с. Диаскуры-всадники вправо. На голове всадников конической формы колпаки, украшенные на макушке звездой. В правой руке пальмовая ветвь, лежащая на плече. В левой наперевес горизонтально длинные копья. Легенда в две горизонтальные строчки, сверху – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, внизу под горизонтальной линией – ΕΥΚΡΑΤΙΔΟΥ. Монограмма в виде К с вытянутой вертикальной линией, в верхней части под углом 90° вправо ее продолжает короткий отрезок. Диаметр – 31.7 мм, толщина – 2.1 мм, вес – 16.49 г.

КОММЕНТАРИИ

Селевкидские монеты

Важным событием в нумизматике древнего Согда была находка в процессе археологических работ тетрадрахмы Селевка Никатора. Пожалуй, это первая находка в культурном слое, подтверждающая не только подлинность монеты, но и историко-культурный контекст. Монета происходит из напластований раннеантичного поселения Бойсарытепа.

Относительно редкие находки монет Селевка I на территории к северу от Амударьи (Окса) получили детальное отражение в специальной литературе (см. ниже). "Прорыв" в эллинистической нумизматике за последние десятилетия был следствием как оживленного "антикварного" бизнеса, включая и кладоискательские раскопки, так и находок монет в процессе планомерных археологических раскопок.

Из относительно недавних находок следует выделить драхму Селевка с изображением головы коня вправо и якоря на оборотной стороне, найденной на территории Хонако-Ховалингского района в Таджикистане (Довутов, 1997. С. 5–8). Аналогичный халк был найден в Туркменистане близ Кушки (Губаев, Новиков, 1991. С. 3–14). Тетрадрахма Селевка с изображением головы Геракла вправо в львином скальпе на лицевой стороне и сидящего на троне Зевса на оборотной, скорее всего, входила в состав большого клада из Куляба (800 экз.), включавшего селевкидские и греко-бактрийские серебряные монеты (Boperachchi, 1999–2000. P. 59, 60. Pl. XIII, *7*)[1].

В нумизматической литературе отмечены отдельные монетные находки или упоминание о них, но, как правило, информация эта зачастую не подкреплена достоверными фактами, да и история самих монет нередко загадочна и туманна. В связи с этим можно упомянуть дихалк Селевка с головой Геракла и слоном, шагающим вправо, найденным на Афрасиабе (Зеймаль, 1983а. С. 65, 66). Внушительное количество тетрадрахм и драхм Селевка I содержится в Амударьинском кладе (47 экз.), однако спорным остается вопрос его локализации. Из общего количества монет этого царя в кладе были выделены шесть монетных дворов, включая монетный двор в Бактрах, причем 4 тетрадрахмы были выпущены в период правления до 285 года и 5 драхм в период соправления "верхними сатрапи-

[1] Автор отмечает, что наиболее потертыми из клада являются монеты, чеканенные в честь Александра, Селевка I, Антиоха I и Антиоха II (см.: Ibid. P. 60). Это может свидетельствовать, в свою очередь, о длительном обращении этих монет.

ями" с сыном Антиохом (монеты с именами Селевка и Антиоха) (Зеймаль, 1983а. С. 29, 30).

Если принимать монеты Амударьинского клада как монеты сокровищницы храма Окса в Тахти Сангине, как это делают Б.А. Литвинский и И.А. Пичикян, и такую возможность мы не исключаем, то характер нумизматического источника приобретает несколько иной смысл. А именно, монеты могли быть приношением паломников из различных пунктов селевкидского государства. Это косвенно подтверждается и различием монетных дворов на монетах.

Принципиально важным моментом в развитии денежного обращения к северу от Окса в селевкидскую эпоху является вопрос о рубежах государства. Здесь ясно и бесспорно то, что денежная масса, выпускавшаяся на рынки, была рассчитана не только на центры полиса как базы государственной структуры, но и на города и поселения периферии, какой бы отдаленной или враждебно настроенной она ни была. Период активной колонизации падает на время соправления Селевка с Антиохом I в "верхних сатрапиях", правление Антиоха I и Антиоха II. Более частые находки монет Антиоха I на территории к северу от реки Окса уже носят не случайный характер. Они отличаются от предыдущих не только количеством, но и разнообразием географических пунктов.

Привлекаемая в настоящей статье тетрадрахма была найдена в кишлаке Хаприн, расположенном около 5 км на юго-восток от селения Джам. Холм, на котором была найдена монета, имеет слои античного времени.

По классификации Э. Ньюэлла, монета относится к серии II, группа А. Наиболее близкую аналогию джамскому экземпляру по иконографии дает монета, приведенная автором в обширном исследовании восточного селевкидского чекана (Newell, 1978. P. 241. № 696. Pl. LII, 5). Серия II в чекане Антиоха I относится к периоду с 268 по 261 г. до н.э., когда, по всей вероятности, Антиох становится полноправным и единодержавным правителем не только Верхних сатрапий, но и всей селевкидской империи.

Анализ монет Антиоха I в составе Амударьинского клада позволи Е.В. Зеймалю выделить одну характерную деталь, а именно, что все монеты, помимо одной драхмы, чеканенной в Каррах, принадлежат монетному двору в Бактрах (1983а. С. 30–32)[2]. Помимо этого комплекса автор отмечает единственную (на тот момент – *К.А.*) бесспорную находку на территории Таджикистана, происходящую из раскопок Тахти-Сангина.

Со времени публикации последней сводки в монографии Е.В. Зеймаля "Древние монеты Таджикистана" был сделан ряд интересных находок монет Антиоха в Северной Бактрии. Помимо халка, найденного в русле канала Занг, были найдены 5 халков на Тахти-Сангине и в храме Окса. Халки представляют два типа: голова Геракла в львином скальпе на л.с. и фигурой быка-зебу вправо на о.с. и голова Афины вправо / Ника перед трофеями (Zeimal, 1997). Кампыртепа дал также два типа халков Антиоха : голова Геракла вправо в львином скальпе / бык-зебу вправо; голова Аполлона в фас / Ника перед трофеем (Ртвеладзе, 2002. С. 84). Еще один тип халка представлен монетой, найденной в окрестностях Денау и привлеченной Е.В. Зеймалем (1983б. С. 67). Следует напомнить и халк, найденный к востоку от Афрасиаба, с изображением шагающего животного вправо на л.с. и вертикально размещенного кадуцея на о.с. (Буряков, Федоров, 1967. С. 106; Ерназарова, 1974. С. 166; Зеймаль, 1983б. С. 67; Bernard et al., 1990. P. 359, 360; Bernard, 1996. P. 347).

Говоря о серебряном чекане Антиоха, следует упомянуть две драхмы из коллекции священника Зампаева, происхождение которых до настоящего времени остается неясным, несмотря на то что они неоднократно привлекались в нумизматической литературе (Зеймаль, 1983а. С. 32, 44; Ртвеладзе, 2002. С. 99).

Совершенно неожиданную картину дали находки селевкидских монет на территории Согда, в частности юго-западной части Самаркандской области. Наряду с тетрадрахмой Селевка I, о которой мы говорили выше, на том же Бойсарытепа (близ селения Сазаган) был найден халк Антиоха I. Материал, полученный с этого памятника, подтверждает существование здесь поселения раннеэллинистического времени. Интересен и тот факт, что в соседнем селении Хаприн близ Джама была найдена тетрадрахма Антиоха I. К сожалению, слой, в котором она была найдена, не зафиксирован, но с полной достоверностью можно говорить, что она происходит именно с археологического объекта.

Холм, на котором была обнаружена монета Антиоха, представлял собой поселение раннеантичного времени, и, по сообщению специалистов, побывавших на месте, располагал мощными (до двух метров) слоями, относящимися к античному периоду. Интересно также сообщение о находке близ селения Сазаган клада селевкидских монет. Клад состоял предположительно из нескольких десятков экземпляров, состав, к сожалению, остался неизвестным (судя по описанию, тетрадрахмы Антиоха). Примерно в то же время некоторые тетрадрахмы попали на антикварный рынок Ургута. Несколько экземпляров этого клада были приобретены Национальным банком внешнеэкономической деятельности Узбекистана, где и хранятся в его коллекции. Одну из них упоминает Э.В. Ртвеладзе как тетрадрахму Антиоха I с головой царя вправо / протомой лошади. Однако ин-

[2] Заслуга в определении и значении этого монетного двора в восточном чекане Селевкидов принадлежат Э. Ньюэлу (Newell, 1978).

формация о месте находке на городище Афрасиаб не является достоверной (Ртвеладзе, 2002. С. 84). Происхождение монет, приобретенных Банком на Ургутском рынке, может быть связано с одним из двух источников: либо кладом из Сазагана (что вероятнее), либо они были частью большого клада из Куляба, о котором мы упоминали выше.

Концентрация монет Селевкидов на таком узком пространстве Сазагана и Джама с поселениями античного времени, как бы отгораживающими самаркандский оазис от широкой степи, открывающейся после отрогов Каратепа, подчеркивает пограничный характер этой зоны.

Греко-бактрийские монеты

К настоящему времени самые ранние монеты Греко-Бактрии, представленные чеканом царя Диодота с памятников, расположенных к северу от Амударьи, не позволяют с достаточной степенью уверенности дифференцировать чеканы Диодота I и Диодота II. Тем не менее находки этих монет, в особенности медных выпусков, в археологических слоях свидетельствуют об их обращении на рассматриваемой территории. Отметим вначале монеты этого царя в составе кладов. Клад греко-бактрийских монет из Бухарской области включал пять тетрадрахм Диодота (Ртвеладзе, Ниязова, 1984; Курбанов, Ниязова, 1989; Ртвеладзе, 2002. С. 99). Напомним, что клад был обнаружен при строительстве канала в грунте, привезенном с археологического памятника. Таковым считается холм Тахмачтепа, наиболее ранние слои которого относятся ко II–I вв. до н.э. Клад греко-бактрийских монет, содержащий 50 тетрадрахм, включая Диодота (5 экз.), Евтидема (43 экз.) и Агафокла (2 экз.), связывают именно с этим памятником (Ртвеладзе, 2002. С. 87–96. Табл. VI, VII).

Второй значительной по количеству монет Диодота находкой можно считать клад из Куляба. Из инвентаризированных Осмундом Бопераччи 205 монет к чекану Диодота относятся: с именем Антиоха II – 4 тетрадрахмы, 7 драхм, 1 гемидрахма (аттический весовой стандарт); с именем Диодота – 2 тетрадрахмы, 8 драхм (аттический весовой стандарт) (Bopearachchi, 1999–2000. P. 36–38; 59, 60. Pl. XIV, *17–21*; Pl. XV, *22–38*).

Из находок достоверного характера заслуживают внимания тетрадрахма Диодота из Шахринау и дихалк, найденный на городище Тахти Сангин (Таджикистан) в слое кушанского времени (Зеймаль, 1983а. С. 43, 44). Два халка этого царя были обнаружены во время раскопок городища Кампыртепа (Ртвеладзе, 2002. С. 97).

К одному из относительно часто встречаемых типов монет на территориях, находящихся к северу от реки Окса-Амударьи, относятся медные монеты греко-бактрийского царя Евтидема с изображением головы Геракла вправо на лицевой стороне и галопирующей лошади вправо на оборотной. В Таджикистане зарегистрировано 15 монет этого типа: Тахти Сангин – 9, Шахринау – 2, Гиссарский канал, Тамашотепа, Тепаи-Шах (Зеймаль, 1983а. С. 32, 44). Ртвеладзе в своей сводке приводит 17 монет, происходящих из Сурхандарьинской области (8 – Термез, 7 – Кампыртепа, 1 – Шортепа, 1 – Дальверзинтепа) (Ртвеладзе, 2002. С. 99). К этим монетам следует добавить еще два пункта – это канал Занг (Абдуллаев, 1998. С. 51, 52) и городище Джандавляттепа (Шерабадский район, Сурхандарьинская область). В Маргиане на городище Гяуркала зарегистрированы 4 халка Евтидема (Смирнова, 1999. С. 248–250). К достоверным находкам, связанным с территорией Термеза, монет Евтидема II Е.В. Зеймаль относит купроникелевый дихалк из частной коллекции термезского учителя Ю.Б. Генса (Зеймаль, 1983а. С. 45).

Частые находки медных монет этого царя к северу от реки Амударьи, но южнее Гиссарских отрогов (Железных ворот) и их широкая топография на этом пространстве дают основание полагать, что территория примерно от Железных ворот на север уже не принадлежала Евтидему и отложилась от его власти. Об этом свидетельствуют также и подражания тетрадрахмам, локализация которых концентрируется в Согдиане (Bopearachchi, 1991–1992. P. 1–21).

Также часто на этом пространстве встречаются монеты сына и преемника Евтидема – Деметрия. Монеты царя Деметрия входили в состав кладов, найденных во время археологических раскопок греческого города Айханум в Афганистане. По мнению Р. Одуэна и П. Бернара (Audouin, Bernard, 1974. P. 33), серебряный чекан под именем Деметрия подразделяется на две серии: одна – со стоящим Гераклом, коронующим себя, другая – со стоящей Афиной, держащей копье и щит (в кундузском кладе как раз представлены эти две серии – Curiel, Fussman, 1965. Pl. II–VII). Некоторые размещают эти две серии между двумя одноименными царями: первую связывают с Деметрием I, а вторую с Деметрием II. Макдоналд (Macdonald, 1962. P. 403) был первым, кто различил монеты двух Деметриев. Ему следовали В.В. Тарн и А. Нарайан, между тем как другие относили их к одному и тому же царю (Bivar, 1951. P. 29, 30). Драхмы царя Деметрия зафиксированы в Северной Бактрии в двух пунктах: Халчаяне (Пугаченкова, 1966. С. 109) и Дальверзинтепа (Пугаченкова, Ртвеладзе, 1983. С. 347). С городища Старого Термеза происходит обол Деметрия (Массон, 1933. С. 6.). Из недавно найденного в Кулябе клада селевкидских и греко-бактрийских Деметрий представлен 5 тетрадрахмами (бюст царя вправо в слоновьем скальпе / фигура венчающего себя Геракла), 1 драхмой, 44 подлинными оболами и 5 подражаниями (Bopearachchi, 1999–2000. P. 42–45. Pl. XIX–XXI).

Из старых собраний происходит дихалк с изображением Артемиды на оборотной стороне, про-

исходящий из долины Сурхандарьи (коллекция В.П. Турчинского, Ташкент). К относительно новым находкам медных монет Деметрия можно отнести два дихалка с головой слона и кадуцеем из Кампыртепа (Ртвеладзе, 2002. С. 99). Аналогичные монеты были найдены при земляных работах в г. Турсунзаде (Таджикистан) (Зеймаль, 1983а. С. 45) и на канале Занг (округа Хаитабадтепа, Сурхандарьинская область) (Абдуллаев, 1998. С. 51, 52). Из публикуемых в настоящей статье медных монет Деметрия следует обратить внимание на монету из Мунчактепа, дающую новый пункт в топографии этих монет. Тип медных монет с изображением Артемиды на оборотной стороне из Кампыртепа (два экз.) (Rtveladze, 1995. P. 20–24. Pl. I, *4*; Ртвеладзе, 2002. С. 99) дополняется новой находкой с городища Старого Термеза (Чингиз 1). Новый тип медных монет Деметрия дает экземпляр, найденный на городище Джандавляттепа (Шерабадский район), – голова царя в слоновьем скальпе / голова трубящего слона (?). Обращает на себя внимание большой вес этой монеты.

Следует отметить интересную находку медной монеты из Кампыртепа с портретом царя вправо и стоящей фигурой Геракла. Иконография явно подражательного характера, это же подтверждается и легендой с упрощенными и искаженными буквами. Автор публикации справедливо относит эту монету к типам подражаний Деметрию (Ртвеладзе, 2002. С. 109).

Согд по монетам царя Деметрия дает довольно скромное количество экземпляров. В Пастдаргомском районе (Самаркандская область) была найдена тетрадрахма Деметрия (Зеймаль, Вафаев, 1982. С. 38–42)[3]. Более достоверную локализацию дает обол с головой царя в слоновьем скальпе и фигурой венчающего себя Геракла, найденный при раскопках городища Еркурган, привлекаемый в настоящей статье.

Из представленных в настоящей статье монет Евкратида первая монета-обол получила достаточное освещение в научной литературе. Первые ее публикаторы предложили видеть в ней новый тип подражания оболам Евкратида (Ртвеладзе, Пидаев, 1981. С. 20–23). Действительно, по накопленному материалу, который более всего концентрируется в среднем и нижнем течении реки Кафирниган, устойчивую иконографию с последующей подражательной эволюцией дает тип с головой в шлеме и колпаками Диоскуров. Монета из Талашакантепа должна относиться "к совсем иной, новой группе подражаний, восходящих к оболам Евкратида, на л.с. которых царь изображен без шлема" (Зеймаль, 1983а. С. 95). Однако на данном этапе, когда мы имеем единственный экземпляр, говорить о новой подражательной линии представляется преждевременным.

Медная монета Евкратида, найденная в слоях Кампыртепа, дает великолепно исполненную иконографию, вполне соответствующую изображениям на подлинных монетах этого царя. Вряд ли у нас есть основания связывать ее с подражательными выпусками. С большой долей вероятности можно отнести ее к чекану Евкратида, который мог восполнить в момент экономического кризиса серебряные монеты медными. Второе предположение представляется менее вероятным, а именно, что это медная монета неизвестного нам типа и номинала.

Редкой (если не первой) монетой, встречаемой в археологическом слое, является медная монета (халк) Евкратида квадратной формы с портретом царя в шлеме на лицевой стороне и скачущими диоскурами на оборотной стороне. Монета была найдена в слое с другими монетами кушанского типа. Скорее всего, она попала из Индии с общей денежной массой в кушанский период.

Подлинная тетрадрахма Гелиокла, найденная на территории Согда, – явление относительно редкое в нумизматике Средней Азии. Следует отметить одну характерную особенность в локализации подлинных монет самого Гелиокла – это относительная редкость находок монет этого царя к северу от Амударьи и в то же время обилие медных подражаний в сакский и юэчжийский периоды тетрадрахмам и драхмам. Как отмечает Е.В. Зеймаль, не было зарегистрировано каких-либо находок монет Гелиокла и в Таджикистане (Зеймаль, 1983а. С. 46). К югу от реки Амударьи монеты этого царя хорошо представлены в кладе из Кундуза (Curiel, Fussman, 1965).

Как уже отмечалось выше, тетрадрахма греко-бактрийского царя Гелиокла является одной из наиболее редких монет, находимых к северу от реки Амударьи. В сводке, данной в монографии Е.В. Зеймаля (1983а), отмечается отсутствие подлинных монет этого царя. Из поля зрения автора выпала монета, приведенная в каталоге монет Южного Узбекистана (1981). Серебряная драхма царя Гелиокла была обнаружена в помещении 93

[3] Монеты царя Деметрия представлены в среднеазиатских музейных собраниях серебряными : тетрадрахма ТШ 155/156 (о.с. – стоящая Афина); оболы – СМ Н-68, Н-69, Н-70, Н-8922, Н-8359, Н-8360, Н-9963, Н-9964. Можно полагать, что две последние монеты происходят из коллекции Б.Н. Кастальского, так как, по сведению М.Е. Массона, Кастальский в 1929 г. приобрел у термезских шейхов несколько монет, найденных на городище Старого Термеза, и среди них обол Деметрия "необычного типа". Е.В. Зеймаль предполагает (1983а. С. 45), что ими могут быть экземпляры Н-9963 или 9964. Медные монеты этого царя в музейных коллекциях представлены следующими: тетрахалк – щит с головой медузы / трезубец (ТШ 155/44); тетрахалки – голова слона / кадуцей (ТШ 15/14; СМ Н-5484 и Н-9965 – коллекция Кастальского); дихалки – голова Геракла / стоящая Артемида (ТШ 15/15, 15/16, СМ Н-67, Н-8380, Н-9966, Н-10214 – две из коллекции Кастальского) как правило, беспаспортные, за исключением экземпляров из коллекции Б.Н. Кастальского.

на цитадели во время раскопок городища Кампыртепа (диаметр – 1.7 см, вес – 3.1 г.) (Древности Южного Узбекистана, 1991. С. 309). Однако эту монету по ряду иконографических и палеографических признаков можно, скорее всего, отнести к самым ранним подражаниям драхмам этого царя. Об этом же свидетельствует редуцированный вес образца.

При раскопках кургана № 14 Кызылтепинского могильника (Бухарская область), была обнаружена монета. "Серебряная монета с портретным изображением на одной стороне и фигурой в обрамлении надписи – на другой. Вес монеты – 12.29 г. Рядом найден наконечник стрелы с опущенными жальцами и обломанным черешком, а около железной пряжки – два бронзовых гвоздика с полусферическими шляпками" (Обельченко, 1992. С. 57).

Судя по фотографии, можно сделать некоторые существенные дополнения к описанию монеты. Во-первых, исключительная реалистическая манера в передаче портрета, а также аккуратно выполненный рельефный ободок приближают ее к монетам самого Гелиокла. Оборотная сторона также демонстрирует "нормативную" иконографию с реалистично выполненной фигурой Зевса, задрапированной в плащ. Только в написании легенды можно наблюдать некоторые отклонения: укороченные элементы у "каппы" и уменьшение "омикрона". Однако эти "недочеты" отнюдь не влияют на достоверность изображений. Интересна монограмма, помещенная под горизонтальную строчку легенды, в виде треугольника. Монограмма данного типа передает, по схеме М. Митчинера, монетный двор в Балхе (Бактры) (Mitchiner, 1975. P. 160). Однако тем более странным кажется вес, приведенный автором, – 12.29 г (?), вес, который существенно отличается от аттического стандарта. Только расхождение в весе может вызвать сомнение в подлинности чекана Гелиокла. Другим существенным моментом в характеристике данной монеты, указывающим на то, что это не подлинная монета греко-бактрийского царя, а подражание его чекану, – это субэратность. В беседе с автором находки удалось выяснить, что при случайной деформации монеты в изломе прослежен тонкий внешний слой серебра, а ядро имеет медную основу (автор выражает свою благодарность О.В. Обельченко за эту ценную информацию).

Все изложенные выше факты склоняют думать, что монета из кургана № 14 Кызылтепинского могильника относится к самым ранним подражаниям монетам Гелиокла.

Таким образом, к настоящему времени стали известны три монеты греко-бактрийского царя Гелиокла (за исключением раннего подражания из Кызылтепа – Бухарская область), место находки которых можно твердо локализовать к северу от Амударьи. Едва ли можно допустить, что эти монеты были связаны с правлением Гелиокла на этой территории. Скорее всего, они попали на территорию Согда и Северной Бактрии позже, а если даже и в период правления этого царя, то с монетной массой, которая обращалась к югу от Амударьи. Многочисленные медные подражания тетрадрахмам и драхмам Гелиокла с их разветвленной подражательной линией и длительностью обращения, скорее всего, свидетельствуют о довольно сложной политической ситуации к северу от реки Амударьи в предюэчжийский и юэчжийский периоды (Абдуллаев, 1999. С. 368–377).

Три монеты, помещенные в конец нашего сообщения: драхма Антиоха (к сожалению, отсутствует фотография), тетрадрахма Деметрия и тетрадрахма Евкратида, были приобретены на Ургутском базаре. Со слов коллекционера, они происходят из Афганистана, но полной уверенности в достоверности самих монет и их происхождения нет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абдуллаев К. Находки эллинистических монет из канала Занг // Нумизматика Центральной Азии. Вып. III. Ташкент, 1998.

Абдуллаев К. Еще раз о подражаниях монетам Гелиокла (К вопросу о политической истории Бактрии во второй половине II в. до н.э.) // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. VIII. М.; Магнитогорск, 1999.

Баратова Л. Древние монеты из Каршинского оазиса // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 31. Самарканд, 2000.

Буряков Ю.Ф., Федоров М.Н. Эпиграфические и нумизматические находки в Узбекистане в 1965 году // Эпиграфика. М.; Л., 1967.

Губаев А.Г., Новиков С.В. Редкая селевкидская монета из Кушки // Памятники Туркменистана. 1991. № 2.

Довутов Д. Драхма Селевка с городища Шахри Мунк // Нумизматика Центральной Азии. Ташкент, 1997.

Древности Южного Узбекистана. Каталог. 1991.

Ерназарова Т.С. Денежное обращение Самарканда по археолого-нумизматическим данным (до начала IX в.) // Афрасиаб III. Ташкент, 1974.

Зеймаль Е.В. Древние монеты Таджикистана. Душанбе, 1983а.

Зеймаль Е.В. Начальный этап денежнего обращения древней Трансоксианы // Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток. М., 1983б.

Зеймаль Е.В., Вафаев Г. Тетрадрахма Деметрия из долины Зерафшана // Общественные науки в Узбекистане. 1982. № 5.

Зеймаль Т.И., Зеймаль Е.В. Еще раз о месте находки Амударьинского клада // Изв. Отд. обществ. наук Академии Тадж. ССР. 1962. Вып. I.

Кошеленко Г.А. Восстание греков в Бактрии и Согдиане 323 г. до н.э. и некоторые аспекты греческой политической мысли IV в. до н.э. // ВДИ. 1972. № 4.

Курбанов Г.Н., Ниязова М.И. Каталог Греко-бактрийских монет Бухарского музея. Бухара, 1989.

Массон М.Е. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии в 1930–1931 гг. // Матер. Узкомстариса. Вып. 5. Ташкент, 1933.

Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистичский храм Окса. Т. I. М., 2000.

Обельченко О.В. Культура античного Согда. М., 1992.

Пугаченкова Г.А. Халчаян. Ташкент, 1966.

Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. Об обращении Греко-бактрийских монет в Северной Бактрии // Общественные науки в Узбекистане. 1983. № 5.

Ртвеладзе Э.В. Древние и раннесредневековые монеты историко-культурных областей Узбекистана. Т. I. Ташкент, 2002.

Ртвеладзе Э.В., Ниязова М. Первый клад греко-бактрийских монет из Бухары // Общественные науки в Узбекистане. 1984. № 6.

Ртвеладзе Э.В., Пидаев Ш. Каталог древних монет Южного Узбекистана. Ташкент, 1981.

Смирнова Н.М. Находки эллинистических монет на городище Гяуркала (Туркменистан) // Нумизматика и эпиграфика. Вып. XVI. М., 1999.

Abdullaev K. Nomadism of Central Asia. Archaeological Evidence // In the Lands of the Griphons. Florence, 1995.

Abdullaev K., Franceschini F., Raimkulov A. The Tetradrachm of Seleucos I from Sazagan Region of Uzbekistan // Circle of Inner Asian Art. Newsletter. Issue 19. L., 2004.

Audouin R., Bernard P. Tresor de Monnaies Indienne et Indo-Grecques d'Ai Khanoum (Afganistan) // RN. 6-e serie. T. XVI. 1974.

Bernard P. Les monnaies hors tresors. Questions d'histoire greco-bactriennes. Fouilles d'Ai Kahnoum IV // MDAFA. T. XXVIII. Paris, 1985.

Bernard P. Le temple du dieu Oxus a Takht-i Sanngin en Bactriane: temple du feu ou pas? // Studia Iranica. T. 23. Fasc. 1. Paris, 1994.

Bernard P. Maracanda-Afrasiab Colonie Grecque // La Persia e L'Asia Centrale da Alessandro al X Secolo. Atti dei Conveghi Lincei 127. Roma, 1996.

Bernard P., Grenet F., Isamiddinov et al. Fouilles de la mission franco-sovietique a l'ancienne Samarkand (Afrasiab). Premiere campagne 1989 // CRAI. 1990.

Bivar A.D.H. The Bactra coinage of Euthydemus and Demetrius // NC. 1951.

Bopearachchi O. Monnaies greco-bactriennes et indo-grecques. Catalogue raisonne. Paris, 1991.

Bopearachchi O. The Euthydemus' imitations and the date of Sogdian Independence // Silk Road Art and Archaeology. V. 2. Kamakura, 1991–1992.

Bopearachchi O. La circulation et la production manetaires en Asie centrale et dans l'Inde du nord-ouest (avant et apres la conquet d'Alexandre // Indologica Taurinensia. V. XXV. Torino, 1999–2000.

Curiel R., Fussman G. Le trezor monetaire de Qunduz. MDAFA. T. XX. Paris, 1965.

Huff D., Pidaev Ch., Chaydoullaev Ch. Uzbek-German archaeological researches in the Surkhandarya region // La Bactriane au carrefour des routes et des civilisations de l'Asie centrale. Paris, 2001.

Macdonald G. CHI I. 1962.

Mitchiner M. Indo-Greek and Indo-Scythian coinage. V. 2. L., 1975.

Newell E. The Coinage of the Eastern Seleucid mints. Numismatic Studies № 1. N.Y., 1978.

Pidaev Sh. Termez during the Greco-Bactrian Period // Silk Road Art and Archaeology. V. 9. Kamakura, 2003.

Rtveladze E.V. Decouvertes en Numismatique et Epigraphie Greco-Bactriennes a Kampyr-tepe (Bactriane du Nord) // Revue Numismatique. 1995. V. 150.

Zeimal E.V. Coins from the excavation of Takht-i Sangin (1976–1991). Study in Silk Road coins and culture. Kamakura, 1997.

Finds of Hellenistic coins to the north of the Amudarya river

K. Abdullaev

Summary

The author published the images of silver and golden coins of Seleucid dynasty and rulers of Greco-Bactria found in the last years in the territory of northern Bactria and Sogdiana. On the basis of the analysis of these finds he makes a conclusion that local mints and a sufficiently developed monetary circulation existed there already from the very end of the 4th c. AD (period of the conquest of the Central Asian region by Seleucus I).

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 3, с. 116–127

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ

ГОНЧАРНЫЕ ПРОИЗВОДСТВА СРЕДНЕЙ АЗИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫС. ДО Н.Э. – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫС. Н.Э.

(структура и система размещения)

© 2006 г. С. Б. Болелов

Государственный музей Востока, Москва

В 1961 г. была опубликована статья М.Г. Воробьевой, в которой на основании данных картографии был поставлен вопрос о системе и принципах размещения гончарных производств на территории Средней Азии (1961. С. 147–179). Имеющиеся в настоящее время археологические данные позволяют вернуться к этой проблеме и рассмотреть структуру и систему размещения гончарных производств на территории Средней Азии на протяжении длительного исторического периода.

Предметом изучения послужили объекты, связанные с гончарством и датированные в пределах второй половины I тыс. до н.э. – первой половины I тыс. н.э. Столь длительный отрезок времени выбран не случайно.

В середине I тыс. до н.э. гончарный круг и двухъярусный обжигательный горн распространяются практически на всей территории региона. Этот период можно считать начальным этапом становления ремесленного товарного производства керамической посуды на территории Средней Азии (Массон, 1974. С. 7, 8).

После гибели державы Ахеменидов и походов Александра здесь возникают первые крупные государственные образования. Следствием этого процесса в сфере экономики является формирование единого внутреннего рынка в историко-культурной области, что знаменуется возникновением внутригосударственной единой монетной системы (Ртвеладзе и др., 2000. С. 59–70). Изменения в социально-экономической структуре общества влияли на структуру и систему размещения ремесленных керамических производств, а подчас и формировали ее.

В середине I тыс. н.э. области Средней Азии подвергаются неоднократным вторжениям извне, что приводит к коренным изменениям в политической и социально-экономической системе древних обществ (Неразик, 1997. С. 43, 44).

На фоне этих исторических событий и социально-экономических изменений рассматривается структура и система размещения гончарных производств.

Всего на территории Средней Азии в настоящее время зафиксировано более 70 археологических объектов середины I тыс. до н.э. – середины I тыс. н.э., непосредственно связанных с керамическим производством (рис. 1).

Наибольшее количество памятников (30), открыто в Хорезме. Значительное количество объектов раскопано в северной Бактрии и Маргиане – 18 и 7 соответственно. Хуже изучено керамическое производство этого времени в Согде (5 объектов) и Парфиене (6). На территории среднего и нижнего течения Сырдарьи и в Фергане гончарные производства указанного периода практически не исследованы. Все учтенные объекты различны по размерам и объему производства, а также по месту расположения относительно населенного пункта. По этим признакам можно выделить несколько типов памятников.

Ремесленные гончарные поселения (1-й тип) – наиболее крупные по объему производства – от 15 до 40 обжигательных горнов. Это рассредоточенные неукрепленные поселения, где практически около каждой усадьбы располагались обжигательные горны. К этому типу относятся Нурумское поселение в левобережном Хорезме, поселение к северу от Бабиш-мулла 1 (рис. 2, *Б*), Джин-депе в Маргиане, а также, по всей видимости, Алтын 3 в Бактрии. Самые ранние из них – Алтын 3 и Бабиш-Мулла 1 датируются серединой – второй половиной I тыс. до н.э. Нурумское поселение и Джин-депе – первыми веками до н.э. – первыми веками н.э.

Наиболее изученным среди перечисленных является Нурумское поселение, занимавшее центральную часть небольшого одноименного оазиса (рис. 2, *А*).

Основным занятием жителей поселения, помимо земледелия, было гончарное производство. Здесь зафиксировано не менее 40 обжигательных горнов; 9 из них раскопаны. Отдельно стоящих мастерских не выявлено, но рядом с горнами обнаружены следы навесов и рабочие площадки (рис. 3, *А*). Вероятно, при благоприятных погодных условиях здесь формовались крупные сосуды. По этнографическим данным в Хорезме крупные сосуды, а также тонуры-печи для лепешек делали на улице (Екимова, 1959. С. 347–350). Видимо, такая же ситуация была и в древности – в теплое время года

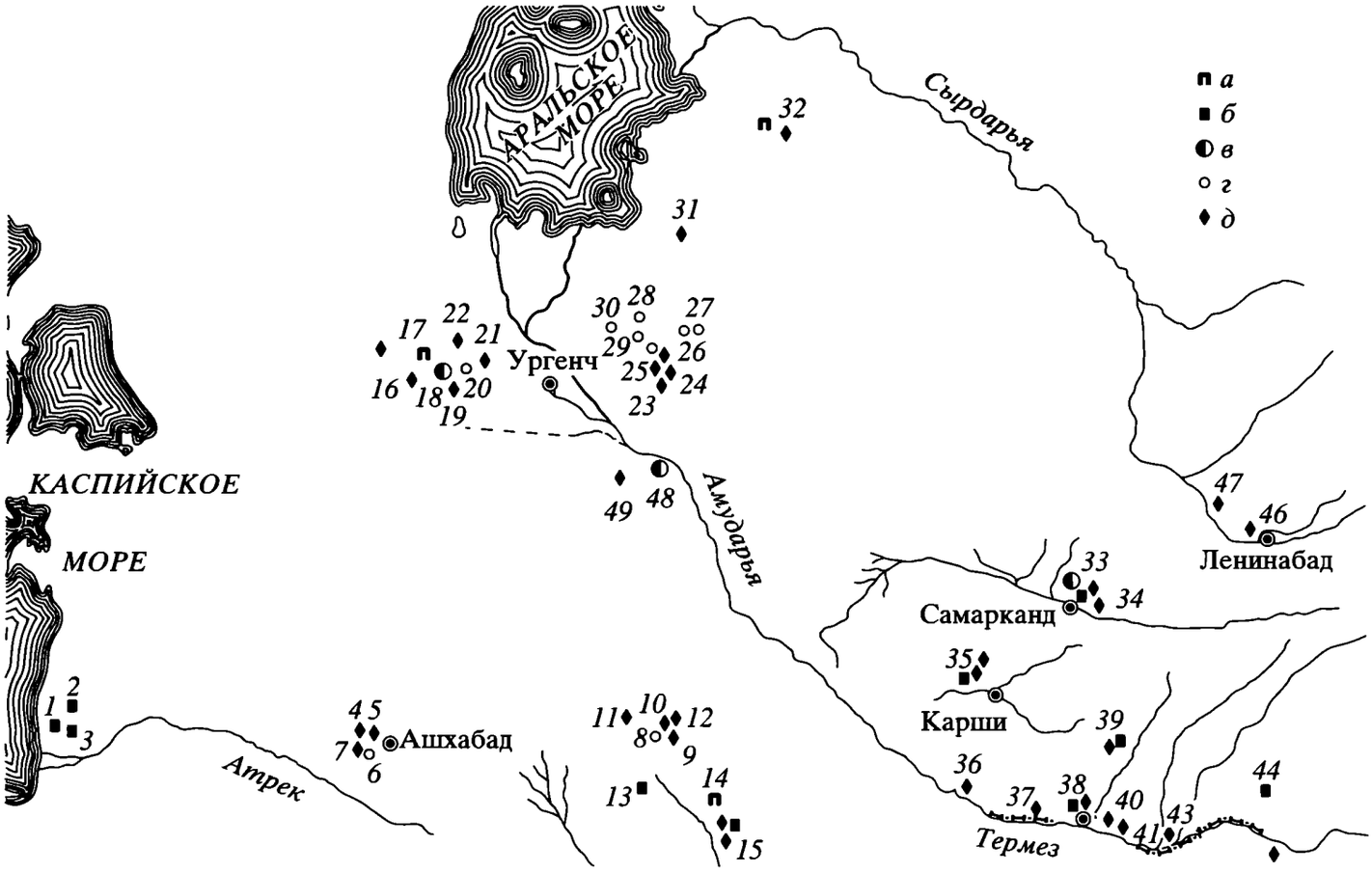


Рис. 1. Керамические производства на территории Средней Азии. *а* – ремесленные поселения; *б* – гончарные кварталы; *в* – крупные производственные центры; *г* – производственные центры; *д* – отдельные гончарные мастерские.

посуда формовалась на улице, недалеко от дома, рядом с горнами, а зимой сосуды изготавливали в помещении усадьбы. В данном случае можно говорить об одной из форм гончарного производства, выявленной А.А. Бобринским по археологическим и этнографическим данным на территории Восточной Европы. Это – постоянное или непостоянное рабочее место в одном из помещений жилого дома и нетрадиционное обжиговое устройство (горн, находящийся рядом с домом). Такая форма гончарного производства фиксирует переход от работы на заказ и для собственных хозяйственных нужд к работе на рынок (1989. С. 12–20).

Общая площадь раскопанной на Нурумском поселении усадьбы составляет 616 м^2. Площадь жилых помещений – 155 м^2. Приблизительно такими же были размеры домов на Джанбаскалинском поселении в правобережном Хорезме. По мнению Е.Е. Неразик, в таком доме могли проживать 7–10 человек (1979. С. 45). Материалы, полученные на Джанбаскалинском поселении, дали основание предполагать, что его населяли люди примерно одного уровня состоятельности, очевидно свободные общинники (Неразик, 1987. С. 78). То же самое можно сказать и о Нурумском поселении, с той лишь разницей, что на Джанбаскалинском поселении жили земледельцы, а на Нурумском, в основном, профессионалы ремесленники, сочетавшие ремесло с земледелием. На Джанбаскалинском поселении во владение одного домохозяйства входили земельный надел, виноградник, оросительное устройство (Неразик, 1987. С. 16). По сведениям иранских и индийских источников, недвижимость родственной агнатической группы составляли дом, поле, роща, колодец, оросительный канал (Неразик, 1979. С. 43). Если предполагать, что на Нурумском поселении жили свободные общинники, имеющие во владении земельные наделы, на территории которых находились обжигательные горны, то следует признать, что в состав домовладения входила керамическая мастерская. В этом случае каждую усадьбу на Нурумском поселении можно считать жилищно-производственным комплексом, включающим в себя земельный надел, дом, хозяйственные постройки и ремесленное производство (рис. 3, *Б*).

Наличие на Нурумском поселении следов других производств, помимо гончарного (Вайнберг, Болелов, 1999. С. 46–61), дает основание полагать, что оно было небольшим торгово-ремесленным центром – "торговым селением". Такие поселения-"базары" существовали на территории Хорезма много позднее, во времена Хивинского ханства. В них был дом правителя – хакима, а также ремес-

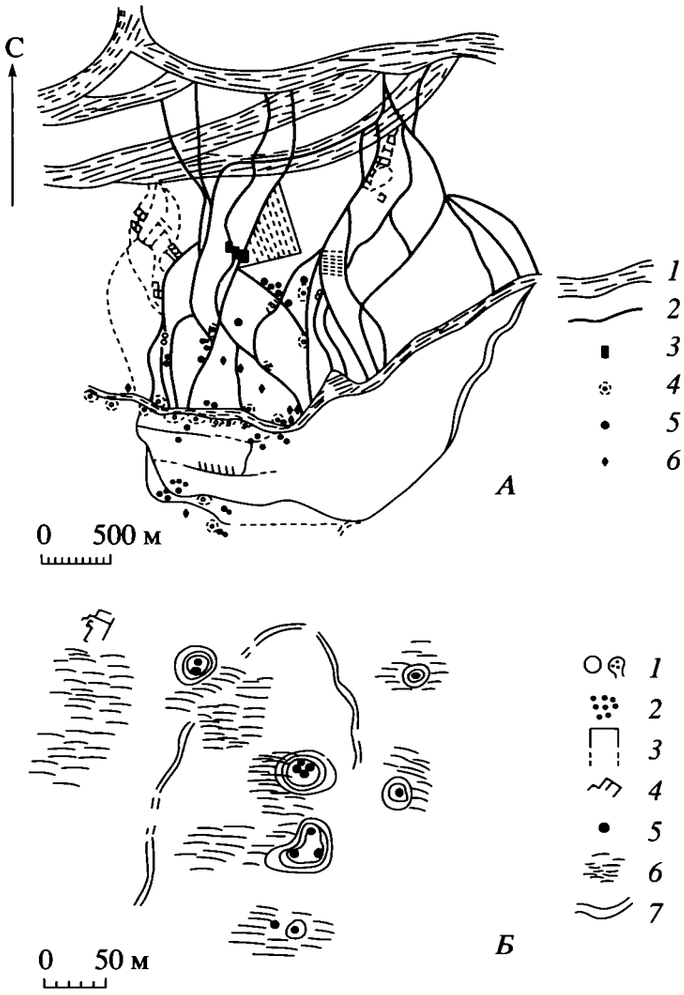


Рис. 2. Ремесленные гончарные поселения. Нурумский оазис и поселение гончаров к северу от городища Бабиш-Мулла. *А* – Нурумский оазис: *1* – русло; *2* – каналы; *3* – центральные усадьбы; *4* – усадьбы; *5* – горны; *6* – винодавильни. *Б* – поселение гончаров к северу от городища Бабиш-Мулла: *1* – горны; *2* – скопления керамики; *3* – следы построек; *4* – усадьбы; *5* – горны; *6* – керамический шлак, керамика; *7* – русла.

ленные производства и торговые лавки. Эти поселения снабжали товарами не только туркмен, живших на близлежащих землях, но и кочевников из отдаленных районов (Вайнберг, 1961. С. 17, 18).

Раскопки проводились также на территории поселения Джин-депе в Маргиане. Общая площадь поселения около 3 км^2. Здесь было не менее 15 обжигательных горнов (Древнейшие государства..., 1985. С. 378. Табл. XC, 7). Его планировка обнаруживает определенное сходство с Нурумским. В центре возвышался бугор (дом правителя?), а вокруг располагались "кварталы" (возможно, крупные усадьбы – *Б.С.*). Один из жилых массивов был частично раскопан. Он включал в себя три домовладения. К двум из них относятся обжигательные горны, бывшие, видимо, собственностью домовладельца (Кошеленко, 1966. С. 78–81).

Приведенные данные позволяют предположить, что в ремесленных поселениях проживали свободные общинники-ремесленники, обладавшие собственностью на землю и средства производства. На других ремесленных поселениях раскопки не проводились, но их планировочная схема, например поселения к северу от городища Бабиш-Мулла 1 (рис. 2, *Б*), дает основание считать, что по своей структуре они близки поселениям описанным выше.

Объекты 1-го типа расположены на окраине земледельческих оазисов, в зоне расселения скотоводов, для которых, надо полагать, и предназначалась их продукция (Кошеленко, 1966. С. 73; Болелов, 1997. С. 69). К их возникновению могла быть причастна государственная власть. Можно провести параллель между ремесленными поселениями Средней Азии и поселениями в окрестностях Ниппура V в. до н.э., где ремесленники были наделены землей из государственных фондов, распределены на артели (*hatru*) и отбывали государственные повинности за право пользования землей (Дандамаев, 1974. С. 180, 181). Возможно, часть земельных наделов ремесленников была в частной собственности, как, например, в византийском Египте (Фихман, 1965. С. 73–75).

Гончарные кварталы (2-й тип). Этот тип памятников зафиксирован на большинстве крупных городищ в южных областях Средней Азии. Они располагались на территории города, в пределах крепостных стен. Гончарные кварталы изучены на городищах Дальверзин-тепе в северной Бактрии и Еркурган в Согде. Они были на городищах Саксанохур и Зар-тепе (Пидаев, 1988. С. 34) в северной Бактрии, а также на Афрасиабе (Шарахимов, 1977. С. 115) и Мерве (Филанович, 1974. С. 21–23; Ахраров, Усманова, 1980. С. 49–56). Гончарный квартал занимал участок городища, где в условиях плотной городской застройки располагались мастерские, горны и жилые помещения.

На Дальверзин-тепе квартал керамистов находился в южной части городища. Здесь раскопан жилищно-производственный комплекс, а рядом с ним 4 обжигательных горна. Всего на Дальверзин-тепе раскопано 11 обжигательных горнов I–II вв. н.э. (рис. 4) (Пугаченкова и др., 1978. С. 125–130). В северо-западной части квартала открыт небольшой храм Бактрийской богини, который можно трактовать как квартальное святилище (Пугаченкова, 1981. С. 112–117).

На городище Еркурган остатки гончарного производства выявлены на четырех раскопах в восточной части городища. Квартал керамистов существовал в этой части города с первых веков до н.э. и вплоть до эпохи раннего средневековья. Горны располагались в одном из помещений или в небольшом дворике отдельного домовладения – жилищно-производственного комплекса (Исамиддинов, Хасанов, 2000. С. 60–106). В южной части квартала выявлен участок, отделенный общей стеной от остальной части города (Исамиддинов, Раимкулов, 1991. С. 123–132).

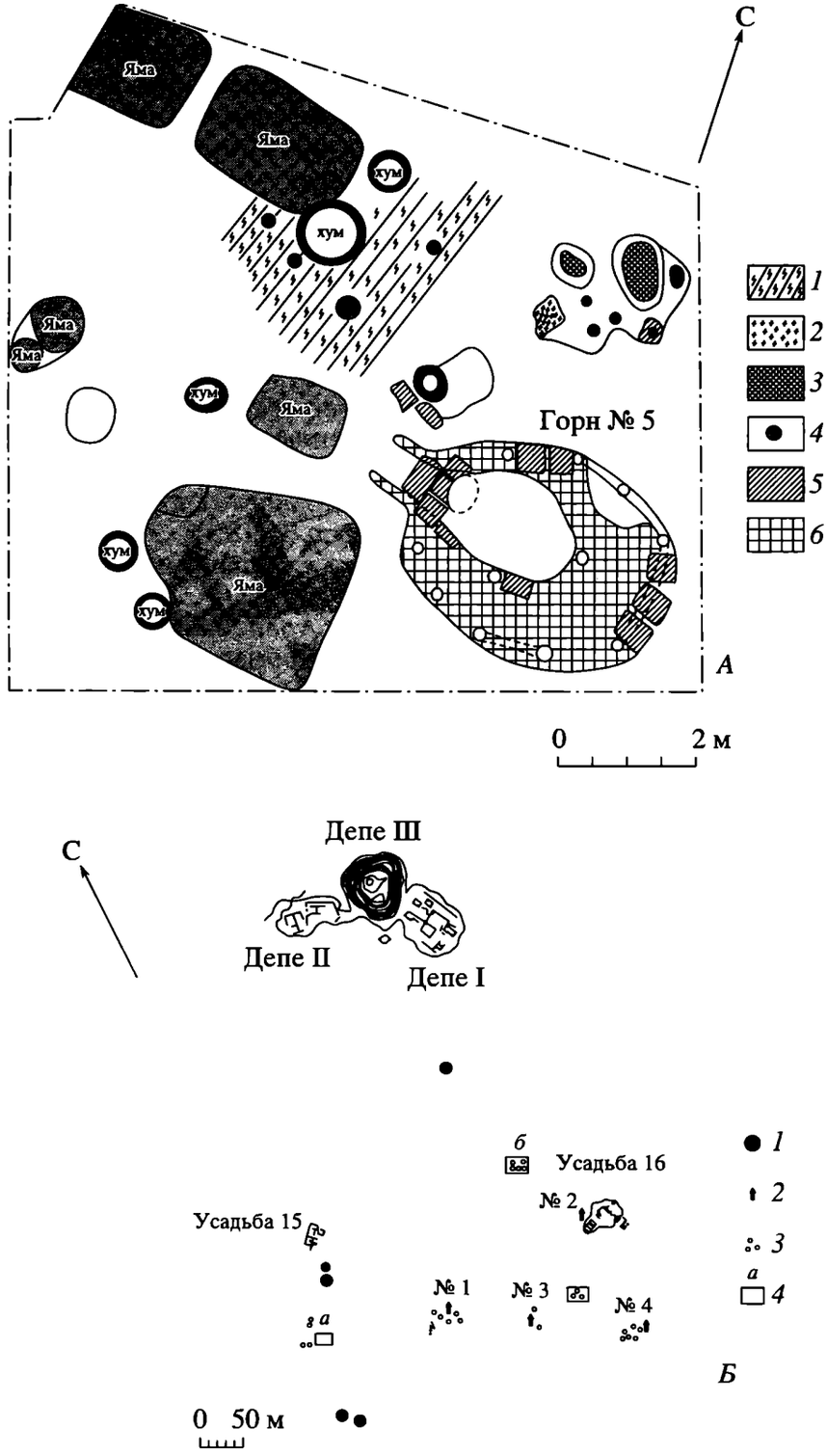


Рис. 3. Нурумское поселение. *А* – горн № 5 Нурумского поселения: *1* – разрушенная кладка сырцовых кирпичей; *2* – пережженный гипс; *3* – зольники; *4* – столбовая ямка; *5* – сырцовые кирпичи; *6* – прокаленная поверхность пода обжигательной камеры. *Б* – план центральной части Нурумского поселения: *1* – обжигательный горн; *2* – винодавильня; *3* – стационарно установленные хумы; *4* – отдельные небольшие постройки.

На городище Саксанохур в южном Таджикистане, на территории квартала керамистов, функционировавшего на протяжении всего периода жизни городища, открыты два жилищно-производственных комплекса и 9 обжигательных горнов. Хозяйственные помещения были небольшими – 2.4 × 1.8 м; жилые – несколько больше – 4 × 3 м (Мухитдинов, 1968. С. 28–35).

На территории Мерва и Афрасиаба широкомасштабных исследований гончарных кварталов эпохи античности не проводилось, но существование керамического производства в определенной

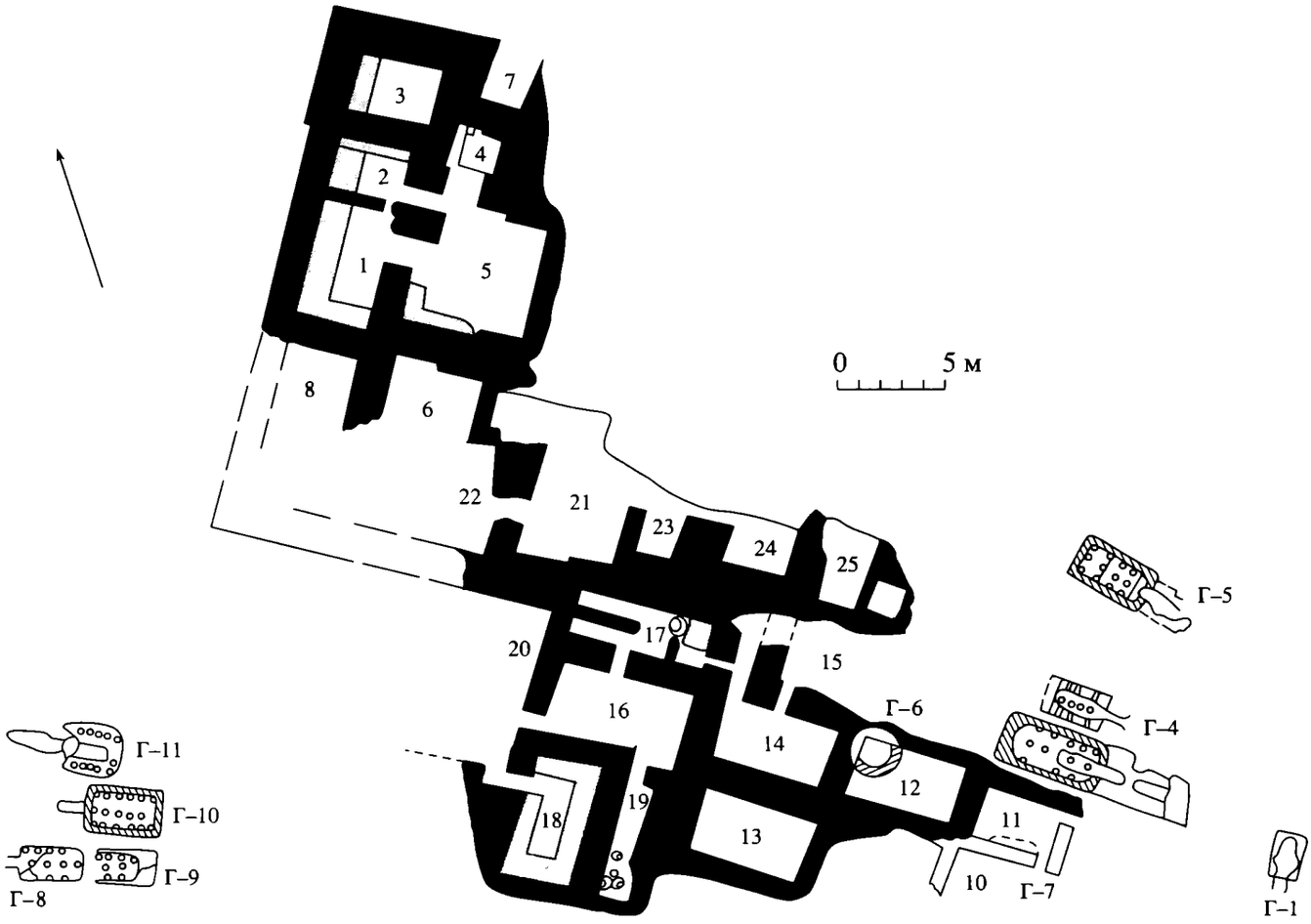


Рис. 4. Квартал керамистов на Дальверзин-тепе.

части городища в этот период установлено точно по материалам шурфов и зачисток.

Исследователями истории и археологии Средней Азии не раз поднимался вопрос о времени возникновения ремесленных организаций или цехов на территории Среднего Востока. Большинство исследователей относит их формирование к эпохе развитого средневековья. Подробные известия о них датируются не ранее XIII–XIV вв. н.э. (Беленицкий, 1940. С. 43–47; Лунина, 1962. С. 406, 407; Белова, 1995. С. 181). Однако в письменных источниках содержатся данные, свидетельствующие о существовании организаций ремесленников и в значительно более раннее время.

В Индии организации ремесленников – *шрени*, состоявшие из людей разного социального и имущественного статуса, но занимавшихся определенным производством, существовали уже в середине I тыс. до н.э. Их созданию способствовали локализация ремесел и существование наследственных профессий (Бонгард-Левин, Ильин, 1985. С. 287). Взаимоотношения между членами корпораций регулировались существующим законодательством, а внутри была определенная иерархия (Литвинский, Седов, 1983. С. 133, 134).

По документам нововавилонского и ахеменидского периодов из Месопотамии известны свободные ремесленники, работавшие по договору и получавшие за работу плату (*idu*) деньгами и продовольствием. Царские ремесленники упоминаются лишь в немногочисленных текстах (Дандамаев, 1974. С. 178, 179). Существует точка зрения, что уже в это время ремесленники были объединены в автономные корпорации (Mendelsohn, 1940. С. 68–72; Weisberg, 1967. С. 99–103). Более распространенным является мнение, что объединения ремесленников состояли из зависимых государственных работников (Дандамаев, 1974. С. 175; 2004. С. 69–80). На территории Ирана эпохи Ахеменидов известны лишь царские ремесленники, которые находились под строгим контролем государства (Дандамаев, Луконин, 1980. С. 185). В источниках упоминаются мастерские по производству посуды, оружия и одежды в Сузах, корабельные верфи и мастерские по производству посуды в Египте (Дандамаев, Луконин, 1980. С. 184). Мастерские по производству царской посуды открыты в Вавилоне (Strommberger, 1967. С. 41).

В государстве Селевкидов существовали фискальные службы, которые собирали налог с ре-

месленников. В Персии, наряду с налогом, который платила община, сатрапы собирали на свои собственные нужды налоги непосредственно с подданных, в том числе налоги с ремесленников (Бинкерман, 1985. С. 104). В Парфянском государстве налоги на ремесло входили в систему "царских налогов" (Луконин, 1987. С. 149). Видимо, во всех этих документах идет речь о свободных или лишь в какой-то степени зависимых от государственной власти ремесленниках, но не говорится об организации, объединявшей людей по профессиональному признаку.

Данные об автономных ремесленных корпорациях в Иране относятся ко времени правления Сасанидов. В пехлевийских текстах говорится о различных группах ремесленников, у которых было 16 храмов огня (Касумова, 1983. С. 80, 81). В протоколах несторианских соборов упоминаются старшины ремесленных объединений. Анализ терминов, зафиксированных в источниках, дает основания полагать, что это были ремесленные корпорации, внутри которых существовала своя иерархия (Тревер, 1967. С. 157–160). Каждая отрасль ремесленного производства в городе имела свой рынок. Представители одинаковых профессий объединялись в производственные объединения – профессионально-цеховые организации со своими уставами. Вырабатывались условия работы и условия оплаты труда (Пигулевская, 1956. С. 219–225; Солодухо, 1963. С. 160–164).

В Иране VI–VII вв. были и царские ремесленники. В документах помимо "главы земледельцев" упоминается "глава ремесленников", который, по-видимому, ведал царскими мастерскими (Тревер, 1967. С. 159; Луконин, 1987. С. 143). Аналогичная ситуация зафиксирована в Египте IV – первой половины VII в. по текстам папирусов из Оксинирха (Фихман, 1965. С. 90).

Таким образом, по данным письменных источников, можно говорить о том, что в эпоху раннего средневековья и в Иране, и в Византии наряду с государственными мастерскими существовали автономные ремесленные корпорации.

В письменных источниках по областям Средней Азии таких данных нет. Вместе с тем некоторые исследователи считают возможным существование в этом регионе корпораций ремесленников уже в кушанское время, подчеркивая при этом, что степень их "оформленности" была ниже, чем в Индии (Литвинский, Седов, 1983. С. 135).

Археологические данные косвенно свидетельствуют в пользу такого предположения. Об определенной обособленности и организационной самостоятельности свидетельствует наличие на Дальверзин-тепе квартального храма, а на Еркургане небольших святилищ и общеквартальной внешней стены. О наличии у ремесленников своих храмов в более позднее время прямо говорят приводившиеся выше сведения пехлевийских "Ривяатов" (Касумова, 1983. С. 80).

Социальный статус людей, проживавших и работавших в кварталах керамистов в древности, остается неизвестным. Они могли быть как свободными ремесленниками, работающими на рынок, так и зависимыми, в первую очередь удовлетворяющими потребности правителя.

Гончарные кварталы зафиксированы только в южных, наиболее урбанизированных областях Средней Азии – Бактрии, Маргиане и Согде, где город являлся ремесленным и торговым центром сельскохозяйственной округи (Литвинский, 1981. С. 121; Болелов, 2001. С. 24). Этот тип гончарного производства является традиционным, особенно для южного Туркменистана, где в конце III – начале II тыс. до н.э. специализированное гончарное ремесло окончательно отделяется от земледелия. В структуре крупного городского центра (Алтын-депе) выделяется квартал керамистов – планировочное воплощение функции города как ремесленного центра (Масимов, 1976. С. 90; Массон, 1976. С. 66–70). На территории Бактрии, где крупных протогородских центров эпохи бронзы не обнаружено, а население проживало в укрепленных общинных поселках, гончарные кварталы не выделяются (Аскаров, 1977. С. 130–134). Возможно, они появляются здесь не ранее конца II – первой трети I тыс. до н.э., когда в Бактрии возникают городские центры с цитаделью типа Алтын 1, Алтын-Диляр-тепе, Кызыл-тепе, Джаркурган (Пугаченкова, Ртвеладзе, 1990. С. 29).

В областях, где процессы урбанизации проходили не столь интенсивно и преобладало сельское население, например, Хорезм второй половины I тыс. до н.э. – первой половины I тыс. н.э., гончарных кварталов в городах пока не зафиксировано (Неразик, 1981. С. 222; Болелов, 1997. С. 66, 67). Единственный обжигательный горн, располагавшийся в пределах городских стен, был открыт в Хазараспе, но размеры этого производства неясны, и преждевременно говорить о существовании здесь квартала керамистов (Воробьева и др., 1963. С. 168–170). Однако до проведения полномасштабных археологических раскопок крупных городских центров в южном Хорезме нельзя говорить и о полном отсутствии на территории области гончарных кварталов. В то же время, в северных районах, где городища, наряду с сельскими поселениями, изучены лучше (Городище Топрак-кала, 1981. С.138, 139), на территории города (Топрак-кала, Куня-Уаз) они не зафиксированы.

Производственные центры (3-й тип) – компактная группа горнов от 5 до 15. По месту расположения относительно поселения можно выделить два варианта этого типа памятников: а) производственные центры, вынесенные за пределы поселения на значительное расстояние; б) – группа

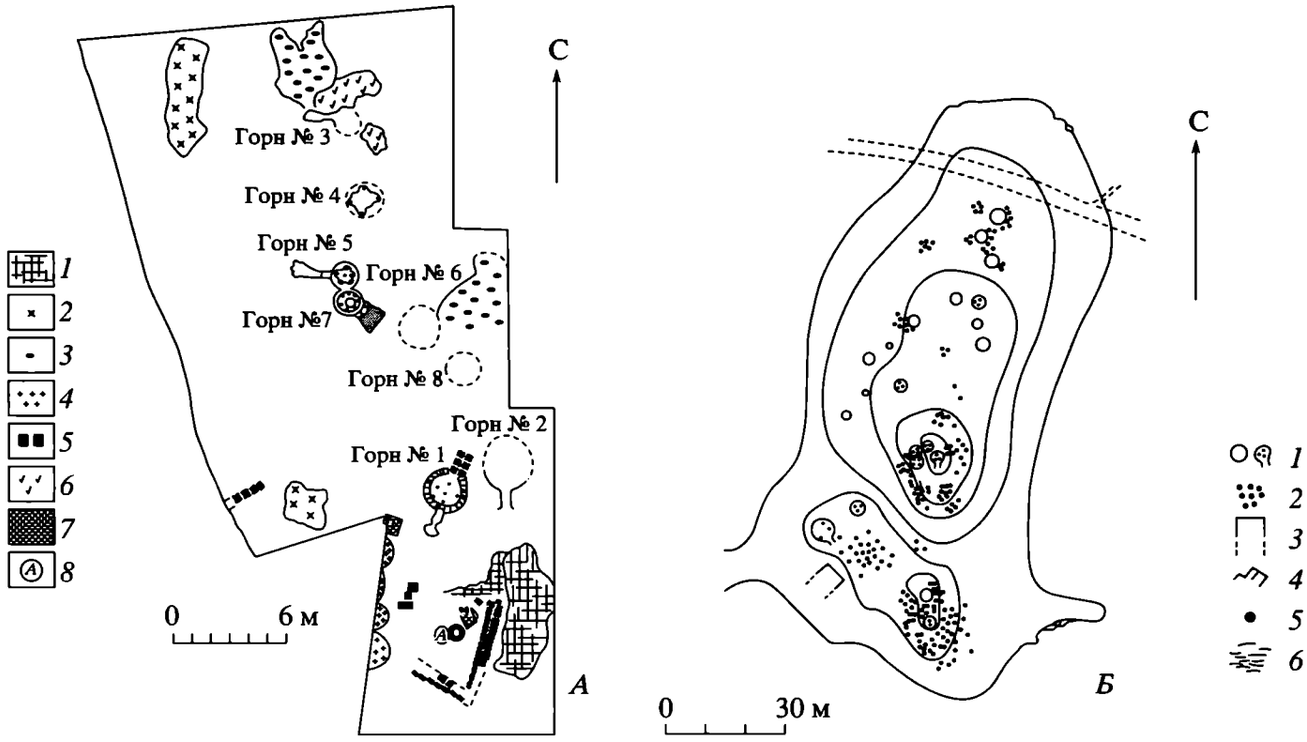


Рис. 5. Производственные центры на территории Хорезма: городища Кюзели-гыр и окрестности замка Якки-Парсан. *А* – Производственный центр Кюзели-гыр: *1* – деструктурированный сырцовый кирпич; *2* – скопление золы серого цвета; *3* – отвалы бракованной керамики; *4* – ямы с пережженным гипсом; *5* – сырцовый кирпич; *6* – скопления фрагментов терракот; *7* – прокаленная до красна глина (очаги); *8* – нижняя часть необожженного сосуда. *Б* – Производственный центр в окрестностях Якке-Парсана: *1* – горны; *2* – скопление керамики; *3* – следы построек; *4* – усадьбы; *5* – горны; *6* – керамический шлак, керамика.

горнов, расположенная на краю поселения, но вне пределов жилой застройки.

Этот тип производства чаще встречается в сельскохозяйственных районах. Наибольшее количество объектов зафиксировано в Хорезме (9), известны они и в других областях (северное Уч-депе в Маргиане, Ак-тепе и Хатын-Рабат в Бактрии, Гаш-депе в Парфии).

Для Хорезма характерен только первый вариант. В большей степени изучен производственный центр Кюзели-гыр (IV–II вв до н.э). Он включал в себя 8 обжигательных горнов с рабочими площадками около них и небольшую мастерскую. Здесь же, рядом с мастерской находились производственные очаги и ямы с пережженным гипсом (рис. 5, *А*). Никаких жилых построек этого же периода рядом не зафиксировано (Воробьева, 1959. С. 200–201). Аналогичная ситуация зафиксирована и на других производственных центрах (рис. 5, *Б*) (Воробьева, 1961. С. 149. Рис. 1; Неразик, 1968. С. 55). Они располагались на берегах каналов или русловых протоков вне поселений, в пределах освоенных ирригационных районов. Надо полагать, производства работали не постоянно, а во время определенного сезона.

Это были крупные мастерские, в которых трудились коллективы ремесленников – артели, производившие продукцию как на заказ, так и на рынок, обслуживавшие население ирригационного района. Производство глиняной посуды на заказ во время определенного сезона, как можно предполагать, широко было распространено в древности. В одном из папирусов Оксинирха гончар, подтверждая получение платы за 1224 кувшина, обязуется поставить (читай изготовить) их в установленный срок, к сбору винограда (Фихман, 1965. С. 90).

Сезонный характер гончарного производства явление достаточно распространенное и универсальное. Следы временных гончарных мастерских II–IV вв н.э. зафиксированы в Поднепровье, на поселениях черняховской культуры. По данным этнографии, выделяются временные и постоянные сезонные производства. Организаторы временных сезонных производств перемещаются из района своего постоянного местожительства в район обитания непосредственных потребителей их посуды. Постоянные сезонные производства рассчитаны исключительно на местного потребителя. Они создавались в рамках долговременных поселений (Бобринский, 1991. С. 86, 87).

Производственные центры в Хорезме можно отнести к категории сезонных производств, которым, однако, присущи некоторые черты постоянных. Они создавались неподалеку от жилых поселений, существовавших не один десяток лет; вслед-

ствие чего можно предполагать, что они работали в течение нескольких сезонов. Кроме того, вряд ли хорезмийский обжигательный горн функционировал один-два сезона. Это достаточно сложное строительное сооружение, существовавшее довольно долго, о чем свидетельствуют следы многочисленных ремонтов.

Временные сезонные гончарные производства существовали в Средней Азии и много позже. В конце XIX в. в отдаленные селения Ташкентского оазиса, обычно в летнее время, выезжали мастера и на месте делали и обжигали посуду (Пещерева, 1959. С. 164; Неразик, 1976. С. 217).

В южных земледельческих областях Средней Азии производственные центры располагались на окраинах неукрепленных поселений. Типичным примером является Северное Уч-депе в Маргиане (середина I тыс. до н.э.), где на расстоянии 200–300 м от центрального бугра поселения зафиксированы две компактные группы горнов. Судя по микрорельефу поселения, рядом с ними были какие-то постройки (Массон, 1959, С. 83). Аналогичное производство, но более позднего времени – не раннее III–IV вв. н.э., выявлено на поселении Гаш-депе в Парфиене (Губаев, Кошеленко, 1968. С. 37–41).

В северной Бактрии известно два производственных центра. Торгово-ремесленное поселение Хатын-Рабат (первые века до н.э. – первые века н.э.), где функционировало крупное гончарное производство, находилось неподалеку от Термеза (Пугаченкова, 1968. С. 31).

Еще один производственный центр, где раскопано три горна, располагался в 300–350 м от поселения Ак-тепе II (IV–V вв. н.э.) в Бишкентской долине (Кобадиан). Мастерские находились рядом с горнами (Седов, 1987. С. 113).

Наличие рядом с горнами и в том, и в другом случае жилых зданий дает основание предполагать, что производство работало на постоянной основе.

По масштабам производства эти два центра вполне сопоставимы, но, как представляется, выполняли различные функции в экономической системе земледельческих оазисов. Хатын-рабат, видимо, являлся торгово-ремесленным центром для близлежащих земледельческих поселений в округе Термеза.

К северу от Ак-тепе II находятся крупные курганные могильники – Тулхарский и Аруктаусский (Литвинский, Седов, 1984. С. 5), оставленные скотоводческим населением. Это дает основание считать, что производственный центр Ак-тепе II удовлетворял потребности не только жителей окрестных поселений (Седов, 1987. С. 113), но и снабжал керамикой скотоводов.

Два производственных центра располагались около культовых центров. Кюзели-гыр находится в 7 км к северо-востоку от культового центра Калалы-гыр 2. Доказательством того, что продукция Кюзели-гыр вывозилась на Калал-гыр 2, являются находки на том и другом памятнике терракотовых статуэток, оттиснутых в одной форме (Воробьева, 1959. С. 203). Производственный центр III – начала IV в. н.э. открыт в 150 м от буддийского культового центра Кара-тепе в Старом Термезе (Пидаев, Като Кюдзо, 2003. С. 133). Небольшое керамическое производство вместе с кирпичеобжигательной печью раскопано на поселении Айртам, неподалеку от буддийского храма (Тургунов, 1973. С. 59, 63). Совсем не обязательно, что эти производства являлись частью храмового хозяйства. Возможно, посудой, изготовленной на Кюзели-гыр, пользовались во время ритуальных праздников, проходивших на Калалы-гыр 2, а керамические производства на Кара-тепе и Айртаме обслуживали паломников. Работали здесь, надо полагать, свободные ремесленники, приглашенные или нанятые храмовой администрацией. Подобная практика существовала на Востоке и ранее. В Месопотамии, в поздневавилонский период, храмы располагали небольшим числом своих рабов-ремесленников, и храмовая администрация постоянно обращалась к свободному ремесленному труду (Дандамаев, 1974. С. 177, 178).

Несколько особняком, в первую очередь по объему производства – 20 горнов и более, в ряду памятников 3-го типа стоят крупные производственные центры, такие как Сары-тепе 2 в 8 км от Афрасиаба, Хумбуз-тепе в южном Хорезме и Гяур-кала в Присаракамышской дельте.

Гяур-кала расположена неподалеку от Нурумского оазиса (Неразик, 1976. С. 17). По-видимому, эти керамические производства работали в один и тот же период времени и выполняли схожие функции – снабжали посудой кочевников на северо-западных границах государства.

Возможно, несколько другие функции выполняли производственные центры середины I тыс. до н.э. Сары-тепе 2 и Хумбуз-тепе.

Сары-тепе 2 занимает площадь 3 га. Здесь зафиксировано 20 обжигательных горнов, а также ямы с производственными отвалами (Иваницкий, 1992. С. 22, 23).

Хумбуз-тепе расположено на левом берегу Амударьи, в 17 км к востоку от Хазараспа и занимает, в настоящее время, площадь 4.6 га. Здесь зафиксированы следы 10 обжигательных горнов. Есть основания полагать, что их было больше. Рядом с раскопанным горном выявлена часть производственного помещения (Болелов, 1999. С. 85–90).

Оба памятника находятся в нескольких километрах от крупных центров обширных земледельческих областей. Возникновение этих производственных центров знаменует собой первоначаль-

ный этап становления ремесленного гончарного производства на территории Согда и Хорезма. Здесь раскопаны самые ранние на территории области двухъярусные обжигательные горны. Предполагаемые объемы производимой продукции вполне могли удовлетворять запросы весьма обширной сельскохозяйственной округи.

Есть основания предполагать, что в этих центрах работали крупные коллективы ремесленников, которые, возможно, были выходцами из областей традиционного гончарства Бактрии и Маргианы, где двухъярусный обжигательный горн сформировался в результате длительной эволюции, а гончарный круг появился уже в эпоху бронзы. Подтверждением этому является близость одного из типов горнов Сары-тепе 2 горнам производственного центра эпохи поздней бронзы Бустон-4 в Бактрии (Рахманов, 1979. С. 35–43), и почти полное сходство горна на Хумбуз-тепе с маргианскими горнами эпохи раннего железа (Болелов, 1999. С. 87).

Небольшие гончарные мастерские (4-й тип) – от одного до трех горнов, находящихся рядом с жилой постройкой в пределах усадьбы. Такие мастерские зафиксированы как в пределах города или крепости, но не на территории квартала керамистов, так и в сельской местности.

Одна мастерская первых веков н.э. раскопана в крепости Игды-кала на Узбое. Она состояла по крайней мере из двух помещений, в которых найдено большое количество уже сформованных, но не обожженных сосудов. В углу одного из помещений обнаружена подготовленная к работе глина (Юсупов, 1986. С. 170–173).

По всей видимости, небольшая мастерская существовала на цитадели Дальверзин-тепе, где раскопано два обжигательных горна, датированных греко-бактрийским временем (Akira Hori, 2000. С. 75–78; Восковский, 2001. С. 12–14).

Часть гончарной мастерской первых веков до н.э. – первых веков н.э. открыта в северной части городища Афрасиаб. Здесь вскрыто помещение длиной 10 м, в котором обнаружены кучи промышленной глины, каменный "подшипник", надо полагать от гончарного круга, и две глиняные формы для изготовления терракотовых статуэток. Рядом с помещением раскопан обжигательный горн (Тереножкин, 1951. С. 136–140).

Объекты 4-го типа зафиксированы и в пригородной зоне. Обжигательный горн раскопан к юго-западу от Дальверзин-тепе (Пугаченкова, Ртвеладзе и др., 1978. С. 115). Горны зафиксированы в пригородах Дильберджина (Кругликова, 1986. С. 9. Рис. 1) и Джагат-тепе (Кругликова, 2004. С. 481, 482). Мастерская III в. до н.э. полностью раскопана в пригородной зоне Кампыртепа. Она включала в себя один обжигательный горн, площадку под навесом, небольшую полуземлянку. Отсутствие рядом капитальных жилых построек дает основания предполагать, что мастерская работала не постоянно, а в течение определенного сезона (рис. 6) (Болелов, 2001. С. 15–24).

В сельской местности мастерские располагались на поселении, рядом или на территории усадьбы – поселение у юго-западного мыса Тарым-кая в левобережном Хорезме (Вайнберг, 1991. С. 44).

На поселении могло функционировать до трех таких мастерских. Так было на поселении Барактам (Толстов, 1962. С. 238. Рис. 149). Сравнительно крупная керамическая мастерская существовала на поселении IV в. н.э. Турпак-кала I (Неразик, 1976. С. 49. Рис. 24).

В мастерских, по всей видимости, работали 3–4 человека – мастер, подмастерье и 1–2 ученика. Основанием для такого предположения могут служить этнографические материалы по Хорезму. В первой трети XX в. у мастера-керамиста Таджи-Палвана из кишлака Каттабаг мастерская состояла из одного помещения и расположенных рядом с ним двух обжигательных горнов. В производстве кроме самого мастера были заняты еще три человека (Екимова, 1959. С. 349).

Керамические мастерские 4-го типа были распространены на протяжении всего изучаемого периода – с VI–IV вв. до н.э. по III–IV вв. н.э. Возможно, мастерские обслуживали одно или несколько поселений, находящихся неподалеку друг от друга. В данном случае речь не может идти о развитом товарном керамическом производстве, поскольку рынок был ограничен пределами этих поселений. Эту форму гончарного производства можно квалифицировать как общинное ремесло и первоначальную ступень развития гончарного ремесла в Средней Азии, когда возникает товарное обращение гончарных изделий.

Общинное ремесло, как этап развития производства, фиксируется уже у раннеземледельческих племен Малой Азии и Среднего Востока, когда появляются мастера-ремесленники, обслуживавшие потребности всех членов общины (Массон, 1976. С. 62–64). Эта форма производства оставалась наиболее устойчивой и неизменной по части организации на протяжении всего рассматриваемого в статье периода не только на территории Средней Азии, но и в других областях Древнего Востока.

В эпоху эллинизма в сельских общинах Малой Азии гончарные изделия производились на месте. Каждая деревня имела своих доморощенных мастеров, работающих на внутренний рынок. В этих же селениях жили лица, трудившиеся за плату и не являвшиеся членами общины (Голубцова, 1972).

В государстве Крорайна, в Восточном Туркестане, ремесленники также не выделялись из среды крестьянства. Они имели свои участки земли и платили налоги (Воробьева-Десятовская, 1992. С. 105).

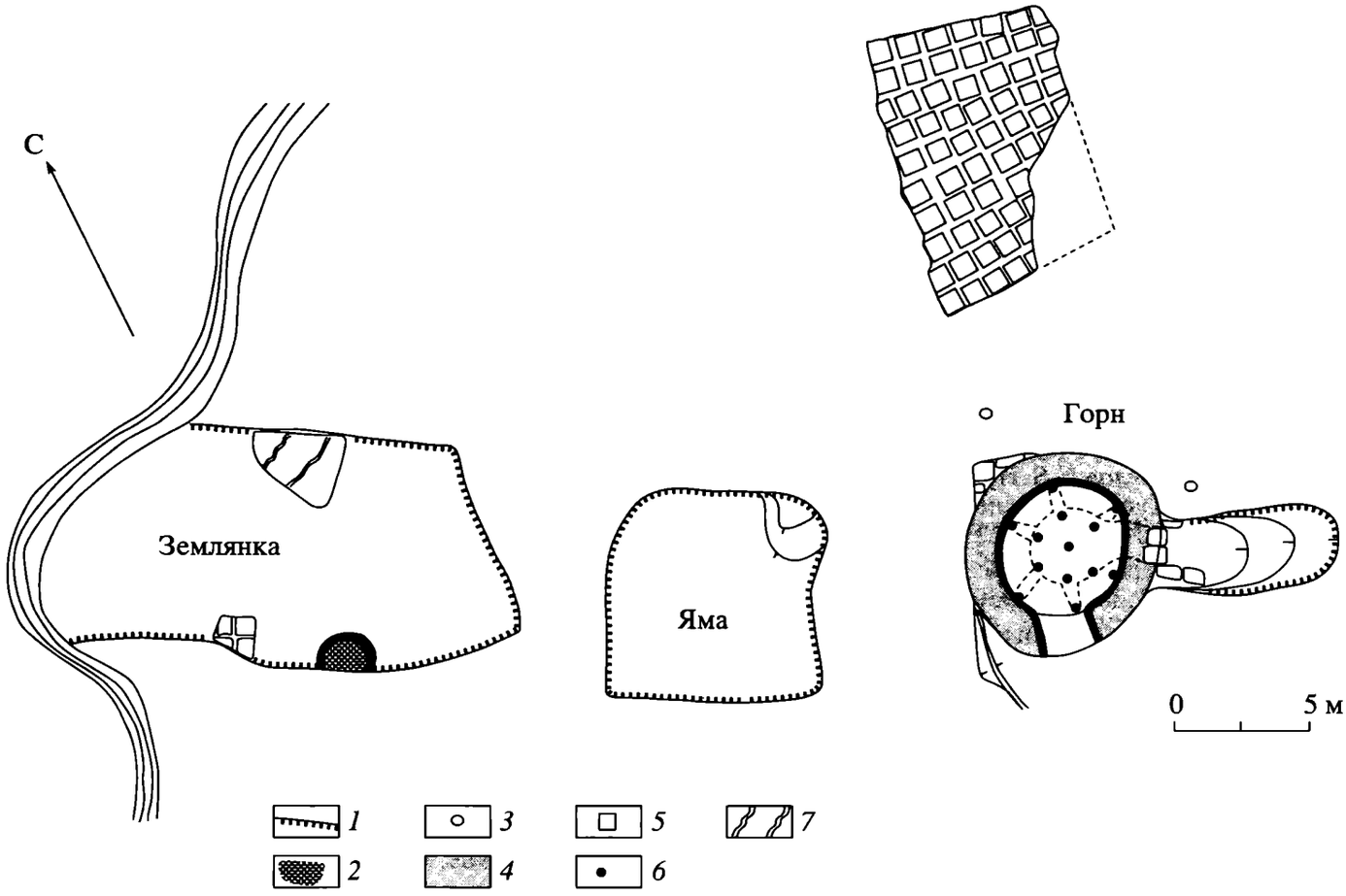


Рис. 6. Гончарная мастерская в пригороде Кампыртепа: *1* – борт котлована, вырубленного в материке; *2* – зольник; *3* – столбовая ямка; *4* – кирпичные стены обжигательной камеры; *5* – сырцовый кирпич; *6* – продухи; *7* – пахса.

Таким образом, в изучаемый период на территории Средней Азии сосуществовали различные организационные формы ремесленного производства, являвшегося частью экономической структуры историко-культурной области, где преобладал тот или иной тип, в зависимости от специфики ее хозяйственной системы. В этом контексте Бактрию и Хорезм можно рассматривать как два полюса. С одной стороны Бактрия, урбанизированная область Средней Азии, где основное ремесленное производство сосредоточено в городах, в кварталах керамистов. С другой стороны, Хорезм – аграрная страна, где гончарное производство было вынесено в сельскую местность, поближе к потребителю.

На протяжении всего изучаемого периода, как в городах, так и в сельской местности, широко было распространено и общинное ремесло, работавшее как на постоянной, так и временной основе.

Помимо экономического фактора в системе размещения гончарных производств на территории Средней Азии определенную роль играл и политический фактор. Размещение крупных керамических производств на границах земледельческих оазисов, в Хорезме и Маргиане, вполне возможно связать с протекционистской политикой государственной власти по отношению к скотоводческим племенам, расселявшимся на окраинах государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аскаров А.А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977.

Ахраров И.А., Усманова З.И. Керамическая печь позднеантичного времени // Тр. ЮТАКЭ. Т. XVII. Ашхабад, 1980.

Беленицкий А.М. Организация ремесла в Самарканде XV–XVI вв. // КСИИМК. Вып. VI. М.; Л., 1940.

Белова Н.К. Традиционный город в Иране и его эволюция // Город как социальное культурное явление исторического процесса. М., 1995.

Бинкерман Э. Государство Селевкидов. М., 1985.

Бобринский А.А. Методика изучения организационных форм гончарных производств // Керамика как исторический источник. Новосибирск, 1989.

Бобринский А.А. Гончарные мастерские и гончарные горны Восточной Европы (по материалам II–V вв.) М., 1991.

Болелов С.Б. Гончарство Древнего Хорезма: формы организации ремесла (VI в. до н.э. – IV в. н.э.) // ЭО. 1997. № 2.

Болелов С.Б. Некоторые итоги археологических работ на Хумбузтепе // ОНУ. 1999. № 9–10.

Болелов С.Б. Гончарная мастерская III–II вв. до н.э. на Кампыртепа (К вопросу о керамическом производстве и организации ремесла в Северной Бактрии эпохи эллинизма) // МТЭ. Вып. 2. Археологические исследования Кампыртепа. Ташкент, 2001.

Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. Индия в древности. М., 1985.

Вайнберг Б.И. Поздние туркменские поселения и жилища земель "древнего орошения" левобережного Хорезма. АКД. М., 1961.

Вайнберг Б.И. Изучение памятников Присаракамышской дельты Амударьи в 70-х – 80-х гг. // Скотоводы и земледельцы левобережного Хорезма. М., 1991.

Вайнберг Б.И., Болелов С.Б. Нурумский оазис на западе Хорезма // Культурные ценности. Международный ежегодник. 1997–1998. СПб., 1999.

Воробьева М.Г. Керамика Хорезма античного периода // Тр. ХАЭЭ. Т. IV. М., 1959.

Воробьева М.Г. Опыт картографирования гончарных печей для историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана // Матер. к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана. М.; Л., 1961.

Воробьева М.Г., Лапиров-Скобло М.С., Неразик Е.Е. Археологические работы в Хазараспе в 1958–1960 гг. // МХЭ. Вып. 6. М., 1963.

Воробьева-Десятовская М.В. Индийцы // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М., 1992.

Восковский А.А. Керамические печи греко-бактрийского времени на цитадели Дальверзинтепа // Древняя и средневековая культура Сурхандарьи. Ташкент, 2001.

Голубцова Е.С. Сельская община Малой Азии. М., 1972.

Городище Топрак-кала // Тр. ХАЭЭ. Т. XII. М., 1981.

Губаев А., Кошеленко Г.А. Изучение античных и раннесредневековых памятников // КД. Вып. 1. Ашхабад, 1968.

Дандамаев М.А. Рабство в Вавилонии. М., 1974.

Дандамаев М.А. Нововавилонское общество и экономика // Государство на Древнем Востоке. М., 2004.

Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980.

Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Археология СССР. М., 1985.

Екимова В.В. Гончарное производство в Хивинском районе // Тр. ХАЭЭ. Т. IV. М., 1959.

Иваницкий И.Д. Саратэбе-2 – поселение керамистов середины I тыс. до н.э. под Самаркандом // ИМКУ. Вып. 26. Ташкент, 1992.

Исамиддинов М.Х., Раимкулов А.А. Квартал керамистов на Еркургане VI–VII вв. н.э. (Р-20) // ИМКУ. Вып. 25. Ташкент, 1991.

Исамиддинов М.Х., Хасанов М.Х. История древнего и средневекового керамического производства Нахшеба. Ташкент, 2000.

Касумова С.Ю. Южный Азербайджан в III–VII вв. Баку, 1983.

Кошеленко Г.А. Культура Парфии. М., 1966.

Кругликова И.Т. Дильберджин. Храм Диоскуров. М., 1986.

Кругликова И.Т. Джагат-тепе // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XIV. М.; Магнитогорск, 2004.

Литвинский Б.А. Кушанский город. Индийско-среднеазиатские параллели // Древний Восток и мировая культура. М., 1981.

Литвинский Б.А., Седов А.В. Тепаи-Шах. Культура и связи кушанской Бактрии. М., 1983.

Литвинский Б.А., Седов А.В. Культы и ритуалы кушанской Бактрии. М., 1984.

Луконин В.Г. Древний и средневековый Восток. М., 1987.

Лунина С.Б. Гончарное производство в Мерве X – нач. XIII вв. // Тр. ЮТАКЭ. Т. XI. Ашхабад, 1962.

Масимов И.С. Керамическое производство эпохи бронзы в южном Туркменистане. Ашхабад, 1976.

Массон В.М. Проблема древнего города и археологические памятники северной Бактрии // Древняя Бактрия Л., 1974.

Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976.

Мухитдинов Х. Гончарный квартал городища Саксанохур // Изв. ООН АН Таджикской ССР. № 3 (53). Душанбе, 1968.

Неразик Е.Е. Новые материалы по гончарному ремеслу в древнем Хорезме // Вестн. КК ФАН АН Уз. ССР. 1968. № 2.

Неразик Е.Е. Сельское жилище в Хорезме (I–XIV вв.) // Тр. ХАЭЭ. Т. IX. М., 1976.

Неразик Е.Е. Материалы по землепользованию в Хорезме первых веков н.э. // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979.

Неразик Е.Е. К проблеме развития городов Хорезма // Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981.

Неразик Е.Е. Археологический комплекс первых веков н.э. из Хорезма // СА. 1987. № 2.

Неразик Е.Е. Раннее средневековье в Хорезме // ЭО. 1997. № 1.

Пещерева Е.М. Гончарное производство Средней Азии // Тр. ИЭ АН СССР. Новая серия. Т. XLII. М., 1959.

Пигулевская Н.Я. Города Ирана в раннем средневековье. М., 1956.

Пидаев Ш.Р. Раскопки жилого комплекса в северо-западной части городища Зар-тепа // ИМКУ. Вып. 22. Ташкент, 1988.

Пидаев Ш.Р., Като Кюдзо. Археологические исследования Узбекистано-Японской экспедиции на Каратепе в Старом Термезе // Археологические исследования в Узбекистане 2002 г. Ташкент, 2003.

Пугаченкова Г.А. К изучению памятников Северной Бактрии // ОНУ. № 8. Ташкент, 1968.

Пугаченкова Г.А. Храм Бактрийской богини на Дальверзин-тепе // Древний Восток и мировая культура. М., 1981.

Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. Северная Бактрия – Тохаристан. Очерки истории культуры. Ташкент, 1990.

Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. и др. Дальвензиртепе – кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1078.

Рахманов У. Раскопки керамических горнов культуры Саппали на Бустане 4 // ИМКУ. Вып. 15. Ташкент, 1979.

Седов А.В. Кобадиан на пороге раннего средневековья. М., 1987.

Солодухо Ю.А. Город и городское самоуправление в сасанидском Ираке (по талмудическим источникам) // Проблемы социально-экономической истории Древнего Мира. М.; Л., 1963.

Тереножкин А.И. Раскопки на городище Афрасиаб // КСИИМК. Т. XXXVI. М., 1951.

Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.

Тревер К.В. К вопросу о ремесленных корпорациях в Сасанидском Иране // Эллинистический Ближний Восток, Византия, Иран. М., 1967.

Тургунов Б.А. К изучению Айртама // Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973.

Филанович М.И. Гяур-кала // Тр. ЮТАКЭ. Т. XV. Ашхабад, 1974.

Фихман И.Ф. Египет на рубеже двух эпох. Ремесленники и ремесленный труд в IV–VII вв. М., 1965.

Шарахимов Ш.С. К истории изучения гончарного дела на Афрасабе // ИМКУ. Вып. 13. Ташкент, 1977.

Юсупов Х.Ю. Древности Узбоя. Ашхабад, 1986.

Akira Hori. Greko-Baktrian Potteri kilns at Dal'verzin Tepe, Uzbekistan // Bulletin of the Ancient Orient Museum. V. XXI. Tokyo, 2000.

Mendelsohn I. Gilds in Babylonia and Assiria // JAOS. 1940. № 60.

Strommberger E. Gefässe aus Uruk von den neubabylonischen Zeit bis zu den Sasaniden. B., 1967

Weisberg D. Guld Structure and Political Allegiance in Earley Achaemenid Mesopotamia. New Haven; L., 1967.

Pottery production in Central Asia: 500 BC – 500 AD (Structure and location)

S. B. Bolelov

Summary

The paper is devoted to ceramics of Central Asia of the period of a handicraft commodity manufacture. More than 70 archeological objects of the second half of the 1st mill. BC – the first half of the 1st mill. AD connected with ceramics are taken into consideration in it. The author marks out a few types of manufactures according to a volume of production as well as to location of a manufacture with regard to a settlement: handicraft ceramic settlements, town ceramic blocks, small ceramic manufactures. We can suppose that the first three types functioned as handicraft commodity manufactures, which were both constant and temporary. The last type can be connected with a communal handicraft. As a result of the analysis of the material that is available at present the author has every reason to consider that different organizational forms of handicraft ceramics, which are a part of the economical system of the concrete historical and cultural region existed in the territory of Central Asia in the pointed period. Besides the forms of the commodity handicraft manufacture the communal handicraft working on a constant as well as on a temporary base was widely spread both in towns and in countries throughout all the investigated period.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 3, с. 128–136

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ШУРОБКУРГАНА

© 2006 г. В. С. Соловьев

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Шуробкурган расположен на территории Музрабадского района Сурхандарьинской области Республики Узбекистан, в 30 км к западу от г. Термеза, у слияния рек Карасу и Амударьи. Он входит в число трех разновременных поселений, возведенных на двухкилометровом участке правого берега Амударьи, в том месте, где в древности действовали переправы. Самым ранним из них является Шортепа (V–IV вв. до н.э.), к востоку от него находится Кампыртепа (III в. до н.э. – II в. н.э.). Замыкает цепочку памятников Шуробкурган, состоящий из раннего укрепленного ядра (около 170 × × 170 м), возведенного на высоком краю речной террасы, и более поздней неукрепленной части (около 600 × 400 м), сформировавшейся к северу и северо-западу от него. Погребальные наусы открыты за пределами поселения (рис. 1).

Впервые Шуробкурган обследовал в 1972 г. Э.В. Ртвеладзе (1974. С. 74). В 1982 г. С.Б. Болелов раскопал жилую усадьбу, расположенную на высоком глиняном останце у восточного края поселения (Болелов, 1987. С. 31–33; 2004. С. 10–61). В конце 80-х годов П.И. Гендельман произвел шурфовку его раннего ядра (Гендельман, 2001. С. 91–108). В это же время изучались наусы (Ртвеладзе, 2004. С. 73–75). В 2002–2005 гг. автором в составе международной узбекско-российской Тохаристанской археологической экспедиции велись раскопки двух домовладений в северной части поселения. О предварительных результатах этих раскопок сообщалось ранее (Соловьев, 2004. С. 76–116). В данной статье материалы исследований публикуются более полно.

Изучаемые автором домовладения расположены между современным оросительным каналом, прорезавшим северную часть поселения с востока на запад, и автомобильной дорогой. Площадь раскопа равна 200 м^2, в его пределах вскрыты полностью или частично 8 помещений и двор. Помещения 1–4 относятся к первому домовладению, 5–6 и двор – ко второму домовладению (рис. 2, *1*, *2*).

Помещение 1 расположено в западной части раскопа. Оно имеет прямоугольную форму (3.6 × × 5.9 м), вытянуто с севера на юг. Вход в него оставлен в северо-восточном углу, ширина его равна 1.05 м. Еще до организации интерьера помещение подверглось ремонту, вызванному тем, что в нем было очень сыро. Сырость активно проникала со двора, хотя основание восточной стены снаружи предохраняла от нее пахсовая отмостка. Оно отремонтировано сырцовым кирпичом (26 × 52 × 8–9 см), поставленным на торец в один ряд, постелью к стене, с небольшим наклоном в ее сторону для устойчивости. Кладка велась на глиняном растворе. Одновременно уровень пола в южной части помещения был поднят подсыпкой, состоящей из строительных остатков; в центральной и северной частях помещения для этого использовали выстилку из сырцовых кирпичей, уложенных в два ряда на глиняном растворе. Поверхность нового пола повышалась к выходу, на него были поставлены суфы, образующие П-образную ленту. Ширина их различна: восточной – 0.65 м, западной – 0.8 м, северной – 1.3 м, высота суф равна 0.3 м. Они сложены из прямоугольного сырцового кирпича и обмазаны глино-саманной штукатуркой; горизонтальная поверхность восточной суфы была обложена обожженной плиткой. В северной части помещения на равном удалении от суф сооружен очаг, он имеет прямоугольную форму (0.73 × 0.86), высота его вместе с бортиком, идущим по краям, равна 0.2 м, высота самого бортика около 0.1 м, ширина 0.08 м. На северной суфе, напротив очага устроено из сырцового кирпича, поставленного на ребро, хранилище для домашней утвари (рис. 2, *3*).

В отличие от восточной стены, разделяющей помещение 1 и двор, кладка южной и западной стен велась неаккуратно: не были соблюдены горизонтальность рядов кирпича, перевязка швов, линия стен неровная. Толщина северной и восточной стен 0.8–0.85 м, южной – 1.42 м. Сложены они из сырцового прямоугольного кирпича (25 × 50 × × 10–11 см) и покрыты слоем глино-саманной штукатурки толщиной до 4 см. На полу вдоль западной стены расчищен сплошной слой сгоревшего дерева – видимо, это развалившиеся детали перекрытия. Частично слой древесного угля распространяется и вдоль южной стены. Недалеко от юго-западного угла помещения, в завале над полом найдена медная игла с отломанным ушком и бронзовая пронизь, в завале над северной суфой – медная согдийская монета Шишпира.

Помещение 1 представляло собой приемный зал, вход в него был заложен во время ремонтных работ.

Помещение 2 являлось Г-образным вестибюлем помещения 1, огибающим его с западной и се-

Рис. 1. План поселения Шуробкурган.

верной сторон. Ширина вестибюля равна 2.4 м, длина южного колена – 8.6 м, северного – 4.5 м. Его перекрывал свод, остатки которого удалось расчистить в северном колене, они лежали на натечно-надувном слое, толщиной 5–28 см. Вдоль восточной стены вестибюля идет суфа шириной 0.5 м, напротив входа в вестибюль она сужается и, закругляясь, оканчивается. Суфа, идущая вдоль западной и северной стен, имеет ширину 1 м. В северном колене она на небольшом участке сужается до 0.75 м. Напротив входа в помещение 1 суфа становится выше. Сохранившаяся ее высота достигает 0.7 м. Вероятно, в этом месте был ступенчатый подъем на второй этаж или на крышу домовладения. Суфы сложены из прямоугольного сырцового кирпича и обмазаны глино-саманной штукатуркой.

Недалеко от внутреннего угла вестибюля размещался пристенный очажок каминного типа. Ширина его топки равна 0.18 м, длина – 0.4 м. В стену она заглублена на 0.1 м. Стенки и пол очажка сильно прокалены огнем. Напротив его на суфе – хранилище для утвари, аналогичное тому, что вскрыто в помещении 1. Поднимались к нему по ступеньке – кирпичу (27 × 54 × 10 см), уложенному плашмя на пол ребром к суфе. Вслед за залом в вестибюле была произведена перестройка, во время которой значительная часть его южного колена была перегорожена стенкой толщиной в один кирпич, вследствие чего оно перестало функционировать. Стенка поставлена на слой обломков штукатурки красного цвета. Кирпич, из которого она сложена, – вторичного использования. Стенка-перегородка явилась продолжением правой "щеки" входа в вестибюль, имеющего ширину 1 м.

Толщина культурного слоя в помещении – около 0.4 м. Состоит он преимущественно из чистой золы. При расчистке стенки-перегородки был найден фрагмент бронзового перстня с боковым шипом. У входа в помещение 1 лежал фрагмент жернова.

Помещение 3 расположено к югу от помещений 1–2, сохранилась его северная часть. Длина помещения с запада на восток – 4.6 м. Видимо, вдоль всех его стен шла лента суф, прерывающаяся у входа в помещение 4. Ширина суфы, идущей вдоль западной стены, – 0.85 м. Суфа, вытянутая вдоль восточной стены, располагалась в нише, образованной двумя приставными пилонами. Сохранив-

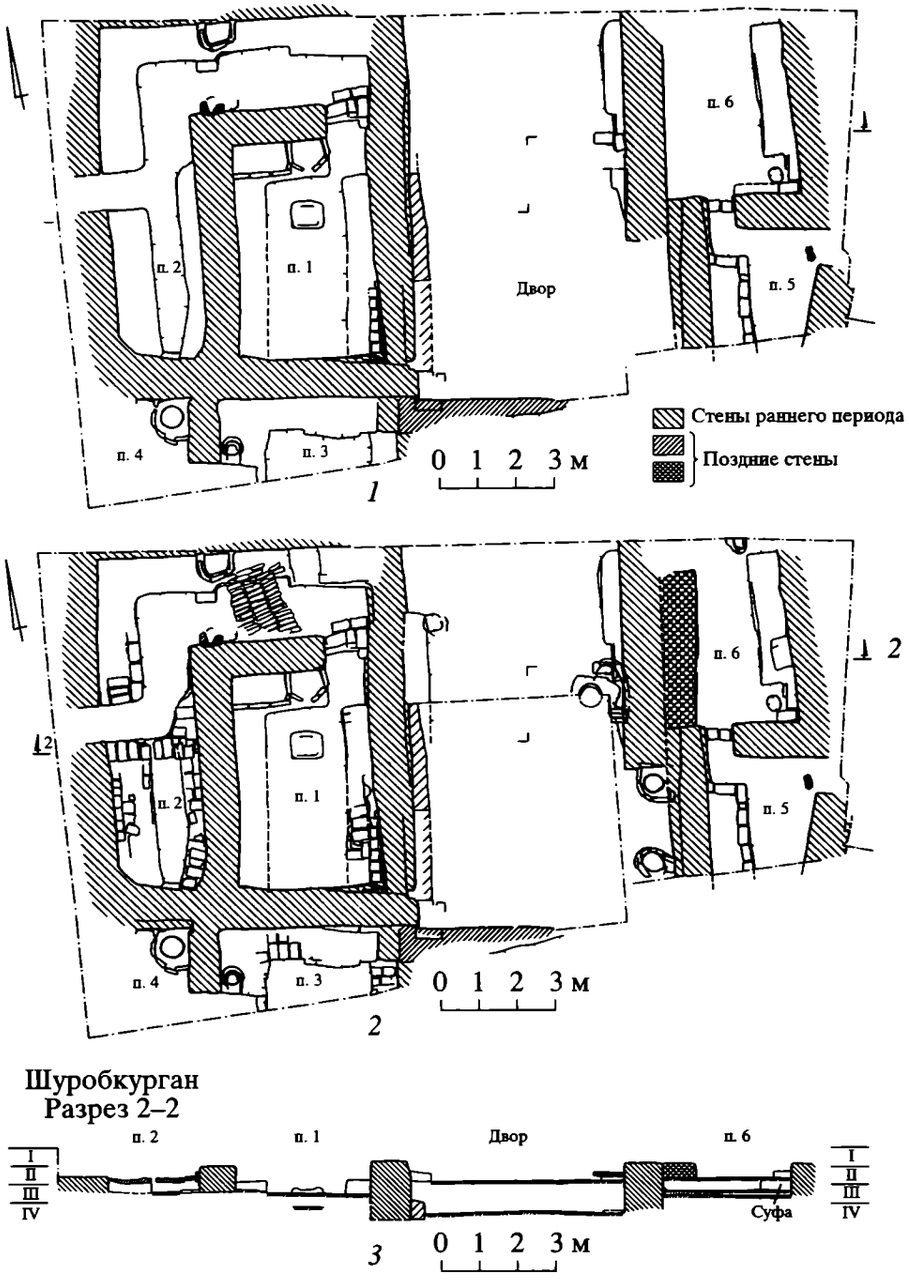


Рис. 2. План раскопанной части домовладений: *1* – до перестроек и ремонтов; *2* – с перестройками и ремонтами; *3* – разрез раскопанных помещений.

шийся северный пилон выступает внутрь помещения на 0.5 м. Эта суфа имеет ширину 0.86 м, высоту 0.1 м. Все суфы помещения 3 сложены из прямоугольного сырцового кирпича (22 × 44 × 9; 25 × 50 × 8 см) и покрыты глино-саманной штукатуркой толщиной до 9 см. Штукатуркой в виде закругления сделан и переход от суф к стенам.

В толщу западной суфы, рядом со "щекой" входа в помещение 4, была заглублена хумча, горло которой располагается заподлицо с верхней плоскостью суфы. Высота хумчи – 0.5 м, диаметр тулова – 0.4 м, венчика – 0.27. Вход в помещение 4 был оформлен в виде тамбура толщиной в полкирпича. В завале над полом найдено глиняное, лепное, необожженное пряслице.

Судя по планировке, помещение 3 было жилым.

Помещение 4 расположено к западу от помещения 3. Их разделяет кирпичная стена толщиной 0.8 м, соединяет – вход, ширину которого из-за разрушений установить не удалось. Раскопан северо-восточный угол помещения, где был устроен танур из хума с отбитым дном, перевернутого вниз горлом, диаметром 0.5 м. Снаружи танур охвачен дугообразным кожухом из сырцовых кирпичей, уложенных на ребро. Между тануром и кожухом образовалась пазуха шириной 10–20 см, забитая золой, фрагментами керамики. Рядом с тануром найден фрагмент жернова, внутри танура – стеклянная бусина. В заполнении входа, ведущего в по-

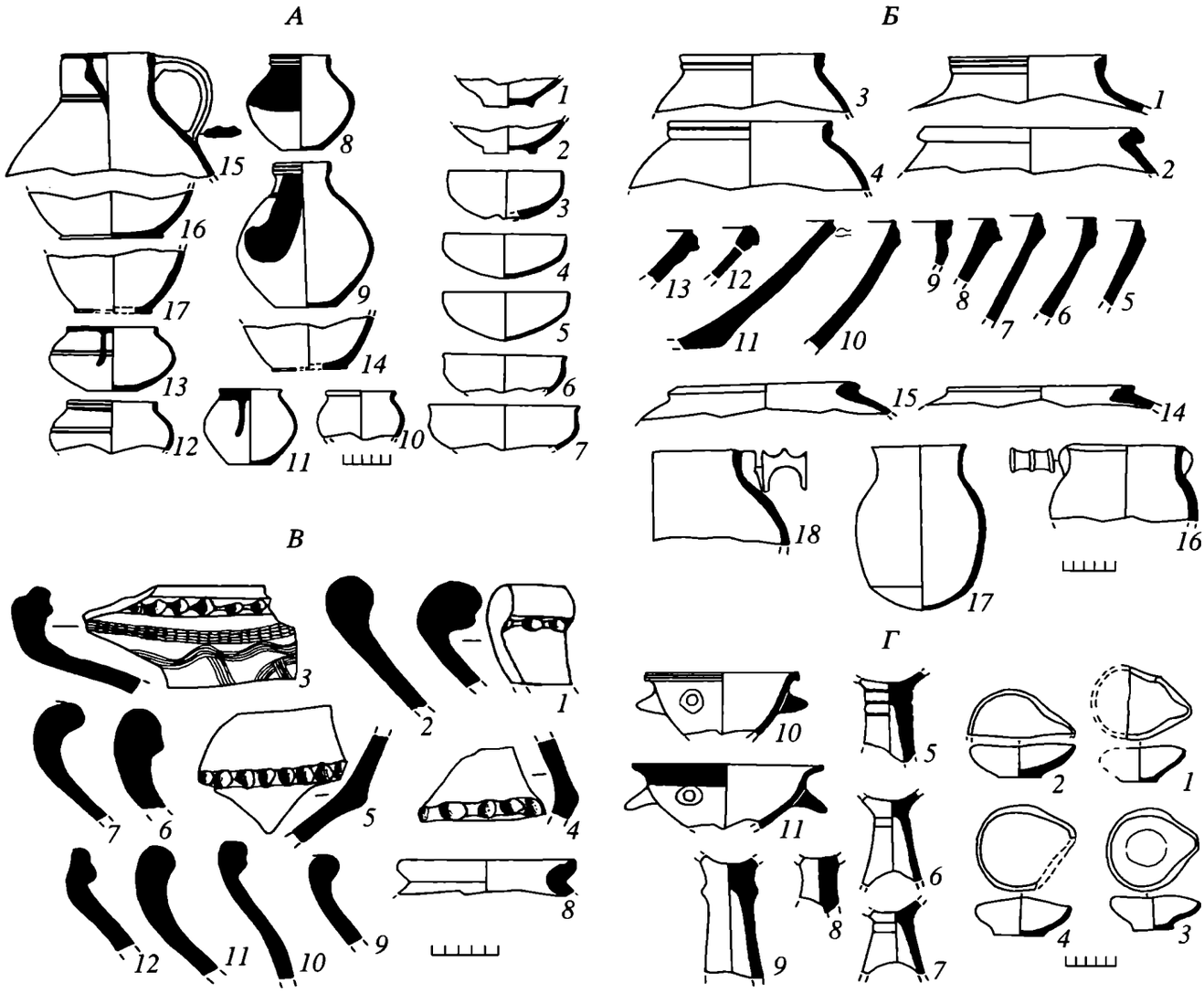


Рис. 3. Керамика. *А* – двор (*1, 2, 11, 12, 15*); помещение 5, слой мусора (*4, 6, 7, 10, 16, 17*); помещение 6 (*8*); завал входа между помещениями 3, 4 (*5, 9, 10*). *Б* – двор (*1, 14, 15*); помещение 1 (*2*); помещение 5, слой мусора (*3–9, 14, 16*); помещение 2 (*17*); помещение 6 (*18*). *В* – двор (*1–3, 6, 8*); помещение 2 (*4, 5, 11, 12, 14*); помещение 5, слой мусора (*7, 9*); помещение 1 (*10*). *Г* – помещение 5, слой мусора (*1–3, 6–8, 10*); двор (*4*); насыпной грунт (*5, 11*), двор (*9*).

мещение 3, обнаружено скопление керамики – фрагментов лепных котлов, станковой чаши и кувшинов. Среди находок есть также целый кувшинчик без ручки (рис. 3*А*, *9*).

Представляется, что помещение 4 было зимней кухней.

Помещение 5 расположено в восточной части раскопа. Южный его торец разрушен при строительстве автомобильной дороги, поэтому размеры помещения установить не удалось. Ясно только, что оно имело вытянутую с севера на юг форму, ширина сохранившейся его части равна 2.72–2.4 м. В северо-восточном углу находился вход в помещение шириной 1.04 м. Вдоль его западной стены устроена суфа шириной 1.01 м, высотой 0.4 м. Она состоит из кирпичного кожуха и внутренней забивки. Кирпичи уложены в четыре ряда ложками наружу; забивка сделана из земли и мусора. Поверхность суфы обмазана глино-саманной штукатуркой. При частичной расчистке ее забивки найден бронзовый бубенчик (рис. 5, *3*). Пол помещения хорошо утрамбован, поверхность его понижается к югу. На полу расчищен тонкий слой золы, найдено небольшое количество керамики. Завал над полом состоит из комковатой земли с включениями из истлевшего камыша. У северо-восточного входа, с внутренней стороны помещения, в полу расчищено углубление (34 × 19 × 5 см), заполненное древесным углем. Сверху помещение перекрыто слоем мусора толщиной до 30 см, в котором найдена большая часть керамики, фрагмент пиксиды из слоновой кости и монета безымянного царя. Помещение было проходным и жилым одновременно.

Помещение 6 расположено к северу от помещения 5, соединял их вход шириной 0.85 м. Первоначально оно имело подквадратную форму, ширина его была равна 3.6 м. Затем в помещении произвели ремонт, во время которого уровень пола был поднят подсыпкой в среднем на 20 см. Поверхность

нового пола выстелена сырцовым кирпичом, уложенным плашмя. После этого вдоль восточной стены была устроена кирпичная суфа шириной 0.85 м, а у северного ее конца – танур диаметром около 0.5 м. В юго-восточном углу, где располагался еще один танур, вдоль стен, была сложена кирпичная полочка шириной 0.25 м. Около танура найден целый керамический кувшинчик (рис. 3*А*, *8*).

Во время второго ремонта пол в помещении был поднят еще раз до уровня верхней плоскости суфы. На него вдоль западной стены была поставлена приставная стена толщиной 0.82 м. Восточную стену при этом укрепили контрфорсом (0.40 × × 0.80 м). Около него устроен очаг – углубление диаметром около 0.5 м. Первоначально из этого помещения имелся выход во двор, но после того, как со стороны двора поставили подпорную стену, он был закрыт.

Двор разделял домовладения между собой. Он вытянут с севера на юг более чем на 10 м, ширина его равна 7 м. Вскрыт двор на площади 75.8 м^2. На одном из ранних этапов он стал использоваться для складирования бытового мусора, главным образом золы. Со временем толщина мусорного слоя на всей его площади достигла более 1 м. Незадолго до окончания жизни в домовладении, на верхнем полу двора, в его юго-восточной части были поставлены четыре танура. Два из них изготовлены лепкой из глины, один из перевернутого вниз горлом хума; четвертый танур почти полностью разрушен, поэтому его конструкцию установить не удалось. Диаметр тануров равен 0.4–0.5 м, снаружи они охвачены кирпичными кожухами. Пространство между ними и танурами забито золой, угольками и фрагментами керамики. Одновременно вдоль западной стены двора была устроена кирпичная суфа шириной 0.65 м, высотой 0.3 м (рис. 2, *2*).

В результате раскопок удалось выяснить, что домовладения возводились одновременно, но в несколько приемов. С самого начала проблемой для их обитателей была сырость в помещениях. Она послужила причиной для ремонтов и перестроек, зафиксированных во время раскопок. Видимо, для нейтрализации влаги, скапливавшейся во дворе, в нем стали складировать мусор, зола при этом была гидроизолятором. В первом домовладении сначала был заброшен приемный зал, затем – южная часть вестибюля. Какое-то время после этого жизнь продолжалась в остальной части вестибюля, где имелся очажок. Помещения второго домовладения функционировали на всем протяжении его существования, но одно из них в результате ремонтов сильно уменьшилось в размерах. Жизнь в домовладениях длилась 50–60 лет. Обитатели их покинули, забрав годные в быту вещи. В провалы, образовавшиеся на месте помещений, жители соседних домовладений высыпали мусор.

Датировка материалов, полученных при раскопках домовладений Шуробкургана, основывается преимущественно на сравнении их с датированными материалами из других северотохаристанских памятников. Это касается прежде всего шуробкурганской керамики, которую, по аналогии с керамикой сурхандарьинских памятников (Аннаев, 1988, Восковский, 1999. С. 14–29. Рис. 15–36), а также вахшской Кафыркалы и Безымянного городища в Кобадиане (Соловьев, 1996. Рис. 20–24, 28–30), можно отнести ко второй половине VII – первой половине VIII в. Нижняя дата подтверждается находкой в первом домовладении монеты Шишпира (642–655 гг.), верхняя дата – фельсом Насра ибн Саййара (738–748 гг.), происходящим из домовладения, раскопанного С.Б. Болеловым.

Архитектура домовладений Шуробкургана имеет некоторые особенности, которые выделяют его среди других раннесредневековых памятников Тохаристана. Анализ планировки и строительной техники позволяет сделать вывод о том, что разбивку контуров строений на местности и возведение стен осуществляли как мастера, так и люди, не имевшие нужного опыта. Сочетание приемного зала и Г-образного вестибюля в архитектуре раннесредневекового Тохаристана встречается часто (Литвинский, 1979. С. 161. Рис. 1; Litvinskij, 1981. P. 35–66; Литвинский, Соловьев, 1985. С. 21. Рис. 10; Альбаум, 1960. С. 116. Рис. 22; Нильсен, 1966. С. 142. Рис. 50; Маслов, 1994. С. 190. Рис. 2). Вестибюль подчеркивал главенствующее положение зала в изучаемом домовладении и служил для размещения гостей во время приемов.

Как говорилось выше, на позднем этапе двор использовался в основном в хозяйственных целях. В домовладении, раскопанном С.Б. Болеловым, выявлены два двора, расположенные у его западного и восточного фасадов. В западном дворе, где во второй половине дня в летнее время было относительно прохладно, обнаружены пять тануров. Включение дворов в структуру шуробкурганских домовладений связано с высокими дневными температурами, преобладавшими в регионе в течение полугода. В.Л. Воронина в своем исследовании о влиянии климата на жилище народов Средней Азии отметила, что "двор играл и играет роль термического регулятора, удерживая до полудня охлажденный за ночь воздушный слой..." (Воронина, 1982. С. 48–69). Устройство дворов в шуробкурганских домовладениях стало возможно благодаря тому, что поздняя часть поселения не была обнесена оборонительными стенами, это позволяло жителям занимать большие участки земли для строительства. На поселениях Тохаристана подобные дворы в структуре домовладений встречены впервые. Двор, раскопанный в верхних слоях Дальварзинтепа, объединяет несколько домовладений и напоминает собой небольшую площадь (Курбанов, 1999. С. 44–52. Рис. 48).

Стены домовладений ориентированы почти точно по сторонам света, сохранились они на вы-

соту 1.4–0.1 м. Строительным материалом для них служил прямоугольный сырцовый кирпич, сформованный из плотной красной глины на берегу Карасу. Раствор для кладки замешивался из лесса на месте строительства. В целях экономии кирпич иногда укладывался при возведении стен с большими промежутками, при этом ширина швов достигала 5–12 см. Стены и суфы покрыты глино-саманной штукатуркой; стены при отделке не белились. Пахса встречена лишь в устройстве отмостки, сделанной вдоль западной стены двора для защиты ее основания от влаги. Однако стена все же отсыревала и со стороны приемного зала начала разрушаться. Способ ее ремонта широко применялся в раннесредневековых постройках Средней Азии (Нильсен, 1966. С. 230). В Северном Тохаристане он встречен также на Аджинатепа (Литвинский, Зеймаль, 1971. С. 21), в помещениях верхнего слоя Дальварзинтепа (Русанов, 1997. С. 32). Для борьбы с сыростью в помещениях поднимали уровни полов, делали их кирпичную выстилку, облицовывали поверхность керамической плиткой.

Детали перекрытия сохранились лишь в северном отрезке Г-образного вестибюля в первом домовладении: это несколько звеньев свода, выложенного в технике параллельных отрезков из прямоугольного кирпича. В архитектуре Северного Тохаристана помещения с пролетом в 2.4 м перекрывались обычно сводами, выложенными в технике поперечных наклонных отрезков, клиновидными же сводами – помещения с пролетом более 3 м (Литвинский, Соловьев, 1999. С. 67–72). Суфы сложены из обычного прямоугольного кирпича. В помещении 5 из кирпича сложен только кожух суфы, а внутренняя ее часть забита землей и мусором. По моим наблюдениям, этот прием в устройстве суф характерен для тохаристанских памятников первой половины VIII в. (Соловьев, 1997. С. 95).

В целом уровень строительной техники изучаемых автором домовладений Шуробкургана соответствует уровню строительной техники раннесредневековых провинциальных поселений Тохаристана. Особенно много сходства между ней и техникой построек верхнего слоя Дальварзинтепа. Оно касается планировки зданий, интерьера помещений, способов кладки и ремонта стен (Русанов, 2000. С. 5–7. Рис. 1).

Находки из изучаемых домовладений представлены главным образом керамикой. По своему назначению она делится на столовую, кухонную и тарную; найдены также фрагменты курильниц и светильники.

Столовая посуда довольно разнообразна: тарелки, чаши-фиалы, горшочки, кувшины, тагора. Она имеет свои особенности, связанные с набором форм и соотношением типов сосудов как внутри коллекции, так и в сравнении с коллекциями из других северотохаристанских памятников.

Тип 1. Тарелки. В шуробкурганской керамике они занимают скромное место, в то время как в материалах из других памятников Северного Тохаристана тарелки являются одной из ведущих форм (Соловьев, 1996. С. 52, 53). Особенностью части шуробкурганских тарелок является иногда не совсем четко выделенный кольцевой поддон (рис. 3*А, 1, 2*). В некоторых случаях гончары при их формовке скашивали внутреннюю грань, вследствие чего он имеет приостренную форму. Сравнительная редкость находок на Шуробкургане тарелок объясняется, видимо, тем, что для еды здесь использовались и тагора, имевшие диаметр венчиков 25–30 см (рис. 3*Б, 5–13*).

Тип 2. Горшочки. Они относятся к одному из самых характерных видов шуробкурганской керамики. Их морфология стандартна и слабо варьирует в пределах одного типа. Различия касаются размеров сосудов: у более крупных из них венчики и плечики профилированы концентрическими желобками. Венчики сосудов покрывались полоской красного ангоба, местами стекающего на плечико сосуда (рис. 3*А, 10–13*).

Тип 3. Чаши-фиалы. Как и горшочки, они являются распространенным видом керамики. Полусферическая форма их резервуара иногда к донцу слегка приострена; в некоторых случаях венчик у сосудов немного вогнут. Стенки с двухсторонним плотным коричневым или красным ангобом (рис. 5, *3–7*).

Тип 4. Кувшины. Различаются два варианта сосудов: с ручками и без ручек. Кувшины без ручек имеют небольшие размеры, соответственно кувшины с ручкой более крупные. Венчики и плечики кувшинов покрывались красным или черным ангобом (рис. 3*А, 8, 9, 14–17*).

Кухонная керамика представлена фрагментами станковых котлов и лепных горшков.

Тип 5. Котлы. Они имеют шаровидное тулово, округлое дно и две горизонтальные ручки на плечиках. Диаметр венчиков 18–22 см, с внутренней стороны – концентрический уступ для крышки. В глиняном тесте, из которого изготовлены котлы, значительная примесь дресвы и толченой извести (рис. 3*Б, 14, 15*).

Тип 6. Горшки. Изготовлены лепкой в домашних условиях. Они имеют слабовыпуклое вытянутое тулово, плоское или округлое дно. Диаметр венчиков варьирует от 10 до 25 см. В некоторых случаях они снабжены ручками, крепящимися в верхней части тулова. В нижней части обычно формовался концентрический уступ для того, чтобы они были устойчивее на очаге (рис. 3*Б, 16–18*).

Тарная керамика включает хумы, хумчи, широкогорлые сосуды и крупные тагора.

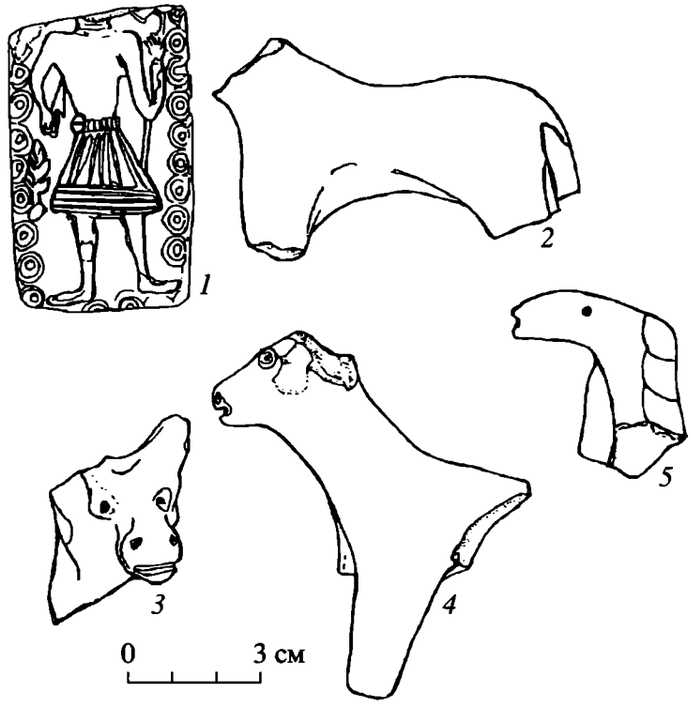


Рис. 4. Терракота. *1, 3, 4* – двор; *2* – зачистка холма в восточной части поселения; *5* – помещение 5, слой мусора.

Тип 7. Хумы. Диаметр венчиков 30–44 см, профили их разнообразны. Верхняя часть некоторых сосудов украшена орнаментом или ангобом, стекающим вниз длинными потеками. Венчики и переходы от тулова ко дну украшались кольцевыми вдавлениями (рис. 3*В, 1–7*).

Тип 8. Хумчи. Они были наполовину меньше хумов, горловины их иногда закрывались крышками. В отличие от хумов, хумчи не орнаментировались (рис. 3*В, 8–12*).

Тип 9. Широкогорлые сосуды. Диаметр их венчиков равен 15–17 см, они профилировались желобком и валиками. Диаметр тулова достигал 25 см и более (рис. 3*Б, 1–4*).

Тип 10. Тагора. Один из самых характерных для Шуробкургана сосудов. Диаметр венчиков крупных экземпляров достигает 38 см. Довольно разнообразны профили их венчиков. Наиболее поздние по времени тагора украшались валиками с пальцевыми вдавлениями, расположенными под венчиком с внешней стороны тулова (рис. 3*Б, 5–13*).

Тип 11. Светильники. Они представляют собой традиционные плошки со смятым краем – сливом. Все они изготовлены на гончарном круге. Диаметр их венчика равен 7.5–8.5 см, донца – 3.5–4.8 см (рис. 3*Г, 1–4*).

Тип 12. Курильницы. Найдены во фрагментах, но форма их восстанавливается: они состояли из полой конусовидной ножки и чашечки. У некоторых из них на чашечках прикреплены через равные промежутки конусовидные налепы, игравшие, видимо, роль оберегов (рис. 3*Г, 5–11*). Такие же налепы есть у чашечки курильницы из Балалыктепа (Альбаум, 1960. С. 70–72. Рис. 48). На чашечках курильниц, найденных на памятниках Южного Согда, налепы расположены в несколько ярусов (Кабанов, 1977. Рис. 27, *2*; 1981. С. 33. Рис. 20, *6*).

Характеризуя найденнуюр керамику в целом, необходимо отметить, что она является типично тохаристанской керамикой. У нее есть и особенности, вызванные преобладанием таких сосудов, как горшочки, тагора. В покрытии сосудов отсутствует "пачкающий" ангоб.

Терракота. Одна из них – плакетка, оттиснутая в односторонней форме. Верхняя ее часть отбита, высота сохранившейся части 6.5 см, ширина 4 см, толщина 0.6–1.1 см. На лицевой стороне плакетки – рельефное изображение мужского персонажа, стоящего во фронтальной позе, с широко развернутыми наружу носками ног. Левой рукой он держит древко копья, в правой полусогнутой руке сжимает кинжал. Тулово персонажа защищено пластинчатым доспехом, слабо выраженным в верхней его части. Нижняя часть доспеха, доходящая до его колен, показана в виде радиальных и горизонтальных полос. На талии он стянут поясом с круглой пряжкой на правом боку. Справа от персонажа – растение на шаровидном основании. По краям плакетки – цепочка из пуансонных вдавлений (рис. 4, *1*).

Данная плакетка найдена в слое, датируемом второй четвертью VIII в. Полагаю, что этим же временем датируются фрагменты трех аналогичных плакеток, найденных в 1972 г. Э.В. Ртвеладзе при обследовании Шуробкургана. Массовое тиражирование плакеток свидетельствует о популярности воинственного персонажа у жителей поселения. Видимо, он являлся их божественным защитником во время завоевания Тохаристана арабами. Этот персонаж изображен и на плакетках, найденных в синхронных слоях цитадели Дальварзинтепа (Ильясов, 2004. С. 155–157; Tanabe et al., 2000. P. 137. Pl. 65). Данный образ, по моему мнению, сформировался под влиянием гандхарского искусства, влияние которого на искусство Тохаристана VII–VIII вв. было еще весьма ощутимо.

Дж.Я. Ильясов, опубликовавший плакетки, поднятые с поверхности Шуробкургана, датировал их кушано-сасанидским временем (2004. С. 62–68). Однако учитывая то, что плакетка, найденная автором, надежно стратифицирована, с этой датой согласиться нельзя. В пользу более поздней датировки свидетельствует также то, что плакетки этого типа из Пенджикента датируются VI–VII вв. (Маршак, 1999. С. 190, 191. Табл. 30). В.А. Мешкерис полагает, что пенджикентские плакетки относятся к VI в., но они могли бытовать, по ее мнению, и позже (1977. С. 60).

Зооморфные статуэтки найдены в том же слое, что и плакетка. Все они лепные, фрагментирован-

ные. Две из них довольно реалистично изображают козлов. В одном случае ноздри и рот животного показаны отпечатками-прорезями, глаза – круглыми налепами с точкой-вмятиной посредине. В другом случае глаза и ноздри животного обозначены круглыми вдавлениями, рот – продольным углублением (рис. 4, *3, 4*). Третья терракота, видимо, изображает лошадку. Голова и концы ног у нее отбиты. Для передачи некоторой экспрессии хвост животного повернут вправо (рис. 4, *2*). От четвертой терракоты сохранилась лишь головка. Вероятно, она изображала верблюда. Грива животного образована защипами, глаза и ноздри обозначены ямками, рот – продольной бороздкой-оттиском (рис. 4, *5*). Набор зооморфных терракот небольшой, но характерный для раннесредневековых памятников Северного Тохаристана. Это были, скорее всего, изображения животных – фарнов, почитаемых тохаристанцами.

Мелкие находки представлены металлическими изделиями и бусами. Одной из них является медная игла с отломанным ушком. Длина ее равна 8 см, максимальный диаметр 3.5 мм (рис. 5, *1*). Бронзовый бубенчик сохранился хорошо. Диаметр его равен 14 мм, высота ушка для подвешивания 15 мм, диаметр отверстия 1 мм. Прорезь обрамляет фигурный валик шириной 3 мм (рис. 5, *3*). Из предметов украшений нужно отметить шестилучевую бронзовую пронизь (рис. 5, *5*). Судя по находкам аналогичных пронизей в склепах могильника Биттепа в Чаганиане (Ртвеладзе, 1986. С. 198. Рис. 3, *6а*; С. 201. Рис. 5, *46*) и в наусах Дабилькургана, изучаемых Дж.Я. Ильясовым, они были распространены в Северо-Западном Тохаристане в конце VII – первой половине VIII в. Диаметр шинки фрагмента перстня, найденного в помещении 2, равен 19 мм, щиток имеет овальную форму, максимальный его диаметр равен 10 мм. У одного из краев щитка – круглый шип (рис. 5, *6*). Находки перстней этого типа на территории Тохаристана и иконографические материалы позволяют судить о том, что они появились здесь в кушано-сасанидский период (Mizuno, 1970. Fig. 58; Pl. 52, *2*) и продолжали бытовать до первой половины VIII в. (Литвинский, Седов, 1984. С. 101–109; Литвинский и др., 1959. С. 134. Рис. 3, *2*; Ртвеладзе, 1986. С. 195. Рис. 1, *3*; С. 201. Рис. 5, *10*; С. 204. Рис. 7, *29*; Соловьев, 1997. Рис. 13, *42, 43*; Альбаум, 1960. Рис. 100, 107). Фрагмент венчика бронзовой чаши имеет диаметр 12 см (рис. 5, *4*). Судя по находке целого бронзового сосуда из Аджинатепа (Зеймаль, Ртвеладзе, 1999. Табл. 88, *24*), чаши имели круглое дно. Пока что на территории Тохаристана их находки довольно редки (Аннаев, 1988. Табл. XIX, *12*).

Бусы изготовлены из стекла синего и сине-зеленого цвета, сердолика и раковины каури со снятой спинкой. Стеклянные бусы имеют бипирамидальную и округлую форму (рис. 5, *7–11*).

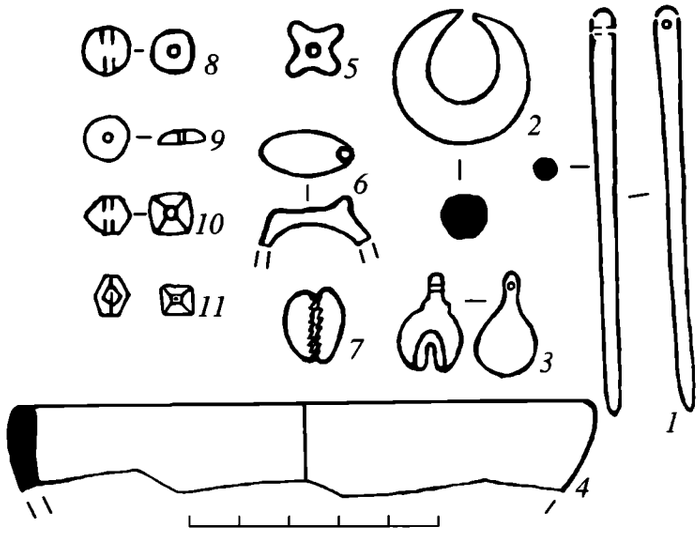


Рис. 5. Мелкие находки. *1, 4, 5, 11* – помещение 1; *2* – случайная находка; *3* – помещение 5, забивка суфы; *6* – помещение 2, закладка южного колена; *7, 8* – помещение 5, слой мусора; *9* – двор; *10* – помещение 3, заполнение тонура.

Раскопки Шуробкургана дали интересные материалы для изучения одного из поселений Северо-Западного Тохаристана. Вместе с материалами из других памятников региона они позволят определить уровень развития и особенности его материальной и духовной культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Альбаум Л.И. Балалык-тепе. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана. Ташкент, 1960.

Аннаев Т.Д. Раннесредневековые поселения Северного Тохаристана. Ташкент, 1988.

Болелов С.Б. Раннесредневековый жилой дом на юге Узбекистана // АСУ. 1987. № 6.

Болелов С.Б. Археологические исследования на городище Шуробкурган в 1982 году (К истории материальной культуры Северного Тохаристана в эпоху раннего средневековья) // МТЭ. Вып. 4. Археологические исследования Широбкургана. Елец, 2004.

Воронина В.Л. Жилище народов Средней Азии и климат // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982.

Восковский А.А. Комплекс керамической посуды последнего периода обживания цитадели городища Дальварзинтепа (раскопки ДТЦ-4) // Матер. полевых исслед. Узбекистанской искусствовед. экспед. (УзИСКЭ). Вып. 5. Ташкент, 1999.

Гендельман П.И. Результаты археологических исследований на цитадели Шуробкургана // Древняя средневековая культура Сурхандарьи. Ташкент, 2001.

Зеймаль Т.И., Ртвеладзе Э.В. Северный Тохаристан // Средняя Азия в раннем средневековье. Археология. М., 1999.

Ильясов Дж.Я. Терракотовые плакетки с городища Шуробкурган // МТЭ. Вып. 4. Археологические исследования Шуробкургана. Елец, 2004.

Кабанов С.К. Нахшеб на рубеже древности и средневековья (III–VII вв.) Ташкент, 1977.

Кабанов С.К. Культура сельских поселений Южного Согда III–VI вв. Ташкент, 1981.

Курбанов С.А. Археологическое изучение раннесредневековых слоев в восточной части цитадели Дальварзинтепа // Матер. полевых исслед. Узбекистанской искусствовед. экспед. (УзИСКЭ). Вып. 3. Ташкент, 1999.

Литвинский Б.А. Калаи Кафирниган (раскопки 1974 г.) // АРТ. Вып. XV (1975 г.). Душанбе, 1979.

Литвинский Б.А., Гулямова Э.Г., Зеймаль Т.И. Работы отряда по сбору материалов для составления археологической карты // АРТ. Вып. IV (1956 г.). Сталинабад, 1959.

Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И. Аджина-тепа. М., 1971.

Литвинский Б.А., Соловьев В.С. Средневековая культура Тохаристана. М., 1985.

Маслов И.А. О работе Рогунского археологического отряда в 1985 г. // АРТ. Вып. XXV (1985 г.). Душанбе, 1994.

Мешкерис В.А. Коропластика Согда. Душанбе, 1977.

Нильсен В.А. Архитектура Средней Азии V–VIII вв. Ташкент, 1966.

Ртвеладзе Э.В. Разведочное изучение бактрийских памятников на юге Узбекистана // Древняя Бактрия. Л., 1974.

Ртвеладзе Э.В. Средневековый могильник Бит-тепа в Чаганиане // СА. 1986. № 4.

Ртвеладзе Э.В. Наусы Шуробкургана // МТЭ. Вып. 4. Археологические исследования Шуробкургана. Елец, 2004.

Русанов Д.В. Архитектура, строительные конструкции и материалы раннесредневекового Дальварзинтепа // Матер. полевых исслед. Узбекистанской искусствовед. экспед. (УзИСКЭ). Вып. 1. Ташкент, 1997.

Русанов Д.В. Итоги раскопок на объекте ДТС-4 // Матер. полевых исслед. Узбекистанской искусствовед. экспед. (УзИСКЭ). Вып. 4. Ташкент, 2000.

Соловьев В.С. Раннесредневековая керамика Северного Тохаристана. Елец, 1996.

Соловьев В.С. Северный Тохаристан в раннем средневековье. Елец, 1997.

Соловьев В.С. Раскопки второго домовладения // МТЭ. Вып. 4. Археологические исследования Шуробкургана. Елец, 2004.

Litvinsky B.A. Kalai-Kafirnigan. Problems in the religion and art of early mediaeval Tokharistan // EW. 1981. V. 31.

Mizuno S. Chaqalaq Tepe. Fortified village in north Afghanistan excavated in 1964–1967. Kyoto, 1970.

Tanabe K., Yamauchi K. et al. Excavation at Dal'versin Tepa. // Bulletin of the Ancient Orient Museum,. V. XXI. Tokyo, 2000.

Archaeological study of Shurobkurgan

V. S. Solovjev

Summary

The paper is devoted to the results of archaeological excavations of the early-medieval settlement Shurobkurgan located in the South of Uzbekistan, which were carried out by the author in 2002–2005. Two houses containing a dwelling, utility rooms, a reception-room and a court were investigated. The buildings were constructed of rectangular brick, walls remained in height of 1.4–0.1 m. A significant collection of ceramics, terracotta, goods made of bronze and glass, bones and coins was found in the course of the excavations.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 3, с. 137–142

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ

КЕРАМИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ОБЛАСТИ КЕШ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОРОДИЩА ПОДАЯТАКТЕПА)

© 2006 г. А. В. Омельченко

Национальный университет Узбекистана, Ташкент

Кеш, известный в письменных источниках также как Су-Се, занимал восточную часть Южного Согда – Китабо-Шахрисабзскую котловину и прилегающие отроги Зарафшанского и Гиссарского хребтов в Кашкадарьинской области Узбекистана.

В последней трети IV в. до н.э. на территории Кашкадарьи имел место ряд важных эпизодов борьбы среднеазиатских народов с армией Александра Македонского. В поселении Наутака (Навтака) был пленен Птолемеем после ухода за Амударью бактрийский сатрап Бесс (Арриан, 1962. Кн. IV. Гл. 18, 19; Квинт Курций Руф, 1963. Кн. VII. Гл. XI). Отсюда греко-македонская армия направилась в долину Зарафшана, скорее всего через более проходимый, чем Тахтакарача, перевал Джам (Массон, 1973. С. 8). В 328/327 г. до н.э. Александр зимовал в Наутаке (Арриан, Кн. IV. Гл. 18). Место для зимовки было выбрано не случайно: область занимала центральное положение между Бактрией и Согдом, а это вполне соответствует нахождению Китабо-Шахрисабзского оазиса. Можно также заметить, что пункты, где ранее останавливался Александр, чаще всего представляли собой крупные центры, имеющие стены и возможность для размещения большого контингента войск. Таким требованиям в долине верхней Кашкадарьи отвечает городище Узункыр в Шуробсайском оазисе. Условия местности здесь были благоприятны, а сам район располагался поблизости от мест возможных восстаний и горных согдийских убежищ. Данные Арриана являются в этом отношении одними из самых надежных, так как опирались, прежде всего, на дневники современников походов Александра (История Узбекистана в источниках, 1984. С.110)[1]. Из Наутаки весной 327 г. до н.э. Александр выступил для захвата "Согдийской скалы" ("Скалы Оксиарта", у Курция Руфа – "Аримаза"), которая локализуется в северных отрогах Гиссарского хребта (Ртвеладзе, 1981. С. 96) или в верховьях р. Аксу (Шевяков, 2002. С. 123). В дальнейшем на территории, географически примыкающей к Наутаке, разворачиваются военные действия, связанные со взятием скалы Хориена в области паретаков (Арриан, Кн. IV. Гл. 21. С. 1–9). Главным аргументом в пользу локализации Наутаки по среднему и верхнему течению Кашкадарьи служат упоминания о ее окаймлении горами (Курций Руф). В то же время, судя по контексту источников, Ксениппа располагалась в низовьях Кашкадарьи, на границе со степными районами[2].

Полученные в результате работ Еркурганского отряда Института археологии АН РУз и Кашкадарьинской археолого-топографической экспедиции исторического факультета Ташкентского государственного университета материалы также позволяют выделить по течению Кашкадарьи две крупные подобласти расселения согдийцев с центрами Еркурган (Каршинский оазис) и Узункыр (Китабо-Шахрисабзский оазис), которые отождествлены соответственно с Ксениппой и Наутакой (Кабанов, 1977. С. 87; Крашенинникова, 1985. С. 533, 534; Сагдуллаев, 1987. С. 14; Ртвеладзе, 1981. С. 97, 98). Сейчас эта точка зрения принята большинством исследователей (Грене, 2002. С. 10, 11; Абдуллаев, 2002. С. 35; Рапен, Рахманов, 2002. С. 47).

Городище Подаятактепа, где были получены основные интересующие нас керамические материалы, входила в систему обороны Узункыра. После запустения основной территории Узункыра примерно в IV в. до н.э. Подаятактепа продолжает в течение 100–150 лет выполнять функцию центра Шуробсайского оазиса. Затем, так же как и ряд поселений Центрального (Коктепа) и Северного (Нуртепа, Хантепа) Согда, городище было оставлено жителями и больше не обживалось. Это делает находки из Подаятактепа очень интересными в плане изучения ранних этапов процессов взаимодействия местной и греческой культур в период после походов Александра Македонского.

Основные керамические материалы были получены в ходе археологических работ на раскопе 4 (Р-4) (рис. 1) и шурфе 5 (Ш-5), заложенных в юго-западном секторе городища. В раскопе были выявлены два строительных горизонта с сооружениями, отличающимися по своему функциональному

[1] Несколько по-иному описывает события Квинт Курций Руф (Кн. VIII. Гл. II. С. 19–33).

[2] Гипотезу о локализации Наутаки в Китабо-Шахрисабзском оазисе первыми выдвинули В. Томашек, Ф. Шварц.

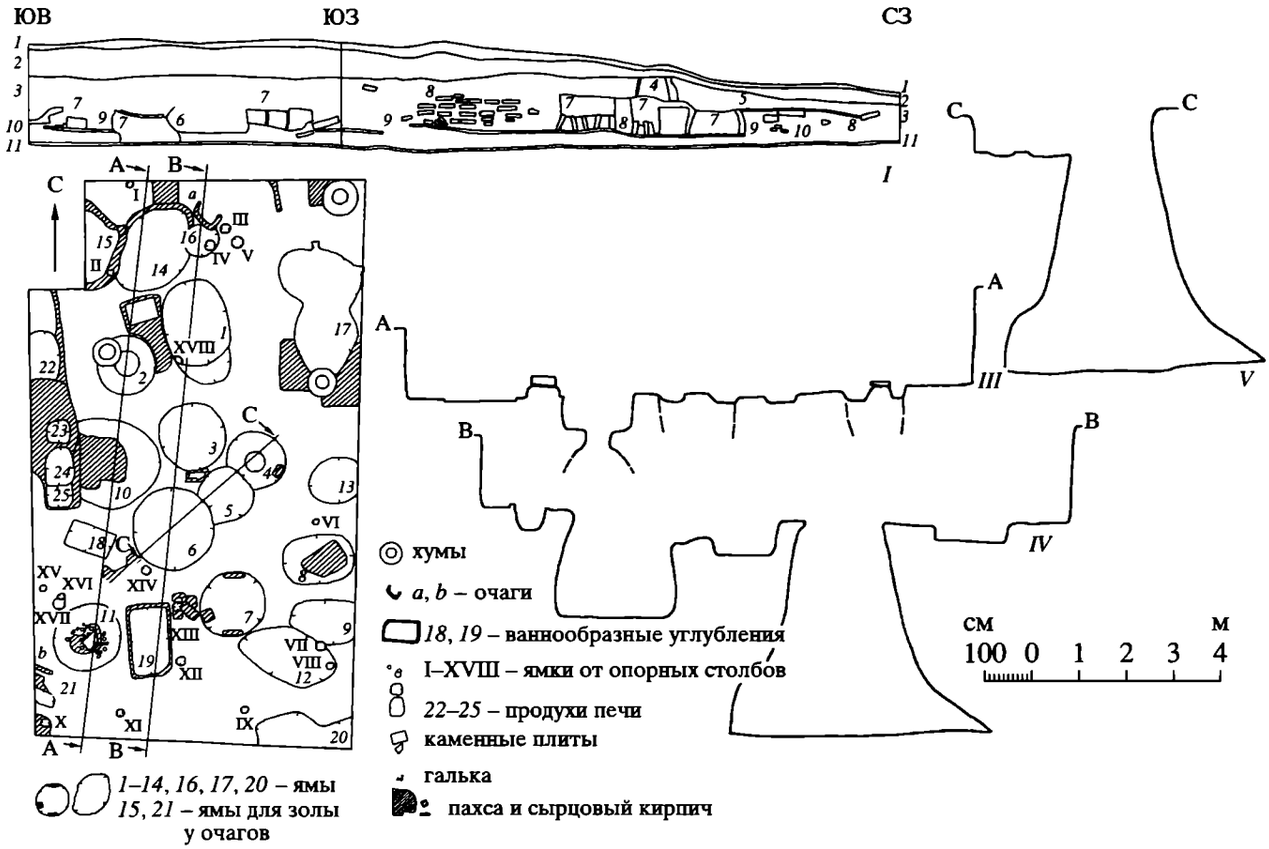


Рис. 1. Подаятактепа. Раскоп № 4. *I* – разрез: *1* – дерн; *2* – деструктурированный слой; *3* – заполнение средней плотности светло-серого цвета; *4* – прокаленные участки грунта; *5* – пол 1; *6* – яма с керамическим боем и шлаками; *7* – пахса; *8* – сырцовый кирпич; *9* – пол 2; *10* – грунт средней плотности коричневато-зеленоватого цвета; *11* – пол 3. *II* – план; *III, IV, V* – архитектурные разрезы.

назначению. В первом, более древнем, был открыт комплекс, связанный с хранением и переработкой зерна (сочетание легких каркасных конструкций и полуземлянок, использование квадратного сырца в качестве вспомогательного материала); во втором – обнаружены свидетельства керамического производства (печь, возможно, для предварительной просушки керамики, массивная стена из сырцового кирпича крупного формата).

Отметим, что на Р-4 в нижнем заполнении ямы № 6 был получен керамический комплекс (рис. 2Н), хронологически предшествующий материалам строительного горизонта I (рис. 2G), рассматриваемого нами как раннеэллинистический. Между комплексами наблюдается определенная преемственность, например в технологии производства: для изготовления тарной посуды используется круг медленного вращения (рельефность стенок), черепок сосудов в обоих случаях имеет плотный светло-красный (оранжеватый) цвет и несет добавки мелкодробленого известняка, реже песка.

Материалы II строительного горизонта Р-4 дополняет комплекс посуды из Ш-5. Различия назначения сооружений в I и II строительных горизонтах Р-4 определили и характер керамических наборов. В нижнем – значительно преобладала тарная посуда (хумы объемом 300–350 л, крупные хумчи и кувшины), в верхнем – больше было столовой керамики. Значительный процент (до 15) в нижнем горизонте составляли лепные формы.

Характерными приемами при изготовлении крупных сосудов I строительного горизонта Подаятактепа так же, как и в других областях Средней Азии, являлись использование для лепки их нижних частей специальных форм с прочерченными внутри пальцем знаками-углублениями, в результате чего на днищах оставались рельефные выступы, похожие на цифры "лежащую" 1, 4 и т.д. (рис. 2G, *26*), а также применение подсыпки песка под днище. На формовку крупных сосудов частями указывают и заметные иногда в изломе черепка следы стыка или расслоения. В целом круговая керамика высококачественная, черепок плотный. Ряд станковых форм этого горизонта демонстрирует дальнейшую эволюцию древних типов керамики юга и центральных районов Средней Азии. Кубки с прямыми или слегка расходящимися бортами и кубки полусферической формы становятся более тонкостенными (рис. 2G, *1, 2, 3*), хумчи и кувшины с профилем венчика, близким клювовидному, – более раздутыми (рис. 2G, *25*), манжетовидные венчики хумов с прямыми стенками приобретают округлые очертания и выступающий наружу приостренный край (рис. 2G, *31*). Завершение раз-

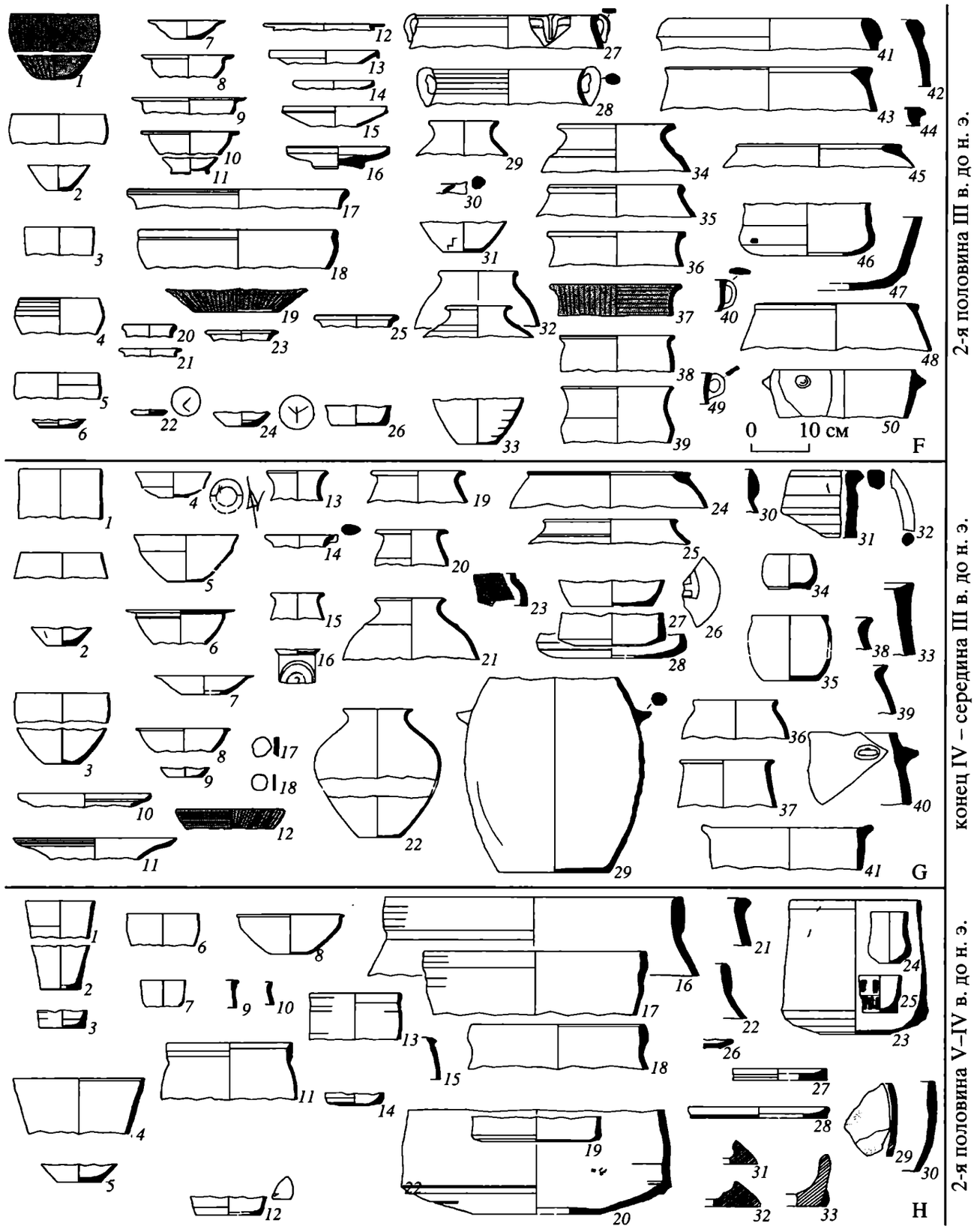


Рис. 2. Керамика городища Подаятактепа.

вития манжета у банкообразных сосудов, по-видимому, демонстрирует "пламевидный" венчик одной из хумчей (рис. 2G, *30*); уступ при переходе ко дну у тарной керамики становится менее выраженным, иногда ступенчатым; края площадки – полоса шириной до 1.5 см, образованная в результате подрезки ножом ребра, – округляются (рис. 2G, *27, 28*).

В еще большей степени преемственность с древними формами демонстрирует лепная керамика I горизонта, что объясняется традиционностью

домашнего гончарства. Некоторые сосуды повторяют станковые формы, (например, с Г-образным венчиком). Ряд аналогий этой керамике уводит не только в долины Зарафшана и Амударьи, но также и в далекую северо-восточную периферию – в оазисы Ташкента и Ферганы, что, по-видимому, отражает процессы синтеза южных и северных культурных традиций на территории Согда в конце II–I тыс. до н.э. В долине Кашкадарьи наибольшее сходство с лепной посудой Подаятактепа наблюдается в комплексах Турткультепа в южной и Чиракчинского поселения в центральной частях долины, а также Курганчатепа и Еркургана на западе области. Котлы имеют ручки-налепы в виде жгутов или шишечек (рис. 2G, *40, 41*); отсутствуют характерные для более раннего периода ручки типа полумесяца (Исамиддинов, Сулейманов, 1984. С. 38). В комплексе представлены также толстостенные тагора и тонкостенные горшки с сильно отогнутым венчиком с широкой скошенной внутрь площадкой, приостренной к краю или отогнутой (рис. 2G, *38, 39*), – характерные сосуды, известные с X–IX вв. (Шайдуллаев, 2000. Рис. 20, *4, 6, 7*) и до IV–III вв. до н.э. В этот хронологический промежуток бытовали и полусферические чаши со слегка склоненным внутрь венчиком. У донца одной из них есть слабо выраженный кольцевой выем (рис. 2G, *34*). Из других форм можно выделить горшки с Г-образно отогнутым приостренным (рис. 2G, *37*) и Т-образным венчиком (рис. 2G, *35*) с пологими плечиками или более раздутыми боками. Внутри одного фрагмента горшка были отпечатки ткани полотняного плетения.

Необходимо подчеркнуть значительное сходство ряда, прежде всего, лепных форм с керамикой сакских поселений и стоянок в основном Хорезма (Вайнберг, 1979. Табл. VII, *6*; VIII, *11, 18, 19*; XIVa, *8*). По-видимому, это служит еще одним свидетельством в пользу существования тесных контактов земледельческого и скотоводческого населения, зафиксированных, в частности, источниками периода походов Александра Македонского.

Резкие изменения в керамическом комплексе I строительного горизонта, по сравнению с предшествующим, происходят прежде всего в наборе столовых форм: появляются чаши с резко оттянутым наружу венчиком (рис. 2G, *6, 7, 8*); с загнутым внутрь краем венчика (рис. 2G, *12*); с расходящимися краями и ступенчатым перегибом в верхней трети (рис. 2G: *4, 5*). Последние находят близкие параллели в одном из типов чаш ахеменидского времени Закавказья, повторяющим металлические сосуды древневосточного происхождения (Тирацян, 1964. С. 67, 68). Распространены горшочки с отогнутым наружу утолщенным венчиком, хумчи с "килевидным" (подтреугольным направленным внутрь) в сечении венчиком (рис. 2G, *24*). Появляются еще достаточно грубо сделанные, в сечении овальные или близкие к кругу, ручки; стенки некоторых чаш, кувшинов и хумчей имели характерные валикообразные выступы "под металл" (рис. 2G, *6, 20, 21, 25*). Из технических приемов новшествами являются покрытие, хотя и редкое, поверхности сосудов темным красно-коричневым ангобом и лощением, а также наличие на одном из фрагментов кольцевого выреза от штампа (рис. 2G, *12, 23*).

В верхнем (II) строительном горизонте Р-4 и Ш-5 (рис. 2F) при сохранении характерного для предыдущего этапа набора форм происходит их дальнейшее развитие. Шире используются ангобное покрытие и лощение. Стенки кубков становятся более округлыми и тонкими, иногда снаружи покрываются плотным вертикальным лощением (рис. 2F, *1, 2, 3*); у чаш выражен кольцевой поддон. Резко отогнутые венчики кувшинов приобретают более округлый вид, а у некоторых (рис. 2F, *38*), как и у ряда хумчей, профилируются желобком. Форма хумов приближается к бочковидной, их венчики становятся овальными или сохраняют характерный приостренный выступ. Новые формы представлены полусферическими кубками с наружным рифлением стенок (рис. 2F, *4*), "рыбными блюдами" (с отогнутым вниз или вверх краем венчика и "солонкой" – кольцевым выступом внутри) (рис. 2F, *13, 16*), тагора (глубокие миски) со слегка утолщенным венчиком, отделенным от конического или округлого тулова небольшим желобком (рис. 2F, *18*), крупными двуручными амфоровидными сосудами с широким устьем и "фасолевидными" в сечении ручками (рис. 2F, *27, 28*).

Отметим распространение (в более поздних комплексах это встречается значительно реже) нанесения до обжига на стенки и донца посуды неорнаментальных прочерченных линий разной длины. Среди них можно выделить два типа: простые риски, чаще всего по 1–2–3–4, и более сложные рисунки: "дерево", "ступенька", "стрелка", "фи" (рис. 2G, *4*), "дельта" (?) и др. Первый тип, за исключением одного случая, встречается на тарной керамике и в I строительном горизонте, второй – на столовой и в основном во II горизонте. Можно предположить, что простые риски могли означать или объем, или принадлежность к какому-нибудь подразделению хозяйства. В свою очередь, более сложные граффити, скорее всего, являлись меткой мастера или были посвятительными ("фи" – "филос" – "другу") (Масленников, 1987. С. 51. Рис. 2, *111*; Беттгер, 1981. С. 207).

Весь комплекс изменений в керамике Подаятактепа, несомненно, свидетельствует об инокультурных импульсах, связанных с воздействием новой керамической традиции, что отмечалось для данного хронологического этапа исследователями соседних областей Средней Азии (Шишкина, 1975. С. 69; К исторической топографии..., С. 57; Абдуллаев, 2001. С. 80; Исамиддинов, 2002. С. 158). Для гончарства раннеэллинистического времени ха-

рактерно развитие новой техники в обработке поверхности сосудов и возникновение новых форм, что определялось широким использованием лекал, круга и печей более совершенной конструкции. В то же время, на наш взгляд, применительно к материалам городища нельзя говорить об отсутствии связей с гончарством предшествующего периода (Седов, 1983. С. 78). Ряд форм прямо восходит к более древним, хотя и выделан с применением более совершенных технических приемов. (Интересный момент – некоторые из них, например блюда с широко раскинутыми бортами (рис. 2G, *10, 11*) или тарелки с отогнутым вверх венчиком (рис. 2F, *14, 15*), распространение которых рассматривается часто как следствие влияния эллинистической керамической традиции, характерны больше для бактрийских комплексов до(?)- и ахеменидского времени.) (Ср.: Сагдуллаев, 1987. Рис. 24, *10, 16*; Ширинов, Шайдуллаев, 1988. Рис. 5).

Как и в материалах Афрасиаба, в I горизонте Подаятактепа инокультурное влияние не столь заметно. Однако на II этапе оно нарастает, о чем свидетельствует облик некоторых сосудов, находящих аналогии в керамике прежде всего малоазийского производства, известной также по импорту в греческие города Северного Причерноморья. Повидимому, появление новых форм было связано и с наличием в восточных районах Южного Согда какого-то количества греческих или "эллинизированных" переселенцев, бывших заказчиками привычной для них посуды, или, возможно, самими мастерами. В пользу последнего предположения говорит граффити, тождественное известным по раскопкам северо-понтийских поселений характерного для IV–III вв. до н.э. написания (Толстой, 1953. С. 39). По аналогиям с комплексами Афрасиаб IIб и Джигатепа греко-бактрийского времени первого этапа, для которых ярким признаком является распространение "рыбных блюд", материалы верхнего строительного горизонта Р-4 Подаятактепа можно датировать второй половиной III в. до н.э., а нижнего – концом IV – серединой III в. до н.э.[3].

В целом, керамика, полученная из двух верхних строительных горизонтов Подаятактепа, имеет сходство с посудой Еркургана (ЕК-5) (Сулейманов, 2000. Рис. 96, 97), Афрасиаба IIа и IIб (К исторической топографии..., 1981. Рис. 17, 21; Шишкина, 1974. Рис. 5; Лионе, 2000. Рис. 1 и др.), Кумышкенттепа (Пугаченкова, Беляева, 1987. Рис. 4, *5*), Нуртепа (Негматов, Беляева, 1988. Рис. 2–4), Ромиштепа (Сулейманов, Ураков, 1977. С. 58), нижних слоев Кампыртепа (последняя датировка которых подтверждается находками монет Антиоха I) (Ртвеладзе, 2003. С. 153–157; Восковский, 2003. С. 51–53), Термеза (Пидаев, 1991. Рис. 1, 2), Дальверзинтепа (Дальверзинтепе – кушанский..., 1978. Рис. 58), Гиссарской крепости (Зеймаль, Зеймаль, 1988. Рис. 1, 2), Айханума (Layonet, 1997. Fig. 40–46), Джигатепа (Пидаев, 1984. Рис. 1, *2*), Дильберджина (Кругликова, 1986. Рис. 21, 25), Мерва (Рутковская, 1958. Рис. 1, 2), Капыр-калы (Пилипко, 1990. Рис. 6), Коша-депе (Пилипко, 1980. Рис. 3–6). Значительная близость керамических комплексов этого периода южных и центральных районов Средней Азии объясняется сходством протекавших в регионе культурных процессов, а также, повидимому, отражает силу эллинистической традиции, заложенной в период существования империи Александра и в большей степени при первых Селевкидах.

[3] В пользу предложенной датировки говорят и сходство керамики Подаятактепа с посудой, выявленной раскопками на таких интересных, недавно исследованных пунктах, как Коктепа в Самаркандском Согде, Курганзол и Душанбинское городище на правобережье Амударьи (Исамиддинов, 2002. Рис. 127 и сл.; Сверчков, 2005. Рис. 6–19; Абдуллаев, 2005. Рис. 5–8).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абдуллаев А.Л. Душанбинское городище в античный период (раскопки 2001–2003 гг.) // АРТ. Вып. XXX. Душанбе, 2005.

Абдуллаев К. Аск из Паенкургана. К вопросу о греческих формах в керамике Бактрии // ИМКУ. 2001. Вып. 32.

Абдуллаев К. Кеш, Нахшаб и "Гава, где живут согдийцы" (к вопросу о локализации легендарной Гавы) // Шахрисабз шахрининг жахон тарихида тутган урни. Тез. докл. Междунар. конф. Ташкент, 2002.

Арриан. Походы Александра. М.; Л., 1962 (пер. М.Е. Сергеенко).

Беттгер Б. Амфоры с надписями из Танаиса // СА. 1981. № 4.

Вайнберг Б.И. Памятники куюсайской культуры // Кочевники на границах Хорезма. Тр. ХАЭЭ. 1979.

Восковский А. Комплекс керамических сосудов из нижнего слоя городища Кампыртепа // Центральная Азия. Источники, история, культура. Тез. докл. конф., посвящ. 80-летию Е.А. Давидович и Б.А. Литвинского. М., 2003.

Грене Ф. Заметки о топонимике Наутака // Шахрисабз шахрининг жахон тарихида тутган урни. Тез. докл. междунар. конф. Ташкент, 2002.

Дальверзинтепе – кушанский город на юге Узбекистана // Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В., Тургунов Б.А. и др. Ташкент, 1978.

Зеймаль Т.И., Зеймаль Е.В. Археологические работы в Гиссаре в 1981 г. // АРТ – 1981. 1988. Вып. XXI.

История Узбекистана в источниках. Ташкент, 1984.

Исамиддинов М.Х. История городской культуры Самаркандского Согда. Ташкент, 2002.

Исамиддинов М.Х., Сулейманов Р.Х. Еркурган (стратиграфия и периодизация). Ташкент, 1984.

Кабанов С.К. Нахшеб на рубеже древности и средневековья (III–VII вв.). Ташкент, 1977.

Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. Сохранившиеся книги. М., 1963.

Кругликова И.Т. Дильберджин. М., 1986.

К исторической топографии древнего и средневекового Самарканда. Ташкент, 1981.

Крашенинникова Н.И. Раскопки в Китабском районе // АО–1983. 1985.

Лионе Б. Греческая оккупация Согдианы. Результаты сравнительного анализа керамики Афрасиаба и Ай-Ханума // Средняя Азия. Археология. История. Культура. Матер. Междунар. конф., посвящ. 50-летию научн. деятельности Г.В. Шишкиной. М., 2000.

Массон М.Е. Столичные города в области низовьев Кашкадарьи с древнейших времен. Ташкент, 1973.

Масленников А.А. Граффити и дипинти с мыса Зюк // Памятники античной археологии. КСИА. 1987. № 191.

Негматов Н.Н., Беляева Т.В. Исследование Нуртепа в 1981 г. // АРТ – 1981. Вып. XXI. 1988.

Пидаев Ш.Р. Керамика Джига-тепе (из раскопок 1976 г.) // Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции. М., Вып. 3. 1984.

Пидаев Ш.Р. Керамика греко-бактрийского времени с городища Старого Термеза // СА. 1991. № 1.

Пилипко В.Н. Парфянский слой поселения Коша-депе у Баба-Дурмаза // СА. 1980. № 4.

Пилипко В.Н. Раннеантичное поселение Капыр-Кала у Каушута // Древняя и средневековая археология Средней Азии (к проблеме истории культуры). Ташкент, 1990.

Пугаченкова Г.А., Беляева Т.В. К стратиграфии Кумышкенттепе // СА. 1987. № 4.

Рапэн Кл., Рахманов Ш. Александр Македонский у Железных ворот в Согдиане // Шахрисабз шахрининг жахон тарихида тутган урни. Тез. докл. Междунар. конф. Ташкент, 2002.

Ртвеладзе Э.В. Ксениппа-Паретака // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М., 1981.

Ртвеладзе Э.В. Нижний культурный слой Кампыртепа последней трети IV в. до н.э. // Археологические исследования в Узбекистане 2002 года. Самарканд, 2003.

Рутковская Л.М. Парфянская керамика Древнего Мерва // СА. 1958. № 3.

Сагдуллаев А.С. Памятники материальной культуры Южного Согда эпохи раннего железа (некоторые итоги исследований в 1976–1986 гг.) // Культура юга Узбекистана в древности и средневековье. Сб. науч. тр. ТашГУ. Ташкент, 1987.

Сагдуллаев А.С. Усадьбы Древней Бактрии. Ташкент, 1987.

Сверчков Л.М. Эллинистическая крепость Курганзол // Материалы по античной культуре Узбекистана (К 70-летию Г.А. Кошеленко). Самарканд, 2005.

Седов А.В. Археологический комплекс Бактрии-Тохаристана (VII в. до н.э. – V в. н.э.) // Бактрия-Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. Тез. докл., посвящ. 10-летию Южнотаджикской археол. экспед. М., 1983.

Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб. Проблемы цивилизации Узбекистана VII в. до н.э. – VII в. н.э. Ташкент; Самарканд, 2000.

Сулейманов Р.Х., Ураков Б. Результаты предварительного исследования античного городища селения Рамиш // ИМКУ. 1977. Вып. 13.

Тирацян Г.А. Некоторые черты материальной культуры Армении и Закавказья V–IV вв. до н.э. // СА. 1964. № 3.

Толстой И.И. Греческие граффити городов Северного Причерноморья. М.; Л., 1953.

Шайдуллаев Ш.Б. Северная Бактрия в эпоху РЖВ. Самарканд, 2000.

Шевяков А. О географической локализации "Скалы Аримаза" // Урта Осиё археологияси ва маданияти. Тез. докл. науч. конф., посвящ. 60-летию акад. Э.В. Ртвеладзе. Ташкент, 2002.

Ширинов Т., Шайдуллаев Ш. К вопросу о хронологической периодизации Кучуктепа // ИМКУ. 1988.

Шишкина Г.В. Керамика конца IV–II в. до н.э. (Афрасиаб II) // Афрасиаб. Вып. 3. Ташкент, 1974.

Шишкина Г.В. Эллинистическая керамика Афрасиаба // СА. 1975. № 2.

Layonet B. Ceramique et peuplement du Chlcoletique la conquete arabe // Prospectious Archeologiques en Bactriane Orientale (1974–1978). V. 2. Paris, 1997.

Ceramic complexes of the Hellenistic time in the Kesh region (finds from the Podayataktep site)

A. V. Omel'chenko

Summary

The article is devoted to the investigation of ceramics discovered in the course of excavations at Podayataktep, which is a part of a defense system of Uzunkyr – the site of ancient settlement identified at present with the old capital of the Nautaka region. This region is mentioned in the sources describing the actions of the army of Alexander the Great in Central Asia in 329–327 BC.

For the first of the unsealed horizons a succession to ceramics of the Akhemenid period is marked, first of all for, a box crockery and a cooking moulded battery. The latter also has parallels in the materials of cattle-breeding cultures of the central and the north-eastern regions. At the same time one observes significant changes in tables sets, which are connected with the influence of the Hellenistic (in a comprehensive sense) ceramic tradition.

Judging from the materials of the following Podayataktep's horizon, at a later time the influence of the foreign culture increased. It is attested to by the appearance of some vessels, which have parallels, for example, in the Asia Minor ceramic production. Evidently, the innovations were also connected with the presence of Greek or "Hellenized" migrants in the eastern regions of southern Sogdiana, not only in Bactria but also in the regions to the north of the Amudarya.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 3, с. 143–153

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ

ТЕРРАКОТОВАЯ ПЛАСТИКА ДРЕВНЕЙ БАКТРИИ III–I ВВ. ДО Н.Э.

© 2006 г. Н. Д. Двуреченская
Институт археологии РАН, Москва

Одной из важнейших задач в изучении терракотовой пластики Средней Азии на сегодняшний день представляется введение этой категории находок в разряд полноценного археологического источника. Парадоксально, но, несмотря на свое происхождение из археологических раскопок, изделия терракотовой пластики, как правило, уже в первичных публикациях теряют свой археологический контекст или, в лучшем случае, сохраняют его минимум. Это объясняется сложившимся стойким стереотипом в методах и подходах к изучению этого материала, как источника по изобразительному искусству и религии. Для исследования иконографии и интерпретации образов археологический контекст находки изделия не играет важной роли, вследствие чего мы имеем на сегодня ситуацию, когда массовый археологический материал не исследуется в полной мере как таковой. Традиционно наиболее интересные с точки зрения иконографии виды изделий рассматривались совокупно с изделиями изобразительного искусства, а все остальные либо в контексте керамического комплекса, либо в контексте индивидуальных находок. Сегодня мы имеем массу аналитических работ, посвященных исследованию отдельных видов терракотовой пластики. На наш взгляд, назрела необходимость перейти от частных вопросов к постановке общих проблем терракотовой пластики, как явления материальной культуры. В первую очередь к таким вопросам относятся генезис, формирование школ, хронология. В связи с этим, совокупное рассмотрение всех видов терракотовой пластики становится принципиальным условием.

В данной статье предлагается первый опыт по исследованию изделий терракотовой пластики с попыткой анализа их археологического контекста, установления взаимосвязей отдельных изделий с археологическими комплексами и статистической обработкой полученных данных.

Объектом исследования избрана терракотовая пластика Бактрии III–I вв. до н.э. Наиболее перспективным для решения поставленной задачи представляется рассмотрение материала, происходящего только из стратифицированных археологических слоев, а также рассмотрение в совокупности всех видов изделий терракотовой пластики, как явления, имеющего общую природу. Выбор хронологических рамок предлагаемого исследования продиктован рядом причин. Во-первых, состояние изученности археологических комплексов греко-бактрийского периода и периода до образования кушанского государства (кушано-юэджийского) сегодня не позволяет четко разграничить материальную культуру этих двух исторических эпох (Седов, 1984. С.171–178). Во-вторых, малочисленность, с точки зрения представительности статистической выборки, материалов греко-бактрийского времени[1] заставляет привлекать материалы более широкого хронологического периода. В-третьих, расширение хронологических рамок позволяет выявить динамику развития этого вида материальной культуры. В-четвертых, на территории Бактрии с конца эпохи бронзы и до III в. до н.э. изделия терракотовой пластики не известны. Таким образом, мы обращаемся к началу некоего культурного явления, которое отражается в различных по функциональному назначению предметах материальной культуры.

На территории Северной Бактрии нам известны всего шесть археологических памятников, где были найдены изделия терракотовой пластики в стратиграфических слоях, относимых авторами к греко-бактрийскому и юэчжийскому времени. К ним относятся: Дальверзинтепа, Халчаян, Кампыртепа, Старый Термез, Кей-Кобад-Шах, Саксанохур. Отметим, что на всех этих памятниках слои рассматриваемого времени исследованы на небольших площадях, чаще всего в шурфах. Вследствие чего археологический материал немногочислен и характеризуется в основном керамическими комплексами.

Анализ каталога археологических памятников, расположенных на территории современного северного Афганистана позволил выявить степень их изученности (Ball, 1982. Tab. I, II, III. P. 61–63). Так, из более чем восьмидесяти южно-бактрийских памятников, на которых были зафиксированы слои эпохи селевкидов и Греко-Бактрии, лишь шесть раскапывались (Ай-Ханум, Емши-тепа, Жига-тепе, Чакалактепа, Шахри Бону, Шортугай) и на двух проводилось зондирование (Балх, Кундуз

[1] Вследствие их труднодоступности (значительная часть слоев этого времени погребена под многометровыми толщами поздних напластований).

Бола Хисар)[2]. Терракотовая пластика рассматриваемого времени была обнаружена лишь на двух памятниках – Ай-Ханум и Шортугай. Однако в результате масштабных археологических работ только на одном Ай-Ханум был получен колоссальный материал греко-бактрийского периода. Он побудил исследователей к сопоставлению различных бактрийских комплексов с айханумскими. Так, вычленению керамических комплексов айханумского типа на памятниках Северной Бактрии была посвящена работа А.В. Седова (1984. С. 171, 172). Позднее богатый керамический комплекс греко-бактрийского времени, полученный из шурфа на цитадели Старого Термеза, был сопоставлен с айханумским комплексом Ш.Р. Пидаевым (1991. С. 211, 212, 223). Сравнительному анализу керамики Ай-Ханум и Афрасиаба была посвящена работа Б. Лионе (2000. С. 75–80). В последнее время на базе айханумского керамического комплекса была вычленена раннеэллинистическая керамика Маргианы, входившей в состав Греко-Бактрии (Гаибов, 2004. С. 600–608). Терракотовая пластика Северной Бактрии также была сопоставлена с айханумской В.А. Мешкерис (1991). В предложенной ею периодизации коропластики Бактрии-Тохаристана выделен греко-бактрийский комплекс. В него были включены изделия из кости из Ай-Ханум, Халчаяна, Старого Термеза и терракотовые статуэтки из Ай-Ханум и Кампыртепа. Основания выделения именно этой группы изделий автор находит в единых иконографических истоках передневосточного эллинизма (Мешкерис, 1991. С. 57–62). Развитие основных положений этой работы было представлено позднее в тезисах "Методические основы комплексного изучения терракот Бактрии-Тохаристана" (Мешкерис, 1998. С. 57–62). Развернутая критика предложенной методики представлена в работе Н.Д. Двуреченской (2005. С. 222, 223). Фактического и последовательного вычленения изделий по стратиграфическим данным автором не проводилось. Некоторые виды изделий терракотовой пластики Ай-Ханум были рассмотрены и сопоставлены с северо-бактрийскими материалами, в основном более позднего времени, также на базе иконографического анализа К. Абдуллаевым (1996. С. 55–65). На основе сравнительного анализа с материалами Ай-Ханум были выявлены терракотовые статуэтки эллинистического периода Маргианы (Кошеленко, Новиков, 1999. С. 54–64).

Таким образом, терракотовая пластика Бактрии III–I вв. до н.э. в предшествующих работах не анализировалась через призму стратиграфических данных и контекста сопутствующего археологического комплекса.

Анализ археологического контекста, на основе полученных за последние 20 лет материалов (Седов, 1984. С. 33–36; Пидаев, 1991. С. 210–224; Ртвеладзе, Болелов, 2000. С. 99–104; Гаибов, 2004. С. 600–608) позволил отнести к III–I вв. до н.э. 17 изделий из северо-бактрийских памятников.

Дальверзинтепе – одна статуэтка из слоя Дт II б, найденная в доме Дт-2 в шурфе под пом. 9. Слой – Дт II б авторы относят к I в. до н.э. (Тургунов, Пугаченкова, 1978. С. 66–69. Илл. 112, *4*; Исхакова, Исхаков, 1978. С. 161, 162. Рис. 113, *4*).

Халчаян – три статуэтки происходят из Дворца (Ханакатепе) из слоя III–IV, датируемого автором II-I вв. до н.э. (Пугаченкова, 1966. С. 42–45. Рис. 19; 103, *1*; 108; 109); одна статуэтка из Западного дома (X-2) из слоя III периода, датируемого автором также II–I вв. до н.э. (Пугаченкова, 1966. С. 92. Рис. 103, *3*). Анализ керамических комплексов из слоя III–IV дворца и из слоя III периода западного дома позволил датировать их не ранее I в. до н.э.

Саксонохур – четыре статуэтки из нижнего горизонта керамической мастерской Саксонохура были датированы автором III–II вв. до н.э. (Мухитдинов, 1973а. С. 18; б. С. 99–100). Однако керамический комплекс этого горизонта не опубликован, поэтому материал взят на основании датировки М.Х. Мухитдинова.

Старый Термез – две статуэтки из слоя I, XIV яруса, датируемого авторами греко-бактрийским временем (Козловский, Некрасова, 1976. С. 31).

Кампыртепа – две статуэтки происходят с цитадели, пом. 93, с уровня четвертого пола, датируемого II в. до н.э.; одна с цитадели пом. 72 из слоя, датируемого III–II вв. до н.э.; одна статуэтка с цитадели, пом. 94, из слоя докушанского времени; три статуэтки из цитадели с пом. 5, с девятого сверху пола, датируемого II–I вв. до н.э. (Курбанов, 2000. С. 43, 51, 54, 55, 60, 61).

Материалы Кей-Кобад-шаха, датированные III–II вв. до н.э. (Мандельштам, Певзнер, 1958. С. 304, 305. Рис. 12–14), были исключены, как относящиеся к более позднему периоду. Керамический комплекс, сопровождавший изделия терракотовой пластики, неоднороден и содержит в основном формы кушанского периода.

Из южно-бактрийских памятников происходит 66 изделий.

Материалы Ай-Ханум были взяты целиком[3]. Двадцать четыре изделия происходят из Храма с нишами (Francfort, 1984. P. 39–45. Pl. XVI–XVIII. Pl. 18, *20*); сорок изделий со всей остальной территории памятника (Gullaume, Rougelle, 1987. P. 60–

[2] Зондажи, заложенные на территории столицы Бактрии – Балхе и его цитадели Бола Хисаре, не дали надежно датированных изделий рассматриваемого времени и не были включены в базу данных (Gardin, 1957. P. 54–63).

[3] На основании работ, затрагивающих вопросы хронологии последних периодов постгреческого обживания Ай-Ханум, которые установили, что эти периоды не выходят за пределы II в. до н.э. (Rapin, 1992; Лионе, 2000. С. 75).

65, Pl. I. *1, 2*, Pl. 19, *1–11*, Pl. 20; Pl. XVI, *1–13*, Pl. XVII, *1–25*; Lyonnet, 1997. P. 147. Pl. IV, *11*).

Шортугай – две статуэтки происходят из стратиграфического раскопа – шурфа А, 7-го уровня, помещения 1, в 4 слое, датированном по стратиграфии эллинистическим (ранним греко-бактрийским) временем. В целом архитектурные приемы, керамический комплекс и набор индивидуальных находок 7-го уровня аналогичны айханумским периода последнего слоя (Francfort, Pottier. 1978. P. 34, 35. Fig. 34, *b, c*).

Выборка изделий терракотовой пластики Бактрии греко-бактрийского и юэчжийского периодов, полученная нами по анализу существующей литературы[4], включенная в базу данных, составила всего 83 предмета. С точки зрения представительности статистической выборки мы имеем объем, близкий к минимально необходимому. Вследствие чего необходимо подчеркнуть, что полученные ниже выводы следует рассматривать как предварительные.

При анализе выбранного материала учитывался ряд показателей, который включался в базу данных. Основные показатели по каждому отдельно взятому изделию, разбиваются на четыре группы. Каждый из показателей одной группы последовательно конкретизирует информацию об изделии.

1. Показатели функционального назначения: самостоятельные изделия (статуэтки, плитки с рельефом, маски, протомы и матрицы для их изготовления); несамостоятельные: декор на керамике (зооморфные ручки, налепы и штампы); фигурные сосуды (в том числе ритоны); курильницы и т.д.

2. Технолого-параметрические показатели: технология изготовления (основные и дополнительные приемы в производстве); размеры, в том числе реконструируемые.

3. Показатели археологического контекста: ирригационный район, памятник, его типология (город, село), архитектурный объект, функциональное назначение конкретного места находки (помещение жилое, хозяйственное и т.д.); археологический комплекс, в том числе керамический, к которому относится рассматриваемый объект терракотовой пластики.

4. Иконографо-стилистические показатели образов: а) иконографический образ (антропоморфный, зооморфный, всадники, мифологический, абстрактный, растительный и т.д.); конкретизация образа (например, женский, кабан, диморфное существо, свастика, листочек и т.д.); б) стиль изображения устанавливается по соотношению ряда показателей, что будет подробно рассмотрено ниже. Всего выделено четыре стиля: эллинистический, эллинизированный, автохтонный и примитивный.

[4] Двуреченская, 2005.

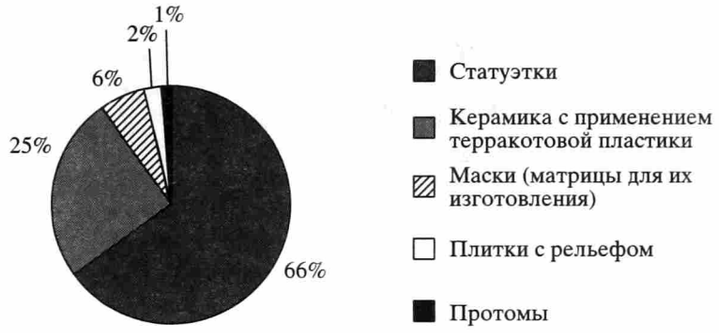


Рис. 1. Диаграмма 1. Процентное соотношение видов терракотовой пластики Бактрии в III–I вв. до н.э.

Анализ первой группы показателей позволил выделить в бактрийской пластике III–I вв. до н.э. пять видов изделий терракотовой пластики, различающихся по функциональному назначению (рис. 1).

Среди изделий самостоятельного значения: 1) статуэтки и матрицы для их изготовления – 66%; 2) маски (матрицы для их изготовления) – 6%; 3) протомы (матрица для их изготовления) – 1%; 4) терракотовые плитки с рельефными изображениями – 2%.

К несамостоятельным видам относится: 5) терракотовая пластика на керамике – 25%; из них 22.6% – это налепы, штампы-эмблематы на стенках сосудов, фигурные пластически оформленные ручки сосудов; 2.4% – фигурные сосуды – ритоны.

Необходимо отметить, что на Ай-Ханум присутствуют изделия, относимые ко всем пяти видам, а на всех рассматриваемых северо-бактрийских памятниках представлено всего по два вида изделий. Здесь важно напомнить, что наиболее ранний, а именно греко-бактрийский период представлен в основном изделиями из Ай-Ханум и Шортугай, а изделия северо-бактрийских памятников относятся, за небольшим исключением, ко времени I в. до н.э. Характерно, что такие виды, как протомы и маски, не получат в дальнейшем широкого распространения в Средней Азии и нигде кроме Ай-Ханум, не представлены[5]. Таким образом, анализ видового состава терракотовой пластики фиксирует в Бактрии III–II вв. до н.э. наличие набора видов изделий терракотовой пластики, характерного для греческой культуры. Этот набор изменяется в постгреческий период (I в. до н.э.), утрачивается часть видов изделий (в частности, протомы и маски). Остается тот минимум видов – статуэтки, плитки с рельефами и керамика с применением терракотовой пластики, который не только сохраняется, но и эволюционирует в дальнейшем.

[5] Исключение составляют вещи, относимые к импорту, в частности керамическая матрица маски из Старой Нисы (Пилипко, 2001. С. 314. Рис. 223); мраморная маска из Шахри-Гульгуля (Тургунов, 1976. С. 103. Рис. 1) и гипсовая маска из Топрак-калы (Ставиский, 1979. Рис.142).

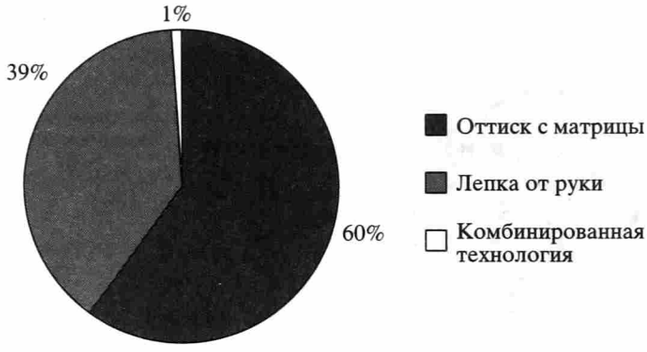


Рис. 2. Диаграмма 2. Процентное соотношение основных технологических приемов в изготовлении терракотовой пластики Бактрии III–I вв. до н.э.

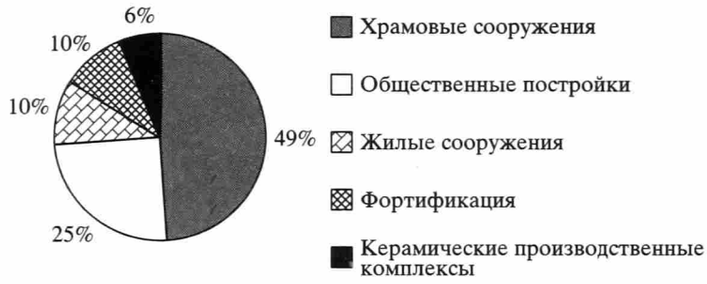


Рис. 3. Диаграмма 3. Процентное соотношение мест нахождений терракотовой пластики Бактрии III–I вв. до н.э.

Анализ показателей 2-й группы, а именно технологии изготовления перечисленных видов изделий, позволил установить, что 60% изделий изготовлено при помощи оттиска в матрице; 39% изделий изготовлено ручной лепкой; 1% изделий изготовлен в комбинированной технике (рис. 2).

Характерно, что такое соотношение в использовании различных технологий будет сохраняться и в последующие хронологические этапы.

Эти данные позволяют связывать возрождение терракотовой пластики в различных видах изделий на бактрийской земле с появлением новой технологии – технологии с применением матриц, позволяющей массовое тиражирование произведений изобразительного искусства. Исследователи Ай-Ханум, в частности Г.Р. Франкфор, считают, что новая технология имела революционный характер в решении важнейшей производственной задачи того времени – удовлетворения растущего спроса на зрительные образы. Эта технология была принесена греками, и именно в этот период мелкая пластика в самых разных материалах принимает невиданный размах (Francfort, 1984. С. 123, 124).

Анализ показателей археологического контекста позволил установить, что в Бактрии III–I вв. до н.э. терракотовая пластика фиксируется в основном в крупных городских центрах – Ай-Ханум, Дальверзинтепа, Халчаян, Старый Термез, а также в крепости – Кампыртепа, имеющей особое стратегическое значение (расположена у переправы через Амударью), и в дворцово-храмовом комплексе Саксонохур. На сельских поселениях этого периода терракотовая пластика на сегодня малоизвестна[6]. Исключение составляет сельское поселение эллинистического времени Шортугай.

Большинство рассматриваемых нами бактрийских изделий происходит из стратиграфических слоев и связано с конкретными строениями, получившими интерпретацию своего функционального назначения. Это позволяет нам впервые аргументированно проследить характер местонахождений изделий терракотовой пластики (рис. 3).

Более 49% изделий обнаружено на территории храмов и в связанных с ними постройках; низок процент находок изделий в жилых домах – всего 10%, столько же в строениях, связанных с фортификацией; в общественных постройках (таких, как агора, палестра, гимнасия, бассейн, дворец, театр) – 25%; в месте непосредственного изготовления – гончарных печах – было обнаружено 6%.

На наш взгляд, эти данные, несмотря на их предварительный характер, крайне важны для решения вопроса генезиса различных видов терракотовой пластики в материальной культуре Бактрии в античный период.

Наиболее сложным, на наш взгляд, является рассмотрение таких аналитических показателей, как иконография и стиль. Это та область, в которой максимально преобладает субъективный взгляд отдельного исследователя. В попытке отойти от традиционно описательного метода изучения изобразительных сюжетов (не отрицая плодотворный опыт применения искусствоведческих подходов) предлагается опыт применения статистических методик, в рамках исследования иконографического ряда. В частности, если определенные искусствоведческие характеристики разложить на конкретные составляющие и закрепить за ними, то их можно будет просчитывать статистическими методами. Вследствие этого, отнесение того или иного изображения к определенному стилю основывается на определенном, просчитываемом, соотношении показателей.

В качестве опыта были выявлены группы противоположных или взаимоисключающих показателей стиля: 1 – пропорциональность и непропорциональность; 2 – динамичность (свободные позы) и статичность (иератизм, фронтальность); 3 – объемность и плоскостность (имеется в виду характер изображения, а не характер изделия); 4 – равномерность в проработке или обобщении деталей иконографического образа и неравномерность (к примеру, проработка атрибутов и деталей одежды и отсутствие таковой в передаче анатомии); 5 – реалистичность и условность.

[6] К примеру, на Томошотепа, хорошо изученном сельском поселении на территории Северной Бактрии терракотовая пластика не обнаружена (Абдуллаев и др., 1975; Абдуллаев, 1979).

Для эллинистического стиля необходимыми показателями являются пропорциональность, равномерность в проработке или обобщении деталей, и достаточными показателями – динамизм, объемность и реалистичность. Эллинизированный стиль сохраняет от эллинистического стиля пропорциональность, динамичность, а остальные меняет на противоположные. Автохтонный стиль подразумевает непропорциональность, статичность, условность изображения, уплощенность и неравномерную проработку деталей. Примитивный стиль продиктован технологией изготовления лепных изделий, как правило, диспропорционален, статичен, объемен и с неравномерным уровнем проработки деталей.

Исследование образов, отображенных в различных изделиях терракотовой пластики Бактрии III–I вв. до н.э. показало, что в целом преобладают антропоморфные изображения – 67%; зооморфные – 27% и, что также показательно, образ всадника представлен всего 6% (рис. 4).

Среди антропоморфных образов преобладают женские – 74%, мужские – 23% и всадники 3%. Статуэтки с женскими образами представлены семью иконографическими типами. Выделение типов носит предварительный схематический характер и основано на учете только трех показателей – поза, наличие одежды/или нагота, атрибуты. Наиболее многочисленный тип 1 – стоящая в драпирующихся одеждах без атрибутов в руках (12 экз.) (рис. 5, *14–17, 23*); тип 2 – стоящая в драпирующихся одеждах с венком и сосудом в руках (2 экз.); тип 3 – стоящая в драпирующихся одеждах с зеркалом (2 экз.) (рис. 6, *34*); тип 4 – стоящая в драпирующихся одеждах с венками (1 экз.) (рис. 6, *27*); тип 5 – шествующая в драпирующихся одеждах с копьем (1 экз.) (рис. 7, *2*); тип 6 – сидящая в драпирующихся одеждах с ромбовидным предметом в левой руке (1 экз.) (рис. 5, *18*); тип 7 – стоящая обнаженная без атрибутов (3 экз.) (рис. 5, *19*; 6, *35*).

Статуэтки с мужскими образами не дали никаких устойчивых типов, повторяющихся в сериях. Каждое изделие – отдельный тип – всего их восемь. Среди них четко выделяются как местные образы, так и греческие (рис. 5, *20–22*; 6, *30, 33, 37*).

Зооморфные образы также не дали устойчивых типов, за исключением изображений лошади (3 шт.), каждое изделие – отдельный тип – всего их 19 (рис. 8, *39–44, 49, 50*).

При сопоставлении терракотовой пластики Северной Бактрии и греческого города Ай-Ханум по ряду показателей (виды по функциональному назначению, технология, размеры, иконография, стиль и т.д.) отмечаются общие тенденции и взаимодополнения. Так, если видовой набор изделий наиболее выражен только на Ай-Ханум, то на северо-бактрийских памятниках отмечается применение комбинированной технологии (статуэтка с лепным туловом и оттиснутой в матрице головой).

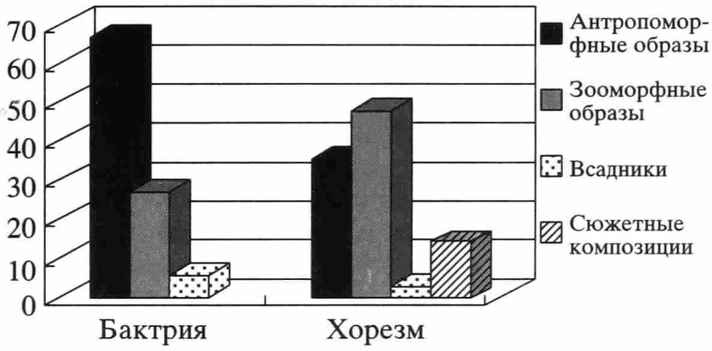


Рис. 4. Диаграмма 4. Процентное соотношение изобразительной тематики в терракотовой пластике Бактрии и Хорезма III–I вв. до н.э.

Полученная впервые статистическая выборка археологически датированных изделий терракотовой пластики из Бактрии открывает широкие возможности на пути к прояснению вопроса о генезисе этого вида материальной культуры Средней Азии в античный период. Однако представляется, что в полной мере раскрыть существо вопроса можно только при сопоставлении рассматриваемых материалов с аналогичными, характеризующими другие историко-культурные регионы.

На сегодня мы имеем, сопоставимую с выше представленной бактрийской, выборку изделий терракотовой пластики из Хорезма, датированных на основании археологических комплексов IV–II вв. до н.э. В нее вошло 211 предметов, происходящих с двух памятников: Калалы-гыр-2 и Кой-крылган-кала (Воробьева, 1967; Рапопорт, 1967; Вайнберг, 2004)[7]. Практически однослойный памятник Калалы-гыр-2, вследствие гибели от пожара, сохранил уникальный комплекс изделий, в том числе терракотовой пластики, представленный 145 предметами. В нижних стратиграфических слоях Кой-Крылган-калы было зафиксировано 66 предметов.

Сопоставление материалов из этих двух соседних регионов проводилось по всем группам показателей. В первую очередь сравнивался набор различных по функциональному значению видов изделий терракотовой пластики, бытовавший в рассматриваемую эпоху (рис. 9).

Набор видов, несмотря на общее ядро – превалирование статуэток и керамики с применением терракотовой пластики, показывает существенное отличие. Такие виды изделий, как театральные маски, протомы и плитки с рельефами, характерные для бактрийского комплекса, отсутствуют в Хорезме. И, наоборот, такие характерные для хорезмийского комплекса виды, как лицевые маски

[7] Помимо опубликованных изделий, в выборку были включены и неопубликованные предметы из коллекции терракотовой пластики Калалы-гыр-2 (хранится в Музее Востока).

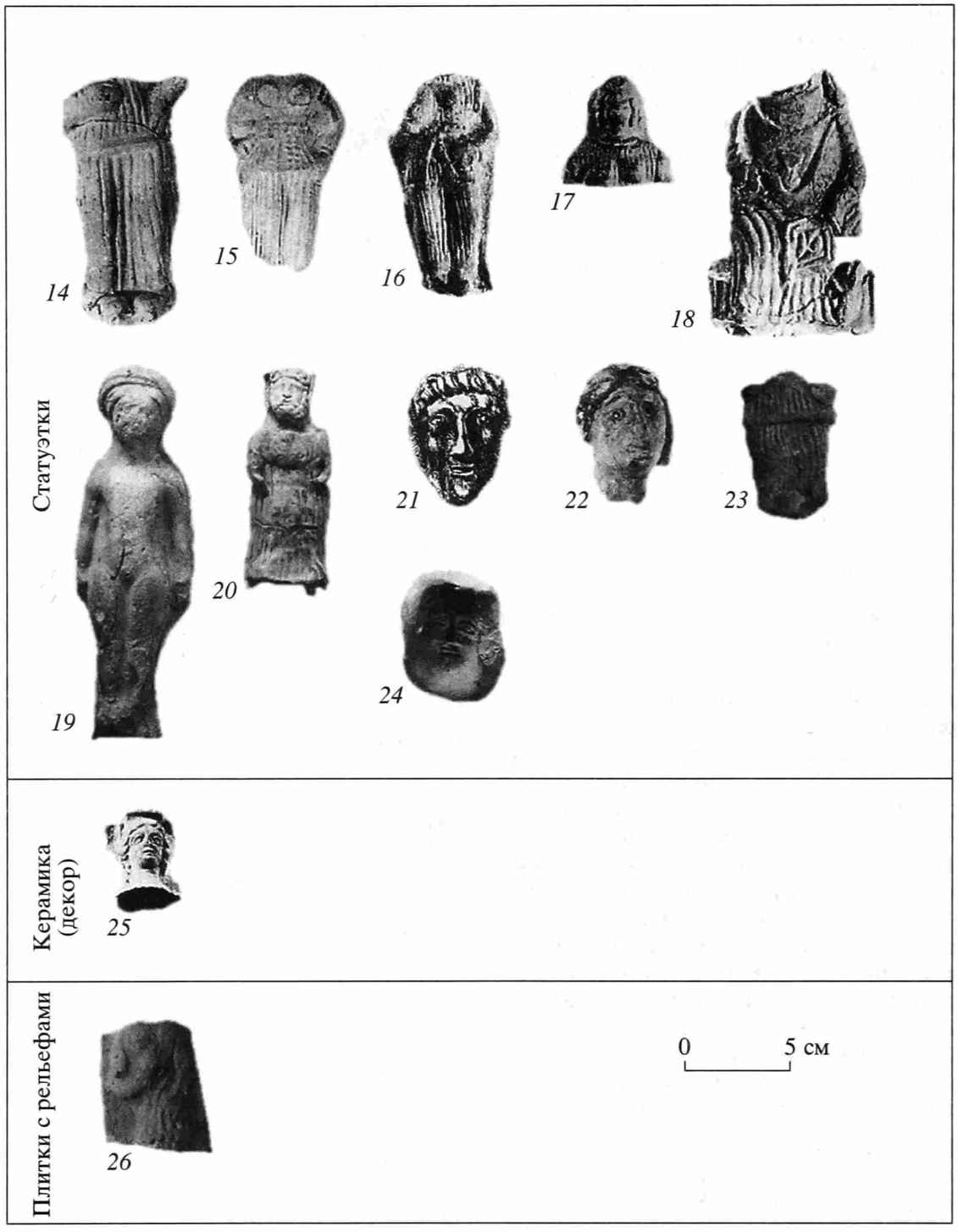


Рис. 5. Эллинизированный стиль.

и статуарные оссуарии или урны, отсутствуют в бактрийском комплексе.

Сравнение показателей 2-й группы (технологии изготовления) позволило констатировать, что и в Хорезме в рассматриваемый период так же как и в Бактрии, преобладают изделия, изготовленные методом оттиска с матрицы – их 64%; выполненных ручной лепкой – 36%. Комбинирование техник не отмечается.

Наиболее красочно суть комплексов терракотовой пластики Хорезма и Бактрии раскрылась при перекрестном сравнении набора иконографических образов, представленных на изделиях (рис. 4). Контрастно выглядит разница в приоритетах основных групп иконографических образов. Если для Бактрии характерно безусловное превалирование антропоморфных образов над всеми остальными (67%), то для Хорезма главной темой

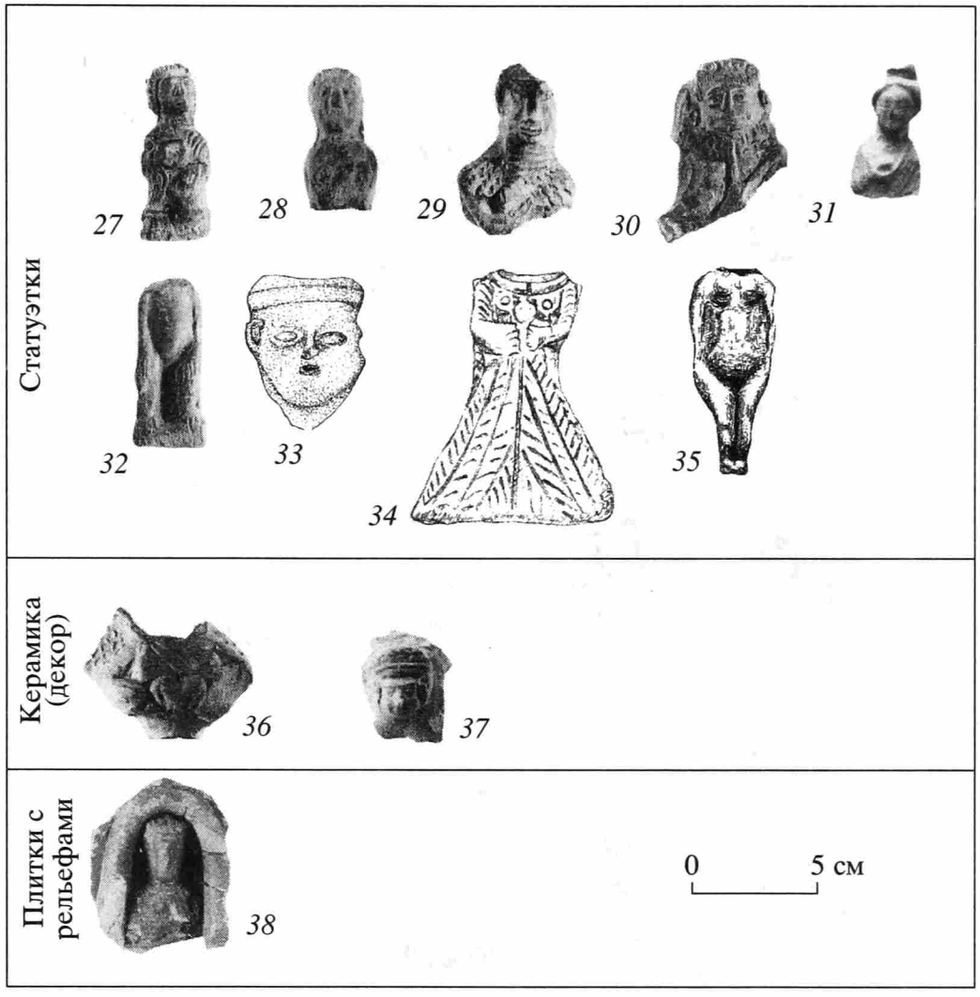


Рис. 6. Автохтонный стиль.

являются зооморфные образы (48%), антропоморфные же представлены 35%. Интересно отметить, что в обоих регионах незначительным числом представлен образ всадника – в Бактрии 6% и в Хорезме 3%. Отличительной чертой хорезмийского набора иконографических образов являются широко известные сюжетные сцены самого различного содержания (от мифологического до светского) на рельефах фляг. В Бактрии рассматриваемого периода сюжетные сцены пока не известны.

Для детализации и уточнения столь ярко наметившегося различия в иконографическом наборе обоих регионов было продолжено сопоставление данных по иконографии в рамках одного вида изделий, а именно статуэток. В частности, сопоставлен набор иконографических образов внутри двух (антропоморфные, зооморфные) из выделенных выше четырех групп (рис. 10).

В Бактрии выявлено безусловное превалирование женского образа (50%), тогда как в Хорезме женский образ представлен практически наравне с образом коня, 43 и 40% соответственно. Это одно из существенных отличий. Можно также отметить, что в Бактрии мужские образы представлены шире, чем в Хорезме (16 и 5.5% соответственно). Ярко проявилось также различие в наборе зооморфных образов. Для Хорезма характерен ограниченный и, если можно так сказать, выверенный набор образов местной фауны – это кони (40% всех статуэток), бараны, верблюды, козлы, и единицами представлен слон и обезьяна. В бактрийском наборе можно отметить больший разброс в образах, зачастую не дающих серии и представленных одним изделием. Здесь можно отметить образы как местной фауны (кони, бараны, быки, коровы, ежи, собаки, утки), так и соседних регионов (обезьяны, слоны). Причем в целом необходимо подчеркнуть, что в Бактрии зооморфные образы в отличие от Хорезма не играют столь важной роли, суммарно их 27%.

Таким образом, даже предварительный сравнительный анализ особенностей терракотовой пластики двух соседних регионов Бактрии и Хорезма на раннем этапе возрождения этого вида материальной культуры выявляет существенные различия. Важно отметить, что хорезмийская пластика рассматриваемого периода в сравнении с бактрийской представляется как более устоявшаяся, выработавшая определенные каноны и набор иконо-

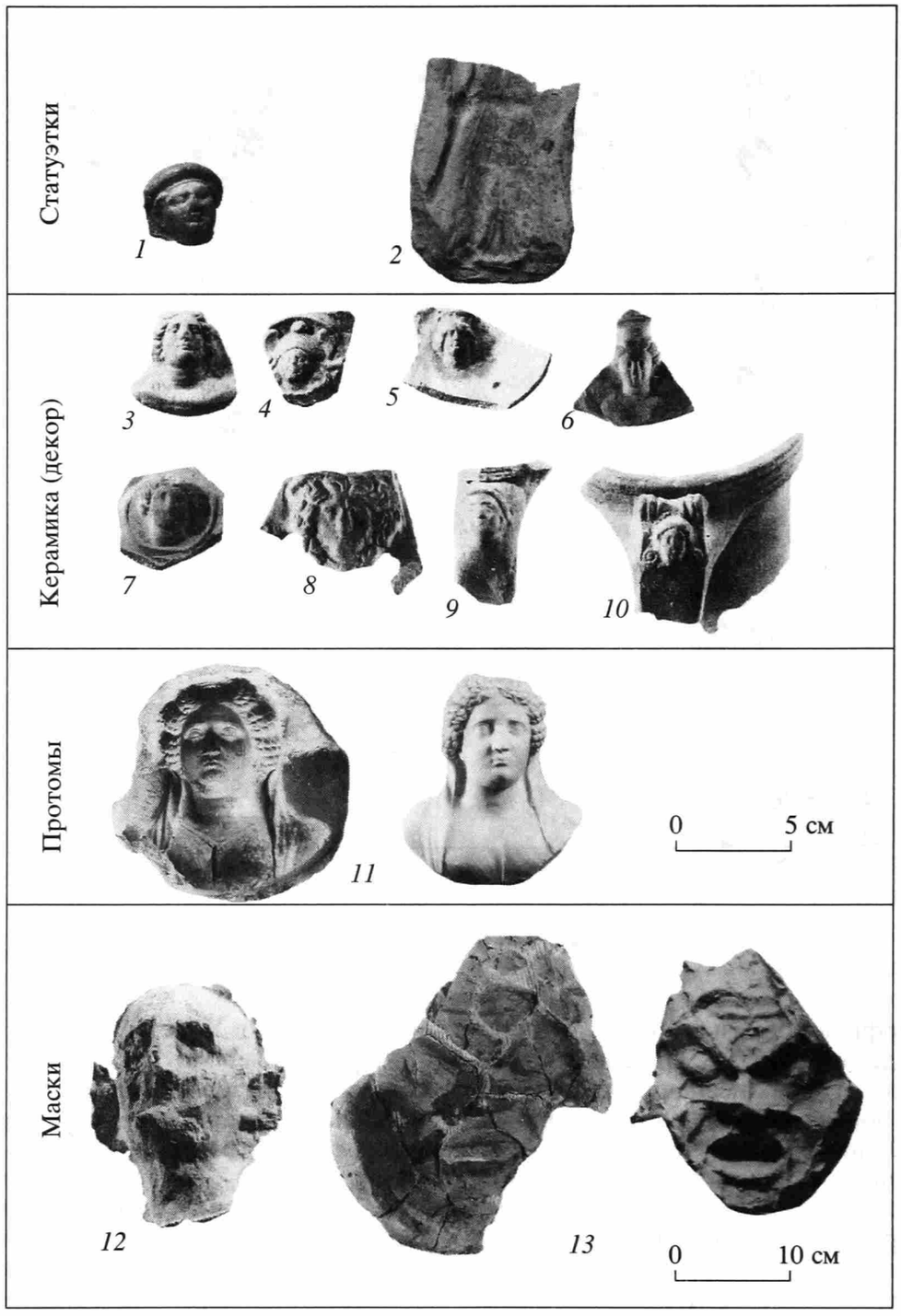


Рис. 7. Эллинистический стиль.

графических образов (крупные серии отдельных типов). Значительное количество изделий (211 предметов с двух памятников) свидетельствует об отлаженном производстве. Еще одной яркой отличительной чертой хорезмийской терракотовой пластики является практически полное отсутствие изделий с иконографическими образами эллинистического и эллинизированного стилей. На этом фоне начальный этап формирования бактрийской пластики имеет ярко выраженный привнесенный характер. Очевидно влияние, если не отражение, собственно эллинской культуры с характерным для нее набором видов изделий терракотовой пластики и стилем изображений. Лишь позднее, в I в. до н.э., формируется собственно бактрийский характер терракотовой пластики. Однако даже в это время она не приобретает такой целостности и законченности, какой характеризуется хорезмийская пластика.

Рассмотренные выше материалы позволяют предположить, что терракотовая пластика как яв-

ление проникла в материальную культуру Бактрии и Хорезма по двум разным направлениям. Одно – связано с походом Александра Македонского и греческой колонизацией, второе сложилось без посредничества греков и пришло в Среднюю Азию (Хорезм), возможно, через Мидию[8]. Кроме того, необходимо подчеркнуть хронологическую разницу: когда в Бактрии только начался процесс развития пластики, формирования местной традиции, в Хорезме она уже была сложена и обладала самобытными чертами.

Завершая рассмотрение раннего этапа терракотовой пластики Бактрии, представляется необходимым вновь обратиться к концепции "бактрийской богини", которая сохраняла свою актуальность практически до конца XX в. Сформулирована она была в 1966 г. и повторяла основные положения выдвинутой ранее концепции "Маргианской богини" (Пугаченкова, 1959; 1966). В первую очередь это тезис о "глубоких корнях", восходящих к временам матриархата, образа обнаженной богини и его последовательной эволюции вплоть до времени рабовладельческих государств. К древнейшим статуэткам, отражающим образ богини-матери, Г.А. Пугаченкова относила костяную подвеску из Халчаяна, обнаруженную в районе Кой-Турабек-тепа в подъемном материале. По иконографии и стилю подвеска была датирована автором VI–V вв. до н.э. Позднее аналогичные статуэтки были обнаружены в слоях археологически датированных III–II вв. до н.э. Д.В. Русанов обобщил новые данные по этой группе изделий и пришел к выводу о необходимости омолодить датировку ранее обнаруженных и опубликованных статуэток (1992. С. 128, 129). Таким образом, гипотеза Г.А. Пугаченковой лишается начального звена, утверждавшего факт промежуточного существования (между эпохой бронзы и эллинистическим периодом, когда они вновь появились) женских статуэток, предположительно исполнявшихся из иных менее сохраняемых, чем терракота, материалов[9]. Анализ бактрийской пластики III–I вв. до н.э. позволяет считать, что в рассмотренном примере отражается не преемственность развития традиции со II тыс. до н.э., а начало формирования самостоятельного явления материальной культуры – мелкой пластики, которая на ранней стадии в значительной мере использовала самые различные материалы, в том числе кость, дерево, металл. С утверждением же новой технологии – оттиска с матрицы – терракота практически вытесняет материалы, не позволяющие дешевое и массовое исполнение.

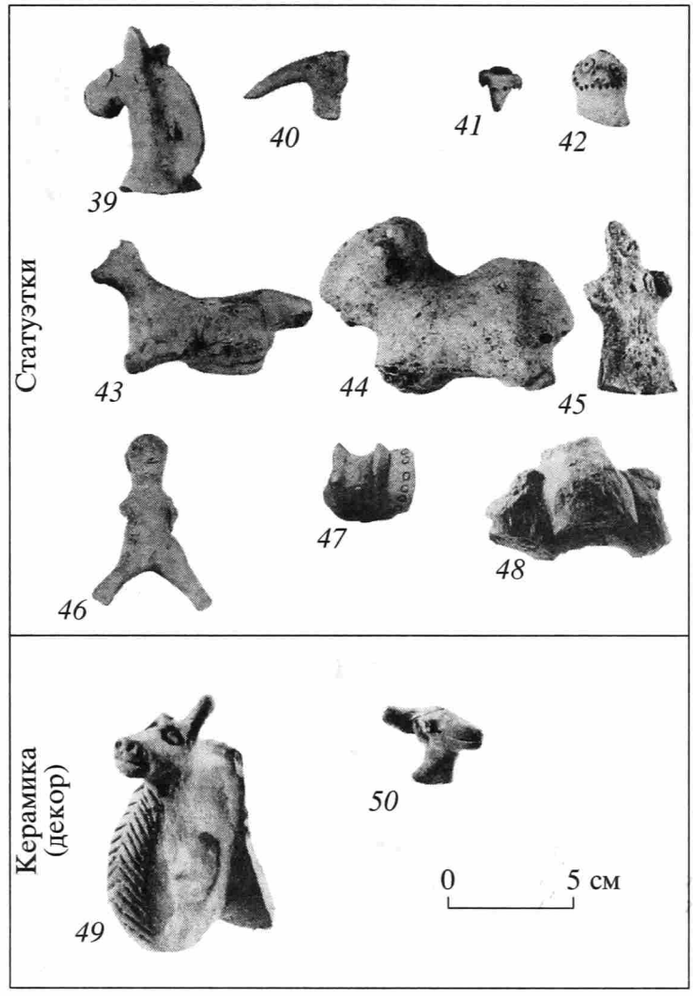


Рис. 8. Примитивный стиль.

В концепции "бактрийской богини" помимо преемственности важен также тезис о переднеазиатских корнях иконографии женских образов среднеазиатских терракотовых статуэток со строго фронтальным изображением в "неподвижных позах". Позднее этот тезис будет поддержан рядом исследователей, прослеживаемый ими, в том числе на материалах Хорезма и Бактрии (Воробьева, 1967. С. 176; Мешкерис, 1991. С. 57). Нельзя не согласиться с мнением М.Г. Воробьевой, которая выявила в древнехорезмийских женских статуэтках использование общей схемы греческой иконографии отдельных групп терракот VI–V вв. до н.э., одновременно подчеркнув, что и греческие, и древнехорезмийские изображения восходят к каким-то общим, бесспорно восточным (переднеазиатским) образцам. Однако полученная нами картина проникновения терракотовой пластики в Бактрию и сравнение ее с материалами Хорезма выявила разницу не только в характере (набор видов изделий, иконографические типы, стиль), но и

[8] О последнем пишет Б.И. Вайнберг (2004. С. 9, 240).

[9] Четыре аналогичные костяные статуэтки с изображением нагой богини происходят с крупных городищ и крепости: Халчаяна, Ай-Ханум, Старого Термеза, Кампыртепе (обнаружена с оболом Евкратида). В целом же эта группа изделий датируется – III–II вв. до н.э. Важно подчеркнуть, все упомянутые статуэтки являлись подвесками, так как имели сквозные отверстия. Что в свою очередь проливает свет на их вероятное функциональное назначение – талисманов-амулетов (Русанов, 1992. С. 128, 129).

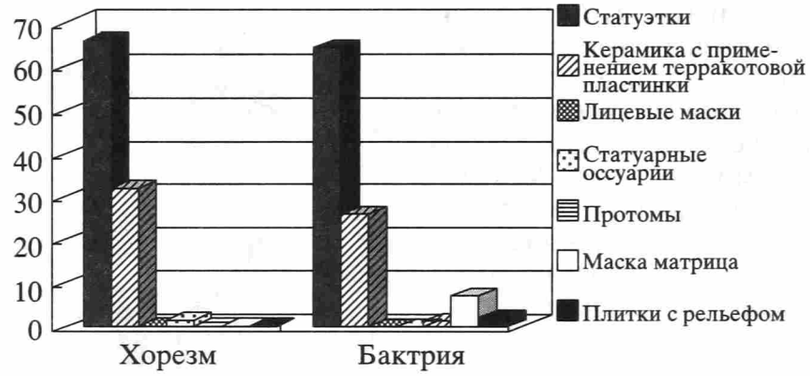


Рис. 9. Диаграмма 5. Процентное соотношение видов терракотовой пластики Бактрии и Хорезма III-I вв. до н.э.

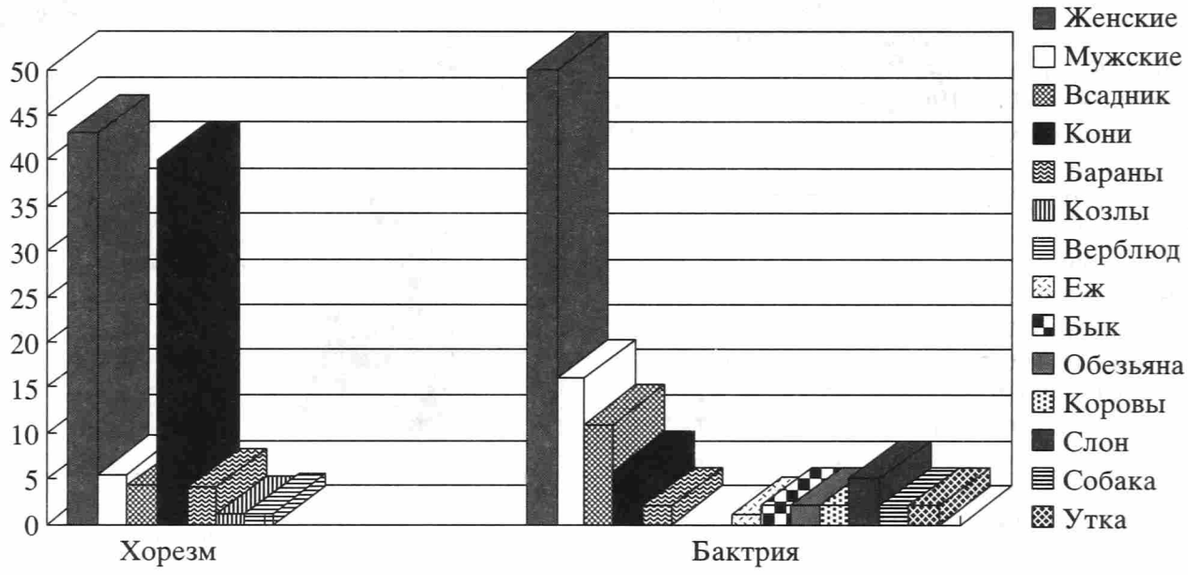


Рис. 10. Диаграмма 6. Процентное соотношение изобразительной тематики в статуэтках Бактрии и Хорезма III–I вв. до н.э.

во времени широкого распространения терракотовой пластики как явления в этих регионах.

Выстраивая на материалах Бактрии характерную эволюционную цепь женских образов, Г.А. Пугаченкова к ранним изделиям (III–II вв. до н.э.) относит тип обнаженной женской фигуры с вытянутыми вдоль туловища руками (находка во дворце Халчаяна). Позднее возникает тип обнаженной богини с опоясками (по мнению Г.А. Пугаченковой, не ранее I в. до н.э.). Рождается тезис о характерном для всей Средней Азии "процессе облачения фигурок богинь сначала в эллинизированные одежды, а затем в одежды местного покроя" со времени I в. до н.э. и особенно первых веков н.э. На основании приведенного выше исследования можно констатировать, что это положение не подтверждается ни для территории Бактрии, ни для соседнего Хорезма, так как в обоих регионах одновременно сосуществуют как тип обнаженных, так и тип облаченных в одеяния женских персонажей. В исследуемых регионах развитие иконографических образов идет вне рамок построенной эволюционной схемы (к примеру, в Хорезме на памятнике Калалы-гыр 2) (Вайнберг, 2004). Кроме того, материалы некоторых бактрийских памятников представляют обратную картину: в греко-бактрийский период существуют только облаченные в одежды женские персонажи и лишь в кушанское время появляются обнаженные женские статуэтки (по материалам Саксонохура) (Мухитдинов, 1973).

В заключение представляется необходимым подчеркнуть, что изучение терракотовой пластики без отрыва от археологического контекста, а также с применением статистико-комбинаторных методов позволило не только восстановить в рамках собранного материала картину формирования и развития этого вида материальной культуры, но и существенно изменить наше представление об этом процессе относительно ранее выдвинутых гипотез.

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 05-06-80104а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абдуллаев А., Бубнова М. А., Пьянкова Л.Т. Отчет о работах Яванского отряда в 1971 г. // АРТ. Вып. XI. Душанбе, 1975.

Абдуллаев А. Раскопки Тамошотепа в 1974 г. // АРТ. Вып. XIV. Душанбе, 1979.

Абдуллаев К.А. Терракотовая пластика Ай-ханум // РА. 1996. № 1.

Вайнберг Б.И. Историко-археологическая характеристика эпохи; Заключение; Каталог антропоморфных терракот из Калалы-гыр 2 // Калалы-гыр 2. М., 2004.

Воробьева М.Г. Памятники искусства. Разд. 1 // Кой-Крылган-кала – памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н.э. – IV в. н.э. М., 1967.

Гаибов В.А. Раннеэллинистическая керамика Маргианы // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XIV. М.; Магнитогорск, 2004.

Двуреченская Н.Д. История изучения терракотовой пластики Средней Азии// Проблемы истории, филологии и культуры. Вып. XV. Магнитогрск, 2005.

Исхакова Е.А., Исхаков М.Х. Терракоты Дальверзинтепе // Дальверзинтепе – кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.

Козловский В.А., Некрасова Е.Г. Стратиграфический шурф на цитадели древнего Термеза // Бактрийские древности. Л., 1976.

Кошеленко Г.А., Новиков С.В. О коропластике Маргианы эллинистического периода // СА. 1999. № 4.

Курбанов С. Археологические исследования цитадели Кампыртепа // Матер. Тохаристанской экспедиции. Вып 1. Ташкент, 2000.

Лионе Б. Греческая оккупация Согдианы. Результаты сравнительного анализа керамики Афрасиаба и Ай-Ханум // Матер. междунар. конф., посвящ. 50 летию науч. деятельности Г.В. Шишкиной. М., 2000.

Мандельштам А.М., Певзнер С.Б. Работы кафырниганского отряда в 1952–1953 гг. // МИА. 1958. № 66.

Мешкерис В.А. Опыт периодизации коропластики Бактрии-Тохаристана // КСИА. 1991. № 204.

Мешкерис В.А. Методические основы комплексного изучения терракот Бактрии-Тохаристана // Древние цивилизации Евразии. История и культура. Тез. докл. М, 1998.

Мухитдинов М.Х. Терракоты Саксонохура как источник по истории и культуре Северной Бактрии. Дис. ... канд. ист. наук. Душанбе, 1973а.

Мухитдинов М.Х. Статуэтки женского божества с зеркалом из Саксонохура // СЭ. 1973б. № 5.

Пидаев Ш.Р. Керамика Греко-бактрийского времени с городища Старого Термеза // СА. 1991. № 1.

Пилипко В.Н. Старая Ниса. Основные итоги археологического изучения в советский период. М., 2001.

Пугаченкова Г.А. Маргианская богиня // СА. 1959. № XXIX –XXX.

Пугаченкова Г.А. Халчаян. Ташкент, 1966.

Рапопорт Ю.А. Памятники искусства. Разд. 2 // Кой-Крылган-Кала – памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н.э. – IV в. н.э. М., 1967.

Ртвеладзе Э.В., Болелов С.Б. Керамический комплекс эпохи эллинизма на Кампыртепе в Северной Бактрии // Матер. Междунар. конф., посвящ. 50-летию науч. деятельности Г.В. Шишкиной. М., 2000.

Русанов Д.В. Бактрийские костяные амулеты // Средняя Азия и мировая цивилизация. Тез. докл. междунар. конф. Ташкент, 1992.

Седов А.В. Керамические комплексы айханумского типа на Правобережье Амударьи // СА. 1984. № 3.

Тургунов Б.А. Малоизвестные кушанские памятники Северной Бактрии // Бактрийские древности. Л., 1976.

Тургунов Б.А., Пугаченкова Г.А. Дом рядового горожанина // Дальверзинтепе – кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.

Ball W. Catalogue des seites arheologiques d'Afganistan. Paris, 1982.

Francfort H.P. Le sanctuare du temple a niches indentees // MDAFA. T. XXVII. Fouilles d'Ai Khanoum. V. III. Paris, 1984.

Francfort H.P. Pottier M.H. Sondage preliminaire sur l'etablissment protohistorique Harappen et post-harappen de Shortugai (Afganistan du N.-E.) // C.N.R.S. T. XXXIV. Paris, 1978.

Gardin J.C. Ceramiques de Bactres // MDAFA. T. XV. Paris, 1957.

Gullaume O., Rougelle A. Les Petits obyets // MDAFA. T. XXXI; Fouilles d'Ai Khanoum. V. VII. Paris, 1987.

Lyonnet B. Ceramique et peuplement du chalcolithique a la conquete arabe // MDMAFAC. T. VIII. V. 2. Paris, 1997.

Rapin C. La Tresorerie du palais hellenistique d'Ai Khanoum // MDAFA. T. XXXIII. Fouilles d'Ai Khanoum. V. VIII. Paris, 1992.

Terracotta of ancient Bactria of the 3rd – 1st cc. BC

N. D. Dvurechenskaya

Summary

The database with regard for indices of an archaeological context on all the volume of stratigrafically dated wares of ancient Bactrian terracotta (83 objects were included in the database in all) and on 80% excerpts from ancient Khwarizmian wares (211 objects) was made up on the basis of the newly developed principles. The analysis of the data with use of statistical and combinative methods and their cross comparison permitted to ascertain that terracotta as a phenomenon penetrated in the material culture of Bactria and Khwarizm by two different channels. The first channel is connected with the campaign of Alexander the Great and the Greek colonization; the second one was formed independently of the Greeks and possibly came to Central Asia (Khwarizm) through Media. The chronological difference was also revealed: when the process of the development of plastic arts and formation of local tradition only began in Bactria, this tradition had been already formed in Khwarizm and acquired its original features.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 3, с. 154–156

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ

ПАМЯТНИКИ ХРИСТИАНСТВА В ГЕРАТСКОМ ОАЗИСЕ?

© 2006 г. А. А. Китаева

Институт арехологии РАН, Москва

В 2003 г. в городе Латт (Франция) состоялась международная конференция, посвященная археологии Афганистана. К конференции была подготовлена выставка, на которой было экспонировано 342 объекта культурного наследия, значительная часть из которых до сего времени не была опубликована (De l'Indus à l'Oxus..., 2003). Некоторые объекты принадлежат музеям и были ими предоставлены для этой выставки, но не меньшую роль играли и произведения искусства из частных коллекций. Известно, что в последние десятилетия на территории Афганистана процветает "черная археология", и, естественно, что практически все обнаруженные ценности оседают исключительно в частных коллекциях. Можно привести многочисленные примеры первоклассных произведений искусства и письменных документов, которые оказались в таких коллекциях.

Среди объектов, представленных на выставке и принадлежащих частным лицам, имеются три, привлекающих особое внимание: бронзовый крест, датируемый VI в. н.э.; печать с византийской пломбы – XI в. н.э. и верхняя часть посоха из слоновой кости с вырезанной на конце фигуркой пастуха, несущего на плечах барашка, и лежащей у его ног собакой (Gignoux, 2003а. P. 397) (рис. 1).

Эти три предмета интересны с двух точек зрения: они происходят, согласно вышеупомянутой публикации, из Гератского оазиса; они, по всей видимости, свидетельствуют о христианской общине, существовавшей там. При этом следует отметить, что Гератский оазис – самая плохо исследованная в археологическом отношении область Афганистана, поэтому публикация подобных объектов имеет большое значение как для понимания собственно археологических проблем, так и для истории христианства в центральноазиатском регионе.

Отметим, что крест (Gignoux, 2001. P. 291–304; Gignoux, 2003б. P. 398) несет на себе пехлевийскую надпись, которая не может быть полностью понята, поскольку часть знаков отсутствует, а часть повреждена. Однако совершенно ясно, что крест принадлежал несторианской общине, так как в данном регионе только несториане использовали в культовых целях этот язык. Столь же показательна и печать. Она имеет надпись на греческом языке и, бесспорно, свидетельствует о каких-то контактах между христианами Герата и Константинопольским патриархатом (Gatier, 2003. P. 398, 399).

Наибольшее внимание привлекает, однако, третий предмет из этой коллекции – скульптурное изображение молодого пастуха с барашком на плечах (Landes, 2003. P. 399). К сожалению, локализация находки довольно широка в связи с тем, что мы не знаем, при каких условиях и при каких обстоятельствах был найден данный предмет. К. Ланд датирует эту находку II–IV вв. н.э. Что касается ответа на вопрос, кого представлял этот пастух, то он колеблется между Добрым пастырем и Гермесом Криофором. Отметим прежде всего, что определение ее (хотя и со знаком вопроса) К. Ландом как ручки ножа не может быть принято. Единственное возможное функциональное назначения данного произведения, если исходить из того, что здесь изображен Добрый пастырь, – навершие посоха.

Гладкая лощеная часть посоха из слоновой кости, сохранилась высотой в 5 см. На верхней его части сделано нечто вроде пьедестала прямоугольной формы со слегка выступающим основанием размерами 3 × 1.5 см, на котором изображен молодой юноша-пастух, одетый в короткую тунику без рукавов, перехваченную на талии поясом, и без обуви. Пастух стоит в свободной позе, левая нога чуть согнута, а голова на три четверти немного повернута в сторону. У пастуха крупные черты лица: широкое округлое лицо, большие миндалевидные глаза с четко обозначенной линией бровей, широкий нос и пухлые губы, волосы волнистые. На плечах пастух несет барашка, держа его двумя руками за ноги, с правой стороны от пастуха изображена собака, определяемая по форме ушей и хвосту, которая, подняв мордочку вверх, смотрит на пастуха и барашка. Общая длина ручки – 10.5 см.

Как известно, образ Доброго пастыря был очень популярен в раннехристианском искусстве, хотя художественными прототипами его, несомненно, послужили античные изображения пастуха, покровителя стад Гермеса, с ягненком на плечах; Меркурия с барашком у ног, которые в свою очередь "уходят" корнями в пастушескую мифологию. Раннее христианство, как известно, рано ассимилировало символы, образы и обряды еврейской или средиземноморской цивилизации (Элиаде, 1995. С. 164).

В картинах сельской жизни древние постоянно изображали на стенописях или саркофагах пасту-

Рис. 1. Фигурка Пастуха с барашком на плечах из Герата (II–IV вв.).

Рис. 2. Изображение Доброго пастыря в доме христианской общины в Дура-Европос (232 г. н.э.).

ха, несущего на плечах овцу. Этот тип был настолько общеизвестен, что слушатели христианских проповедников могли живо представить себе пастыря при словах: "Азъ есмь пастырь добрый; пастырь добрый душу свою полагает за овцы своя" (Иоанн X, 11). А.С. Уваров считает, что появление символа Доброго пастыря следует относить в началу II в., так как, со слов Тертуллиана, уже в его времена он был не новым символом, а общепринятым и общеизвестным (Уваров, 1908. С. 180), что, однако, не подтверждается археологическими материалами.

Характерной особенностью образа Пастыря является его одеяние. Хитон или туника подпоясан и приподнят выше колен для удобства ходьбы. На плечи поверх хитона надет короткий плащ для защиты от плохой погоды во время путешествий. На ногах высокая обувь, греческий котурн, надеваемый охотниками и вообще всеми теми, кому приходилось много ходить. Котурн, зашнурованный спереди, охватывает ногу почти до колена и придерживает узкие штаны. В руках у пастыря или прямой посох, или посох с загнутым концом. Он держит и сосуд, в который доили овец, известный под именем *mulctra*. Иногда этот сосуд поставлен возле него (Уваров, 1908. С. 182, 183). Это типичный образ Доброго пастыря, который был хорошо известен как на западе, так и на востоке. Первым следствием такого твердого и повсеместного установления типа Пастыря было то, что отдельные детали его образа (посох, сосуд для молока и животные, связанные с пастушескими занятиями: собака, заяц, агнец) сделались отдельными символами, но по смыслу остались в зависимости от первоначального образа Доброго пастыря. Собака находится в тесной связи с Пастырем. Как правило, она находится рядом с пастухом, обязательно с ошейником в знак того, что она домашнее животное, а не дикий зверь. А.С. Уваров также считает, что собака стала символом христианина (Уваров, 1908. С. 187–189).

Следует отметить, что Добрый пастырь – одна из самых популярных и излюбленных тем в раннехристианском искусстве. Этот образ был ярко запечатлен в живописи римских катакомб и на саркофагах III–V вв. н.э. (Lassus, 1966. С. 9–19). Несколько позднее он зафиксирован в ряде памятников Равенны, а также в Малой Азии.

Однако самую ближайшую аналогию Доброго пастыря из Герата мы находим на фреске в баптистерии дома христианской общины в Дура-Европос, древнейшем из известных в настоящее время зданий, специально предназначенных для христианского культа (Kraeling, 1967; Бонгард-Левин и др., 2005. С. 58–72; Гаибов, Кошеленко, 2002. С. 415). Граффити на стенах датируются примерно 232 г. н.э., т.е. значительно раньше, чем знаменитые росписи римских катакомб. На фреске в баптистерии изображен Пастырь, стоящий позади своего стада и держащий на своих плечах большого агнца. Он держит барашка за заднюю ногу левой рукой, справа перед Пастырем плотная шеренга из шести или семи овец, впереди которых следует еще одна шеренга белых овечек (рис. 2). Эта

сцена водительства своего стада Добрым пастырем занимает самое важное место в живописи баптистерия и является ярким свидетельством того, что данный образ был широко распространен и популярен на Востоке.

В нашем распоряжении имеются некоторые свидетельства письменных источников о христианстве в Гератском оазисе. Известно, что уже в V в. в Герате была создана епископская кафедра Церкви Востока (были известны имена трех епископов, служивших в Герате в то время, они присутствовали на Соборах 424, 486 и 497 гг.) При несторианском патриархе-католикосе Ишоябе I (582–595) епископ Герата был возведен в ранг митрополита (согласно подписи под решением Собора 585 г.). В дальнейшем Гератский митрополит в списке митрополитов Церкви Востока занимал 9-е место (или, согласно сведениям Илии Дамасского (ок. 900 г. н.э.), 3-е среди "внешних митрополитов". В VII в. в Герате была создана епископская кафедра яковитов (Западная Сирийская Церковь). Из письма несторианского католикоса Тимофея I Сергию, митрополиту Элама (конец VIII – начало IX века), известно о теологических диспутах между яковитами и несторианами в этом городе. К югу от Герата, в небольшом городке Пушанг, также имелась несторианская кафедра, упомянутая в источниках VI в. н.э (Кошеленко, 2002. С. 80, 81).

Таким образом, рассматриваемый нами памятник достаточно хорошо коррелирует с данными письменной традиции. Необходимо, однако, в связи с этим указать, что данные письменных источников предостерегают против ранней датировки. Такая ранняя дата, как II в. н.э., во всяком случае полностью исключена. Даже в Мервском оазисе, который, как известно, был основным центром распространения христианства в данном регионе (Koshelenko et al., 1995. P. 55–70; Бадер и др., 1996. С. 85–94), самые ранние свидетельства говорят только о середине III в. как о времени появления христианской общины, поэтому тем более невозможна датировка культовых предметов II веком.

Подводя итоги, можно, как кажется, утверждать, что рассматриваемый в статье объект действительно является изображением Доброго пастыря и подтверждает данные письменных источников о христианском присутствии в Гератском оазисе в позднеантичное и раннесредневековое время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бадер А., Гаибов В., Кошеленко Г. Мервская митрополия // Традиции и наследие христианского Востока. Матер. междунар. конф. М., 1996.

Бонгард-Левин Г.М., Гаибов В.А., Кошеленко Г.А. Распространение христианства на Востоке (В свете исследований памятников Дура-Европос) // ВДИ. 2005. № 3.

Гаибов В.А., Кошеленко Г.А. Христианские памятники Дура-Европос: открытие и значение // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 12. М.; Магнитогорск, 2002.

Кошеленко Г.А. Христианство в Афганистане. // Православная энциклопедия. Т. IV. М., 2002.

Уваров А.С. Христианская символика. Часть первая: символика древне-христианского периода. М., 1908.

Элиаде М. Аспекты мифа. М., 1995.

De l'Indus a l'Oxus. Archeologie de l'Asie Centrale. Catalogue de l'exposition. Lattes, 2003.

Gatier P.-L. Sceau de plomb byzantin // De l'Indus à l'Oxus. Archeologie de l'Asie Centrale. Catalogue de l'exposition. Lattes, 2003.

Gignoux Ph. Croix de procession de Hérat inscrite en pehlevi // Le Muséon, 2001. V. 114.

Gignoux Ph. Le christianisme à Héart // De l'Indus à l'Oxus. Archéologie de l'Asie Centrale. Catalogue de l'exposition. Lattes, 2003a.

Gignoux Ph. Croix de procession // De l'Indus à l'Oxus. Archéologie de l'Asie Centrale. Catalogue de l'exposition. Lattes, 2003б.

Koshelenko G., Bader A., Gaibov V. The Beginnings of Christianity in Merv // Iranica Antiqua. 1995. V. XXX.

Kraeling C.H. The Christian Building. The Excavations at Dura-Europos conducted by Yale University and French Academy of Inscriptions and Letters. Final Report VIII. P. II. N.Y., 1967.

Landes C. Extrémité supérieure d'un manche de couteau (?) // De l'Indus à l'Oxus. Archéologie de l'Asie Centrale. Catalogue de l'exposition. Lattes, 2003.

Lassus J. The early Christian and Byzantine world. L.,1966.

Monuments of Christianity in the Gerat oasis?

A. A. Kitaeva

Summary

The international conference devoted to the archaeology of Afghanistan took place in the town of Latt in 2003. The upper part of a staff of ivory from Gerat was published in the exhibition catalogue to the conference (the 2nd – 4th cc. AD). At its end a figure of a herder carrying a ram on his shoulders and a dog lying at his feet were carved. This figure with a ram on the shoulders reminds of the image of "the Good Shepherd" and is an indirect graphic reference to the Early-Christian image. This find is an important archaeological proof of the role of the Christianity in the Central Asian region in the Early Medieval period.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 3, с. 157–164

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ

О ЛОКАЛИЗАЦИИ ДВУХ ГОРОДОВ МАРГИАНЫ (О НЕКОТОРЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ ГИС-ТЕХНОЛОГИЙ)

© 2006 г. В. А. Гаибов, Г. В. Требелева

Институт археологии РАН, Москва

Сочинение Клавдия Птолемея "Географическое руководство", созданное во II в. н.э. (время жизни Птолемея – примерно 90–168 гг.), является одним из наиболее важных источников по ряду проблем истории Средней Азии античной эпохи, в частности по проблемам исторической географии. Вместе с тем использование его сопряжено с целым рядом трудностей, порожденных спецификой этого сочинения. Значительная неточность исходных теоретических позиций, недостаточное число пунктов, особенно на Востоке, со сколько-нибудь надежными географическими координатами, зависимость от ряда источников, которые было трудно, а то и невозможно согласовать друг с другом – все это создает почти непреодолимые трудности для современных исследователей в их попытках интерпретировать данные Птолемея (Томсон, 1953. С. 462–477; Pédech, 1976. P. 184–190; Дитмар, 1980. С. 94–100).

Если же ориентироваться не на решение глобальных задач, а только на анализ свидетельств Птолемея по отдельным четко очерченным древним географом областям, на сумме которых он строил картографическую картину больших регионов, то основным препятствием становится разновременность и разнотипность данных, которыми пользовался Птолемей[1]. Он стремился в рамках своей "модели" совместить все те сведения, полученные от своих предшественников, которые он считал надежными. В результате этого достаточно часто создавалась путаница при наложении сведений различного времени и попыток их согласовать. Наилучший пример этого – Бактрия и Согдиана. Действительно, даже при беглом взгляде на карту Бактрии и Согдианы Птолемея видны поразительные несоответствия между реальной географической ситуацией и ее воспроизведением, между местонахождением различных городов и народов, как они представлены у Птолемея, и их местоположением, надежно известным благодаря иным источникам. Так, Мараканда (Μαρακάνδα – Ptol. VI, 11.9), широко известный город, являвшийся столицей Согдианы и расположенный на реке Заравшан (которую греки называли Политиметом), на карте Птолемея оказывался на самом юге Бактрии, у самых границ с Парапамисадами; Александрия Эсхата (Ἀλεξάνδρεια ἐσχάτη – Ptol. VI, 12.6), находившаяся, как известно, на берегах реки Танаис (совр. Сырдарья), у Птолемея расположена поразительно далеко от любой реки; в пределах Согдианы (а не Бактрии); на берегах реки Окс (совр. Амударья) находится город Оксиана (Ὠξέιανα – Ptol. VI, 12.5), а несколько далее на запад, к северу от реки расположен город Александрия Оксиана (Ἀλεξάνδρεια Ὠξειανή – Ptol. VI, 12.6), народ же "оксианы" (Ὠξειανοὶ – Ptol. VI, 12.4) – еще дальше на запад; народ "хорасмиой" (Χωράσμιοι – Ptol. VI, 12.4), т.е. обитатели Хорезма, оказываются на среднем течении Окса, достаточно далеко от его дельты, где располагается настоящий Хорезм; на южном берегу Яксарта находится народ "тахоры" (Τάχοροι – Ptol. VI, 12.4), а на южном берегу Окса – "великий народ тохары" (Τόχαροι μέγα ἔθνος – Ptol. VI, 11.6), хотя это, несомненно, один народ, а два их местоположения – отражение направления их экспансии (Гумбах, 1975. С. 71). Этот список легко продолжить. Относительно интерпретации сведений Птолемея о Бактрии и Согдиане уже давно идут горячие дискуссии. Последний пример, насколько нам известно, публикации: Rapin, 1998. P. 201–225; Пьянков, 2004. С. 96–110. Однако нам кажется, что оставаясь в рамках традиционных подходов и методов очень трудно получить действительно надежные результаты.

В связи с этим мы хотели бы предложить еще один метод решения этой проблемы. В основе его лежит простейшее допущение: когда Птолемей создавал свою картину географической ситуации в центральноазиатском регионе, он совмещал в едином пространстве не отдельные разрозненные элементы общей картины, но несколько разновременных "блоков", составленных из таких элементов. Эти блоки включали в себя реки, горы, отдельные народы и города. Если мы сможем выделить такие отдельные блоки, принадлежащие различным предшественникам Птолемея, то мы сможем получить ключ ко всему тексту Птолемея. В известной мере мы следуем по пути, намеченным И.В. Пьянковым, который старался всесторонне проанализировать всю античную географи-

[1] Мы пользовались следующими изданиями текста и переводами Клавдия Птолемея (Ptolemaios Geographie 6, 9–21..., 1971; Humbach, Ziegler, 1998) .

ческую традицию относительно Средней Азии, выявляя несколько направлений в ней и сочетание свидетельств, почерпнутых из разных направлений в конкретных произведениях отдельных авторов (Пьянков, 1997).

Однако на основе текста и карт Бактрии и Согдианы разработку и проверку метода осуществить практически невозможно вследствие обилия материала и соответственно многочисленности альтернативных решений. Мы попытались осуществить ее на базе сведений Птолемея о Маргиане. Кроме того, что очень важно, в настоящее время уже существует подробная археологическая карта Маргианы, на которой памятники размещены в соответствии с их точной позицией, полученной при помощи GPS (The archeological map..., 1998), что еще не сделано для Бактрии и Согдианы. Кроме того, в пользу такого выбора говорят следующие обстоятельства. Прежде всего, территория Маргианы как на карте Птолемея, так и в реальности, много меньше, чем территория Бактрии и Согдианы. Во-вторых, основная "ось" области, которой является река Мургаб (Μάργος – Ptol. VI, 10.4), на карте Птолемея, как и в реальности, ориентирована почти строго в направлении юг–север, что облегчает ориентирование[2]. В-третьих, в отличие от Бактрии и Согдианы, где фиксируется значительное число старых городов, существовавших длительное время, в Маргиане ситуация была иной. Населенные пункты ахеменидского времени (за исключением собственно Мерва) были оставлены в раннеэллинистическое время (Бадер и др., 1995. С. 19, 20). На протяжении довольно длительного периода основная часть населения была сосредоточена в пределах Антиохии Маргианской (современные городища Эрк-кала и Гяур-кала) и непосредственных окрестностей города, окруженных стеной Гилякин-Чильбурдж. Об этом свидетельствуют как результаты археологических исследований (Bader et al., 1995. P. 39–50), так и письменные источники. Так, в частности, Исидор Харакский, который, упомянув Антиохию в Маргиане, вслед за этим сообщает: "деревень нет" (Isid. Char. Mans. Parth., 14)[3]. Активное строительство новых населенных пунктов началось только в парфянское время (Бадер и др., 1995. С. 23–25). В результате картина, представленная Птолемеем, является "стерильной", лишенной ранних слоев. Все города, упомянутые им, возникли примерно в одно и то же время. Вследствие этого практически исключается (или почти исключается) дублирование населенных пунктов, так как число авторов – источников сведений для Птолемея – было ограничено, во всяком случае их было много меньше, чем авторов, дававших информацию по Бактрии и Согдиане.

Описание Маргианы (Ptol. VI, 6.10), которому отвечает часть его 7-й карты Азии, составлено Птолемеем по обычной схеме: сначала даны внешние границы области, затем горы, реки, населяющие ее народы и, наконец, города (Томсон, 1953. С. 465).

Политические границы Маргианы даны Птолемеем поразительно точно (рис. 1). На юге она граничит с Ареей (современный Гератский оазис). На востоке – с Бактрианой. С запада Маргиана сопредельна Гиркании. Хотя, в соответствии с некоторыми более ранними источниками, здесь следовало бы ожидать Парфиену, однако, как уже было показано ранее, около середины I в. н.э. политическая ситуация изменилась, и та часть древней Парфиены (Парфии), которая располагалась к северу от Копетдага, перешла под контроль Гиркании (Кошеленко, 2000. С. 199–207). В самом тексте и на карте Птолемея заметны следы этих изменений ситуации в частности в пределах Гиркании оказывается обитающим народ астауены (.'Ασταουηνοί – Ptol. VI, 9.5), но страна Астауена, по свидетельству Исидора Харакского, находилась к востоку от Гиркании (Isid. Char. Mans. Parth. 11). Точно так же в пределах Гиркании у Птолемея оказывается и область "Сиракена" (ἡ Σιρακηνή – Ptol. VI, 6.5). Уже давно было высказано мнение, что древняя Сиракена отвечает Серахскому оазису (Оразов, 1973. С. 105). В таком случае вполне закономерно, что она оказывается ближайшим западным соседом Маргианы.

Мы уже отмечали, что почти точное направление на север реки Мургаб, полностью отвечает географическим реалиям оазиса. В связи с этим надо указать и на то обстоятельство, что р. Мургаб образуется благодаря слиянию двух рек: собственно Мургаба и Кушки. Точно такую же картину мы видим и на карте Птолемея. При этом именно восточная из двух рек на карте носит название Марг, как и в действительности. Западная, менее важная река (совр. Кушка) на карте никак не названа[4].

Город Антиохия Маргианская находится к востоку от реки Марг, что отвечает реальности. В связи с этим необходимо указать, что современные исследования (The archeological map..., 1998. Map. 2) показали, что на территории Маргианы фиксируются, помимо современного, еще несколько древ-

[2] В связи с этим отметим, что попытка К. Рапэна (Rapin, 1998) в своей реконструкции резко "развернуть" Маргиану, заставив Мургаб течь на северо-восток, не может быть принята.

[3] Мы пользовались следующим изданием текста и переводом сочинения Исидора Харакского (The Parthian stations..., 1976).

[4] Не выглядит убедительной гипотеза, иногда высказываемая исследователями, что эта вторая река – Герируд-Теджен (Гумбах, 1975. С. 72; Humbach, 1972. S. 90, 91). Река Теджен должна протекать через Сиракену, которая, как мы только что отметили, на карте Птолемея находится в составе Гиркании. Непонятно, зачем изобретать такие сложные конструкции, когда объективная реальность дает ясный и полный ответ.

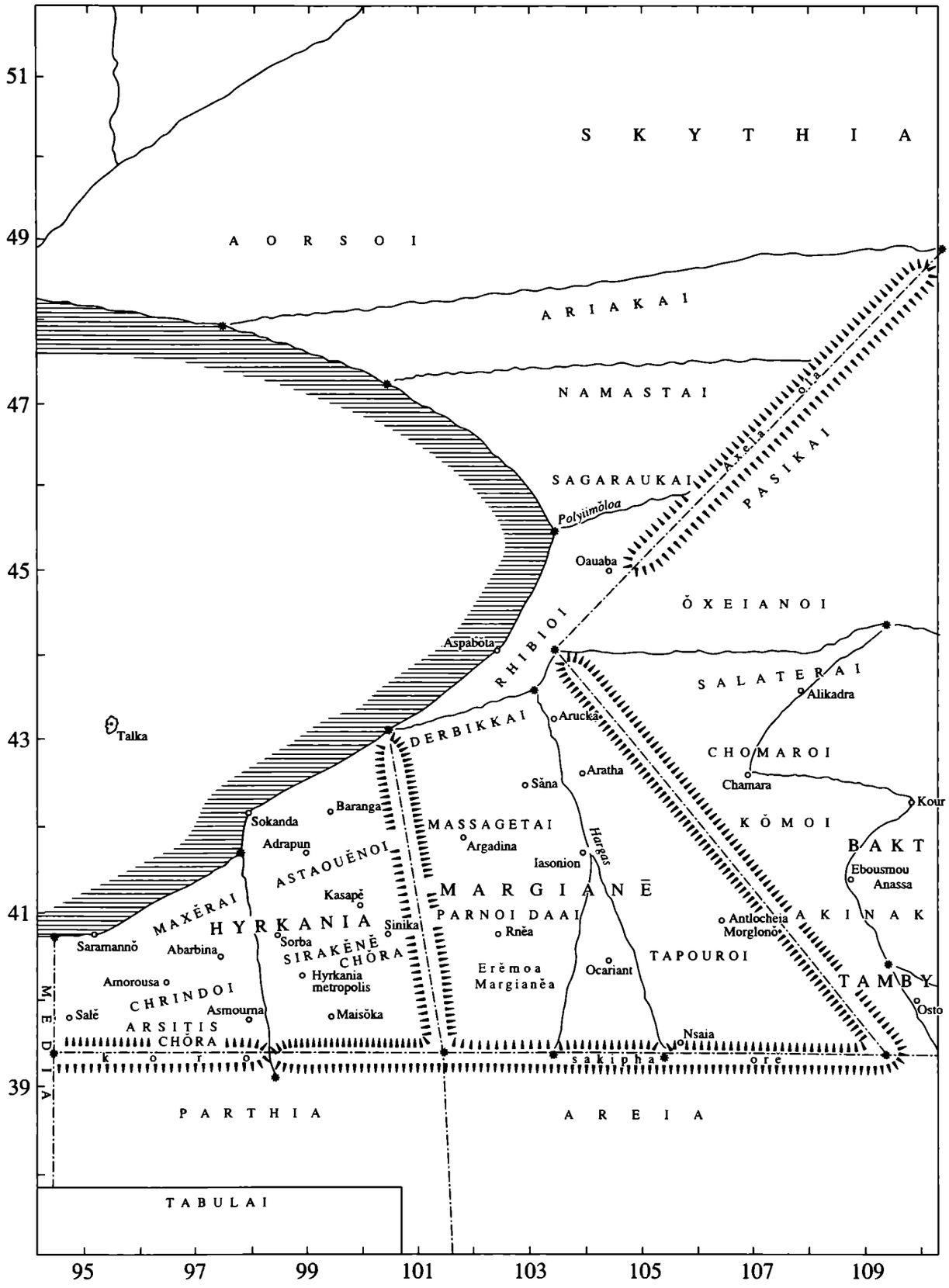


Рис. 1. Птолемей. Маргиана и окружающие территории. Часть карты 7 Азии (по И. Ронка).

них русел Мургаба: одно (или два) к востоку от Антиохии, три – западнее. Таким образом, можно предполагать, что в то время, когда создавалась карта Птолемея, главное русло Мургаба проходило западнее города, но на основании текста Птолемея у нас, однако, нет возможности определить, какое из этих трех русел функционировало в первые века н.э. В этом отношении помогает свидетельство Плиния Старшего, который сообщает, что Антиох восстановил город на том месте, кото-

рое пересекает р. Марг (Plin. Nat Hist. VI, 47)[5]. Следовательно, можно полагать, что имелось в виду самое близкое к городу западное русло.

Естественно, что в тексте и на карте Птолемея имеются элементы, которые никак не согласуются с реальной географической картиной. Необходимо обратить внимание на одно обстоятельство: на карте место слияния этих двух рек отмечено в пункте, находящемся значительно севернее Антиохии Маргианы, в реальности же оно находится значительно южнее. Эта несогласованность, видимо, может быть объяснена наложением друг на друга двух "пластов" информации: одного, в котором главную роль играли собственно географические ориентиры (горы, реки, пустыня и т.д.), и второго, для которого более важны были города и их взаимосвязь друг с другом посредством дорог.

Маргиана в описании (и на карте) Птолемея с трех сторон (запада, юга и востока) окружена горами. Подобная картина, конечно, далека от реальности. Она создана Птолемеем благодаря двум факторам: его собственной концепции, в которой очень важное место принадлежало стремлению отграничить каждую из выделенных им областей естественными барьерами от соседних, а также благодаря наличию уже существовавшей в это время традиции, согласно которой Маргиана со всех сторон окружена горами. Эта традиция в неявной форме представлена у Страбона, который говорит о том, что Арея и Маргиана частично окружены горами (Strab. XI, 10.2). Гораздо более четко она воплощена в трудах Плиния (Plin. Nat. Hist. VI, 47), Аммиана Марцеллина (Amm. Marcell. XXIII, 6.54)[6], Солина (Solin. 48, 1–3)[7] и Марциана Капеллы (Martianus Capella VI, 691)[8]. Сочетание реальной картины с умозрительными построениями хорошо видно на карте: только горы на юге Маргианы имеют свое название – горы Сарифа, которые идут по линии границы с Ареей (διά τῶν Σαρίφων ὀρέων. – Ptol. VI, 10.1), в то время как горы вдоль западной и восточной границ не имеют своих названий, что, с нашей точки зрения, указывает на их "умозрительность". Географическая реальность – только горы на юге, где южная граница Маргианы проходила по отрогам Копетдага там, где сейчас проходит граница между Туркменистаном и Афганистаном. В то же самое время две горные гряды на западе и востоке, являющиеся, по Птолемею, естественными границами страны, совершенно не отвечают географическим реалиям.

Другим примером несоответствия географическим реалиям является указание и текста, и карты на впадение р. Марг в Окс – у самого устья последнего. Здесь необходимо отметить два момента: р. Марг не могла впадать в Окс ни при каких обстоятельствах. По мнению Плиния, она впадала в озеро Зотха (Plin Nat. Hist. VI, 47). В настоящее время р. Мургаб теряется в песках. Однако другой тезис Птолемея – о впадении Окса в Каспийское море (Ptol. VI, 10.1) – в настоящее время считается исследователями совершенно справедливым. Еще совсем недавно указание Птолемеем на этот факт рассматривалось, как одна из главных ошибок в его картине Средней Азии (Гумбах, 1975. С. 72; Humbach, 1972. S. 91). Однако сейчас у исследователей нет сомнений, что в античную эпоху Узбой был обводнен и основная часть вод Амударьи направлялась через Сарыкамыш именно в Каспийское море (Юсупов, 1986; Вайнберг, 1999. С. 36–52). В таких условиях становится ясным появление идеи о впадении реки Марг в Окс (возле самого устья последней): р. Марг была более многоводной и уходила в пески значительно дальше на север, чем в настоящее время. Поскольку на севере протекала р. Окс, то для авторов, незнакомых с этим явлением – гибелью реки в песках – естественным было предположение античных географов об их слиянии (Гумбах, 1975. С. 72).

Таким образом, можно с определенной степенью уверенности предполагать, что в тексте и на карте Птолемея отложились два пласта информации. При этом первый пласт – общегеографический – для нас стал более или менее ясным, в нем удается выявить две составляющие, одна из которых общетеоретическая модель, а вторая – информация, почерпнутая у кого-то из предшественников и восходящая, скорее всего, к Аполлодору из Артемиты (Пьянков, 1997. С. 65–71). Необходимо отметить, что при всех искажениях картина географической ситуации в Маргиане передана Птолемеем более точно, чем других, соседних с ней областей.

Остается определить характер и особенности второго пласта информации. Первый, как мы видим, ориентирован, главным образом, на географические особенности, такие как горы, реки, видимо, пустыня, а города упоминаются лишь тогда, когда они связаны с рекой, как город Иасонион (Ἰασόνιον), который используется как репер, указывающий место слияния двух рек (Ptol. VI, 10.3–4). Второй пласт, следовательно, должен быть связан с другим важнейшим элементом карты и текста Птолемея – городами (не связанными с рекой) и их местоположением. Имеется еще третий элемент в картине каждой области – название народов, обитающих здесь, но анализ его сейчас затруд-

[5] Мы пользовались следующими изданиями текстов и переводами сочинения Плиния (Pline l'ancienne..., 1980; Pliny..., 1969).

[6] Мы пользовались следующими изданиями текста и переводами сочинения Аммиана Марцеллина (Ammianus Marcellinus..., 1972), а также переводом (Аммиан Марцеллин..., 1907).

[7] Мы пользовались следующим изданием текста (C. Iulii Solini..., 1895).

[8] Мы пользовались следующим изданием текста (Martianus Capella..., 1978).

нен и мы оставляем попытки решить эту проблему на будущее.

Отправным пунктом для разграничения двух традиций является местонахождение Антиохии Маргианской и ее соотношение с рекой Марг и городом Иасонион. Естественно, встает вопрос – можно ли надежно выделить ту традицию, в результате которой Антиохия Маргианская оказалась южнее, нежели место слияния рек Мургаб и Кушка? Кроме того, как мы отмечали в самом начале статьи, необходимо искать систему, поскольку наличие традиции предполагает, что на карте Птолемея должны находиться несколько пунктов, которые все вместе, в рамках единой схемы были перенесены из более раннего источника на эту карту.

В поисках такой системы мы решили обратиться к археологической карте Маргианы и попытаться выяснить: можно ли каким-либо образом соотнести реальные археологические памятники с городами, отмеченными на карте Птолемея.

Нас привлекли два города, расположенные в северной части оазиса, сравнительно далеко от Антиохии и достаточно близко друг от друга. Мы имеем в виду город Аратха (Ἀράθα) и Сена (Σήνα), имеющие, по Птолемею, следующие координаты: первый – 103°30′ восточной долготы и 42°30′ северной широты; второй же – 102°30′ восточной долготы и 42°20′ северной широты (Ptol. VI, 10.3). Третьей точкой мы, естественно, избрали Антиохию Маргианскую (Ἀντιόχεια Μαργιανή) со следующими координатами: 102° восточной долготы и 40°30′ северной широты (Ptol. VI, 10.4). В результате образовался вытянутый треугольник, острая вершина которого обращена к югу.

Для выяснения соответствий данных Птолемея с реальностью необходимо попытаться найти определенное соответствие им на современной карте археологических памятников Маргианы. В результате многих лет работы была создана археологическая карта Мервского оазиса, о которой мы уже упоминали, включающая в себя несколько сотен памятников разного времени.

Сопоставление двух карт должно быть, естественно, начато с пункта, относительно которого нет никаких сомнений в его идентификации на двух картах. Мы имеем в виду Антиохию Маргианскую, которая абсолютно всеми современными исследователями отождествляется с городищем Гяур-кала (и его цитаделью Эрк-кала). Следовательно, наша задача состоит на этом этапе в том, чтобы выделить среди многочисленных археологических памятников два. Они должны отвечать следующим требованиям: 1) необходимо, чтобы они располагались в северной части оазиса, 2) они должны находиться сравнительно недалеко друг от друга, 3) в то же самое время их расстояние от Антиохии Маргианской должно в несколько раз превосходить то расстояние, которое их разделяет, 4) наконец, еще одно важное требование – необходимо было, чтобы в парфянское время эти населенные пункты были достаточно крупными, чтобы иметь право называться городами.

Этим критериям отвечали только два древних населенных пункта: № 544 на археологической карте (The archeological map..., 1998), отмеченный на современных картах как Новый Кишман, известный также как Улы Кишман, Тязе Кишман, в средневековое время носивший название Хурмузфарра (Пугаченкова, 1958. С. 46; Массон, 1966. С. 36–57; Bader et al., 1993–1994. P. 58–62) и № 586–587, отмеченный на картах как Старый Кишман и известный также как Кишман-депе, Дингли Кишман, Койне Кишман, в средневековье носивший имя Кушмейхан (Дурдыев, 1959. С. 136–169; Пугаченкова, 1958. С. 54, 55; Массон, 1966. С. 86–111; Koshelenko et al., 1993. P. 225–250; Bader et al., 1993–1994. P. 56, 57). Оба эти памятника находятся в северной части оазиса, достаточно близко друг к другу, на значительном расстоянии от Гяур-калы, оба представляли в парфянское время значительные по размерам населенные пункты, с геометрически правильной планировкой и солидными укреплениями. По всем параметрам они отвечают поставленным условиям.

На рис. 2 представлены результаты сравнения двух треугольных фигур, выполненных в едином масштабе. Один треугольник образован тремя крупными городами на карте Маргианы Птолемея. Это Сена – точка A_1, Арата – точка B_1 и Антиохия Маргиана – точка C_1 (рис. 2, *а*). Второй треугольник образован реальными памятниками, зафиксированными в ходе археологических исследований и геокодированных в ГИС археологических памятников Мервского оазиса: Улы Кишман – точка А, Дингли Кишман – точка В и Гяур-Кала – точка С (рис. 2, *б*). Главной составляющей любого пространственного анализа является анализ расстояний. Кратчайшим расстоянием между памятниками является расстояние по прямой – по сути это стороны наших треугольников. АВ – расстояние между Улы Кишманом и Дингли Кишманом, ВС – расстояние между Дингли Кишманом и Гяур-Калой и АС – расстояние между Улы Кишманом и Гяур-Калой. И соответственно A_1B_1 – расстояние между Сеной и Аратхой, B_1C_1 – расстояние между Аратхой и Антиохией Маргианой и A_1C_1 – расстояние между Сеной и Антиохией Маргианой. Используя инструмент "Измерение" геоинформационной системы, мы определили расстояние по прямой между нашими памятниками. Получились АВ = 8.44 км, ВС = 29.18 км и АС = = 31.36 км. На карте Птолемея отсутствует масштаб отображения, поэтому, допуская, что имеющееся у нас изображение данной карты сделано без искажений, мы измеряем расстояние в санти-

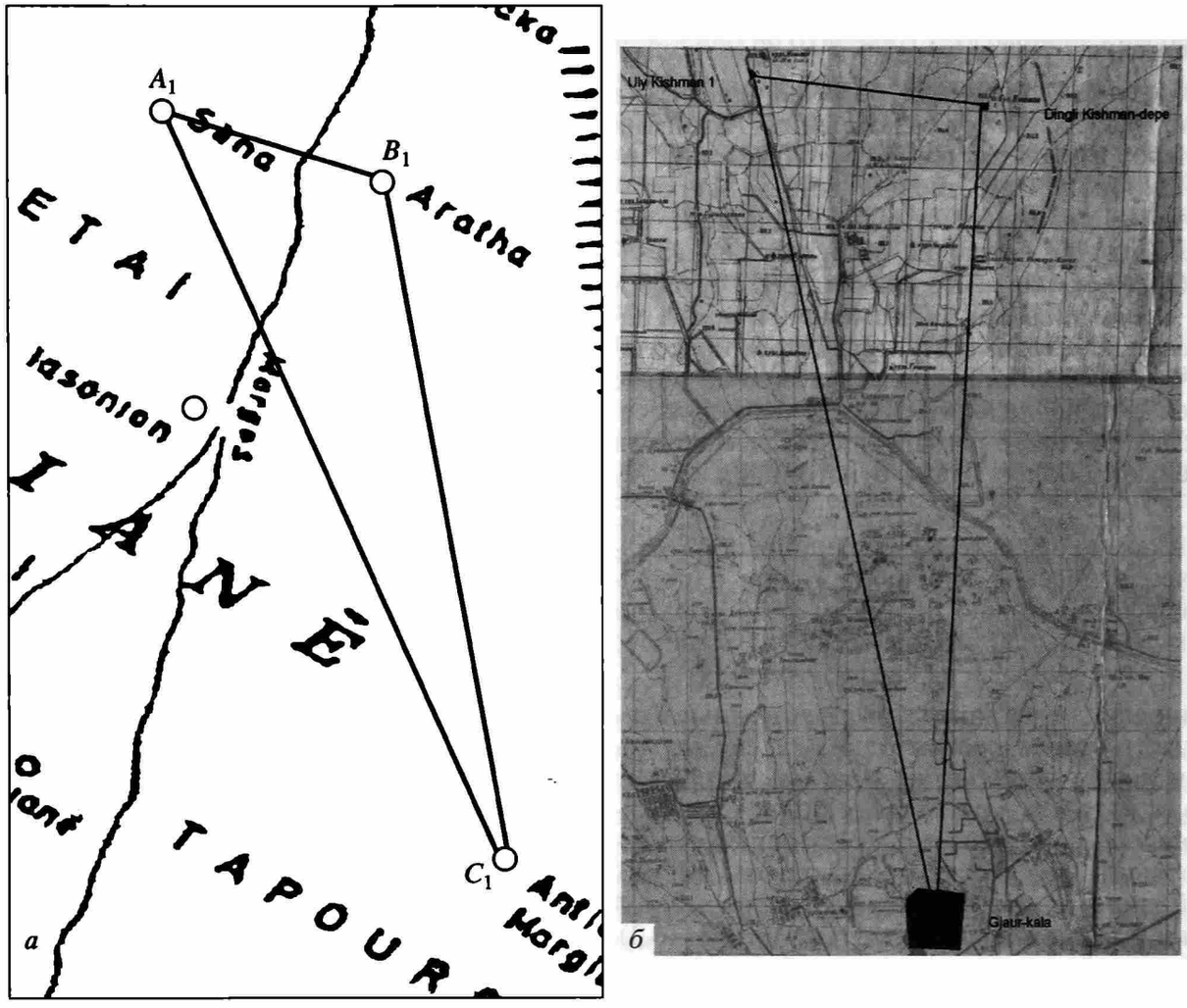


Рис. 2. Соотношение памятников по карте Птолемея (*а*) и Археологической карте Мервского оазиса (*б*).

метрах линейкой. У нас получается, что $A_1B_1 = 1.3$ см, $B_1C_1 = 4.5$ см и $A_1C_1 = 5.5$ см.

Следующим этапом стал анализ соотношения сторон. В итоге, получилось что

$$\frac{AB}{A_1B_1} = \frac{8.44}{1.6} = 6.4; \quad \frac{AC}{A_1C_1} = \frac{31.36}{5.5} = 5.6;$$

$$\frac{BC}{B_1C_1} = \frac{29.18}{4.5} = 6.4.$$

Учитывая возможную погрешность в измерениях, связанную, во-первых, с тем, что в ГИС "Археологические памятники Мервского оазиса" памятники представлены в виде площадных объектов (измерения производились из центра площади), а на карте Птолемея – точечных, и, во-вторых, с допустимой погрешностью обоих карт, мы округляем полученный коэффициент до целого числа и получаем

$$\frac{AB}{A_1B_1} = \frac{8.44}{1.6} = 6.4 \approx 6; \quad \frac{AC}{A_1C_1} = \frac{31.36}{5.5} = 5.6 \approx 6;$$

$$\frac{BC}{B_1C_1} = \frac{29.18}{4.5} = 6.4 \approx 6.$$

Таким образом, мы получаем единый коэффициент, а следовательно, можем говорить, что стороны одного треугольника пропорциональны сторонам другого треугольника, т.е. треугольники подобны (на основании теоремы "Третий признак подобия треугольников"). Из этого следует, как нам кажется, надежный вывод: мы можем со значительной долей уверенности говорить о том, что из равенства Гяур-кала = Антиохия Маргианская автоматически следует два других равенства: Сена = Новому Кишману, а Аратха = Старому Кишману.

В результате этого, мы можем считать доказанным, что Птолемей действительно, создавая свою карту Маргианы, брал материалы своих предшественников "блоками", а не отдельными элементами. В данном случае таким был блок из трех городов. Вполне возможно, что число городов, входящих в этот "блок", было большим, но этот вопрос требует дальнейшего исследования.

Второй вопрос, который должен быть рассмотрен в заключение, – это вопрос о причине такой значительной точности в определении местоположений городов, что кажется несколько неожидан-

ным. Нам представляется, что причина этого кроется в том, что значительная часть информации по Центральной Азии Птолемеем была взята, как считают практически все исследователи этих проблем, у Марина Тирского (Томсон, 1953. С. 462–464; Pédech, 1976. P. 178–184; Дитмар, 1980. С. 94; Пьянков, 1997. С. 72–77), который, в свою очередь, использовал материалы Мая Тициана, который сам (или его агенты) побывал в Центральной Азии. Их материалы имели характер итинерариев. При этом создается впечатление, что одним из этапов на этом пути была Антиохия Маргианская (Ptol. I, 12, 3–8). Измерение расстояний между отдельными пунктами на пути может быть достаточно точным, особенно в равнинной местности, каковой был Мервский оазис (Pédech, 1976. P. 187, 188). Их точность во всяком случае превосходила точность построений, основанных на не очень достоверных данных относительно долгот и широт.

Таким образом, подводя итоги, мы можем считать, что в создании карты Маргианы Птолемеем участвовали три составных части: 1) некоторые общие идеи Птолемея, представленные в данном конкретном случае в виде системы горных хребтов, которые "отсекали" Маргиану от других областей; 2) некое географическое сочинение (видимо Аполлодора из Артемиты), достаточно точно помещавшее Маргиану в систему восточных областей, с правильным указанием на основные особенности речной системы в целом (в нем также указывались те города, которые находились непосредственно на берегах реки), но с ошибочным указанием на впадение реки Марг в Окс; 3) итинерарий, достаточно точно указывавший на взаимное расположение по крайней мере части крупнейших населенных пунктов области парфянского времени, восходящий через Марина Тирского к Маю Тициану.

Данная статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 05-06-80134а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аммиан Марцеллин. История. Вып. 2. Киев, 1907 (пер. Ю.А. Кулаковского).

Бадер А.Н., Гаибов В.А., Губаев А.А., Кошеленко Г.А. Системы расселения и ирригация в Мервском оазисе (Туркменистан) от эпохи бронзы до средневековья. М., 1995.

Вайнберг Б.И. Этногеография Турана в древности. М., 1999.

Гумбах Г. Птолемей и Центральная Азия в кушанское время // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 2. М., 1975.

Дитмар А.Б. География в античное время (очерки развития физико-географических идей). М., 1980.

Дурдыев Д. Городище Старого Кишмана (отчет о раскопках 1956–57 гг.) // Тр. Института истории, археологии и этнографии АН ТССР. Т. V. Ашхабад, 1959.

Кошеленко Г.А. О времени существования некоторых сооружений Старой Нисы // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 9. М.; Магнитогорск, 2000.

Массон М.Е. Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и в Мавераннахр (в пределах Туркменской ССР) // Тр. ЮТАКЭ. Т. XIII. Ашхабад, 1966.

Оразов О. Археологические и архитектурные памятники Серахского оазиса. Ашхабад, 1973.

Пугаченкова Г.А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма // Тр. ЮТАКЭ. Т. VI. М., 1958.

Пьянков И.В. Средняя Азия в античной географической традиции. М., 1997.

Пьянков И.В. Античные источники о Средней Азии и их интерпретация (по поводу двух работ Ф. Грене и К. Рапэна) // ВДИ. 2004. № 1.

Страбон. География в 17 книгах. М., 1964 (пер. Г.А. Стратановского).

Томсон Дж.О. История древней географии. М., 1953.

Юсупов Х. Древности Узбоя. Ашхабад, 1986.

Ammianus Marcellinus. With an English translation by J. Rolfe. Cambridge, 1972.

The archeological map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990–1995. Roma, 1998.

Bader A., Gaibov V., Koshelenko G. The Northern Periphery of the Merv Oasis from the Achaemenid Period to the Mongol Conquest // Silk Road Art and Archaeology. 3. 1993–1994.

Bader A., Gaibov V., Koselenko G. Walls of Margiana // In the land of gryphons. Papers on Central Asian archaeology in antiquity. Firenze, 1995.

C. Iulii Solini. Collectanea rerum memorabilium. Iterum recensuit Th. Mommsen. Berolini, 1895.

The Geography of Strabo. With an English translation by H.L. Jones. In eight volumes. V. V. Cambridge, L., 1969.

Humbach H. Historisch-geographische Noten zum sechsten Buch der Geographie des Ptolemaios // Jahrbuch des Romisch-germanischen Zentralmuseums Mainz. 1972. Jh. 19.

Humbach H., Ziegler S. Ptolemy Geography. Book 6. Middle East, Central and North Asia, China. Pt. 1. Wiesbaden, 1998.

Koshelenko G.A., Bader A.N., Gaibov V.A. Materials for archaeological Map of Merv oasis // Mesopotamia. 1992. V. 27. Firenze, 1993.

Martianus Capella. Addenda et corrigenda iterum adiecit J. Preaux. Lipsiae, 1978.

The Parthian stations by Isidore of Charax. An account of the overland trade route between the Levant and India in the first century B.C. The Greek text, with translation and commentary by W.H. Scoff. Chicago, 1976.

Pédech P. La géographie des grecs. Paris, 1976.

Pline l'ancienne Histoire naturelle. Texte établie et traduite par J. Andre et J. Fillozat. Paris, 1980.

Pliny. Natural history in ten volumes. With an English translation by H. Rackham. L.; Cambridge, 1969.

Ptolemaios. Geographie 6.9–21. Ostiran und Zentralasien. Griechischer Text neu herausgegeben und ins Deutsche übertragen von Italo Ronca. Rom, 1971.

Rapin C. L'incompréhensible Asie Centrale de la carte de Ptolémée: proposition pour un décodage // Bulletin of the Asia Institute. N.S. 1998. V. 12.

On the location of the towns of Margiana (On the potential of some GIS-technologies)

V. A. Gaibov, G. V. Trebeleva

Summary

One of the most important sources on historical geography of antique Central Asia is the composition of "the Geographical Guide" by Claudius Ptolemaeus (the 2nd c. AD). But its use is confronted with great difficulties, because Ptolemaeus united the data from sources of different times and plans in his work. The discussions of the last years showed how it is difficult to distinguish between separate information "layers" which the composition of Ptolemaeus contains. The authors proceed from the fact that Ptolemaeus joined into a unified picture "blocks" borrowed from different sources and not separate points. On the basis of the Ptolemaeus's description of the Merv oasis (Margiana) the authors make an attempt to mark out such information block with help of itinerary data and materials of the archaeological map of Magdiana made with use of geoinformation system (GIS) technologies. It turned out that one can identify exactly enough three archaeological sites (Gyaur-kala, Dingli Kishman and Koine Kishman) with three towns presented on the Ptolemaeus' map (Antiochia Margiana, Sena and Aratkha).

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 3, с. 165–181

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОТ РЕДСОВЕТА И РЕДКОЛЛЕГИИ

За последние десять лет в разных издательствах вышли в свет четыре книги А.А. Формозова, посвященные истории археологии в России XX века. А.А. Формозов давно известен как специалист по истории науки; издаваемые им с 1960-х годах книги, такие как "Очерки по истории русской археологии" (1961), "Страницы истории русской археологии" (1986), "Пушкин и археология" (1979) и другие, пользуются широким и заслуженным признанием. Однако ряд работ, опубликованных автором в последнее десятилетие и посвященных развитию нашей науки в советский и постсоветский период, вызвал у читателей совсем иную реакцию. В журнал "Российская археология" поступают статьи и письма коллег, полные возмущения такими работами А.А. Формозова, как: "Русские археологи до и после революции" (М., 1995); "Рассказы об ученых" (Курск, 2004а); "Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки" (М., 2004б); "Человек и наука. Из записей археолога" (М., 2005). Основная мысль откликов состоит в том, что в названных работах история российской археологии XX столетия и деятельность ученых сознательно искажена.

По мнению редколлегии журнала, вышеперечисленные книги А.А. Формозова находятся вне сферы фундаментальной науки, поскольку представляют собой не столько исследования, сколько публицистические и, отчасти, мемуарные очерки, составленные с субъективных позиций. Их следовало бы анализировать скорее как источники (с которыми, как известно не полемизируют), чем как добросовестные исследования. В силу этого, редколлегия долго воздерживалась от публикации критических отзывов. Однако существует опасность, что тексты книг А.А. Формозова будут восприняты как рисующие объективную картину развития науки. Поэтому – *audiatur et altera pars*.

Ниже публикуется только пять откликов на последние книги А.А. Формозова. Они составлены, в основном, его ровесниками, хорошо знавшими тех ученых, о которых пишет Формозов, а также условия и обстоятельства, в которых они работали. Ряд персональных оценок и сентенций А.А. Формозова цитируется в публикуемых статьях разными авторами, но с одинаковой (однозначно негативной) реакцией; поэтому редколлегия прибегла к сокращениям, сохранив, в большинстве случаев, такого рода оценки только в одной из рецензий.

Редсовет и редколлегия считают, что дальнейшая дискуссия по поднятым вопросам нецелесообразна – обе стороны высказались с предельной ясностью.

Публикуемые ниже рецензии обращаются к одним и тем же книгам А.А. Формозова, поэтому принят единый порядок ссылок, в которых указывается только год и страница издания, например:

Формозов А.А. Русские археологи до и после революции. М., 1995. С. 1. Ссылка в тексте – (1995. С. 15).

Формозов А.А. Рассказы об ученых. Курск. 2004а. С. 15. Ссылка в тексте – (2004а. С. 15).

Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. М., 2004б. С. 15. Ссылка в тексте – (2004б. С. 15).

Формозов А.А. Человек и наука. Из записей археолога. М., 2005. С. 15. Ссылка в тексте – (2005. С. 15).

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ОСВЕЩЕНИЯ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Ни у кого не вызывает сомнений тот факт, что бурные события двух последних десятилетий в жизни нашей страны не могли не отразиться на всех науках, в том числе и на археологии. Сравнительно недавно об этом уже шла речь на страницах РА (Гуляев, Беляев, 1995. С. 97–104; Формозов, 1995. С. 225–232; Шер, 1999. С. 209–223 и др.). Споры возникают об оценках тех или иных тенденций и событий в нашей науке, фактов и личностей. И это нормально, но до тех пор, пока споры, как и всякие научные споры, основаны на реальных фактах. Любители устраивать якобы научную полемику на домыслах или не поддающихся проверке фактах были и будут всегда. Вспомним "гипотезы" о космических пришельцах и им подобные псевдонаучные построения вроде "Запрещенной археологии" М. Кремо и Р. Томпсона и, особенно, – ныне наводнившие все книжные прилавки издания о "новой хронологии" акад. А.Т. Фоменко. Все это – обычный информационный "шум", сопровождающий каждую науку. Он, конечно, вреден, поскольку дезориентирует широкого читателя – неспециалиста, но, во всяком случае, авторы этих "трудов" не переходят на личности, не опускаются до оскорблений своих оппонентов.

При откровенном злоупотреблении нормами свободы слова, параллельно с "шумом", стали появляться публикации иного рода. Вместе с политической цензурой выплеснули нормального ребенка – общепринятую практику экспертизы, т.е. рецензирования поступающих в издательства рукописей. Бывает достаточно оплатить издание и можно под прикрытием свободы слова писать и тиражировать все, что угодно. В приличном обществе не принято вступать в дискуссии с желтой прессой. Но когда подобный тон "дискуссии" появляется в изданиях, претендующих на научность, приходится преодолевать брезгливость и реагировать.

В результате злоупотреблений свободой слова, наряду с псевдонаучными публикациями, например о "внетропической прародине человека" (критику см.: Ранов, 2005), печатаются откровенно хулиганские и клеветнические брошюры и книги, в которых подвергаются шельмованию и клеветническим наветам крупные ученые, в том числе и те, которые уже ушли из жизни и не могут ответить. Разумеется, подавляющее большинство российских археологов рассматривает эти публикации как написанные "явно озлобленными людьми, которые, очевидно, считают, что научное признание и слава несправедливо их обошли" (Ранов, 2005. С. 16–20).

К сожалению, сомнительные лавры борцов с "академической бюрократией" не оставляют в покое и других сочинителей научных трудов. Значительно опаснее, когда на подобную стезю вступает такой, в прошлом достаточно авторитетный в российской археологии автор, как А.А. Формозов. Он многократно напоминает в своих публикациях о том, что он "сын московского профессора", т.е. человек вполне интеллигентный. В весьма объемном списке научных трудов Александра Александровича, опубликованном в связи с его 75-летием, за ним не числится каких-то серьезных археологических открытий или масштабных полевых работ. Не обнаруживаются также ни какие-либо его теоретические или методические исследования, ни учебники или учебные пособия. Сенсационная в свое время находка могилы неандертальца в Старселье обернулась досадным конфузом.

Постоянно выставляя себя как гонимого официальной наукой оппозиционера, Формозов в то же время многие годы благополучно участвовал во всяких официальных советах и редколлегиях, что как-то не вяжется с образом "научного диссидента", который он на себя активно примеряет. На персональных сайтах Интернета он и сейчас значится как советник Института археологии РАН. Кому и какие советы он дает? За пределами бывшего СССР его имя было почти неизвестно до публикации скандального письма по поводу упомянутого Староселья в журнале "Current Antropology".

Стремясь подняться на теоретическую высоту, Формозов постоянно вспоминает свои статьи по теоретическим вопросам археологии, не ссылаясь на издания, в которых все это уже было сказано, например Г. Дэниелом, Ж.-К. Гарденом, К. Ренфрю и П. Баном, Г.А. Федоровым-Давыдовым, В.С. Бочкаревым, С.А. Васильевым и А.П. Деревянко, Л.С. Клейном, И.С. Каменецким, Б.И. Маршаком, мною и др., и вошло в учебники. Но, допустим, он об этом забывает по ученой рассеянности, все равно эти работы похвальны, хотя и не выходят за рамки небольших статей.

В полевых археологических исследованиях Формозов тоже не преуспел, как он сам признается, по причине недостаточного "взаимопонимания с коллегами" и от того, что "был задирист, ...обижал людей" (Формозов, 2004а. С. 112; 2005. С. 76, 176).

Начиная с 1960-х годов Формозов стал заниматься историографией российской археологии. В этой сфере, которая не требует работы в коллективе, умения добыть средства на раскопки и провести их в оптимальном режиме, а затем ввести в научный оборот, Формозов достиг определенных успехов. У Формозова хороший литературный язык. И хотя я не соглашался по сути с некоторыми его утверждениями, но всегда говорил своим студентам: "пишите как Формозов". Его книги по истории российской археологии XVIII–XIX вв. принесли ему известность в России и на постсоветском пространстве. Никто не сомневался в их достоверности и не проверял изложенные в них факты. Теперь, после выхода его последних книг, такие сомнения могут возникнуть.

Формозову повезло с юных лет оказаться в среде корифеев нашей науки, к сожалению уже ушедших в мир иной. Когда в его книгах и статьях заходит речь о людях и событиях XX в., особенно, – второй половины, основой для автора служат уже не документы и литература, а только собственное мнение. Всякие мемуары субъективны по определению, и за это их не стоило бы критиковать. У каждого из нас есть свои симпатии и антипатии. Но у Формозова они иногда выплескиваются далеко за пределы допустимого, даже для субъективных мемуаров, а главное – сам он рассматривает свои сочинения не как мемуары, а как историографические научные труды.

Конечно, можно было бы на них и не реагировать, следуя сути известной восточной поговорки. Но многие из ошельмованных Формозовым – покойные или еще живые – профессора вузов и не только российских. Помнится, как в студенческой юности я прочел статью А.Н. Бернштама (1932), в которой с революционным пафосом поносился "буржуазный ученый" С.И. Руденко. Ведь тогда я принял все это за правду. И только позднее, познакомившись в 1951 г. с Бернштамом и его учениками, я понял, что эта статья 22-летнего комсомольца, сына большевика-подпольщика была порождена политическими реалиями того времени. Бернштам был не одинок. Под одной обложкой с его статьей о Руденко была напечатана не менее "революционная" статья, в которой громили "буржуазных ученых" А.А. Спицына и В.А. Городцова (Арциховский и др., 1932. С. 47). Слава Богу, теперь мы знаем, что это была мутная пена на революционной волне.

На какой же "революционной волне" появились последние книжки Формозова? На никакой. Просто Формозов отлично понимает широко распространенный в нашей стране стереотип "раз напечатано, значит, – правда" (2005. С. 51). Пройдут годы, ни нас, ни Формозова уже не будет, а студенты будут читать его книжки о том, какими конъюнктурщиками, жуликами и шустрыми пройдохами были многие археологи, особенно в Сибири, в том числе авторы учебников, по которым они учатся. Только поэтому необходимо отреагировать на откровенно лживые пассажи, попирающие профессиональную честь и достоинство российских и некоторых зарубежных археологов.

В наибольшем количестве такие всплески собрались под обложками трех последних книг Формозова. Название третьей из них "Человек и наука. Из записей археолога" (ну, прямо В.И. Вернадский!) говорит о больших претензиях автора. На самом деле большинство страниц этих изданий наполнено злобным шельмованием и откровенной клеветой не только на многих российских археологов, но на всю науку в целом.

Во всех упомянутых выше книгах, особенно в книге 2005 г., сквозит неприкрыто презрительное отношение ко всем провинциалам, хотя автор, как историограф не может не знать, что многие корифеи нашей науки вышли из провинции: М.И. Артамонов, Н.Н. Воронин, М.М. Герасимов, В.А. Городцов, Б.Н. Граков, М.П. Грязнов, Г.Ф. Дебец, А.А. Миллер, А.Л. Монгайт, А.П. Окладников, К.Ф. Смирнов, Б.В. Фармаковский и др.

Формозов призывает нас к смирению в научной работе и к тщательному исследованию источников. Кто же будет с этим спорить? Но когда он пишет о тех коллегах, кого он знал и знает лично, это смирение и критика источников мгновенно куда-то исчезают. Он забывает не только провозглашаемый им принцип, но и свои же публикации. Когда-то он по заслугам хвалил М.М. Герасимова (Формозов, 1967. С. 212–214), а в последней книжке, мягко говоря, больно задел покойного, а заодно и всеми любимого Г.Ф. Дебеца, которому тоже когда-то пел дифирамбы (Формозов, 1965. С. 242–244).

Он "разоблачает" О.Н. Бадера, А.Н. Бернштама, П.И. Борисковского, Н.Н. Гурину, Д.А. Крайнова, А.П. Окладникова и других коллег, ушедших из жизни. Чувствуя, что это не очень прилично, Формозов ищет себе союзника в великом Л.Н. Толстом, который якобы тоже считал неправильной формулу "о мертвых либо хорошо, либо ничего" (Формозов, 2004б. С. 105). Но Толстой, великий писатель и одновременно человек с весьма сложным характером, все же имел в виду правду, а не домыслы, а наш почтенный историограф постоянно смешивает эти два вида информации и особенно любит полуправду, которая, как известно, хуже лжи.

Чего, например, стоит такой пассаж: "Побывали под арестом Б.Б. Пиотровский, А.П. Круглов, Г.В. Подгаецкий. Донес на их вольные речи, *кажется* (курсив мой – *Я.Ш.*) Е.Ю. Кричевский" (Формозов, 2004б. С. 76). Неужели непонятно, что в политическом доносе нельзя обвинять кого-либо, если это только "кажется"? Должно быть стыдно для любого интеллигентного человека, тем более – для историографа.

Формозов пишет о том, что в лабораториях естественнонаучных методов в Ленинграде и Москве не было профессионалов, и самое нужное направление – радиоуглерод – не получило развития (Формозов, 2004б. С. 94). Лаборатория археологической технологии (ЛАТ) ЛОИА, прямая наследница Института археологической технологии ГАИМК, была воссоздана С.И. Руденко задолго до того, как подобная лаборатория была открыта Б.А. Колчиным в Москве. С 1956 по 1967 г. в ней не было ни одного гуманитария. С 1967 по 1972 г., когда ЛАТ руководил я, в ней из 17 сотрудников было три археолога: С.С. Миняев, Б.Н. Пяткин и я. Сам Сергей Иванович (в эти годы консультант), конечно, хотя и был археологом и этнографом, но имел степень доктора технических наук. Все остальные – физики, химики, биологи, экологи, петрографы (в том числе 5 кандидатов наук). Но и археологи в Ленинграде и Москве, которые, по мнению Формозова, "не превратились в квалифицированных ученых" (Формозов, 2004б. С. 94), достигли больших успехов. Работы Б.А. Колчина, Н.Б. Черных, Е.Н. Черных, С.В. Кузьминых, Т.Б. Барцевой, С.С. Миняева, А.А. Бобринского Г.Н. Лисицыной и их учеников вошли в основной фонд советской и российской археологии.

Что до радиоуглерода, то это – заведомая ложь. Еще за 4 года до присуждения Ч. Либби Нобелевской премии, Руденко понял перспективы этого метода и с помощью Радиевого института АН СССР (чл.-корр. РАН И.Е. Старик) в 1956 г. создал в ЛАТ группу радиоуглерода, а с 1958 г. начались серийные определения возраста. Формозов не может не помнить, как в 1968 (или 1969 г., точно не помню) мы с П.М. Долухановым выступили с докладом в Москве на Ученом совете ИА о проблемах радиоуглеродной хронологии. В докладе были представлены результаты анализа почти 3000 дат памятников каменного и бронзового века и предложены пути дальнейших исследований в этой области (см.: Колчин, Шер, 1972. С. 3–10 и другие статьи в этом сборнике). Формозов был на этом Совете и слышал одобрительные выступления Е.И. Крупнова, А.Л. Монгайта, В.Н. Чернецова и др. Позднее с докладом о радиоуглеродном методе, по приглашению акад. П.Л. Капицы, на его легендарном семинаре выступил сотрудник ЛАТ физик А.А. Семенцов.

Подобные примеры искажения фактов или полуправды в книгах Формозова можно умножать, но тогда эти заметки вырастут до необъятных размеров. Да, всем известно, что в работах наших старших коллег и учителей были недостатки, были ошибки, кстати, видимые только сейчас, с расстояния в 40–50 лет. А у кого их не было? Возможно, Александр Александрович считает, что только у него самого? Он ведь до сих пор не признал свою ошибку с "неандертальцем" из Староселья. Наши учителя начинали свои исследования 70–80 лет назад, а Формозов критикует их так, будто бы за эти десятилетия в нашей науке ничего не изменилось. К тому же эта, с позволения сказать, "историография" адресована широкому читателю, который никого из упоминаемых лиц не знает и принимает все за правду. И даже если что-то из написанного здесь Формозовым верно, какое, например, дело читателю, не археологу, до откровенной личной ненависти Формозова к покойному Г.Н. Матюшину? Из публикаций Матюшина этот читатель, может быть, встречал только учебное пособие по краеведению и археологический словарь, которые Формозов, кстати, не критикует. Но зато, почитав "историографические труды" Формозова, он поймет, что в советской и нынешней российской археологии процветали карьеристы, невежды, конъюктурщики и стукачи.

Есть такая скандальная книга Коры Ландау о ее муже и его коллегах. В ней и сам акад. Л.Д. Ландау, и многие наши известные физики вряд ли заслуженно представлены с морально-этической точки зрения в весьма неприличном виде. Последние книжки Формозова очень похожи на нее. Но то, что непростительно даже взвинченной нервной даме, тем более не подобает благородному историографу.

У Формозова давняя антипатия к акад. А.П.Окладникову. Еще в 1960-е годы он "героически" критиковал его за неверные, по его мнению, датировки некоторых сибирских петроглифов, а потом величественно отхлестал его учеников, выступивших в защиту учителя. Если в первых критических оценках исследований Окладникова у Формозова еще были какие-то слабые попытки анализа, правда столь же интуитивные, как и датировки Окладникова, то в последних книгах и сам Окладников, и его ученики помещены где-то между жуликами и проходимцами-хамелеонами. В том, что Окладников заложил основы первобытной археологии Сибири и на пустом месте создал новый сибирский институт археологии, который теперь не уступает институтам Москвы и Санкт-Петербурга, Формозов видит больше отрицательного, чем положительного. Не увязывается у Формозова принцип скрупулезного исследования источников с практикой. Откуда ему, например, известно о поведении Окладникова во время банкета после Кемеровской конференции 1979 г. (Формозов, 2005. С. 200)? Формозова там не было, а Окладников и вовсе уехал из Кемерова до банкета.

Ныне здравствующим коллегам тоже досталось от Формозова: академикам А.П. Деревянко и В.И. Молодину, профессорам А.И. Мартынову, В.Е. Ларичеву, З.А. Абрамовой, В.А. Ранову, труженику и всемирно известному ученому, который в свои 80 лет продолжает исследования в труднейших условиях на Памире, обеим М.А. и Е.Г. Дэвлет. За что? Критики их научных работ в книжках нет. Просто они все неугодны автору за то, что либо провинциалы, либо дилетанты, либо и то и другое. Между тем "провинциал" Деревянко – крупнейший специалист по палеолиту, возглавляет один из самых авторитетных в мире академических институтов археологии и издает лучший в России археологический журнал на двух языках. К тому же академик-секретарь отделения исторических наук РАН. Не вполне добровольные в молодости (вспомним те времена) годы работы в комсомольских и партийных органах были полезны будущему крупному организатору науки административным опытом.

"Дилетант" Молодин, первый зам. председателя СО РАН, вместе с Н.В. Полосьмак в течение многих лет в невероятно трудных условиях сурового Горного Алтая исследовал и ввел в науку новый Пазырык (Госпремия 2005 г.), да еще на том уровне, который был невозможен при Грязнове и Руденко. Однако никому не придет в голову критиковать за это Грязнова и Руденко. Уровень науки другой.

Не обошел Формозов своим вниманием и меня. Из его книг я узнал много подробностей о себе, грешном. И задумался: из каких же достоверных, перепроверенных источников смиренный историограф черпает информацию? Моих основных работ он не критикует, по-видимому, не читает. Почти за 40 лет я виделся и разговаривал с ним только два-

жды. Раз в ЛОИА, году в 1968 или 1969-м г., когда он (сама любезность) попросил разрешения посмотреть наши копии петроглифов Енисея. И получил полную свободу в ознакомлении с ними, хотя, как правило, наши коллеги не допускают малознакомых людей к неопубликованным материалам. Второй раз – в Москве, в коридоре Института был мимолетный светский разговор. Неужели все дело в том, что 37 лет тому назад я имел глупость написать рецензию на его книгу, не зная, что он – сын профессора и непогрешимый авторитет по всем вопросам археологии? Причем рецензию – в целом положительную, но, как водится, с критическими замечаниями. Я не отказался от ее публикации, как пишет А.А. Формозов (2005. С. 193), это тоже неправда, а он с помощью В.М. Массона ее отклонил, пользуясь своим положением члена редколлегии журнала "Советская археология". Неужели с тех пор он мне мстит? Но мстительность, злопамятность, субъективизм, неутоленная амбициозность – не те качества, которыми должен обладать честный историограф.

Я не буду перечислять все эпитеты, которыми он сопровождает мое имя ("шустрый", "делец", "проворный" и т.п.). Пусть это остается на его совести. Везде, где он упоминает меня, *нет ни одного слова правды и даже полуправды*. Особенно возмущает приписанное мне закавыченное им оскорбление Окладникова (Формозов, 2005. С. 193, 203), которое никогда не могло от меня исходить, ни при каких обстоятельствах. Из какого "достоверного источника" Формозов взял это?

К кемеровским археологам у Формозова тоже давняя неприязнь, еще с 1970-х годов, когда ученик Окладникова Мартынов выступил в печати в защиту своего учителя от нападок Формозова. Формозов пишет: "В Кемерове учрежден Центр по изучению первобытного искусства, хотя поблизости есть лишь маленькая Томская писаница, а самые интересные памятники такого рода расположены за сотни километров. Но обладающие большими пробивными способностями А.И. Мартынов и Я.А. Шер убедили начальство в необходимости этого центра и провели две международных конференции по древнему искусству с докладами *невысокого уровня* (курсив мой. – *Я. Ш.*)" (Формозов, 2004б. С. 313).

Опять заведомая неправда. Сначала насчет "поблизости". Поблизости от Москвы вообще нет памятников первобытного искусства. Однако это не мешало Формозову писать свои труды по первобытному искусству и высказывать в них истины в последней инстанции. Как известно, ближайшие к Йельскому университету (США) античные памятники находятся на расстоянии тысяч километров за океаном, но это не помешало всемирно известным открытиям в Дура Европос акад. М.И. Ростовцева.

Теперь о "Центре". В ноябре 1997 г. группа сибирских археологов проф. В.И. Матющенко (Омск), проф. Ю.Ф. Кирюшин (Барнаул), д.и.н. В.Д. Кубарев (Новосибирск), Н.В. Леонтьев (Минусинск), Е.А. Миклашевич, Н.А. Белоусова и автор этих строк (Кемерово) – учредила и официально зарегистрировала межрегиональную общественную организацию "Сибирская Ассоциация исследователей первобытного искусства" (САИПИ) при Кемеровском гос. университете. Проф. Мартынов в этом не участвовал. Никакого "начальства" нам не нужно было убеждать или спрашивать разрешения. Финансы САИПИ складываются из членских взносов, грантов и спонсорских пожертвований. Никакого казенного финансирования в бюджете САИПИ нет. Мы получали гранты от ЮНЕСКО, от фонда Сороса, Форда, РФФИ и РГНФ и всегда своевременно и точно отчитывались. Редко, но бывали и спонсорские средства от государственных учреждений.

Но даже если бы слова Формозова о наших с Мартыновым "пробивных способностях" были правдой, разве это плохо, создать общественный научный центр, который по мере своих скромных сил занимается мониторингом состояния памятников первобытного искусства и их пропагандой, особенно среди детей, школьников и студентов?

За прошедшие 7 лет САИПИ выпустила 7 номеров "Вестника САИПИ" (на русском и английском языках), книги "Первобытное искусство" (Кемерово, 1998), А. Руссо "Глоссарий первобытного искусства" (перевод с французского, 2003), М.А. Дэвлет "А.В. Адрианов, к 150-летию со дня рождения" (2004) и много статей. В августе 1998 г. САИПИ провела в Кемерове международную конференцию по первобытному искусству (одну, а не две), которую открывал губернатор А.Г. Тулеев. В работе конференции приняли участие более 120 специалистов, из которых более 30 представляли страны ближнего и дальнего зарубежья (Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Эстония, Австралии, Южная Африка, США, Великобритания, Голландия, Франция, Италия и др.). По результатам работы конференции было выпущено два тома "Трудов". Конференция получила высокую оценку в зарубежных изданиях (INORA) и в журнале "Российская археология". Формозов не раскрывает, какие доклады, по его мнению, "невысокого уровня".

На самом же деле все очень просто: комплекс непризнанного гения. "Меня вообще не пригласили" (Формозов, 2005. С. 209). Не подумал правдивый историограф Формозов, что есть 2 или 3 папки с документами о подготовке конференции. Как обычно, рассылались два циркуляра, в том числе и ему. В ответ на первый нужно было подтвердить свое участие, и тогда посылался второй – с условиями и программой. Но Формозов доклада не представил, до ответа не снизошел и, по понятным причинам, второй циркуляр ему послан не был.

За эти годы САИПИ подготовила и провела 3 международных полевых семинара на памятниках наскального искусства в долине Енисея с участием ведущих специалистов из разных стран и семь выставок в музеях Кемерова, Омска, Барнаула, Тюмени, Челябинска, Иркутска и Москвы (РГГУ) с неизменно положительными откликами в местных СМИ. На очереди выставки в Салехарде, Екатеринбурге, Новосибирске и Санкт-Петербурге. САИПИ избрана в состав Международной ассоциации исследователей наскального искусства (IFRAO). В настоящее время в САИПИ состоит более 100 индивидуальных членов, из них около 40 – специалисты из дальнего и ближнего зарубежья, а также 5 коллективных членов. При поддержке САИПИ в прошлом году впервые на постсоветском пространстве петроглифический памятник Тамгалы (Казахстан) был включен в Список всемирного наследия ЮНЕСКО.

Наше нынешнее научное сотрудничество с французскими археологами началось в 1988 г. по их инициативе. С 1990 по 1997 г. мы проводили совместные полевые работы на Енисее, на Алтае, в Туве и Восточном Казахстане. Под нашей совместной с А.-П. Франкфором редакцией вышло не две книги, как пишет Формозов, а шесть. Три из них написаны мной с соавторами, остальные Д.Г. Савиновым, В.Д. Кубаревым с Э. Якобсон и А.Н. Марьяшевым с соавторами. Еще две готовятся к печати.

На конференции 1995 г. в Париже участвовали российские коллеги из Москвы, Петербурга, Новосибирска и Кемерово, но не студенты (опять неправда), а сложившиеся специалисты, кандидаты и доктора наук. Формозова там, увы, не было. Как не было его в 1995 г. в Турине, в 1999 г. в Рипоне (США) и Тутавеле (Франция), в 2005 г. в Эйзи де Тайяк

(Франция) и на других подобных форумах. Он считает, что его туда не приглашают за его принципиальность и потому, что без него спокойнее (Формозов, 2005. С. 209). На самом же деле его там знают в основном по письму в "Current Antropology", после которого даже иностранцы стали понимать, что означает русская фраза "за державу обидно". Возможность выступить в открытой дискуссии у него была совсем недавно, в 2005 г. в Москве на конференции "Мир наскального искусства", куда его любезно пригласили. Но он просто проигнорировал приглашение.

Мимоходом Формозов пренебрежительно отозвался о работах наших португальских коллег, которые назвал догадками (Формозов, 2005. С. 210). Из каких "перепроверенных" источников это ему известно? Они выполнили героическую работу, сделав то, чего когда-то не удалось сделать нам с А.Д. Грачом, когда мы просили Б.А. Рыбакова использовать свое влияние, чтобы притормозить заполнение водохранилищ на Енисее. "Вы не понимаете, о чем просите, – бушевал Рыбаков, – сорвать план великой стройки коммунизма". И потом припоминал нам это при увольнении. А коллегам удалось остановить строительство плотины на р. Коа, где были обнаружены петроглифы. И давно уже у них не догадки, как пишет Формозов, а довольно строгие доказательства их палеолитического возраста. Опубликован фундаментальный отчет (Arte Rupestre..., 1998), который уже вышел двумя изданиями с предисловием министра культуры Португалии М.М. Карильо. Неужели он его не читал? Такие же по возрасту петроглифы известны в Испании и на юго-западе Франции.

Если бы Формозов задел только меня, я бы не стал отвечать. Есть французская поговорка "Le silence vaut une réponse" (доброе молчание – чем не ответ). Как уже было сказано выше, обидно за покойных учителей. В моей научной судьбе решающая роль принадлежит Грязнову, моему руководителю по аспирантуре, а также былому знакомству и общению с Окладниковым, Дебецем, Герасимовым, Бернштамом и с другими старшими коллегами. Я считаю честью для себя нынешнее близкое знакомство с Деревянко и Молодиным.

В книгах Формозова, к сожалению, отражается скорее некая форма маниакального поведения, чем достоверная история археологии в нашей стране за последние 60–70 лет. Из книг Формозова читатель-непрофессионал или читатель из будущих десятилетий не увидит ничего положительного в нашей науке XX в. Свысока, как бы о мелочах, говорится о героических (без преувеличения) работах новостроечных экспедиций, которые в тяжелейших условиях создавали и сохраняли научную информацию о памятниках, разрушавшихся новостройками. Не было Волго-Дона, Поволжья, Байкала, Ангары, Енисея. Не было раскопок и открытий наших археологов в Египте, Афганистане, Ираке, Болгарии, Венгрии, Монголии. Не было прорыва 1960-х – 1970-х годов в области теории, в области применения естественнонаучных методов, не было создания новых археологических научных центров на периферии. Не было начавшегося в 1980-х годах и продолжающего развиваться сейчас особенно широкого международного сотрудничества, а также успешного участия российских коллег в многочисленных зарубежных конгрессах и конференциях. А если что-то упоминается, то в основном в негативном тоне.

В чем-то Формозову можно позавидовать. Вся его жизнь за последние 30–35 лет – борьба. Я всего на 3 года моложе его, но чувствую себя стариком в сравнении с таким пламенным борцом. Правда, борьба-то не очень приличная. Одни самоутверждаются, внося позитивный вклад в науку, а Формозов, особенно в последние три десятилетия, – тем, что стремится "разоблачать" и унижать других. А что если кто-то возьмет на вооружение его методы историографии и, основываясь на слухах и сплетнях, напишет о том, что Рыбаков его всегда держал в роли "легальной оппозиции", позволяя ему "шаги влево" в пределах дозволенного директором.

Формозов призывает нас к смирению в науке, но, читая его последние книги, хочется крикнуть: "Ау, Смирение, где ты?". Если Формозов пребывает в добром здравии, ему бы, конечно, следовало извиниться публично перед всеми, кого он пытался унизить, но, по-видимому, надеяться на это глупо.

Вот таковы, к сожалению, некоторые особенности освещения истории российской археологии последних десятилетий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арциховский А.В., Киселев С.В., Смирнов А.П. Возникновение, развитие и исчезновение "марксистской археологии" // Сообщения ГАИМК. 1932. № 1–2.

Бернштам А.Н. Идеализм в этнографии // Сообщения ГАИМК. 1932. № 1–2.

Гуляев В.И., Беляев Л.А. О современном состоянии археологии в России (полемические заметки) // РА. 1995. № 3.

Колчин Б.А., Шер Я.А. Абсолютное датирование в археологии // Проблемы абсолютного датирования в археологии. М., 1972.

Ранов В.А. Проблема внетропического происхождения человека: миф и реальность // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 1 (21).

Формозов А.А. К 60-летию Георгия Францевича Дебеца // СА. 1965. № 4.

Формозов А.А. К 60-летию М.М. Герасимова // СА. 1967. № 3.

Формозов А.А. О книге Л.С. Клейна "Феномен советской археологии" и о самом феномене // РА. 1995. № 3.

Шер Я.А. О состоянии археологии в России (продолжение полемики) // РА. 1999. № 1.

Arte Rupestre e Pré-História do Vale do Côa. Trabalhos de 1995–1996. Lisboa, 1998 (1997).

Кемеровский государственный университет *Я.А. Шер*

О "ЮБИЛЕЙНЫХ" КНИГАХ А.А. ФОРМОЗОВА

На самом рубеже 2003 и 2004 годов исполнилось 75 лет известному историографу российской археологии А.А. Формозову. В Москве и Санкт-Петербурге этому событию были посвящены два весьма представительных сборника[1]. В посвящении одного из них – петербургского – добавлено многозначительное "кандидату исторических наук". По-своему юбилей отметил и сам Формозов, выпустив подряд сразу несколько книг по истории отечественной археологии XX в.

Одна из них имеет подзаголовок "Историографические очерки" (2004б), жанр другой (2005 – "Из записей археолога") определить трудно. Это не мемуары, так как это не воспоминания о своей жизни, а сведения о деятельности других археологов, переданные не документально, а, в основному, в пересказе самого Формозова. Местами это больше всего напоминает литературно обработанное "досье". Одни и те же сюжеты переходят из одной книги в другую; поэтому грань между этими двумя жанрами литературно-научного творчества стирается.

В отличие от прежних работ Формозова, основанных на исторических документах, в центре его "юбилейных" книг находится фигура самого автора, в силу своего происхождения ("Мой отец был зоологом, профессором Московского университета, мать – геохимиком, сотрудником Академии Наук" – 2005. С. 7) – человека высокоинтеллектуального, воспринявшего от родителей "идею служения науке и культуре, столь характерную для русской интеллигенции XIX века". Однако эти представления после окончания МГУ и поступления в Институт археологии (1951) "подверглись жестокому испытанию при столкновении с действительностью". И теперь (через 50 с лишним лет!) автор считает, что "не лишним будет объясниться" и "написать книгу о науке и ее работниках максимально честную" (2005. С. 9). При этом, – заявляет Формозов, – "точка отсчета у меня всюду одна – морально-этическая, если хотите, "солженицынская" (2004б. С. 10).

Поставив перед собой такую задачу, Формозов сразу встал на весьма опасный и сомнительный путь: ведь речь идет не о зеках или работниках "шарашки", а о заведомо крупных ученых, с которыми он был знаком или близко общался в течение многих лет. Большинство из них, за очень редкими исключениями, уже ушли из жизни и никак не могут ответить на предъявленные им обвинения. Как в этом отношении с морально-этической "точкой отсчета"?

К сожалению, трагическая история нашей страны дает много поводов для поругания. Тоталитарная система разделила людей на "сидевших" и не "сидевших", благополучие и относительное спокойствие одних обеспечивалось несчастьями и гибелью других. Это происходило в обществе, происходило и в науке. Среди гуманитарных наук археологии это, пожалуй, коснулось более всего. Вопрос о том, надо ли, даже во имя истины, чернить имена в будущем известных, а тогда еще совсем молодых ученых, сделавших впоследствии очень много для развития отечественной археологии. Больше всего в этом отношении "досталось" А.Н. Бернштаму, Е.Ю. Кричевскому и П.И. Борисковскому (не будем называть другие фамилии – они есть у Формозова). Наверное, надо. Но делать это следует крайне аккуратно, без каких-либо домыслов, с полной мерой ответственности за каждое слово.

В книге Формозова "Русские археологи в период тоталитаризма" много горькой правды, но на этом фоне некоторые страницы производят странное впечатление. Так, например, он пишет, что выступившие на обсуждении А.А. Захарова в ГИМе "Киселев, Брюсов, Воеводский, Дебец, Толстов, *надо думать* (здесь и далее курсив наш. – *Д.С.*), не хотели, чтобы Захарова расстреляли, но своими выступлениями подталкивали его к месту казни" (2004б. С. 243). Недопустимая неточность проявилась и в таком пассаже Формозова: "Побывали под арестом Б.Б. Пиотровский, А.П. Круглов, Г.В. Подгаецкий. Донес на их вольные речи, *кажется*, Е.Ю. Кричевский (2004б. С. 76). Так, "донес" или не "донес"? Никаких "надо думать" и "кажется" в таких случаях быть не может.

Отношение к деятелям нашей науки у Формозова индивидуализировано. Из всех упомянутых он "пожалел" только С.В. Киселева: "Именно он определял политику в археологии в 1945–1955 гг. Ему принадлежат статьи о значении трудов Сталина для археологии, о космополите Равдоникасе и т.д. *Грустно* читать их сегодня, помня автора как серьезного исследователя древностей Сибири и хорошего профессора" (2004б. С. 82). Жалко Киселева. А Бернштама, написавшего в 1932 г. злополучную статью о "Руденко и руденковщине" и умершего в возрасте 46 лет после разгромных рецензий на его великолепную книгу "Очерки истории гуннов", не жалко?

"Террор сопутствовал всей истории советской археологии", – пишет Формозов (2004б. С. 216). Как историограф, он должен знать, что подобные обобщения, без разделения на конкретные исторические периоды, в лучшем случае, декларативны. Например, "в обзорах археологических исследований Сибири, – отмечает Формозов, – *всегда* фигурировала и периодизация древностей Минусинской котловины, созданная С.А. Теплоуховым, и открытия С.И. Руденко в Пазырыке. Но имена этих ученых не называли, поскольку оба они стали жертвами репрессий" (2004б. С. 306). При этом дается ссылка на статью С.В. Киселева 1938 г. (это один период). Но, начиная с конца 1950-х годов, в издательстве Академии наук СССР вышла серия трудов С.И. Руденко о Пазырыке, а периодизация С.А. Теплоухова приблизительно с того же времени в Ленинграде стала основой для всех исследований по археологии Южной Сибири (это другой период). В подтверждение своего тезиса о постоянстве террора в советской археологии Формозов приводит конкретную дату – 1981 г. (арест Л.С. Клейна) (2004б. С. 216). Однако эта дата никакого отношения к "террору" не имеет (Клейн шел по другой "статье").

Весьма показательна история с М.П. Грязновым, которому Формозов в целом симпатизирует ("подлинные ученые... С.Н. Замятнин, А.А. Иессен, М.П. Грязнов" – 2005. С. 51, 52). В изложении Формозова, это выглядит так. Грязнов, арестованный в 1934 г., "на восьмом допросе принужден был дать какие-то показания против Теплоухова, а на одиннадцатом – против Руденко". Через много лет (1963 г.) "Грязнов сделал в ЛОИА доклад о Теплоухове..., закончив свою речь, Михаил Петрович помолчал, а потом произнес еще фразу: "И вот такого человека я погубил", и *заплакал*" (2004б. С. 106). Однако обратимся к источникам, которые, к счастью, на этот раз сохранились и которыми пользовался сам Формозов. В тексте допросов, записанных М.П. Грязновым, говорится, что все обвинения в участии в контрреволюционной организации через посредство Теплоухова "я решительно отверг" и "убедившись, что от меня не добиться признания моей вины, следователь заявил, что меня больше на допрос вызывать не будут и что меня ждет наиболее суровый приговор". О С.И. Руденко сказано только, что Грязнов описал известные ему "случаи злоупотребления со стороны начальника экспедиции", но это можно трактовать как угодно. Записи М.П. Грязнова опубликованы (Степи Евразии..., 2002. С. 86–90). Фраза, сказанная Грязновым после доклада в 1963 г., как и трогательная деталь о том, что он "заплакал", – выдуманы. Ничего этого, по свидетельству ближайшей сотрудницы М.П. Грязнова М.Н. Пшеницыной, присутствовавшей на этом заседании, не было. А ведь такая деталь – "заплакал" – поданная умело и как бы между строк, далеко не безобидна. В ней и признание собственной вины и чувство раскаяния... Как после этого без-

[1] Проблемы первобытной археологии Евразии. К 75-летию А.А. Формозова. М., 2004. 260 с.; Невский археологический сборник (К 75-летию кандидата исторических наук А.А. Формозова). СПб., 2004. 458 с.

оговорочно верить всему остальному, написанному Формозовым?

Переходя к событиям более нового времени, автор дает уничижительные оценки многим видным археологам, имена которых известны каждому студенту, занимающемуся археологией. Оценки не только непрофессиональные, но и оскорбительные. Так, О.Н. Бадер, – пишет Формозов, – "без устали *рыскал* в поисках новых памятников" (насколько вообще приемлемы подобные выражения?), "вел раскопки на памятниках, найденных другими", "диссертации аспирантов визировал, не читая", "в аннотациях ... рекомендовал себя как автора десяти монографий. Все это – черты человека с комплексом неполноценности" (2005. С. 54–57). При этом оказывается "Бадер не одинок. Точно таков Д.А. Крайнов. Много сходного в деятельности В.П. Шилова, А.П. Окладникова, Н.Н. Гуриной" (2005. С. 61). По мнению Формозова, П.И. Борисковский – "активный участник погромов начала 1930-х годов" (2005. С. 156), "*еврей* и недавний маррист" "приспособленец" (2004б. 107), "в поле был совершенно беспомощен" (2004б. С. 146). Б.А. Рыбаков, все годы правления которого (1956–1987) Формозов благополучно проработал в Институте археологии, "хам и самодур" (2005. С. 164).

С высоты своего положения Формозов не брезгует подчеркнуть более низкое происхождение других археологов. Так, А.Н. Рогачев "родился в глухом мордовском селе ... так и остался человеком малокультурным", "кроме Костенок, в сущности, ничего не знал" (2004б. С. 145, 157); Г.А. Панкрушев – "полуслепой и плохо подготовленный провинциал" (2005. С. 62); Н.Н. Гурина и Д.А. Крайнов – "дети крестьян"; Е.И. Крупнов и Б.А. Рыбаков – "дети торговцев" (2004б. С. 45). Очень кстати пришлась использованная Формозовым книга А.К. Конопацкого об Окладникове (2001 г.), который (Окладников) оказывается "вовсе не выходец из деревенской бедноты", а "сын сельского интеллигента, вышедшего из купеческой и церковной среды". Все это, разумеется, со знаком "минус".

Говоря об авторах, принявших участие (на стороне А.П. Окладникова) в дискуссии о датировке наскальных изображений Сибири, Формозов первым делом указывает на их провинциальное положение: В.А. Ранов – "выпускник Душанбинского университета", Я.А. Шер – "выпускник Киргизского пединститута", Ю.А. Савватеев – "выпускник Петрозаводского пединститута", А.И. Мартынов – "окончил Педагогический институт в Москве, археологической подготовки не имел", Г.И. Пелих – "доцент Томского университета, специалист по этнографии селькупов" (2005. С. 181, 182, 184, 192). Уже в силу одного этого обстоятельства, они не достойны участвовать в полемике с Формозовым. Наиболее отчетливо это проявилось в реакции на вполне корректные замечания В.И. Молодина, наряду с А.П. Деревянко – самого известного сейчас археолога Сибири (по Формозову, только – "каменным веком и первобытным искусством никогда не занимался, копал памятники эпохи металла" (2005. С. 210): "Молодин *поучает меня*..." (2005. С. 212).

Однако главным объектом нападок на Формозова стал А.П. Окладников, в отношении которого использован весь арсенал всевозможных средств поношения, которыми владеет автор. Вряд ли стоит приводить их дословно. Наиболее безобидные из них: человек, "готовый писать и говорить, что угодно и о чем угодно" (2004б. С. 83), "мастер саморекламы" (2005. С. 23), в большинстве книг которого "заметна изрядная доза спекулятивного" (2004б. С. 95); к тому же скрывший правдивую историю своего происхождения и "забывший" знаменитые палеолитические статуэтки из Бурети "среди тряпья в сундуке своей матери" (2005. С. 68). Одной из причин такого неприятия послужила, судя по всему, поднятая (а как сейчас видно – спровоцированная) Формозовым дискуссия о датировке наскальных изображений Сибири, направленная против хронологических определений Окладникова. По этому поводу (в поддержку Окладникова), как уже говорилось, в печати выступили многие исследователи, но Формозов упорно ждал реакции "самого"; однако Окладников так и не ответил. Наиболее подробно вся эта история изложена в книге 2005 г. (С. 176–208). Оставим в стороне доводы Формозова, значительно менее убедительные, чем широкие культурно-исторические построения Окладникова. Поразительно другое – как между строк просматривается это тщетное ожидание Формозова: выходят очередные статьи по вызванной им дискуссии, а "барина" все нет... Может быть, если бы Окладников тогда ответил Формозову, отношение к нему было бы несколько иное.

Мимоходом, но в той же тональности, касается Формозов и некоторых представителей петербургской (ленинградской) школы археологии, давая им весьма посредственные оценки. Так, ее признанный лидер – М.И. Артамонов – всего навсего "воспитал ... ряд полезных работников, занимавшихся древностями бронзового и раннего железного века" (2005. С. 165) (на самом деле, помимо этого, Артамонов читал курсы славяно-русской и скифской археологии). Т.Д. Белановская, у которой учились несколько поколений специалистов, как и Д.А. Авдусин, "школы не создали, но многих *познакомили* с десятками необходимых, хотя и элементарных вещей". "Подобных людей, – отмечает Формозов, – почти всегда может заменить и чтение книг" (2005. С. 169). Один из самых видных историков России, В.В. Мавродин почему-то причислен к "ультранационалистам" (2004б. С. 26). Зачем все это?

Определенное место в книгах Формозова отведено и сибирской археологии. Представления его в этой области субъективны и неточны. Все, что связано с Новосибирским центром, созданным и в течение многих лет руководимым А.П. Окладниковым, окрашено для Формозова в черный цвет. В совершенно непозволительном тоне говорит он о замечательном открытии погребений скифского времени на Укоке, за которым последовали несколько блестяще исполненных монографий, впервые с такой исчерпывающей полнотой был применен междисциплинарный анализ полученных материалов, а авторы этого открытия – В.И. Молодин и Н.В. Полосьмак – удостоены Государственной премии 2005 года. Цитируем: "Жена Молодина Н.В. Полосьмак изучала могилы пазырыкского типа. Исследователь древностей Алтая В.Д. Кубарев (единственное "светлое пятно. – *Д.С.*) указал на группу курганов этого времени на плато Укок, и она вскрыла ряд насыпей. Навестивший (?) ее супруг заинтересовался гравировками на соседних скалах" (2005. С. 210). Помимо раскопок В.И. Молодиным целого ряда курганов, давших ценнейшие находки, результатом этой "заинтересованности" явилась книга "Древнейшие наскальные изображения плоскогорья Укок" (1999). С датировкой их временем палеолита Формозов не согласен, опираясь при этом и на мнение В.Д. Кубарева. Но, как пишет Формозов, Кубареву рот был "*заткнут*" (2005. С. 212). На самом деле, никто рот Кубареву не "затыкал". Свои соображения по этому поводу, не утруждаясь новыми доказательствами, он уже опубликовал несколько раз в разных изданиях, в том числе в юбилейном Сборнике Формозова (2004а).

Такое же предвзятое и искаженное представление у Формозова о созданной при Кемеровском университете "Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства" (САИПИ). Обладающие большими пробивными способно-

стями (его давние оппоненты. – *Д.С.*) А.И. Мартынов и Я.А. Шер убедили начальство в необходимости этого центра и провели две международные конференции с докладами невысокого уровня" (2004б. С. 313). Только при полном незнании дел в сибирской археологии можно объединить А.И. Мартынова и Я.А. Шера, хотя они и работают на одной кафедре. Мартынов никакого участия в создании САИПИ не принимал. Шер к музею на Томской писанице отношения не имеет. И конференции эти тоже разные, качество докладов на них ни в коей мере не соответствует огульному определению "невысокого уровня". Да, скорее всего, Формозов их и не читал.

В проведенном, по инициативе Я.А. Шера, Международном симпозиуме о наскальных изображениях Азии (Париж, 1995), вопреки утверждению Формозова (2005. С. 209), студенты Кемеровского университета участия не принимали. Отметив, что его при этом "не вспомнили ни в Кемерово, ни в Москве", Формозов пишет, что из Москвы "отправилась туда юная Е.Г. Дэвлет, прочитавшая как свой доклад, так и доклад матери" (2005. С. 209). Такое открыто неприязненное отношение, по меньшей мере, странно, но в контексте общей позиции Формозова, объяснимо. Младшая, Е.Г. Дэвлет (в год издания книг Формозова) – доктор исторических наук, Ученый секретарь Института археологии РАН. Старшая, М.А. Дэвлет – наиболее известный специалист по наскальным изображениям Сибири, автор ряда монографий о петроглифах Енисея, которыми когда-то пытался заниматься сам Формозов. К сожалению, подобного рода примеры не единичны.

Общие представления Формозова об отечественной археологии XX в. – удручающие; причем в данном случае трудно отделить один период от другого, и в целом они выглядят обидно, несправедливо и не соответствуют действительности. Чтобы не быть голословным, приведу некоторые высказывания Формозова из книг 2004 и 2005-х годов "Люди думают о сиюминутном успехе, получении степеней и званий, о построении эффективных схем, способных поразить воображение, а не о базе исследований" (2005. С. 75, 76); "Всяк старается забиться в свой уголок и там копошиться по собственному разумению" (2005. С. 174); "В ряды археологов проникают откровенные жулики" (2005. С. 26); «В годы "перестройки" напор провинциальной *серости* (даже так! – *Д.С.*) многократно усилился» (2004б. С. 251); "В науку пришли *толпы* людей, жаждущих престижной, *непыльной* и *высокооплачиваемой* работы"; "Сейчас те, кто умеет отличить резец от скребка... претендует чуть ли не на докторскую степень" (2005. С. 24); "Мы уверяем себя, что есть некое научное сообщество дружная семья ученых, озабоченная неким общим делом. А в действительности идет борьба за место под солнцем, за чины, ставки, средства на исследования, перспективные районы и темы" (2004б. С. 243). Как говорится, комментарии излишни. Подобное отношение не только непрофессионально, но, по меньшей мере, оскорбительно для всех работающих археологов, неважно где – в Москве или в любом другом городе России. И где это Формозов видел "толпы" археологов, жаждущих "непыльной" работы? Где он видел "высокооплачиваемых" специалистов? Только полным отрывом от реальной жизни в археологии и культивированием собственных обид можно объяснить подобную несуразицу, претендующую на истину в последней инстанции.

Крайне отрицательно относится Формозов к присвоению научных степеней, званий, присуждению премий. Так, по его мнению, Е.И. Крупнов получил Ленинскую премию "за старательную, но отнюдь не блещущую талантом работу по кобанской культуре"; а Государственной премией "С.А. Плетнева и Л.Р. Кызласов были награждены не за солидные монографии (что совершенно неверно. – *Д.С.*), а за представленные ими *стопочки* небольших книг. Многие могли бы положить на стол такие стопочки" (2004а. С. 252, 253). Интересно, что сказал бы Формозов, если бы на Государственную премию была бы выдвинута его "стопочка" книг?

"Во главе археологических учреждений, – сетует Формозов, – стоят люди, сделавшие карьеру по партийной линии" (2004б. С. 311), забывая при этом, что в археологии делали они "карьеру", в первую очередь, не по партийной (а кем же им еще быть, организаторам науки – лейбористами или консерваторами?), а по научной "линии". Честь и хвала этим людям, сумевшим, пока Формозов собирал свои материалы, в тяжелейшие перестроечные годы, период переоценки ценностей и безграмотных "революций", типа "новой хронологии" Фоменко, сохранить отечественную археологию! Со своей стороны, никаких позитивных решений Формозов предложить не может. Мнение о том, что "разумной была система Императорской археологической комиссии", куда "поступали отчеты и коллекции всех, получивших открытые листы на раскопки. Приведя и то, и другое в порядок, информации об изученных памятниках публиковали профессиональные археологи" (2005. С. 64), выглядит явным анахронизмом. И потом, кто эти, при наличии многочисленных самостоятельных археологических центров, "профессиональные археологи"?

Понимая, что отечественная археология, все ее многочисленные открытия и достижения все же существуют, Формозов вынужден признать, что – да, "было и другое: замечательные полевые открытия археологов, финансировавшийся властью широкий размах раскопок, выход интересных книг" (2004б. С. 305), что "результаты значительны как в области каменного и бронзового века, так и в области античной и древнерусской археологии, в изучении древностей Кавказа, Средней Азии и Сибири" (2004б. С. 95), что даже Окладников "был очень одаренный яркий человек. Он сделал очень много" (2004б. С. 310), а "экспедиции А.П. Окладникова и его учеников покрыли маршрутами всю Восточную Сибирь, включая Север и Дальний Восток" (2004б. С. 308). "Почему автор об этом умалчивает", – задает сам себе вопрос Формозов. И отвечает: "Моя книга посвящена людям науки, а не ее достижениям" (2004б. С. 305). "Все это можно найти в других книгах, и археологи эту сторону дела представляют себе лучше всего" (2004б. С. 9). Действительно, никто не ждет от Формозова перечисления всех достижений советской (или российской) археологии, но сказать о том, что эти достижения были достигнуты, в первую очередь, благодаря многолетнему самоотверженному труду многих из "развенчанных" им археологов, он был обязан. Ведь, как отмечает сам Формозов, "нравственный облик мастера неминуемо отражается на его творчестве" (2004б. С. 311). Каковы археологи, такова и археология.

Наверное, еще никто из специалистов не представил науку, которой он служит, в таком черном цвете, как это сделал Формозов. На этом фоне все, что есть хорошего в книгах Формозова (в них есть и действительно хорошие разделы и объективно полезные "вещи") отступает на второй план, теряет свое значение. Не удивительно, что после всего этого (а книги Формозова, конечно, писались не один год) произошло то, на что жалуется Формозов – "взаимопонимания с коллегами у меня обычно не возникало" (2005. С. 7); "археологи стали меня сторониться" (2004б. С. 89); на конференции не пригла-

шают, а "за сорок лет существования Сибирского археологического центра мне не прислали оттуда ни одного реферата" (2004б. С. 251). А чего, собственно, ожидал Формозов после того, как он сорок лет назад затеял всю эту "дискуссию" с Окладниковым?

Поза вечно "обиженного" – не лучшее состояние для ученого, претендующего на "честное" и объективное изложение истории науки, которой он занимается. По сути дела, Формозов, особенно в книге 2005 г., спутал (или уже просто перестал замечать) две разные вещи: историю российской (советской) археологии, к которой он имеет такое же отношение, как и все остальные; и свою историю в археологии, по его мнению, исключительную и дающую ему право высказывать безапелляционные суждения о других археологах, скатываясь при этом до навешивания различного рода "ярлыков", искажения фактов и откровенных оскорблений. Чего стоит, например, такое выражение – "толпы, думающие отнюдь не о чистом знании и вовсе не о служении народу, а прежде всего о своем *брюхе* и своем кармане" (2005. С. 214). Сочетание демагогии и хамства! Это как? Поразительно, что исходит это от потомственного интеллигента, как сам себя аттестует Формозов. В результате то положительное, что сумел написать Формозов, это уже только "ложка меда" в "бочке дегтя", в которую он превратил российскую археологию.

Печально, что это приходится говорить по поводу "юбилейных" книг А.А. Формозова, человека, бесспорно, известного, – маленькая, но очень хорошая книжка которого "Очерки по истории русской археологии" (1961) стала первой "ласточкой" в историографии отечественной археологии.

Наконец, последнее и, наверное, главное, из-за чего стоило писать столь пространную рецензию. Книги Формозова могут произвести определенное впечатление на неподготовленного читателя, вызвать недоумение и горечь у одних и отбить всяческое желание заниматься археологией у других. Вот о них-то, незнающих и доверчивых, о тех, кто только собирается посвятить свою жизнь археологии или уже начал заниматься этой наукой, и идет речь. "Очень тревожит положение дел с молодежью, – вдруг вспоминает Формозов, – ряды ее пополняются меньше, чем раньше, а та, что есть, больше всего обеспокоена тем, как бы *уподобиться* Западу" (2004б. С. 313). Интересно, откуда это известно Формозову, разве он когда-либо преподавал? Плохо не то, что молодежь смотрит на "Запад", а плохо то, что в столь неприглядном виде представлены многие известные ученые, по книгам которых молодежь изучает археологию, и тем самым дискредитируется сама археология; плохо то, что со свойственной этому возрасту тягой к инакомыслию молодые люди могут воспринять написанное Формозовым как всю и единственную правду. А это не так. Но предупредить их об этом уже будет очень трудно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Конопацкий А.К. Прошлого великий следопыт (академик А.П. Окладников: страницы биографии). Новосибирск, 2001.

Молодин В.И., Черемисин Д.В. Древнейшие наскальные изображения плоскогорья Укок. М., 1999.

Степи Евразии в древности и средневековье. К 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. Т. I. СПб., 2000.

Формозов А.А. Очерки по истории русской археологии. М., 1961.

Санкт-Петербургский университет *Д.Г. Савинов*

ЧЕЛОВЕК, НАУКА И ФОРМОЗОВ

Появление книги А.А. Формозова "Человек и наука. Из записей археолога" взволновало научную общественность. Прочтя ее, ловишь себя на мысли, что за годы существования археологии в России после октября 1917 года ничего позитивного в этой области сделано не было. Не оставляет и чувство сострадания к автору. И удивления. Как же приятно ему быть вершителем судеб всех и вся! Выносить безжалостные вердикты, клеймить позором, обвинять в сплошном невежестве, необразованности, безграмотности, подлости и лицемерии. Причем порочны по этой его книге если уже не все отечественные археологи, то, несомненно, большинство. Остается лишь удивляться, как за эти годы вообще что-то делалось в отечественной науке, и еще тому, как же выжил наш почтенный борец за мораль и этику и как же его не коснулась могущественная рука КГБ!?

Я прекрасно осознаю, что мой отклик вдохновит Александра Александровича на новую серию воспоминаний и размышлений и, вероятно, подвигнет к пристальной оценке моего творчества. Ведь кроме него никто не умеет ни дискутировать, ни обсуждать серьезные научные проблемы: «Коллеги просто не готовы к профессиональному спору, не понимают, что это такое. Да и вообще, все они подобны "Митрофанушкам"» (2005. С. 212).

Конечно, веке в XIX, так любимом А.А. Формозовым, за такие выражения следовало бы призвать нашего критика к барьеру (в прямом смысле), невзирая на почтенный возраст. За оскорбления следует отвечать. Тем более, когда оскорбляют людей, которые уже не могут за себя постоять. Но времена на дворе, увы, иные, XXI век. Какие уж тут дуэли!

Так для чего же мы тратим себе нервы (а чтение книги А.А. Формозова – занятие не для слабонервных) и драгоценное время, которое можно было бы использовать куда как продуктивнее?

По большому счету причина одна. Книга А.А. Формозова опубликована. Ее будут читать новые поколения археологов, и если на нее никак не отреагировать, то это может быть воспринято малосведущим человеком однозначно: раз не ответили – значит и отвечать было нечего. К тому же, ведь и ореол борца за "чистоту науки" каков! Как он, всего-навсего кандидат наук, поучает этих горе-докторов, профессоров и академиков!

К тому же не удивлюсь, если наш герой попытается организовать хвалебные отклики на свой труд в серьезных изданиях. Об этом свидетельствует недавний отклик на книгу "Человек и наука...", опубликованный в центральной научной газете "Поиск" (Быкова, 2005).

Кроме того, известно мне и отношение к этому труду широкого круга научной общественности как в столичных институтах и университетах, так и на периферии. По большому счету оскорбительным, безапелляционным стилем изложения возмущены очень многие ученые, имеющие, кстати говоря, самый различный научный статус. Уверен, что под этими строчками подписались бы не десятки, а сотни моих коллег.

За потоком критиканства и обличения трудно распознать то позитивное, что имеет место в рецензируемом сочинении А.А. Формозова, хотя справедливости ради следует сказать, что в книге имеют место отдельные полезные разделы, посвященные развенчанию лженауки "Смелая научная мысль" (2005. С. 111–126), истории исторической науки «Феномен "Синопсиса"» (2005. С. 127–146), ранее уже опубликованные в журналах или других книжных версиях. "Надо уважать чужое восприятие мира, даже если оно кажется тебе упрощенным, устарелым или неполным, в каких-то случаях противопоставлять ему свое, быть непримиримым к научной недобросовестности" (2005. С. 169)..! Золотые слова. Вот было бы совсем хорошо, если бы наш уважаемый критик следовал этому принципу. На самом деле мы, к сожалению, видим прямо противоположное.

Отношение к своим коллегам, к их мнению, у Формозова в лучшем случае снисходительное, а вообще те эпитеты, которыми эти коллеги щедро награждаются, заставляют усомниться даже в мало-мальской интеллигентности автора. Примеры? Сколько угодно: "престарелый К.М. Поликарпович" (это о возглавляющем Отдел археологии АН Белоруссии) (2005. С. 33); "Виталик" (С. 36) – (это о докторе наук В.Е. Ларичеве); "Честолюбец, жаждущий новых успехов" (С. 37) (о нем же); "Полуслепой и плохо подготовленный провинциал Г.Н. Панкрушев" (С. 62); П.И. Борисковский – активный участник погромов начала 1930 годов (С. 156); «М.Н. Покровский был интересный, хотя и крайне односторонний исследователь, но он нанес огромный вред нашей науке, отправив за решетку более ста своих коллег – "дворянских и буржуазных историков" (С. 158); "П.И. Засурцев, А.Ф. Медведев, Т.Н. Никольская были малокультурны» (С. 164); "А.Л. Монгайт, Л.А. Колчин, В.Л. Янин тоже совершенно чужды Арциховскому и по своим интересам, и по восприятию материала" (С. 164); "свойственные ему (ак. Б.А. Рыбакову) хамство, самодурство, нетерпимость к критике оттолкнули от него наиболее талантливых учеников..." (С. 164); Арциховский и Равдоникас, и Рыбаков – "все они служили националистическим концепциям, угодливо применялись к любым требованиям верхов" (2005. С. 166).

Каково?! И при этом А.А. Формозов ратует за интеллигентную и корректную дискуссию. "В тысячу раз хуже, когда кто-то, не сдержавшись, пускает в ход запрещенные приемы – пытается политически скомпрометировать своих противников, злостно искажает их мысли. В этом уже чувствуется грязный расчет, моральная нечистоплотность" (2005. С. 167). Справедливо сказано, однако всеми этими пороками, к сожалению, постоянно грешит наш критик, навешивая ярлыки на Арциховского и Рыбакова, Окладникова и Руденко, Брюсова и Бернштама и т.д. и т.п.

О том, "как мы спорим", Формозов повествует на примере дискуссии шестидесятых годов, к которой он обращается постоянно. С каждым разом история обрастает все более пикантными подробностями. Ну, например: одна из участниц этой полемики, профессор Томского государственного университета Г.И. Пелих, признается не менее уважаемому ученому, профессору МГУ Л.Р. Кызласову, "что выступила в дискуссии только по настоянию Окладникова, причем он сам написал за нее большую часть текста" (2005. С. 181). А другой участник дискуссии, профессор КемГУ А.И. Мартынов сказал Э.Б. Вадецкой, что его статья для дискуссии не только выправлена, но в значительной мере написана Окладниковым" (С. 185). И далее: Я.А. Шер кому-то сказал, что "книг этого жулика и не покупает и не читает" (С. 193) (слова Я.А. Шера даны в кавычках, но где и о ком он их сказал – о А.А. Формозове или об А.П. Окладникове – не ясно. Александр Александрович принимает их на собственный счет). Со слов Г.А, Максименкова, Окладников де снял уже готовую статью Я.А. Шера по поводу дискуссии из готового к выпуску номера журнала, и так далее (2005. С. 194–208). В том же духе звучит и итог очерка. За более чем двадцать лет после дискуссии если что-то и изменилось в отечественном петроглифоведении, то едва ли в лучшую сторону. Формозова по-прежнему не чтут и в суть дискуссии не вникают.

Блестяще передан Александром Александровичем образ еще одного ученика А.П. Окладникова – В.И. Молодина, приехавшего на побывку на плато Укок и "заинтересовавшегося гравировками на соседних скалах" (2005. С. 210). Не будем занимать место, рассказывая читателю, чем я в течение пяти лет на Укоке занимался. Справедливости ради (в связи с сетованием Формозова, что никто не хочет и, конечно же, не может с ним дискутировать) уместно напомнить, что в одной из моих монографий, написанной в соавторстве с "негром" (меткое выражение Формозова) (С. 211), В.Д. Черемисиным, целая глава посвящена анализу аргументации Формозова в дискуссии, о которой идет речь (Молодин, Черемисин, 1999. С. 123–139). И что же? Снова упреки в каких-то передергиваниях, а по существу Александр Александрович отвечает лишь на одно замечание, да и то настолько неуклюже (2005. С. 211, 212), что даже неловко за маститого ученого становится...

Конечно, удобно, глядя со стороны, рассуждать о несовершенстве отечественных научных школ в археологии, сам-то наш критик от преподавательской деятельности, как он утверждает, отказался (2005. С. 161), аспирантов он не воспитывал, но вот давать мудрые советы, походя упрекая в несовершенном руководстве ученых, воспитавших десятки специалистов, Формозову присуще. Наблюдать со стороны и поучать – вот кредо нашего историографа! В сорок лет он отошел от полевой работы, в пятьдесят оставил занятие первобытной археологией. Оказывается, он "уступил место следующему поколению" (С. 221), а его не поняли..., посчитали, что и сказать ему что-то новое в науке уже вряд ли по силам. Наверное, этот ранний отход от активной созидательной деятельности и сформировал набор комплексов, который так портит ему жизнь, рикошетом касаясь окружающих.

Несомненный комплекс непризнанного гения в книгах Формозова тесно соседствует с другим – комплексом неполноценности. Отсюда нетерпимость ко всем академикам – и давно ушедшим в мир иной, и ныне живущим. Ну как, например, можно относиться к такому пассажу: "Академик якобы может судить о любом вопросе лучше рядового сотрудника, посвятившего себя как раз этой области" (2005. С. 25). Да не может, конечно, этого академик, хотя многое знает, вероятно, получше "рядового сотрудника". Но ведь посылка-то изначально сформулирована Формозовым!

Или, кто бы сомневался, что организация и руководство серьезной археологической экспедиций дело – непростое. Прав тут, конечно, Формозов, но посмотрите, какой вывод из этого следует: "Поэтому руководителями экспедиций оказываются не столько серьезные ученые, сколько крепкие организаторы – дельцы" (2005. С. 25). Естественно, со всеми вытекающими последствиями, связанными с делячеством. Не потому ли так убийственна интерпретация, что сам-то наш герой никогда не руководил ни одной серьезной экспедицией. Значит те, кто умеет это делать, – по Формозову, дельцы.

Поражает аргументация высказываемых автором положений, кстати, нередко по сути правильных, если не сказать банальных, которой оперирует наш историограф (2005. С. 81–95). Ну на какой кухне он услышал, к примеру, как учил жизни

в науке Д.А. Крайнов свою аспирантку О.С. Гадзяцкую? Причем слова Крайнова представляются как цитата (С. 24). Или уж совсем замечательно: "С Тимофеевым я не знаком. Своего мнения о нем не имею. Не могу объяснить, откуда он брал каменные орудия, причем такие, какие могли быть распространены на Севере Европы. Не прихватил ли он часть кремней из Сунгиря, куда ездил по приглашению Бадера?" (С. 33). Г.Н. Матюшину, который заслуживает элементарного уважения хотя бы за то, что мальчишкой воевал на Северном флоте, в получении квартиры в Москве и места в Институте археологии, "говорят, пособляло КГБ" (С. 41), – пишет Александр Александрович. А уж подсчитывать, сколько человек пришло проводить усопшего в последний путь (есть и такое! 2005. С. 48), так это вообще грешно, господин Формозов! А.П. Окладников "рекламировал как палеолитическую живопись заведомо поздние наскальные рисунки" (С. 50) (кстати сказать, проблема датировки многих памятников Северной Азии, относимых А.П. Окладниковым к палеолиту, до сих пор не решается однозначно и по-прежнему дискуссионна). О.Н. Бадер "без устали рыскал...", "...нередко вел раскопки на памятниках, найденных другими, выхватывая их из рук краеведов и менее расторопных коллег" (С. 56). Что же в этом плохого, может удивиться несведущий читатель. Человек без устали занят поиском новых объектов, а краевед – это не ученый, он и не претендует на проведение научных исследований... К счастью, А.А. Формозов недолго держит нас в неведении. Все объясняется просто: "Первые кремни со стоянки Сунгирь, присланные из Владимира Н.Н. Воронину, были переданы им *мне* (здесь и далее курсив мой. – *В.М.*). Обнаруживший наскальные рисунки в Каповой пещере ученик моего отца А.В. Рюмин пришел к первому *опять же* ко мне"... (С. 56). Так вот в чем дело! Оказывается, оба выдающихся открытия мог бы сделать А.А. Формозов, а сделал О.Н. Бадер. Обидно, конечно...

К сожалению, в работах Формозова присутствуют не только передергивания фактов (их масса), но просто, извините, клевета. Как, например, следует понимать его утверждение о том, что в 392 работах О.Н. Бадера не написано ничего дельного. "Извлечь что-то путное из этих мелочей и пустяков – трудная задача" (2005. С. 58), дальше еще хлеще: "...ничего кроме заметок и предварительных сообщений из-под его пера не выходило" (С. 59). Ну, а как же быть, уважаемый критик, с монографиями Отто Николаевича: Балановский могильник (М., 1963), Древнейшие металлурги Приуралья (М., 1964), Бассейн Оки в эпоху бронзы (М., 1970), Сунгирь. Верхнепалеолитическая стоянка (М., 1978). Этот список можно продолжать. Трудно себе представить, что А.А. Формозов не читал этих работ, а если читал, то как следует понимать его утверждения!?

Отдельные посылки Формозова попросту отдают демагогией. Ну, к примеру: "многолетний отрыв от мировой науки" (2005. С. 26) (кстати сказать, археологии никогда не свойственный. – *В.М.*) может исправить "прежде всего честное и критическое отношение к нашему делу?... Нужна и прямая, невзирая на лица, критика публикуемых книг и статей" (С. 27). Ведь очевидные вроде бы вещи декларируются (правда, непонятно как связанные с преодолением "отрыва от мировой науки"), но ведь выдаются они за истину в последней инстанции. Только несведущий в нашей науке не знает, что ежегодно выходит десятки критических статей и обзоров, где критика порой весьма жесткая. Другое дело, что написаны эти работы в академическом стиле, без навешивания ярлыков и клейм. Последнее же весьма отличает труды Александра Александровича. Очень много страниц у А.А. Формозова посвящено критике творчества В.Е. Ларичева. Это одна из излюбленных им тем, просто кочующая из издания в издание (2005. С. 38–41). Причем, критикуя, что называется, в хвост и гриву, под единым соусом подает и научно-популярное творчество, где многие издания, несомненно, талантливы: см. напр.: Ларичев В.Е. Азия далекая и таинственная (Новосибирск, 1968), Ларичев В.Е. Прозрение (М., 1990) и научное, например: Ларичев В.Е. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. Часть I. (Новосибирск, 1969), Часть II. Новосибирск, 1972), работа, которая и сегодня, спустя более 30 лет, пользуется заслуженным спросом у специалистов как у нас в стране, так и за рубежом. И, наконец, его статьи и книги об искусстве Малой Сыи, которые к тому же подвергались аргументированной, академической критике целой группы специалистов (З.А. Абрамова, П.И. Борисковский, В.П. Любин, М.П. Грязнов, А.Д. Столяр, А.Н. Рогачев) (см., напр.: Грязнов и др., 1981. С. 289–295). И это была критика, а не обливание человека помоями. Кстати сказать, Виталий Епифанович Ларичев уже давно не занимает тех должностей, которые с нарастающим энтузиазмом приписывает ему наш историограф.

Вообще-то, образчик стиля А.А. Формозова с удивительной точностью продемонстрировал Леонид Максимович Леонов в своем замечательном романе "Русский лес". Для тех, кто забыл или не читал роман, напомню. Красной нитью в этом произведении проходит судьба двух ученых. С одной стороны – профессор Иван Матвеевич Вихров, отличавшийся всю жизнь тем, что изучал и боролся за русский лес, с другой стороны – тоже профессор Александр Яковлевич Грацианский, "отличающийся ... на редкость живым, хотя и несколько озлобленным умом, придававшим особый блеск его общепризнанному дару даже слишком уже беспощадного анализа" (Леонов, 1974. С. 10). Первый всю жизнь работал, писал научные книги, защищал бесценное богатство страны, показывая как нужно эти богатства рационально использовать. Второй всю жизнь беспощадно критиковал первого, сочиняя отзывы на его работы. И это долгое время давало возможность ему безбедно жить, быть на виду у научной общественности и даже претендовать на звание члена-корреспондента Академии наук. "Пускай и маловато в них (критических статьях. – *В.М.*) было о самом лесе, пускай временами они лишь усиливали и без того запутанную лесную неразбериху..., зато Грацианский всякий раз обнаруживал всестороннюю, к сожалению – кроме самого леса, эрудицию, разящий сарказм, а в последние годы и великодушную недоговоренность об истинных причинах вихровских заблуждений". В результате "репутация Ивана Матвеевича не просыхала ни на сутки" (Леонов, 1974. С. 47, 48).

За всей этой, к сожалению, такой типичной жизненной историей стоит элементарная зависть посредственности к яркой личности, яркому таланту. И история с Формозовым, по-видимому, имеет ту же причину. Для того чтобы добиться в науке чего-либо существенного, ведь мало краснобайствовать или прокатиться по давно открытым и исследованным памятникам. Нужно пахать в поле от зари до зари, кормить комаров, недоедать, спать в палатке... Потом все добытое нужно обработать и обобщить, затем опубликовать. Нелегкая, скажем прямо, процедура, если еще работаешь где-нибудь в пустыне или за Полярным кругом! Куда как проще наблюдать за всеми этими "прелестями" со стороны и выдавать вердикты, что такой-то не учел этого, а такой-то не понимает того-то. Да и как он вообще что-то может понимать, если и учился-то он не в МГУ, а в каком-нибудь Воронеже...

К счастью, о российской (советской) археологии научное сообщество судит не по книжкам Формозова. Всему миру известны замечательные открытия, сделанные в самых разных

уголках нашей страны. Археологи сегодня работают, исповедуя мультидисциплинарный подход, активно сотрудничая с учеными самых разных направлений науки. Усиливается интеграция и с ведущими зарубежными археологическими центрами.

Стесняться за содеянное в XX в., стыдливо замалчивать имена учителей наших не только неверно, но и аморально. Именно в XX столетии Российская археология во весь голос заявила о себе всему миру. Для этого очень много сделали те люди, о которых Александр Александрович, уходя, решил вытереть ноги. "Точка отсчета у меня всегда одна – пишет Формозов – морально-этическая" (2004б. С. 10). Вот, ведь как. Но только где они, эти мораль и этика!?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Быкова С. Еще раз про совесть // Поиск. 2005. № 30.

Грязнов М.П., Столяр А.Д., Рогачев А.Н. Письмо в редакцию // СА. 1981. № 4.

Молодин В.И., Черемисин Д.В. Древнейшие наскальные изображения плоскогорья Укок. Новосибирск, 1999.

Леонов Л.М. Русский лес. М., 1974.

Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск

В.И. Молодин

"ФИЛЬКИНА ГРАМОТА" А.А. ФОРМОЗОВА (ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ)

Итак, А. Формозов написал книгу "Человек и наука. Из записей археолога" (М., 2005). Как он сообщил в ней: это произведение "о науке и ее работниках, максимально честное". На самом деле получился истинный пасквиль. Ваш горестный возглас: "Никто не заботится о проведении в жизнь моральных и научных норм" (2005. С. 79), означает как будто бы искреннюю озабоченность положением дел в науке, на самом же деле выдает раздражение и обиду человека, с его точки зрения недооцененного коллегами. Вы как будто стоите над археологическим сообществом: "Принято делать вид, будто бы все работают исключительно честно, добросовестно и ни при каких обстоятельствах не могут ошибаться. В итоге, ошибки укореняются, ложь утверждается, а наука все дальше отклоняется от своей цели – постижения истины" (2005. С. 8). Невольно хочется задать вопрос, а что Вы сделали, чтобы этого не происходило?!

Но вернусь к Вашим конкретным обвинениям в адрес моего отца. В главе "Состояние базы исследований" на с. 71–74 Вы обвиняете М.М. Герасимова в том, что он, кроме предварительных сообщений в несколько страниц, ничего не написал о раскопках в Мальте, ссылаясь на работу Н.А. Береговой (1960. С. 86). Первый отчет о раскопках 1928–1929 гг. был опубликован в Иркутске в Известиях Краевого музея, в 1931 г. Не могу поверить, что Вы не читали работу отца, опубликованную в Известиях ГАИМК в 1935 г. Хотя эта работа и имеет подзаголовок "Предварительный отчет о работах 1928–1932 гг.", она изложена на 42 страницах, сопровождается 37 иллюстрациями: фотографиями раскопов, находок, рисунками планов, орудий, скоплений костей, погребения ребенка. Кроме достаточно подробного описания результатов раскопок, Герасимов предлагает свои реконструкции обнаруженного жилища, обряда погребения, техники и организации охоты на различных животных и утилизации добычи. Обильно представленная на стоянке обработанная кость послужила материалом для написания специальной работы "Обработка кости на палеолитической стоянке Мальта", опубликованной в 1946 г. в МИА № 2. И, наконец, статья, известная Вам, посвященная результатам раскопок 1956–1957 гг., опубликованная в 1958 г. в "Советской этнографии". Вы полагаете, что эта статья, сданная в качестве отчета за 1957 г., содержит результаты раскопок только предшествующего года, т.е. Вы обвиняете отца в подлоге. Между тем в статье приводятся данные, полученные в течение именно двух полевых сезонов. Она иллюстрирована 22 рисунками (стратиграфический разрез, план раскопа 1956 г., планы и разрезы жилища 1957 г., фотографии инвентаря, украшений, фигурок женщин и птичек). Вряд ли эту работу можно назвать "филькиной грамотой", как Вы пишете. Вы обвиняете отца в том, что он сначала опубликовал отчет за 1956 г. в виде статьи в журнале "Советская этнография", а потом оттиск этой статьи сдал в качестве отчета за 1957 г. Когда обличаете, Александр Александрович, будьте предельно точны, а то и под суд можно угодить за клевету! Еще более голословны Ваши обвинения в том, что, сдав часть находок 1956 г. в Исторический музей, он более 15 лет наиболее интересные держал у себя дома. Если бы это было и так, то следовало бы знать обличителю, что этот срок был по меньшей мере на три года меньше: последний раскопочный сезон отца в Мальте был в 1958 г., а умер он летом 1970. Кроме того, коллекции хранились не дома, а в Лаборатории пластической реконструкции Института этнографии. После смерти отца это я сдала материалы раскопок в ГИМ, поскольку именно этот музей проявил заинтересованность в их получении. Совершенно непонятна уверенность Ваша в том, что полевые дневники и чертежи должны были быть переданы в Институт археологии, и что этого надо было "добиваться у семьи". Полевая документация хранилась также в Лаборатории, которой руководил отец, и была передана мной в Иркутский университет, Г.И. Медведеву, ученику отца, принимавшему самое непосредственное участие в работе экспедиции 1956–1958 гг. Причем здесь Институт археологии, который, кстати, не проявил никакой заинтересованности к этим материалам? И почему Вам не удалось посмотреть поступившую в ИГУ документацию, мне, говоря Вашим языком, "неведомо". И самое отвратительное – это обвинение отца в том, что, переехав в Ленинград из Иркутска, он похитил из музея все наиболее интересные вещи из раскопок 1928–1930 гг.: фигурки женщин и птичек из бивня мамонта, пластинку бивня с гравировкой фигуры мамонта и т.д. Это обвинение одновременно и оскорбительно, и нелепо. Герасимов, как автор раскопок, результаты которых вызвали в то время и интерес, и недоверие, и зависть (повезло мальчишке!), был заинтересован, и имел на это право, передать вещи вместо провинциального музея в одно из лучших и престижных государственных хранилищ – в

Эрмитаж. Тем более, что они в 1932 г. были привезены в Ленинград для демонстрации на Конгрессе ИНКВА.

Ваша книга, Александр Александрович, о том, *как нам обустроить археологию* (курсив мой. – *М.Г.*), представляет собой сочинение вялое, полное скучной дидактики, демагогии и трюизмов, но делается агрессивной, когда дело касается персоналий, в чем-то, когда-либо ущемившим Ваши интересы или самолюбие. Но вместо серьезной вдумчивой критики и анализа того научного вклада, который сделал тот или иной исследователь в поступательное развитие науки, и разборки вольных или невольных его ошибок с точки зрения сегодняшнего дня, Вы пытаетесь унизить своих противников, оппонентов или обидчиков, передергивая факты. Ваши сетования о том, что "Полевой Комитет Института археологии не сумел справиться ни с Бадером, ни с Герасимовым, ни с Окладниковым, <…> нарушавшими элементарные требования, предъявляемые к руководителю раскопок" (2005. С. 221) – вызваны отнюдь не тревогой за положение дел в археологии. Проблемы есть, их много, и многое, о чем Вы написали, беспокоит не только Вас. Все Ваши сетования вызваны личными обидами, уязвленным самолюбием, отсутствием учеников и последователей.

Но чем же насолил Вам "милейший" и "обаятельнейший" Герасимов? Может быть, у Вас вызывала зависть, как Вы пишете "любовь толпы к людям типа Ираклия Андроникова или М.М. Герасимова"? Или существует гораздо более прозаичная причина? Вероятнее всего, она кроется в конфликте с иркутскими археологами, в результате чего Ваше участие в исследовании мальтинского палеолитического искусства ограничилось отдельными небольшими публикациями. Какие мизерные причины для ненависти! Неужели вовремя не сданный отчет перечеркивает вклад Герасимова в отечественное палеолитоведение. Раскопки в Мальте открыли миру культуру такой древности, которая тогда не мыслилась в Сибири, и развития, не уступающего лучшим образцам европейского палеолита. Мальта стала школой формирования новых научных кадров. При всем Вашем негативном отношении к школам и Вы втайне мечтали, чтобы ученики пришли к Вам сами, по внутреннему побуждению, но – увы! А Герасимовым была создана собственная школа не только в археологии, но и в совершенно новой отрасли антропологического знания – реконструкции лица по черепу.

Старшее поколение, наши с Вами учителя не были иконописными святыми, это были живые люди из плоти и крови. Среди них было много ярких, неповторимых, уникальных талантов, одно общение с которыми было подарком судьбы. Ниспровергнуть авторитет намного легче, чем самому его заработать. Ваши эскапады против Окладникова, Бадера и моего отца вызывают в памяти слова А.С. Пушкина (1954. С. 72): "Уважение к именам, освещенным славою, не есть подлость <…>, но первый признак ума просвещенного. Позорить их дозволяется токмо ветреному невежеству, как некогда, по указу эфоров, одним хиосским жителям дозволено было пакостить всенародно".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Береговая Н.А. Палеолитические местонахождения СССР. М.; Л., 1960.

Пушкин А.С. История русского народа. Статья I // Полное собрание сочинений. Т. 6. М., 1954.

Институт этнологии и антропологии РАН, Москва *М.М. Герасимова*

ОБ "ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ" СЕРИИ КНИГ А.А. ФОРМОЗОВА: ЛИТЕРАТУРНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АССОЦИАЦИИ

Есть грозный Судия. Он ждет…

Замечу с самого начала, что к историографии указанная серия книг не имеет практически ни малейшего отношения. Если следовать энциклопедическому определению, что историография – это история научных идей и накопления позитивных данных, то в упомянутых книгах ничего подобного мы не обнаружим (если, конечно, не полагать таковыми бессистемно лапидарные упоминания о тех или иных раскопках или же книжках разнообразных авторов).

Книги эти я бы с бóльшим основанием назвал "полу-мемуарами". Часть персонажей, о коих идет речь, А.А. Формозов наблюдал сам; о многих читал; а об еще большем числе он что-то от кого-то слышал в кулуарах. Все это выложено на страницах рассматриваемых книг, а важнейшим критерием оценки тех или иных лиц является их нравственная "отметка", безоговорочно "выставляемая" человеку А. Формозовым и принадлежащая фактически лишь ему одному. Нет также сомнений, что он чрезвычайно высоко ценит собственные сочинения: ведь многие разделы из книги в книгу повторяются, и воспроизведение текстов бывает буквально дословным. Лишь один пример: публикации книг 1995 и 2004-х годов отдалены друг от друга девятью годами, но, по крайней мере, в последней из них (2004б) повторена фактически половина даже заглавий основных разделов, не говоря уж об их содержании.

Впрочем, что произведения эти далеки от историографии до некоторой степени сознает и сам А. Формозов: "…читатель, возможно, скажет: картина нарисована далеко неполная. Рассказано о репрессиях, уничтожении остатков старины и произведений искусства, об идеологической обработке интеллигенции в годы тоталитаризма. Да, это было. Но ведь было и другое: замечательные полевые открытия археологов, финансировавшийся властью широкий размах раскопок, выход интересных книг. Почему автор об этом умалчивает?.. Отвечу так: моя книга посвящена людям науки, а не ее достижениям, имеет очерковый характер и не претендует на обзор всех проблем. Я сосредоточил внимание не на том, о чем уже не раз писали и что хорошо известно читателям, а на том, что старались скрыть и, увы, не очень хотят осмыслить сейчас" (2004б. С. 305).

Однако в уже процитированной сентенции легко заметить первую существенную неувязку. В реальности историография археологии разработана на удивление слабо, и читатели (даже большинство профессионалов) представляют общую исто-

рию этой науки не совсем хорошо, может быть, даже очень плохо и фрагментарно. И это вовсе не секрет.

Но ведь действительно: Формозов разбросал перед нами громадное полотно имен бесчисленных археологов разного времени и разного ранга, начиная еще с дворян-дилетантов (в археологии) и завершая нашими ныне здравствующими современниками. Каждого из этой бесконечной плеяды живых и покойных деятелей Формозов наградил нелицеприятными оценками – от сравнительно скромно-позитивных (редко) до просто убийственных (несравненно чаще). И вышло так, что всю эту неохватную картину А.А. Формозов, конечно, не только сам сочинил, но выступил на этой арене в роли "грозного судии" всех и вся. Поэтому он сразу и бесповоротно отвергает древнюю и поддержанную еще Л.Н. Толстым истину "De mortius aut bene, aut nihil". «Как это несправедливо! – негодующе восклицает А. Формозов, – Напротив, надо бы сказать "о живых говори доброе или ничего". От скольких страданий это избавило бы людей...» (2004б. С. 105). Непременно обратите здесь внимание, читатель, сколь умилителен автор в этом "добром" порыве к людским страданиям! Запомним, однако, данный пассаж: ниже он повернется к нам еще более любопытной гранью...

Мне кажется, что любые книги – и тем более подобные исследуемой здесь серии – почти всегда порождают у читателя некие литературно-психологические ассоциации с чем-то уже прочитанным, иногда даже хрестоматийным, либо менее популярным. Произведения эти (вкупе с включенными в их контекст героями) порой способны удивлять своими необычайно отчетливыми параллелями. Так и для автора этих заметок картины ассоциаций возникли тоже достаточно сходные. Вот, скажем, произведение достаточно известное, но не вполне следующее российской литературно-сценической традиции: речь идет о пьесе "Дело" драматурга позапрошлого столетия А. Сухово-Кобылина.

Вспомните, в "Деле" фигурируют четыре основные группы персонажей: *Начальства, Силы, Подчиненности* и *Ничтожества*. Анализируя книги А. Формозова, мы как будто лицезрим их воочию. *Начальства* – это неохватная и по большей части безликая *Власть* (обычно у А. Формозова она большевистско-коммунистическая). *Силы* – приближенные и стоящие у подножья власти персоны: т.е. Академики, Партийные функционеры и т.п. *Подчиненности* – это лица, стремящиеся влиться в ряды *Сил* (однако среди них порой мелькают даже фигуры "порядочных" ученых). *Ничтожества*: ну, а эти зачастую не удосуживаются даже упоминания имен.

Однако в отличие от драмы Сухово-Кобылина в интересующих нас книгах постоянно и активно, буквально на каждой странице обязательно сталкиваемся мы с еще одной непременной персоной – конечно же, с самим Формозовым. На этих страницах он постоянно являет себя в качестве Судии. В своих книгах А. Формозов-Судия всегда вещает от первого лица, не скрывая (к удовлетворению комментаторов) своих пристрастий. Кроме того, в книгах Формозова постоянно и назойливо звучит неустанный лейтмотив, представляющий его собственные нравственные оценки самого себя. Последние, за редчайшим исключением, блещут кристальной и безукоризненно-нравственной чистотой; в них вы никогда не сможете обнаружить ни признаков самоиронии, ни даже намека на нее. (Тут, правда, хотя бы в скобках, очень хочется припомнить, что даже центральная фигура Торы – Моисей публично мог сознаваться в собственных и столь существенных для пророка изъянах: "О, Господи! Человек я не речистый... я тяжело говорю и косноязычен" (Исход, 4, 10)...

У А. Формозова все не так: "Коллеги опасались, что мой успех [речь идет о Староселье] обеспечит быстрое выдвижение молодого, энергичного и независимого человека, как это произошло некогда с А.П. Окладниковым. Такой поворот дела не устраивал ни ленинградцев, ни многих москвичей... Меня воспринимали как нахального мальчишку, *а я, напротив, был очень застенчив*" [sic!] (здесь и далее курсив мой. – *Е.Ч.*) (2004а. С. 104, 105).

Добавим, что он, конечно же, не только застенчив, но весьма благороден и смел. В память о почившем А.Л. Монгайте – еврее и враге директора Института Б.А. Рыбакова – буквально все страшатся сочинить некролог. "Пришлось сделать это мне" (1995. С. 84). Но автор сих заметок, также провожавший Монгайта в последний путь, должен напомнить А. Формозову, что в ту пору все же нашелся по крайней мере еще один, смелый и благородный человек – Г.Б. Федоров. "*Всю свою жизнь Александр Львович боролся с бегемотами зла*", – произнес он в прощальной речи над гробом Монгайта, и лицо Рыбакова моментально исказилось от гнева. Да и многие другие тогда в этом зале тоже бросили взгляд на страшноватую фигуру нового вида чудищ – "бегемота зла".

...Средневековье породило обильную литературу типа Acta Martyrum и Acta Sanctorum, что по сути обозначало «почти одно и то же. В первых – "кровавое свидетельство" за веру отличается от благочестиво, аскетически прожитой жизни в обычных условиях» (Поснов, 1991. С. 106). Если опираться на самооценки А. Формозова, то он, конечно же, должен войти в ряды Acta Sanctorum. Правда, подобные агиографии сочинялись, как правило, не самими святыми, – страницы об их жизненном пути писали в иное время и иные лица; но, видимо, здесь мы столкнулись с исключением.

...Впрочем, продолжим наши поиски и приблизимся к современности. Вот, скажем, Булат Окуджава всегда пел от собственного "Я"; и у него всегда находим мы что-то общее и обязательно романтически-доброе: "...возьмемся за руки, друзья...", "твои пассажиры – матросы твои – приходят на помощь". Или же: "...следом адъютанты... все они красавцы, все они таланты, все они поэты". Нет, нет! Конечно же, подобного рода стиль нашему герою абсолютно чужд.

Но вот иной, легко узнаваемый хрестоматийный пассаж: "Я их знаю всех: это все мошенники..., мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет. Все христопродавцы. Один там только и есть порядочный человек – прокурор, да и тот, если сказать правду, свинья". Правильно: конечно же, это гоголевский Собакевич.

И ведь как сходен смысл речений: "От родителей я воспринял идею служения науке и культуре, столь характерную для русской интеллигенции XIX века.... Я пришел в академический институт истории материальной культуры АН СССР (ныне – Институт археологии РАН), [и прежние мои представления] подверглись жестокому испытанию при столкновении с реальной действительностью. Вместо храма науки я видел то заурядную контору (начальник, подчиненные, фавориты), то лавочку (я тебе – ты мне)". Весьма примечательна к тому же добавка к этим строкам в одной из последних книжек А. Формозова: "Страдая от этого, я год от года отдалялся и от своих учителей, и от своих товарищей" (2004а. С. 112; 2005. С. 7).

У великого сказочника Гофмана есть персонаж – фроляйн Аннхен или же "Королевская невеста". Невинную умом и телом девицу также вначале смутили восхитительные по красоте, но лживые картинки царства гномов, куда она, трепеща от восторга ожиданий, и собралась, позабыв про своего жениха. И что же она там узрела!? "В тине копошились и извивались уродливые жители земных недр. Жирные черви сплетались

друг с другом...". Но к счастью, появляется ее прежний жених и страстными строфами любовных баллад рассеивает всю эту мерзость. (Гофман 1962. С. 147, 149, 156). Мир вновь стал чудесен...

Но это лишь красивая сказка со счастливым концом. А у нас "тяжкая шапка Мономаха" – шапка той ратной святости, когда день и ночь А. Формозову приходилось до отчаяния биться за правду с окружающей липкой мерзостью. Вначале ведь он также был совсем невинен, подобно фройлян Аннхен, но вскоре прозрел: "...Суммируясь, прискорбные обстоятельства давали самый печальный итог. В ряды археологов проникли откровенные жулики... А ведь ... с юных лет я верил, что ученый должен стремиться к знанию и истине, тогда как невежество и ложь его враги. Поэтому я не раз пытался бороться с жульничеством, распространившимся в нашей среде. Понимание товарищей я не встретил" (2005. С. 26, 27). М-да-а, от финала сказки Гофмана это совсем далеко...

К тому же и среди учителей у А. Формозова попадались довольно гадкие типы: "В.И. Громов – некогда руководитель моей дипломной работы в Университете – не любил меня... . Защитив в 1938 г. докторскую диссертацию, почил на лаврах. Новые материалы опровергали его хронологические выкладки.... [и потому] ... мэтр встал на путь опорочивания своих оппонентов. Так же обошелся и со мной. Я просил геолога побывать у меня в экспедиции [в Староселье] и все проверить на месте. Он, разумеется, не поехал, но *болтовню* [sic!] не прекратил" (2004а. С. 95).

По какой-то причине особое внимание А. Формозов уделил также поведению разных российских археологов в кровавый 1941 год: "Проявили они себя по-разному. Знаем мы далеко не все, о чем-то лишь догадываемся. В 1941 году в ополчение, оборонявшее Москву, ушли три товарища – сотрудники отдела археологии Исторического музея Е.И. Крупнов, Д.А. Крайнов и П.А. Дмитриев. Крупнов (полевой работник!) по дороге стер ногу и отстал. В боях не участвовал, хотя потом всегда беспокоился, есть ли его портрет на стендах, посвященных Отечественной войне. Крайнов и Дмитриев попали в окружение и были взяты в плен. Здоровенный верзила Крайнов вынул из кармана диплом оперного певца [оказывается он и на войну отправился с дипломом солиста в кармане!] и вызвался петь для победоносного Рейха. Исполнял басовые партии в Минской опере. Вернувшись, защитил докторскую диссертацию, дожил до 94 лет. Дмитриев, подслеповатый и слабосильный, сумел бежать, перейти линию фронта и добраться до своих. Там его отдали под трибунал, осудили за измену Родине и отправили в штрафной батальон. Вскоре он был убит" (2004б. С. 77). Любопытно, однако: сообщает нам А. Формозов о "потертой ноге" Е.И. Крупнова и "оперной карьере в германском вермахте" Д.А. Крайнова по догадкам и слухам? Или же у него на этот счет имеются официальные документы? Судя по всему, их нет. Так как же мы все-таки будем выбираться из этой странной и мало привлекательной ситуации?

Впрочем, кажется, мы уже избыточно насытились бесконечно длинной "собакевической" лентой, персонально связанной с А. Формозовым и извлекаемой из книг самого А. Формозова. Здесь все предельно ясно. Обратимся к другому: к Власти и ее отношению к прочим группам археологических персон.

Власть (большевистско-коммунистическая) всегда ужасна, омерзительна, кровава. Она травит лучших людей России, изгоняет их, гробит памятники и произведения искусства, продает их за границу. Все это касается и археологии. Однако особых откровений в этих пассажах книг А. Формозова читатель для себя вряд ли обнаружит: ведь это очень давно и очень многими обговорено.

Но вот внезапно, сразу же за этими, жутко обличительными страницами и абзацами, А. Формозов выдает странно-непонятную статистику: "При такой расстановке сил наблюдалось немало нового в жизни науки и всей страны. Послереволюционные годы отмечены быстрым ростом сети музеев и краеведческих обществ. По данным 1927 года, за десять лет число таких обществ возросло с 61 до 1112, а музеев – с 94 до 576... В двадцатые годы открыты и новые университеты..." (1995. С. 31, 32).

Как это понимать, читатель? Полная разруха страны, "красный террор", массовые расстрелы, экспроприация и уничтожение национальных ценностей, "оставшиеся [в России после революции] были обречены на холод, голод, утеснения и полную неопределенность". ...И одновременно почти в 20 раз (!!) возрастает число краеведческих обществ, а музеев в шесть (!) раз; организуются новые университеты... Может быть, разумнее было бы проанализировать все эти процессы более спокойно и объективно, без устрашающе кровавых судорог. Разъяснять А. Формозов пытается, но как-то странно скупо и уж весьма невразумительно: "Все же надо объяснить, как же при обрисованных выше чудовищных условиях для жизни и работы наши археологи смогли добиться значительных успехов. На мой взгляд, это произошло потому, что большинство ученых любило свое дело и трудилось с увлечением и самоотверженностью даже при самых неблагоприятных обстоятельствах: в годы послереволюционной разрухи, в дни блокады Ленинграда, видя чуть ли не ежедневно гибель коллег и сокровищ культуры. Люди уходили в творчество" (2004б. С. 305). Да, согласен, некоторые люди могли "уходить в творчество" и удалялись в него; но ведь от подобного индивидуального "ухода" в творчество еще неизмеримо далеко до организации новых государственных музеев.

Теперь обратимся к "*Силам*" нашей науки. Выглядят они, как правило исключительно скверно и непривлекательно. Чаще всего в текстах возникают три крупных фигуры – Б.А. Рыбаков, А.П. Окладников, С.В. Киселев. Впрочем ими дело не ограничивается: к ним примыкают и фигуры как бы помельче, или же не столь бросающиеся в глаза, вроде Б.Б. Пиотровского, В.Л. Янина либо А.П. Деревянко.

Вот С.В. Киселев, который: "после войны фактически всем руководил... Именно он определял политику в археологии в 1945–1955 годах... Он сумел собрать рассеянные кадры, сплотить их..., но, пожалуй, не пригасил московско-ленинградскую вражду, а даже раздувал ее [sic!].... Но выйти в директора и академики Киселев не сумел... Поджимали более молодые: Б.А. Рыбаков и А.П. Окладников, готовый писать и говорить что угодно и о чем угодно". А статьи Киселева "о значении трудов И.В. Сталина для археологии" грустно сегодня читать, ..."помня автора как серьезного исследователя древностей Сибири и хорошего профессора" (1995. С. 75, 78). Что Киселев – хороший профессор, я совершенно согласен. Но что вкладывает в это понятие А. Формозов? Может, совсем иное, нежели автор данных заметок? Как и в других случаях, расшифровка нравственных оценок, даваемых А. Формозовым, остается далеко за рамками его книг.

Однако самый отвратительный, – он же супостат из супостатов среди "*Сил*" – для А. Формозова, безусловно, А.П. Окладников. С этим академиком сражения нашего героя длились долгие годы: "После вполне благополучного начала в 1940–1950-х годах, занятий этнической историей, раскопок стоянок первобытной эпохи в Крыму и на Кавказе, я в 1960-х годах обратился к наскальным изображениям каменного и бронзово-

го века. Здесь я столкнулся с чудовищными подтасовками фактов в книгах такого известного археолога, как А.П. Окладников, и почел необходимым сказать об этом в печати... В дальнейшем, продолжая работы по этнической истории каменного века, я вновь увидел научную недобросовестность многих построений, созданных вполне процветающими коллегами, и опять заговорил об этом в печати... Постепенно вокруг меня образовался вакуум. Археологи стали меня сторониться, игнорировать мои книги и статьи (подчас заимствуя их выводы, не ссылаясь на автора)" (1995. С. 86, 87).

Однако невзирая на эти, принадлежавшие Формозову публично-скандальные разоблачения "...в 1978 г. звание Героя Социалистического Труда получили сразу три академика-археолога: Б.А. Рыбаков, А.П. Окладников, Б.Б. Пиотровский. Окружающие встретили это с полным равнодушием" (2004б. С. 252). Про "полное равнодушие" интересно: откуда это А. Формозов взял? Да и в каких формах должны были являть свой восторг "окружающие"? С фанфарами и фейерверками? В маскарадных костюмах?

Подчиненности. Их, естественно, гораздо больше, и среди них встречаются люди поприличней, хотя гадостных, конечно, в избытке. Да и на первый взгляд у приличных, вроде бы, персон можно сыскать массу мерзостей. Вот к примеру М.М. Герасимов – всемирно известный родоначальник одного из самых ярких направлений в антропологии, скульптор и археолог. Он помогал А. Формозову расчищать кости "неандертальского" мальчика в Староселье. Копал в Сибири палеолитическую стоянку Мальта, но "переехав в 1932 г. в Ленинград, он забрал с собой – *по сути похитил* [sic!] – все наиболее выразительные вещи из раскопок..." (2005. С. 71). Выходит, всеми уважаемый и добрейший Мих. Мих. просто мелкий жулик и ничего более.

Или же, например, дали Государственную премию Т.С. Пасек. "Книга [ее] добротная и все же вполне рядовая (но она красивая женщина и пользуется поддержкой очень влиятельного И.И. Мещанинова)" (2004б. С. 252). В скобках заметим: жаль, что в археологии было маловато красивых дам!

Среди подчиненностей для А. Формозова крайне неприятен вечно мятущийся и стремящийся все захапать, но в конечном итоге абсолютно бесплодный и бестолковый О.Н. Бадер. Он постоянно перебегает дорогу А. Формозову – то в отношении Сунгиря, то – Каповой пещеры. Проку от Бадера – чуть: "Извлечь что либо путное из этих мелочей и пустяков (а они и составляют суть бадеровских трудов. – *Е.Ч.*) трудная задача. Наиболее богатые и важные материалы из исследованных им памятников в научный оборот Бадер не ввел и – главное – не позволял этого сделать другим... [Истинная] собака на сене... Все это черты человека с комплексом неполноценности" (2005. С. 58–61).

Основное оружие А. Формозов направлял, естественно, против жулья от археологии: "Я всегда хорошо отзывался об ученых, внесших реальный вклад в нашу культуру, и не щадил любых жуликов, фальсификаторов и чиновников от науки, так или сяк мешающих творческим людям (2004б. С. 110). "Иногда [те] просто не понимают, что это такое, из-за своей общей некультурности, иногда идут на сознательный обман" (2005. С. 24). Среди жулья, к примеру, помечены фамилии В.Е. Ларичева, да и иных – еще более худших из проходимцев. Диссертации этого "жулья ... оппонировали А.П. Деревянко, Ю.А. Заднепровский, Д.Я. Телегин... Люди известные. И все же известные не одними своими публикациями, но и своим вольным обращением с источниками. Для них нет разницы между подъемным материалом и комплексом из раскопок, памятником с четкой стратиграфией и смешанной коллекцией с дюн... Так образуется круговая порука, и недобросовестные люди стоят не особняком, а составляют только крайнее крыло весьма длинного ряда, куда входит столько других – и академики, и герои. Уж если кто и был у нас на отшибе, то как раз подлинные ученые, относившиеся к своим обязанностям перед наукой с предельной ответственностью... Но их уже нет на свете" (2005. С. 51). Неужто же все лучшие специалисты давно перебрались в потусторонний мир?..

Ничтожества. О ничтожествах в книгах говорится скупо, суммарно, как о некоем гнусном поголовье: "...в науку пришли толпы людей, жаждущих престижной, непыльной высокооплачиваемой работы, ни в малейшей степени не озабоченных поисками истины... Корень зла – в общей обстановке действующего сейчас поколения. Люди думают о сиюминутном успехе – о получении степеней и званий,.. а не о базе исследований, не о работе надолго, для наших преемников" (2005. С. 24, 75, 76). Для А. Формозова все эти толпы – "слишком серая масса" – и столь убийственной ее характеристикой по сути завершает он свою последнюю и, пожалуй, самую злобную из рецензируемой серии книгу (2005. С. 222).

Великие люди. Увы, среди археологов читатель таковых не сыщет. Даже в чем-то более или менее "пристойные" в ряду специалистов по древностям: С.В. Киселев, А.В. Арциховский, А.Я. Брюсов или же те, которые посквернее, – типа П.И. Борисковского, А.Н. Бернштама и др., запятнали себя либо письмами и статьями в поддержку официальной марксистко-сталинской идеологии, либо тем, что в критические 1930-е годы не пришли на помощь своему угнетенному учителю В.А. Городцову и т.д. и т.п. Все их проступки А. Формозов пометил мрачными черными крестами. Помните: "стыдно и грустно читать...". Научную весомость каждого из них за эти "неблаговидные" дела А. Формозов понизил сразу на несколько ступеней.

Великий ученый – только один, и он ярко возвышается над всеми. Это биолог Николай Иванович Вавилов. Ему посвящены многие страницы книг А. Формозова, по преимуществу в фактически полностью аутентичных разделах двух книг. Они и публикуются под одним и тем же названием "Первым бросивший камень" (2004. С. 72–79; 2004б. С. 219–226); о нем же ведется речь и в самой ранней из рецензируемых книжке 1995 г. (С. 53, 54).

Спору нет: открытия Н.И. Вавилова в мире признаны многими учеными, а употреблять по отношению к нему прилагательное – "великий" или "выдающийся" – в конечном итоге дело вкуса. Однако и в этих длинных разделах-пассажах читатель сталкивается с двумя мало понятными несуразностями.

Первое, что смущает: в списке работ Н.И. Вавилова мы встречаем великое множество правоверных официозных статей и выступлений на всяческих пленумах и конференциях, как правило, опубликованных в центральных газетах той поры. Вот только малая толика из обилия боевых заголовков: "Приобщить к науке и технике широкие массы трудящихся (из письма тов. Сталину)", "Великие задачи требуют великого подъема", "Научные работники и социалистическая реконструкция". Вся эта библиография полностью опубликована (Библиографический указатель..., 1967. С. 3–37). В 1929 г. Н.И. Вавилов выступал с горячей поддержкой (ставшего много позднее отвратительно пресловутым) Т.Д. Лысенко, порицая "завистливое ворчание" некоторых пожилых физиологов на открытие молодого биолога (Синская, 1991. С. 155, 156).

Неужто эрудированный А. Формозов прошел мимо этого? Так отчего же археологов за сходные "грехи" он безоговорочно заклеймил? А биолог Вавилов – разве он жил в иную эпоху? Повторяю, для меня эти письма и выступления Вави-

лова ни в малейшей степени не снижают значимости его выдающихся открытий в биологической науке. Но почему же за сходные слабости дóлжно столь безжалостно топтать коллег-археологов?

А вот любезные сердцу А. Формозова "дворяне-дилетанты". Обратимся хотя бы к М.В. Ломоносову или Г.Р. Державину: А. Формозов пишет о них с великим почтением (1986. С. 21–23). "Благословенная царица..." – это Ломоносов об Екатерине II; или его же "...здесь в мире расширять науки // изволила Елисавет...". Ну а задыхающийся от умилительного восторга Г.Р. Державин с его "Фелицей" – также Екатериной II:

"Неслыханное также дело, // Достойное тебя одной, // Что будто ты народу смело // О всем, и въявь, и под рукой, // И знать и мыслить позволяешь, // И о себе не запрещаешь // И быль, и небыль говорить..."

Ну, и что же нам в таком случае делать с этими утопающими в любви к начальству российскими дворянами-корифеями? Лишать их этих приставок и обличать?

Еще один странный казус, связанный с делом Вавилова. Оказывается, "первым, кто бросил в Вавилова сокрушительный камень" оказался ленинградский археолог-ориенталист Г.В. Григорьев. Сознаюсь, что до чтения рецензируемых книг я о нем ничего не знал. К сожалению, Григорьев не успел многого как в археологии, так и в публикации своих работ. В 1941 г. его арестовали, и вскоре он погиб в тюремных подвалах. Однако в 1932 г. он успел выпустить в свет небольшую брошюрку "К вопросу о центрах происхождения культурных растений". По мнению А. Формозова (а он следует здесь за С.Е. Резником), этот мало примечательный текст почти не известного никому археолога сыграл чуть ли не роковую роль в падении президента ВАСХНИЛ и члена ВЦИК – великого биолога Вавилова. По данной причине критика А. Формозова в адрес этого археолога звучит воистину беспощадно: "Каждый человек имеет право на свое мнение, и молодой археолог Григорьев вполне мог усомниться в положениях авторитетнейшего биолога Вавилова. Но вот делать вид, что критика прозвучит в безвоздушном пространстве и не будет иметь никаких последствий, забывать, к чему ведут в данных условиях выдвинутые обвинения – такого права ни у Григорьева, ни у кого другого нет. *И потому я лично простить покойного коллегу не в силах* [sic!!]" (2004б. С. 225). Бедный – так и непрощенный нашим беспощадным Судией "покойный коллега"! Оценкой его наградили ужасающей и убийственно суровой! И это даже при том, что мы помним, сколько из уст или из-под пера нашего грозного Судии вылилось проклятий и разоблачений на головы великого множества археологического люда.

Вернемся, однако, к Acta Sanctorum и к принадлежности к ним А. Формозова. Причисленные к этой плеяде святые обычно предстают для потомков мучениками за некую идею. Они твердо и безоговорочно верят, что правда на их стороне, хотя тем самым и обрекают себя на тяжкое бытие в мире бурлящих обид и непонимания со стороны окружающих. "Официальное мое положение ... оставляло желать лучшего. Мне помешали защитить докторскую диссертацию [интересно: кто, когда и как?]. Только в возрасте пятидесяти лет я был включен в состав редколлегии "Советской археологии" и при первой возможности [sic!] выведен оттуда [N.B. "Первая возможность" появилась спустя лишь 11 лет! А.А. пребывал там с 1978 по 1988 г., а в последующие восемь лет (1995–2003) он продолжал трудиться в той же редколлегии, после чего вышел из редколлегии по собственной инициативе. – *Е.Ч.*]. Не выпускали меня – продолжает он перечисление обид – и на международные конгрессы" (1995. С. 86, 87).

Обычно деятелей, составляющих ряды Acta Sanctorum, с целью контраста окружают совершенно недостойные люди: "...мы уверяем себя, что есть некое научное сообщество, дружная семья ученых, озабоченная неким общим делом. А в действительности идет борьба за место под солнцем, за чины, ставки, средства на исследования, перспективные районы и темы. Кое-кто готов в этой борьбе орудовать без перчаток, а кто-то умело использует это" (2004б. С. 243). "Руководителями экспедиций оказываются не столько серьезные ученые, сколько крепкие организаторы – дельцы. Те же деляческие качества проявляют они и при публикации результатов раскопок, жертвуя истиной ради всякого рода сторонних соображений, игнорируя и обманывая коллег..." (2005. С. 25).

Да и от кого можно было ожидать сочувствия, когда "во главе археологических учреждений стоят ныне люди, сделавшие карьеру по партийной линии в брежневские времена: бывший секретарь ЦК ВЛКСМ и секретарь Новосибирского обкома КПСС А.П. Деревянко, секретари парторганизации Института археологии в разные годы Р.М. Мунчаев, В.И. Гуляев, Х.А. Амирханов, Е.Н. Носов. Они-то и стараются поддерживать сомнительное реноме ушедшего в прошлое периода" (2004б. С. 311).

Вместо заключения. Почти полвека мне волей-неволей довелось наблюдать А. Формозова, пребывая в стенах одного с ним Института. За эти десятилетия преображалась, резко видоизменяла свой характер и облик мировая археология. Невзирая на тягостные болезни и печальные провалы, археология в России старалась, как могла, не выпасть из мировой колеи общего прогресса. Однако протекали все эти процессы совсем не так, как мнил Формозов. И тогда время окончательно озлобило его. Судя по перечисленным выше книгам, он не принял ничего нового, что свершилось за эти полвека. Последний "Открытый лист" на полевые исследования он получил в 1969 г. Но и до означенного года он никогда ни одной сколько-нибудь крупной экспедиции не организовывал. Однако со страниц своих книг он и поныне старается поучать – естественно на собственных примерах – профессионалов, как должно работать (2005. С. 25–27). Звучит все это и смешно, и грустно.

Если не желают его видеть на Международных конференциях, не приглашают туда, то я этому нисколько не удивляюсь. Он просто там неинтересен: ведь он отстал от мировой археологии на полвека. Кажется даже, что в чем-то А. Формозов стал ближе, по взглядам и уровню, к своим любимым "дворянам-дилетантам" из крайне далекого прошлого...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Библиографический указатель печатных работ академика Н.И. Вавилова. К 80-летию со дня рождения. Л., 1967.

Гофман Д.Т.А. Избранные произведения в трех томах. Т. 2. М., 1962.

Поснов М.Э. История христианской церкви (до разделения церквей – 1054 год). Киев, 1991.

Синская Е.Н. Воспоминания о Вавилове. Киев, 1991.

Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. М., 1986.

Институт археологии РАН, Москва *Е.Н. Черных*

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 3, с. 182–192

ХРОНИКА

КРУГЛЫЙ СТОЛ ПО ХРОНОЛОГИИ "СРЕДНЕАВАРСКОГО" ПЕРИОДА

26–27 ноября 2004 г. в Будапеште состоялся Круглый стол "Betrachtungen zur Chronologie der Mittelawarenzeit". Проблема, заявленная в его названии, вкратце такова. Начиная с 1970-х годов исследователи стали обращать внимание на то, что в рамках ранней части древностей Аварского каганата (группа III по Й. Хампелю, один из ярких признаков которой – поясная гарнитура, выполненная прессовкой) выделяется круг специфических памятников, датируемых сравнительно поздним временем и позволяющих ставить вопрос о наличии особой традиции (типа Игар – Озора – Дюнапентеле). Профессор Будапештского университета Иштван Бона и поддержавшие его специалисты стали рассматривать эти и аналогичные древности в рамках так называемого "среднеаварского" периода, датируемого около последних десятилетий VII в. Появление указанного феномена связывалось с миграцией из Восточной Европы в Центральную болгарских группировок хана Кувера. Данная концепция стала в венгерской историографии если не общепризнанной, то, несомненно, господствующей. Вместе с этим со второй половины 1980-х годов рядом исследователей, преимущественно невенгерских, предлагались другие схемы аварской хронологии (Ф. Дайм, М. Мартин, И.О. Гавритухин, Й. Забойник и др.). Нельзя сказать, что и среди венгерских ученых не было тех, кто сомневался в схеме И. Боны или ее деталях.

В качестве одной из форм разрешения обозначенной ситуации директором Института археологии Венгерской академии наук Ч. Балинтом была предложена идея Круглого стола, посвященного детальному рассмотрению проблематики выделения, интерпретации и, прежде всего, хронологии "среднеаварского" периода. Для участия в нем были приглашены специалисты, способные представить основной спектр разработок, связанных с этой темой. Наряду с приглашением участникам была разослана обширная рукопись Ч. Балинта, где подробно рассматривались фактические и методические неувязки в работах И. Боны, посвященных "среднеаварскому" периоду, прежде всего по проблеме происхождения древностей этого круга.

На Круглом столе были представлены 14 докладов, а в работе приняли участие около 40 заинтересованных лиц, от студентов до сотрудников региональных музеев и известных специалистов, хоть и не выступавших с отдельными докладами. Конечно, в собраниях такого рода важны и "кулуарные" обсуждения, которые, по возможности, мы также постараемся отразить в предлагаемом обзоре.

Доклад *Чанада Балинта* (Будапешт) "Замечания о начале среднеаварского периода" был посвящен анализу концепции И. Боны, прежде всего методическим вопросам. В прениях отмечалось, что, несмотря на ряд неувязок, работы И. Боны важны для постановки и понимания ряда проблем изучения древностей Аварского каганата, а привлечение внимания к существенным переменам на Среднем Дунае в последние десятилетия VII в. является одной из несомненных заслуг этого исследователя.

В докладе *Игоря Олеговича Гавритухина* (Москва) "Среднеаварский период и восточноевропейские материалы" обсуждались два блока проблем. Первый – хронологические колонки и реперы VII – первой половины VIII в. в Восточной и Центральной Европе: основания периодизации, возможности синхронизации и абсолютной датировки. Второй – параллели ряда типов ременной гарнитуры середины – второй половины VII в. в Восточной и Центральной Европе, объяснимые не столько прямыми контактами, тем более переселениями, сколько общим (византийским) источником инноваций. В обсуждении подчеркивалась необходимость работ такого рода; к сожалению, сохраняющаяся (даже возрастающая) слабость использования западноевропейскими коллегами восточноевропейских материалов и наоборот, что особенно отрицательно сказывается на изучении эпохи великого переселения народов.

Уве Фидлер (Берлин) в докладе "Историческая дата 680 г. Имело ли последствия в аварской моде возникновение Болгарского царства на Нижнем Дунае?" представил подбор материалов из недавних приобретений музеев и частных коллекций Болгарии. Оказалось, что находки "среднеаварского" периода здесь единичны, зато многочисленны "позднеаварские" (к ним отнесены и те, что, например, Ф. Дайм рассматривает как византийские). В обсуждении подчеркивалось, что "позднеаварские" стили неоднородны, выделение центров и локальных школ литой ременной гарнитуры VIII в. является актуальной проблемой. Работы последних лет, в том числе и Ф. Дайма, имеют для этого важное значение.

В докладе *Йозефа Забойника* (Нитра) «Роль датировок по монетам для "среднеаварского" периода» обращалось внимание на то, что отнюдь не все монеты являются "датирующими"; кроме того, дата изготовления вещи может отличаться от времени ее попадания в могилу, датированную по монете. В обсуждении говорилось, что, безусловно, при работе с любым материалом следует избегать односторонности и схематичности.

Макс Мартин (Базель) в докладе "Абсолютная хронология мужских поясов на меровингском Западе и в Аварском каганате" остановился на проблеме "монетного зеркала" в меровингской хронологии. Разработка детальной периодизации материалов меровингского круга позволяет указать на случаи, когда в разных периодах представлены одинаковые монеты; есть и "безмонетные" периоды. В обсуждении отмечалось, что меровингская хронология и методически, и практически важна для понимания более восточных материалов, и при ее использовании необходимо представлять детали и особенности этой системы (точнее, нескольких систем). Новый опыт сопоставления меровингских и аварских материалов с опорой на изложенные М. Мартином наблюдения был бы очень полезен.

Бела Миклош Сёке (Будапешт) в докладе "Структура поясов в аварское время" продемонстрировал реконструкции ряда гарнитур из Среднего Подунавья. При обсуждении было отмечено, что если для реконструкций "позднеаварских" поясов имеется довольно много материала, то для более раннего времени его явно недостаточно. Это связано с качеством публикаций, в ряде случаев отражающих и недостатки полевой фиксации важных деталей.

Адриен Пастор (Будапешт) представила доклад "Типологический анализ бус аварского времени в Венгрии". Было показано, что эта группа массового материала вполне пригодна для построения собственной периодизации. Отмечено, что некоторые типы глазчатых бус, традиционно считающихся "ранними", бытуют довольно долго; у бус в виде дынной косточки, показательных для поздних комплексов, выделяются ранние варианты; в Западной Венгрии представлены типы, известные у лангобардов и в культурах меровингского круга. В обсуждении обращалось внимание на важность профессиональных определений при публикации бус, перспективность сопоставления периодизации ожерелий с разработками по другим категориям находок.

В докладе *Нади Профантовой* (Прага) "Среднеаварский период и хронология северной части Карпатской котловины" были представлены находки "аварского" круга преимущественно из Чехии, свидетельствующие о сильном влиянии культуры Каганата на этот регион. В прениях отмечалась сложность сопоставления этих материалов, поскольку в Каганате они известны в основном по могильникам, а севернее – по поселениям, а кроме того, важность составления корпуса таких находок, их группировки.

Йозеф Сентпетери (Будапешт) в докладе "Карты распространения свидетельствуют..." продемонстрировал нетрадиционные возможности использования подготовленного под его руководством нового свода памятников Аварского каганата. В частности, диаграммы численности памятников по узким хронологическим отрезкам (использованы даты авторов публикаций) демонстрируют неправдоподобный результат. Это указывает скорее всего на противоречия и неувязки принятых хронологических схем. Докладчик рассмотрел и проблематику выделения древностей IX в. на Среднем Дунае. Присутствующие были единодушны в признании важности этих вопросов, необходимости надежных хронологических определений при работе в рамках картографических и статистических методов.

Тивадар Вида (Будапешт) в докладе "Внутренняя хронология могильников аварского времени Восточной Паннонии" представил опыт планиграфического анализа опубликованного некрополя Сексард и готовящегося к полной публикации могильника Чакберень. В размещении погребений по территории кладбища отразились особенности этнографически разных групп населения, хронологические отличия. Существенные перемены на этих памятниках фиксируются для последней четверти VII в. В обсуждении указывалось на важность продолжения аналитических построений в данном направлении, дискутировалась атрибуция некоторых материалов.

Габор Киш (Сомбатей) предложил доклад "Превращения кестхейской культуры (VI–VII вв.). Опыт периодизации". Докладчиком отмечены богатство и преемственность местных древностей на протяжении последних десятилетий VI – первой трети VII в. (могильник Кестхей-Фенекпуста хореум и др.). Показано, что после 630 г. в Кестхее разрушается церковь, меняется локализация кладбищ, возникают новые некрополи (в том числе и населения, продолжающего традиции предшествующего времени), существующие до первых десятилетий IX в. При обсуждении отмечалась перспективность изучения локальных культурных групп Аварского каганата, ритмов их истории, позволяющего точнее, а иногда и по-новому понимать целое.

В докладе *Роберта Мюллера* (Кестхей) «Погребения "ранне-" и "среднеаварского" периодов могильников аварского времени у Денешдиаш» были представлены показательные комплексы и их распределение на плане могильника. В обсуждении отмечалась важность продемонстрированных материалов и их детального рассмотрения, в том числе комплекса с монетой 659 г.

Петер Томка (Дьёр) представил доклад "Сведения погребальных наборов". Было отмечено, что по крайней мере для могильников на северо-западе Венгрии фиксируются существенные перемены на рубеже "раннеаварского" и "среднеаварского" периодов. По мнению докладчика, конские захоронения, сопровождавшиеся снаряжением и оружием, могут и не быть могилами в обычном понимании термина. В дискуссии признавалась значимость обсуждавшихся данных и наблюдений.

В докладе *Фалько Дайма* (Майнц) «Историческая интерпретация археологических находок и проблема "среднеаварского" периода» рассматривались методологические проблемы. Указывалось, что для этнической идентификации, отраженной в исторических источниках, важны психологические переживания и мотивации, они не всегда и неоднозначно отражены в памятниках материальной культуры. При обсуждении признавались ограниченность разных групп источников, специфичность работы с каждой из них, сложности сопоставления результатов.

Ряд развернутых выступлений был представлен в ходе дискуссий. *Вальтер Поль* (Вена) обратился к византийским хроникам, содержащим сведения по обсуждавшимся проблемам, отметив сложный характер фигурирующих там данных, влияние генеалогических легенд и других источников информации. *Петер Шомоди* (Вена) остановился на особенностях работы с монетными находками как особой группой источников, указал на необходимость их внутренней группировки, влияние экономических и политических факторов истории Византии на особенности поступлений монет к ее соседям. *Эва Гарам* (Будапешт) отметила, что новые разработки, как и материалы Круглого стола, подтверждают реальность феномена, названного "среднеаварский" период, а его место в разных хронологических системах – вопрос терминологии и интерпретации.

Опыт данного Круглого стола показал плодотворность научных собраний, когда усилия широкого круга специалистов сосредоточены на обсуждении конкретного, четко сформулированного узла проблем. С очевидностью были представлены основные перспективы исследования аварской хронологии: создание локальных и "культурных" хронологических шкал, отражающих особенности разных групп древностей, углубленная разработка эволюционно-типологических схем для разных категорий находок; сопоставление хронологических колонок и реперов разных территорий и культур; специальный анализ оснований для абсолютной датировки и возможностей интерпретации археологических материалов. Институтом археологии Венгерской академии наук материалы Круглого стола готовятся к публикации под редакцией Ч. Балинта.

Институт археологии Венгерской АН, Будапешт
Институт археологии РАН, Москва

Т. Вида
И.О. Гавритухин

КОНФЕРЕНЦИЯ "У ИСТОКОВ РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ (К 30-ЛЕТИЮ РАСКОПОК НА ГОРОДИЩЕ ПОД НОВГОРОДОМ)"

Конференция была организована в рамках долгосрочного стратегического проекта Новгородского межрегионального института общественных наук "Археология ценностей и ценность археологии в контексте трансевропейских связей (2004–2005 гг.)" и проходила 4–7 октября 2005 г. в Великом Новгороде. В рамках того же проекта 21–24 сентября 2004 г. в Старой Руссе проводилась еще одна конференция "Старая Русса и Приильменье в контексте древнерусской культуры".

Организаторами конференции выступили Межрегиональный институт общественных наук Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, Институт истории материальной культуры РАН и Новгородский государственный объединенный музей-заповедник.

Тематика конференции включала ряд крупных проблем: Северная Русь в становлении российской государственности: общее и особенное сквозь данные истории и археологии; Великий Новгород, Рюриково Городище и Приильменье: проблемы соотношения социально-политической, духовной и материальной культуры; общественно-политические деятели первых веков русской истории: летописный портрет и археологический контекст; корпус древнерусской сфрагистики: политические и культурные реалии; древнерусский город, городская округа и сельская территория: этапы становления, структуры расселения и системы взаимодействия; письменные памятники и данные археологии в реконструкции истории и повседневной культуры средневекового общества; материальная и духовная культура средневековой Европы и Древней Руси на различных этапах взаимодействия.

Конференция была посвящена 30-летию стационарных полевых исследований Новгородского (Рюрикова) Городища, руководимых Е.Н. Носовым. Итоги многолетних работ экспедиции отражены в двух монографиях, одна из которых вышла совсем недавно (Носов, 1990; Носов и др., 2005).

Среди участников конференции были представители ряда научных учреждений России – Института истории материальной культуры РАН, Института археологии РАН, Московского, Новгородского и Санкт-Петербургского государственных университетов, Новгородского государственного объединенного музея-заповедника Петрозаводского государственного исторического музея, а также ученые из Франции и Швеции.

Заседания открылись докладом *Е.Н. Носова* "Тридцать лет раскопок Новгородского (Рюрикова) Городища (итоги и перспективы)", в котором был представлен обзор результатов раскопок на памятнике за три десятилетия его исследований. Были рассмотрены материалы, полученные в ходе работ Новгородской областной археологической экспедиции на Городище: остатки дубовых срубных оборонительных конструкций, укреплявших ров и склон холма, расширявших площадку и защищавших ее от наводнений. Высокая концентрация свинцовых печатей и их заготовок, большое число вещей скандинавского происхождения, так же как и ряд находок престижного характера, свидетельствуют о высоком социальном статусе населения Городища и воссоздают образ княжеской резиденции.

В докладе *В.Л. Янина* "О начале Новгорода" был представлен широкий спектр научной проблематики, связанной с исследованиями древнего Новгорода и его округи. Докладчик подчеркнул лингвистическое своеобразие новгородского диалекта, уходящего корнями в IX–X вв. и связанного с ранней историей заселения региона племенами кривичей (культура длинных курганов) и словен новгородских (культура сопок). История боярских городских усадеб, прослеженная на протяжении XI–XV вв., рисует их как центры перераспределения сельскохозяйственной продукции, связанные с международной торговлей, в которой Новгород выступал в качестве важного узла магистральных транспортных артерий своего времени – пути из варяг в греки и волжского пути. Сильные позиции боярства и ограничение княжеской власти способствовали организации военной экспедиции Олега в Поднепровье, где государственность строилась на иных основаниях: на праве завоевания. Слабость княжеской власти привела к соединению поселков племенной аристократии – Людина, Славенского и Неревского концов – и образованию единой городской структуры Новгорода.

Анализу соотношения культур длинных курганов и сопок и их приуроченности к различным природным ландшафтам был посвящен доклад *В.И. Конецкого* "Археология Северо-Запада России в начале XXI в.: итоги и перспективы". Для культуры длинных курганов наиболее важно решить вопрос о территории, откуда ее носители продвинулись на Северо-Запад, и в этом смысле самый существенный фактор – сходство с материалами киевской культуры и памятниками типа Тушемля-Банцеровщина. Автор доклада подчеркнул, что длинные курганы датируются VI–VII вв., основная причина исчезновения культуры – появление на данной территории словен в третьей четверти I тыс. н.э. Культура сопок расценивается как один из вариантов славянской культуры с характерным хозяйственно-культурным комплексом, частично синхронным длинным курганам. Время существования сопок – VIII–IX вв. Лишь наиболее ранние памятники в Ильменском Поозерье и бассейна р. Мологи (Удомля) относятся к VI–VII вв. и представляют собой первый этап славянской колонизации.

Доклад *П.Г. Гайдукова, Е.Н. Носова и А.А. Молчанова* "Куфические монеты Новгородского (Рюрикова) Городища" был посвящен хронологическому анализу единичных находок и кладов восточных серебряных монет. Среди наиболее ранних находок идентифицированы сасанидские драхмы VII–VIII вв., более поздние атрибутированы как принадлежащие Омейядам, Аббасидам и Саманидам (VIII–X вв.), причем небольшое число наиболее поздних саманидских монет интерпретировано как свидетельство начавшегося упадка Городища и возвышения Новгорода.

В докладе *Н.В. Хвощинской* "Бронзолитейное производство на Новгородском (Рюриковом) Городище в IX–X вв." были представлены находки, связанные с производством изделий из цветного металла. Несмотря на отсутствие комплексов мастерских обнаружены литейные формочки из глины и камня-жировика, инструменты, бракованные отливки и вещи, не завершенные обработкой. Среди отходов производства имеется золотая фольга – редчайшая находка для X в. Жировик для изготовления литейных формочек имеет, скорее всего, скандинавское происхождение, к украшениям скандинавских типов относятся и подвески гнездовского облика IX–X вв., отливавшиеся на памятнике. Нет сомнения в том, что на Городище в начальный период его истории изготавливались вещи скандинавского облика.

В докладе *В.И. Поветкина* "Звучащие приспособления, открытые на Новгородском (Рюриковом) Городище" была предложена классификация музыкальных инструментов, применявшихся в X–XV вв. (струнные, смычковые и духовые), а также выявлена группа предметов, не являвшихся музыкальными инструментами в точном смысле слова, но использовавшихся для извлечения звука. Среди них всевозможные шумящие привески, погремушки, бубенчики. В целом комплекс звучащих предметов реконструирует красочную картину культурной жизни на Городище.

В докладе *А.В. Плохова* "Стеклянная посуда из раскопок Новгородского (Рюрикова) Городища" были представлены многочисленные (свыше 200 фрагментов) находки стеклянных сосудов различных типов. Среди них идентифицированы кубки на поддонах, характерные для древнерусских городов, фрагменты сосудов сирийского и иранского производства и импорты из Западной Европы. Автор подчеркнул, что находки стеклянных сосудов концентрируются в углубленных основаниях крупных построек, располагавшихся к югу от церкви Благовещения. Это отражает социальную планиграфию строений княжеского двора.

Исследованию бус был посвящен доклад *А.А. Тодоровой* "Коллекция бус Новгородского (Рюрикова) Городища в фондах Новгородского государственного объединенного музея-заповедника". Были учтены как вещи из раскопок, так и случайные находки и подъемный материал. Выделено две группы материала – ранние бусы IX–X вв., в основном изготовленные из тянутых трубочек, рубленый бисер, импортные бусы "салтово-маяцкого типа" – глазчатые и мозаичные. Группа поздних бус XII–XIII вв. включает одноцветные и полихромные. Автор отмечает сходство бус ранней группы с памятниками типа Шестовицы, тогда как поздние сходны с материалом из Белоозера, Смоленска и Киева.

А.В. Курбатов в докладе "Технический прогресс и организация новгородского кожевенного ремесла по находкам на Новгородском (Рюриковом) Городище" исследовал находки кожаных изделий, концентрировавшиеся во рву. Основная масса материала относится к XI–XIII вв., есть и ранние находки X в. Среди номенклатуры изделий преобладают детали обуви, в основном мягкие туфли различного покроя. Для производства изделий использовались шкуры крупного рогатого скота, причем в период с рубежа XI–XII по первую половину XIII в. обувь шили из тонкой кожи, а с середины XIII в. использовалась более толстая кожа. Автор связал эти изменения с началом массового стандартизованного производства обуви на рынок в середине XII в.

Доклад *Н.В. Ениосовой* "Золото викингов на территории Древней Руси" был посвящен находкам золотых изделий, относящихся к позднему викингскому периоду (середина X – середина XI в.). Золото в этот период встречается весьма редко, среди учтенного массива находок преобладают браслеты стандартного веса из гладкого дрота, интерпретируемые автором как платежное средство крупного номинала. Наиболее разнообразный спектр находок из золота отмечен в Гнездове. Многие из них свидетельствуют о работе на памятнике ювелиров. Это проволока, в том числе "бусинная", имитирующая зернь; шарики зерни; редчайшая находка слитка золота весом около 3 г. Автор отмечает, что в отличие от раннего средневековья – эпохи переселения народов – проба викингского золота очень высокая. Это свидетельствует о том, что сырьем служили византийские монеты.

Т.А. Пушкина в докладе "Сувениры Аустрвега" проследила пути проникновения некоторых предметов восточного происхождения в Гнездово и далее на северо–запад, в земли викингов, причем отметила переиспользование вещей: аббасидская монета была превращена в подвеску, из трех ременных бляшек салтово-маяцкого типа была также изготовлена подвеска. Эти вещи, по мнению исследовательницы, являются памятниками событий начала X в. – похода русов на Каспий, описанного в арабских источниках. Таким образом возникает мода на поясную гарнитуру, отмеченную восточным влиянием.

Доклад *А.Н. Кирпичникова* "Опыт изучения вооружения средневековой Руси" обрисовал историю российского оружиеведения начиная с 1808 г., когда на месте Липицкой битвы был найден шлем князя Ярослава Всеволодовича. Автор отметил рост интереса к истории русского оружия в послевоенный период, большие успехи в изучении вооружения раннего средневековья, достижения в области клинковой эпиграфики. Переломные моменты в истории русского оружия отмечены преобладанием легкой конницы в IX–X вв., утяжелением вооружения в XII–XIII вв. и внедрением огнестрельного оружия в XV–XVI вв. Исследователь показал, что история вооружения связана с общим ходом истории и социального развития Руси и Евразии в целом.

В докладе *Л.В. Покровской* "Скандинавские предметы Троицкого раскопа: топография находок" был дан обзор вещей скандинавских типов, найденных на Троицком раскопе Новгорода. Группа находок очень малочисленна, они датируются X – первой половиной XI в. и сконцентрированы на усадьбе Е, которая в это время выделяется своими размерами и высоким социальным статусом владельцев.

Доклад *Ф.Б. Успенского* "Мстиславляя Христина: из истории шведско-новгородских связей XI в." был посвящен скандинавским династическим связям русской княжеской династии Рюриковичей, известным по письменным источникам. Важные последствия имел брак Ярослава Мудрого со шведской принцессой Ингигерд. Автор предположил, что ярл Регнвальд, сопровождавший Ингигерд на Русь и правивший затем в Старой Ладоге, принадлежал к королевскому роду. Скорее всего, от него пошел знатный новгородский род Роговичей.

И.Ю. Анкудинов в докладе "Новые письменные источники XVI–XVIII вв. по истории Новгородского (Рюрикова) Городища" представил обзор материалов по истории и топографии Городища, в частности межевых планов и плана окрестностей города 1819 г. Автор представил информацию о том, что по первоначальному замыслу Сиверсов канал не должен был разрезать мысовую часть Городища, но в результате спрямления русла он задел территорию памятника.

В докладе *М.В. Медведевой* "Фотографические материалы по Новгородскому (Рюрикову) Городищу и его окрестностям в архиве ИИМК РАН" были продемонстрированы архивные материалы, связанные с археологическими и архитектурными исследованиями на Городище, начиная с 70-х годов XIX в. и до работ Новгородской областной археологической экспедиции ИИМК РАН.

Доклад *К. Цукермана* (Париж) "Хронология княжения Игоря" был посвящен проблеме условности летописных дат раннего периода русской истории. Хронологическая схема, восходящая к Начальному своду конца XI в., основана на недостаточности знаний о древнейшей русской истории как византийцев, так и самих русских летописцев, писавших более чем через 200 лет после событий. Докладчик указал на расхождения летописных дат с археологическими данными: так, Киев 960-х годов описан как крупный город, что не подтверждается археологически. Опираясь на сведения Бертинских анналов и Кембриджского анонима, К. Цукерман пред-

ложил другие даты княжения Игоря (941–945 гг.) и прихода Рюрика (не 862 г., а начало 890-х годов). Предшествующие события IX в. исследователь связывает с существованием недолговечного государственного образования на территории Руси – русского каганата. Предлагаемое выделение двух этапов формирования древнерусского государства позволяет, по мнению автора, устранить противоречие между летописным рассказом и данными археологии. Доклад вызвал оживленную дискуссию.

А.А. Гиппиус выступил с докладом "Новгород и Ладога в Повести Временных лет", в котором рассмотрел две версии прихода Рюрика на Русь: по одной Рюрик появился первоначально в Ладоге, по другой – пришел сразу в Новгород. Текстологический анализ сведений Ипатьевской, Лаврентьевской и Радзивилловской летописей привел автора к выводу о предпочтительности новгородской версии, тогда как ладожская, основанная на местной легенде, была, вероятно, сообщена летописцу представителем знатной семьи Роговичей в ходе его поездки в Ладогу в XII в.

М.Ю. Данков в докладе "Балтийская идея России в начале XVIII столетия (Осударева дорога – стратегический проект Петра I)" привел новейшие материалы, связанные с исследованием стратегической дороги, проложенной по карельским лесам для совершения марш-броска в ходе Шведской кампании. Были вскрыты деревянные настилы, построенные за одну зиму в соответствии со всеми правилами военного искусства в расчете на проход пехоты и артиллерии.

Доклад *А.В. Чернецова* "Новые исследования в Старой Рязани" был посвящен находкам археологического сезона 2005 г., в частности кладу серебряных изделий XIII в., обнаруженному на городище. Комплекс высокохудожественных ювелирных украшений был представлен как ценный источник по истории прикладного и декоративного искусства одного из столичных городов средневековой Руси.

Новейшим материалам из раскопок Болгара был посвящен доклад *М.Д. Полубояриновой* "Стеклодельная мастерская XIV в. в Болгаре". На территории торгово-ремесленного района города был обнаружен производственный комплекс, среди его находок – куски оплавленного стекла разных цветов, тигли, расчищена плавильная печь. Продукция мастерской представлена бусами и перстнями, имеются и бракованные изделия. Мастерская датирована двадцатыми – сороковыми годами XIV в.

В докладе *А.И. Саксы* "Древняя Карелия на путях европейской торговли XI–XIV вв." были затронуты проблемы формирования культуры карел в VIII–IX вв. и их взаимодействия с русским и скандинавским населением в процессе использования торговых путей, промысловых и сельскохозяйственных угодий. Характер связей менялся с течением времени: в ранний период карелы являлись объектом грабительских походов, на смену которым в государственный период пришли регулярные торгово-обменные связи. С 1270 г. Карелия входит в состав Новгородской земли.

В докладе *В.Н. Седых* "Новгородское (Рюриково) Городище и Тимерево: общее и особенное сквозь данные истории и археологии" было проведено сравнение двух раннесредневековых городских центров и той роли, которую они играли в международной торговле и становлении государственности. Многочисленные клады куфических монет датируют возникновение Тимерева IX в. По мнению автора, памятник возник как аграрное поселение скандинавов, которое затем активно включилось в систему торгового обмена, в частности с Византией и странами Востока по Волжскому пути.

Доклад *В.М. Горюновой* "Роль западнославянского производства в формировании раннегончарного комплекса X–XI вв. Северо-Запада" был посвящен детальному анализу формы и декора сосудов из археологических памятников Новгородской земли и поискам аналогий с территорий, заселенных западными славянами, – Польши, Германии, Балтийского побережья. Автор показала процесс усвоения определенных типов, распространения подражаний им, сменяющийся выработкой местных форм посуды.

Доклад *Д.В. Пежемского* "Проблемы западнославянской инвазии и скандинавского присутствия на Северо-Западе Руси с точки зрения физической антропологии" был во многом посвящен методическим аспектам антропологических исследований археологического материала, в частности, возможностям и ограничениям метода, а также обзору источниковой базы по Северо-Западу Руси. Автор трактует понятие инвазии как биологическое присутствие определенных групп населения. Так, погребенные на Земляном городище Старой Ладоги относятся к германским (скандинавским) группам и демонстрируют близость с вестготами Испании.

В докладе "Большие курганы средней Швеции и новгородские сопки: проблемы сравнительного исследования" *И.И. Еремеев* дал обзор крупных курганов Швеции, подразделив их на три группы в зависимости от размера, назначения и конструкции. Автор указал, что наиболее крупные насыпи относятся к эпохе переселения народов, тогда как меньшие по размерам курганы эпохи викингов он связал с утверждением права земельной собственности. Угасание традиции сооружения больших курганов в Швеции происходит одновременно с расцветом строительства новгородских сопок (IX–X вв.).

Доклад *А.Е. Мусина* "Каменная иконка с изображением святого всадника из находок на Новгородском (Рюриковом) Городище 2005 г.: вопросы интерпретации" содержал детальный иконографический анализ фрагментированной иконки из верхнего перемешанного слоя памятника. Автор считает находку продукцией княжеских мастерских южнорусской школы мелкой пластики и датирует первой третью XIII в. Особый интерес представляет изображение клейма в виде княжеского знака – двузубца – в районе плечевого пояса лошади. Докладчик атрибутировал иконку как изображение Димитрия Солунского, покровителя князя Владимира Владимировича Рюриковича (в крещении Димитрия), подчеркнув, что в 1210 г. князь побывал в Новгороде, с чем можно связывать данную находку.

А.А. Пескова в докладе "Провинциально-византийские кресты-реликварии в древнем Новгороде" представила подробный искусствоведческий анализ двух энколпионов, найденных на Троицком раскопе и датированных XI и XIII вв. Литые из медных сплавов кресты имеют обширный круг аналогий среди металлических изделий провинциальных византийских мастерских.

А. Нерсесян (Париж) в докладе "Стеатитовая икона Божией Матери из частного собрания в Париже" охарактеризовала иконку как изображение Богоматери Киккской, датировав находку XIII в. Часть изображения была отбита, уцелевшая средняя часть закреплена на дощечке и вставлена в серебряный оклад, относящийся ко второй половине XVII в.

На заключительном заседании конференции ее участники говорили о своей озабоченности судьбой уникального памятника, сохранности которого угрожает усадебное строительство и функционирующее на его территории кладбище. Е.Н. Носов подчеркнул, что необходимо обратиться к администрации Новгорода и области с предложением объявить

зону истока Волхова, Городище и Нередицу историко-культурным заповедником и включить ее в туристическую зону, обустроив доступ на Городище. В.Л. Янин поддержал это предложение, пояснив, что Городище частично включено в черту города Новгорода (мыс и прибрежная полоса), поэтому городская и областная администрации каждая ответственны за охрану лишь части памятника. В связи с приближением 1150-летия Новгорода необходимо выработать обращение к администрации города и области о том, чтобы в охраняемую городом зону была включена вся территория Городища – древнейшего памятника русской государственности.

Кроме научных докладов и дискуссий программа конференции включала теплоходную экскурсию по озеру Ильмень, в Михаило-Сковородский монастырь и на Рюриково Городище. Вторая экскурсия была организована по памятникам Ильменского Поозерья, связанным с работами Новгородской областной археологической экспедиции: Прость, Ракома, Васильевское, Георгий, Сергово, а также Михаило-Клопский монастырь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) Городище. Ленинград; 1990.

Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья. СПб., 2005.

Институт археологии РАН, Москва *Л.И. Авилова*

ШЕСТОЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС "ARCHAEOLOGICAL PROSPECTION" (РИМ, 2005)

С 14 по 17 сентября 2005 г. в Риме (Италия) состоялся Шестой Международный конгресс "Archaeological Prospection" (AP), который является продолжением серии подобных мероприятий, проходящих каждые два года в разных городах Европейского Союза[1]. Как и в предыдущие годы, конгресс был посвящен современным методам полевого археологического обследования (наиболее близкий русский эквивалент английского слова *prospection*), проводящегося с помощью разнообразных геофизических технологий и данных дистанционного зондирования (ДДЗ) Земли при активном применении географо-информационных систем (ГИС). Использование аэрофотосъемки, космоснимков, геофизическое обследование памятников в сочетании с новейшими компьютерными технологиями позволяет интенсивнее выявлять и изучать археологические древности, не прибегая к широкомасштабным раскопкам, что является сейчас весьма актуальным требованием к современному уровню полевых работ.

Конгресс был организован Институтом технологий в изучении культурного наследия (Institute of Technologies Applied to Cultural Heritage) Национального исследовательского совета Италии (CNR), специальным проектом CNR "Защита культурного наследия" и Международной ассоциацией "Archaeological Prospection" (ISAP). В оргкомитет конгресса вошли С. Пиро, С. Гарраффо, А. Гуриани (Италия) и Й. Фассбиндер (Германия). Международный наблюдательный совет оргкомитета представляли М. Даба (Франция), Й. Фассбиндер (Германия), А. Шмидт (Великобритания) и др. В заседаниях конгресса приняли участие более 130 специалистов из Австрии, Бельгии, Великобритании, Германии, Ирана, Испании, Италии, Канады, Китая, Мексики, Нидерландов, Норвегии, Польши, России, Словакии, США, Турции, Франции, Чехии, Швейцарии, Южной Кореи, Японии.

Работа конгресса началась вечером 13 сентября в зале Протомотеки Кампидольо на Капитолийском холме с приветствия представителей мэрии города Рима, ответственных за охрану культурного наследия. Далее заседания проходили в здании Национального исследовательского совета Италии (CNR).

В течение четырех дней было сделано более 50 устных и 40 стендовых докладов. Все они были представлены на общем заседании участников конгресса, хотя и образовали несколько тематических секций. После официального открытия конгресса 14 сентября было заслушано 10 докладов секции "Изучение памятников археологии" под председательством К. Гаффни (Великобритания). Выступавшими освещались новые подходы в обследовании самых разнообразных археологических объектов – от архитектуры Древнего Египта (*Т. Хербич*, Польша) до неолитических и кельтских памятников Чехии и Словакии (*И. Кузьма*, Словакия; *Р. Криванек*, Чехия) и от изучения культур Наска и Пальпа в Перу (*Й. Фассбиндер*, Германия) до обследования древностей различных эпох в Иране (*А. Шмидт*, Великобритания; *Б. Аминпур*, Иран; *К. Бенеш*, Франция). При этом способы обследования также отличались разнообразием: практически всеми докладчиками применялась магниторазведка, некоторыми – в сочетании с аэрофотосъемкой (Й. Фассбиндер, И. Кузьма, Д. Галло, С. Кампана и др.). Комплексное применение георадарного обследования в сочетании с ГИС-технологиями было продемонстрировано в совместном докладе группы греческих ученых (*А. Саррис, Н.Г. Папандопулос, М. Элваниду* и др.), посвященном поиску архитектурных сооружений на акрополе древней Додонии. В двух докладах итальянских и немецких археологов и геофизиков были показаны впечатляющие результаты широкомасштабного обследования долины реки Челоны (*Х. Беккер*, Германия; *М. Чиминале* и *Д. Галло*, Италия) и окрестностей Гроссето и Сьены (*Р. Франкович, С. Кампана* и *Ч. Феличи*, Италия), проведенного с помощью аэрофотосъемки и магнитометрии.

Секция "Комплексные методы обследования", возглавляемая Т. Хербичем (Польша), объединила восемь докладов. Все они показали высокий уровень интеграции в одном проекте различных геофизических методов, ДДЗ и компьютерных технологий, позволяющих добиться интересных результатов. Пожалуй, наиболее примечательным был доклад *К. Лёкера* (совместно с *В. Нейербауэром, А. Эдер-Хинтерлейтнером* и *П. Мелихаром*, Австрия), посвященный изучению неолитиче-

[1] В 2001 г. Четвертый конгресс AP проходил в Вене (Австрия), в 2003 г. Пятый – в Кракове (Польша) (Коробов, 2004. С. 188–191).

ских "кругов" в Нижней Австрии. Авторами применялись аэрофотосъемка, магниторазведка, тестовые раскопки и трехмерное ГИС-моделирование, позволившие очень убедительно реконструировать облик памятника и предложить интерпретацию его функционального назначения. Применение нескольких геофизических методов в сочетании с данными космоснимков, высокоточной GPS-съемки и ГИС-моделирования на памятниках древнего Мемфиса в Египте продемонстрировали специалисты из НПЦ "Геотехнология" МГУ им. М.В. Ломоносова, совместный доклад которых был представлен *И.Н. Модиньм* (Россия). Весьма впечатляющими выглядели результаты электроразведки и георадарного обследования железоделательного производства Мунигвы в Испании, представленные *К. Майером* (Германия) в виде трехмерной компьютерной модели. Успешное комплексное применение геофизических методов обследования археологических памятников было отражено в докладах *П. Козентино* (Италия), *К. Клейна* (Германия), *Л. Орландо* (Италия) и *М.А. Мохаммеда Али* (Германия).

15 сентября началась работа секции "Обработка, интерпретация и визуализация" (председатель А. Шмидт, Великобритания), на которой было сделано 12 докладов. Часть из них была посвящена представлению результатов электроразведки (*М.Г. Драгор*, Турция; *Н.Г. Папандопулос*, Греция; *Дж. Раниери*, Италия), часть – визуализации данных георадарного обследования (*Р. Сала*, Испания; *С. Йонгву*, Япония; *Д. Гудман*, США). Несколько докладов продемонстрировали новые подходы в трехмерном моделировании результатов, полученных при помощи других геофизических методов (*Ж. Тиссон*, Франция; *Г.Н. Чокас*, Греция; *Л. Самбуэлли* и *Р. Персико*, Италия). Интересной с точки зрения применения современных компьютерных технологий выглядела попытка создания виртуальной реальности по данным геофизического обследования неолитических памятников, представленная *М. Уотерс* (Великобритания).

Продолжила работу конгресса секция "Комплексные методы обследования" под председательством *Г.Н. Чокаса* (Греция). В ее рамках было представлено восемь докладов, в том числе совместный доклад *Д.С. Коробова* (Россия) и *С. Райнхольд* (Германия), посвященный открытию нового типа поселений позднего бронзового века на Северном Кавказе, сделанного с помощью аэрофотосъемки и методов ГИС. Кроме того, на этой же секции были заслушаны два доклада специалистов НПЦ "Геотехнология" МГУ им. М.В. Ломоносова, посвященных комплексным методам, применявшимся при поиске древнегреческого города Элики, в настоящий момент затопленного морем. Результаты анализа археологических, исторических и геологических данных, а также информации, полученной с помощью ДДЗ, были представлены *С.Б. Соколовым*, а данные геофизического обследования местности возле Элики – *А.Т. Пелевиным*. В нескольких докладах обсуждалось комплексное применение геофизических методов на памятниках археологии в Италии (*Э. Форте, Дж. Раниери, Э. Финчи* и др.). *А. Каттенберг* (Нидерланды) посвятила свой совместный с *К. Гаффни* (Великобритания) доклад геофизическому поиску памятников, погребенных аллювиальными наносами в устьях рек.

Заседание 16 сентября началось с работы секции "Методические аспекты" (председатель Д. Гудман, США), на которой были заслушаны 5 докладов, в основном касающихся различных технических сторон использования георадара, электро- и магниторазведки. Весьма полезным явилось сообщение группы австрийских ученых, сделанное *А. Эдер-Хинтерлейтнером*. В нем проведено наглядное сравнение результатов георадарного обследования одного полигона, расположенного на территории знаменитого памятника римского времени на Дунае – города Карнунтум. Сравнивались три модели георадаров, каждая из которых была снабжена тремя типами антенн. Впечатляющими выглядели результаты использования трехмерного лазерного сканирования местности и архитектуры при изучении храмового комплекса Ал Зайян в Египте (*Й. Мийоши*, Япония). В других докладах затрагивались технические стороны применения магнитометрии (*Н. Линфорд*, Великобритания), георадарного обследования (*Б. Берард*, Канада), мультиэлектродного профилирования (*М. Хонда*, Япония).

Отдельная секция была посвящена зондированию на небольшой глубине ("Shallow depth determination", председатель *Й. Фассбиндер*, Германия). В рамках этой секции с докладами выступили *К. Минсиевич* (Польша) – о недеструктивном обследовании античной Птолемеи в Ливии, *И. Родригес* (Испания) – об использовании георадара при поиске захоронения герцога Калабрии в монастыре XVI в., *Л. Барба* (Мексика) – об изучении настенной живописи Мезоамерики с помощью георадара. Выступали *Г.Н. Чокас* (Греция), *Т. Голдманн* (Германия), *Э. Кардарелли* и *Э. Финчи* (Италия), осветившие результаты геофизических обследований памятников археологии разных регионов и культур.

Вечернее заседание продолжилось работой секции "Отдача от археологии" под председательством М. Чиминале (Италия), на которой прозвучали пять докладов. *К. Гаффни* (Великобритания), *Й. Леккебуш* (Швейцария) и *Ж.М. Майо* (Канада) попытались критически подойти к проблеме использования геофизики в археологических исследованиях и показать, что результаты любого обследования должны проверяться археологами. Кроме того, интересное сообщение о масштабной программе по компьютерной визуализации итальянских археологических ландшафтов, возглавляемой М. Форте, сделала *С. Пескарин* (Италия). *Р.М. Вернон* (Великобритания) представил результаты обследования геофизическими методами английских рудных шахт XIX в.

Каждая из перечисленных секций сопровождалась стендовыми докладами. Большинство их содержали результаты изучения конкретных памятников археологии или архитектуры с помощью современных недеструктивных методов. Некоторые авторы касались более широких аспектов анализа археологических реалий тех или иных культур или регионов. Среди них стоит отметить ГИС-моделирование палеолитических ландшафтов в Эпире, проведенное *Е. Каппой* (Греция). Интересные результаты использования ГИС, ДДЗ и георадарного обследования памятников археологии Ставрополья в сочетании с компьютерной визуализацией были представлены тремя стендовыми докладами *А.Б. Белинского, А.А. Довгалева* и *С.В. Меркулова* (ГУП "Наследие" Министерства культуры Ставропольского края, Россия). ГИС-моделирование изменения ландшафтов и заселения бассейна Западной Двины от палеолита до раннего железного века было продемонстрировано в стендовом докладе *А.Н. Мазуркевича, Д.Ю. Гукк, С.В. Морозова* (Государственный Эрмитаж, Россия) и *П.М. Долуханова* (Великобритания). ГИС-технологии и ДДЗ в создании предиктивных моделей археологического освоения долины Тибра освещались в стендовом докладе группы итальянских ученых (*Р. Бенедетти, А. Де Мео, Дж.* и *С. Еспа, У. Риччи*).

Завершилась работа конгресса заседанием членов Международной ассоциации "Archaeological Prospection" (ISAP), посвященным перевыборам и текущим вопросам. Председателем ассоциации на ближайшие два года был избран А. Шмидт (Великобритания), вице-председателем – К. Гаффни (Велико-

британия), секретарем следующей конференции, которая назначена на 2007 г. и планируется в г. Нитра, – И. Кузьма (Словакия).

17 сентября для участников конгресса была организована экскурсия по археологическим памятникам и музеям в окрестностях Рима. Примечательно, что в это же время в здании рынка Траяна была открыта выставка "Строим виртуальный Рим", посвященная компьютерной визуализации разнообразных данных археологии, истории и архитектуры и рассчитанная на самую широкую аудиторию.

В заключение хочется поблагодарить оргкомитет конгресса за прекрасную организацию мероприятия и хорошо изданные тезисы докладов, вышедшие в качестве богато иллюстрированной книги (Proceedings, 2005).

Таким образом, очередной Международный конгресс "Archaeological Prospection" продемонстрировал широкое внедрение недеструктивных подходов в изучение археологических объектов, ведущееся практически по всему миру. Следует отметить некоторое увеличение внимания к устным и стендовым докладам, посвященным геофизическому обследованию, в ущерб остальным направлениям – использованию ДДЗ и ГИС, – произошедшее на конгрессе в Риме.

Представляется весьма отрадным более активное участие в конгрессе российских ученых, наметившееся за последние годы. Доклады, сделанные исследователями из Москвы, Санкт-Петербурга и Ставрополя, продемонстрировали высокий потенциал отечественной науки в применении современных методов ГИС, ДДЗ и геофизики в археологическом обследовании памятников и вызвали безусловный интерес у зарубежных коллег. Стоит надеяться, что дальнейшее внедрение этих перспективных технологий в полевую и камеральную деятельность поможет преодолеть техническое и методическое отставание в развитии недеструктивных методов археологического обследования в России, сложившееся в силу объективных причин в последние 10–15 лет. Этому процессу может помочь регулярное и активное участие наших ученых в подобных форумах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Коробов Д.С. Пятый Международный конгресс "Archaeological Prospection" (Краков, 2003) // РА. 2004. № 2.

Proceedings – Extended Abstracts of the 6th International Conference on Archaeological Prospection. Rome, 2005.

Институт археологии РАН, Москва

Д.С. Коробов

ВСПОМИНАЯ НАТАЛЬЮ БОРИСОВНУ ЧЕРНЫХ...

8 апреля 2006 г. скоропостижно скончалась Наталья Борисовна Черных – один из ведущих отечественных специалистов в области дендрохронологии.

Н.Б. Черных родилась 4 декабря 1933 г. в Москве. В 1957 г. закончила исторический факультет Московского университета и недолгое время работала на кафедре археологии, занимаясь помимо лаборантских обязанностей тканями средневекового Новгорода. В 1961 г. ее приняли в штат Института археологии АН СССР. Когда только зарождались новые и совсем не обычные для археологов естественнонаучные исследования. Их инициатором стал Б.А. Колчин, возглавивший лабораторию естественнонаучных методов. Под его руководством Наталья Борисовна сразу же включилась в весьма непривычные и трудные в те годы изыскания по дендрохронологии Древней Руси. В лаборатории естественнонаучных методов она продолжала плодотворно трудиться все эти 46 лет.

После кончины Б.А. Колчина в начале 1984 г. Н.Б. Черных возглавила группу по дендрохронологии, в которой в разные годы сотрудничали А.Ф. Урьева, А.А. Карпухин, принимала участие в ее работе и Н.Ф. Сергеева из ВСРПО "Союзреставрация". За время существования группы сотрудники собрали и обработали воистину колоссальный материал – более 20 тыс. спилов самых разнообразных по возрасту деревьев. Вряд ли подобными сборами может похвастаться любая другая лаборатория аналогичного профиля в мире.

Дендрохронологическими исследованиями оказались охвачены более 50 памятников – городов, поселков, крепостей, а также более 170 архитектурных объектов – церквей, часовен, отдельных деревянных сооружений. Огромным оказался и территориальный охват сборов: от Бреста и Москвы на юге вплоть до Шпицбергена на севере. Для всех этих памятников удалось получить более 10 тыс. абсолютных дат, что по сути позволило создать реальную систему дендрохронологии всего средневековья Восточной Европы. Крупнейшие коллекции были добыты специальными сборами в Новгороде, Пскове, Белоозере, Твери и многих других древнерусских городах. Новгородская шкала стала базовой при создании дендрохронологических шкал средневековых памятников северо-запада и севера Восточной Европы. В последнее время особое внимание в связи с дискуссией о времени основания древнейших русских городов привлекла дендродата одного из бревен из Старой Ладоги – 753 г.

В списке трудов Н.Б. Черных две книги и более 65 статей. Может быть, в количественном отношении этот перечень не столь велик. Но для многих специалистов книги "Дендрохронология Восточной Европы" (1977; в соавторстве с Б.А. Колчиным), "Дендрохронология и археология" (1996) и статьи Натальи Борисовны являлись и являются постоянно востре-

бованными. Вне всякого сомнения, работы Н.Б. Черных принадлежат к числу фундаментальных в нашей науке. Без ее успешного и столь необходимого многим археологам и историкам труда по датировке средневековых древностей в принципе невозможно представить современные исследования в области средневековой археологии Восточной Европы.

Наталья Борисовна около полувека верно и преданно служила делу, которое избрала в начале своего научного пути. Она принадлежит к той когорте ученых, которые весьма скромно оценивают свои достижения. Но в действительности вклад Н.Б. Черных в отечественную археологию очень весóм. Ее путь является примером того, что полезность человека в науке зависит не от должности и звания (к которым она попросту не стремилась), а от его дел. Одним из них – и важнейшим в последние годы – была для Натальи Борисовны забота о подготовке молодого поколения дендрохронологов, и, к счастью, она успела вырастить себе смену. В Новгороде, Пскове и в Москве, в Институте археологии РАН, трудятся ее ученики (О.А. Тарабардина, М.И. Кулакова, А.А. Карпухин), и это является залогом того, что опыт и знания Н.Б. Черных будут и дальше служить археологии.

В нашей памяти Н.Б. Черных останется человеком, который – и в жизни, и в науке – является во многом недосягаемым образцом истинной интеллигентности. Наталья Борисовна обладала даром ненавязчиво помогать и словом, и делом. Вокруг нее всегда была атмосфера доброжелательности и подлинного участия. Для нас, кому посчастливилось проработать вместе с ней не одно десятилетие или всего несколько лет, особенно трудно смириться с той пустотой, что возникла с ее уходом. Нам будет очень не хватать ее мудрого совета, сердечной теплоты и душевной щедрости. Память о Наталье Борисовне Черных навсегда сохранится в наших сердцах.

Институт археологии РАН, Москва

А.С. Алешинская, Е.Е. Антипина, В.И. Завьялов, А.А. Карпухин, М.Д. Кочанова, С.В. Кузьминых, Е.Е. Лебедева, В.Ю. Луньков, Л.Б. Орловская, Л.С. Розанова, Е.А. Спиридонова, Н.Н. Терехова, Е.Н. Черных

ПАОЛО ЭМИЛИО ПЕКОРЕЛЛА

29 августа 2005 г. трагически погиб известный итальянский археолог-ориенталист, руководитель археологической экспедиции Университета Флоренции в Сирии, профессор Паоло Эмилио Пекорелла. Он погиб на месте своих многолетних работ – поселении Телль Барри (исторический Кахат) в северо-восточной Сирии (провинция Хасеке), сорвавшись во время фотосъемки в раскоп глубиной более 20 м, когда в начале очередного полевого сезона пытался сфотографировать ранее вскрытые объекты с края раскопа. Это был замечательный ученый и прекрасный человек, с которым нам приходилось неоднократно встречаться и обсуждать различные вопросы ближневосточной археологии. Очень тепло и вместе с тем торжественно проводили его в последний путь сирийская научная общественность и работающие в Сирии археологические миссии разных стран. Учитывая заслуги Паоло Эмилио Пекорелла в изучении археологии, древней истории и культуры Сирии, он был посмертно награжден высшей сирийской правительственной наградой.

Паоло Э. Пекорелла родился 1 декабря 1934 г. в Неаполе. Он учился во Флорентийском университете и там же в 1959 г. защитил диссертацию на тему "Микенская экспансия в Восточном Средиземноморье", став специалистом по археологии Ближнего Востока. Полевую деятельность он начал в 1961 г. в Фесте на Крите в составе экспедиции итальянской археологической школы в Афинах.

В дальнейшем (1962–1968 гг.) исследовательские интересы Паоло Э. Пекорелла оказались связаны с Анатолией. Здесь вместе с проф. П. Мериджи он провел результативные разведочные работы в ряде регионов Турции (Конья, Малатия, Кайсери, Адияман и др.). В эти же годы он являлся постоянным участником, а с 1966 г. – заместителем начальника экспедиции Римского университета на знаменитом ныне поселении Арслантепе в Малатии.

В 1968–1984 гг. Паоло Э. Пекорелла работал в Институте микенских и анатолийских исследований в Риме и провел ряд экспедиций в провинции Газиантеп в Турции. В 1970–1972 гг. он руководил раскопками некрополя в Айа Ирини (Кипр) и археологическими работами в районе Урмии в северо-западном Иране, где исследовал, в частности, урартскую крепость (Кала Исмаил Ага).

С 1980 г. Паоло Э. Пекорелла возглавил итальянскую археологическую миссию в северо-восточной Сирии. Там, в долине Хабура, экспедиция под его руководством провела многолетние исследования одного из наиболее известных ныне памятников Северной Месопотамии – многослойного поселения Телль Барри. Данный телль высотой более 30 м содержит слои III–I тыс. до н.э. Изучению этого важного исторического памятника Сирии Паоло посвятил последние 25 лет своей жизни.

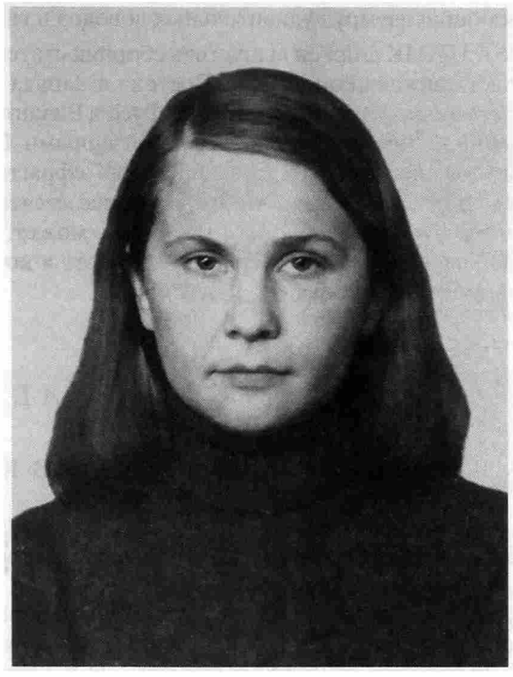
Паоло Э. Пекорелла был не только крупным ученым. Он получил признание и как опытный преподаватель, воспитавший многих итальянских исследователей, специализирующихся в области месопотамской и средиземноморской археологии. В течение долгих лет он являлся профессором гуманитарного факультета Университета Флоренции.

Мы всегда будем помнить визиты Паоло Э. Пекорелла с его студентами на Телль Хазну, его доброе отношение и глубокий интерес к нашим раскопкам в Сирии и сохраним в памяти образ этого выдающегося ученого и славного человека.

Институт археологии РАН, Москва

Р.М. Мунчаев, Ш.Н. Амиров

ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА ЧУКОВА



20 апреля 2005 г. от условностей и ограничений этой жизни ушла Татьяна Александровна Чукова. На прощании не говорили речей. Так хотела она сама, то же чувствовали люди. Перед таинством ее исхода оказалось "удобее молчание" – призыв церковного гимна той культуры, изучением которой она занималась всю жизнь.

Она родилась 8 февраля 1954 г. в городе Коканд, что в Ферганской области в Узбекистане. Ее дед, донской казак Петр Чуков, в начале XX в. был служащим Средне-Азиатской железной дороги. Отец, Александр Петрович, получив после Второй мировой войны высшее техническое образование в Ташкенте, стал со временем директором местного оборонного завода. Мама, Анна Алексеевна Журлова, выходец из большой крестьянской семьи с немецкими корнями, оказалась в Узбекистане вынужденной переселенкой из Саратовского Поволжья. Ей удалось получить образование в Москве, а впоследствии стать директором швейной фабрики и членом горкома.

После окончания средней школы в 1972 г., Татьяна поступила на исторический факультет Ленинградского университета. Свобода духа, царившая в те годы на кафедре археологии, глубина и информативность археологических источников определили ее дальнейший научный выбор. Ее руководителями стали И.В. Дубов (1947–2002) и П.А. Раппопорт (1913–1988). Летом 1973 г. сложился и жизненный союз – Татьяна вышла замуж за своего однокурсника Владимира Лапшина, а в 1976 г. в семье Лапшиных-Чуковых родилась дочь Юля.

В 1977 г. Татьяна закончила кафедру археологии ЛГУ и написала диплом о керамических поливных полах в древнерусских церквах. В 1978–1986 гг. она работала в научно-просветительском отделе Государственного Эрмитажа, где продолжала заниматься "малыми формами" русской средневековой христианской культуры. Связь с Эрмитажем никогда не прерывалась впоследствии, а в начале 2000-х годов Татьяна совместно с Р.М. Коган подготовила один из наиболее популярных сегодня путеводителей по Эрмитажу, переведенный на многие языки.

В 1986–1988 гг. Татьяна – лаборант Ленинградской областной археологической экспедиции и Владимиро-Суздальской экспедиции ИА РАН. В это время она руководила полевыми исследованиями церкви свв. мчч. Бориса и Глеба в Кидекше, во время которых были открыты следы храма начала XII в.

В 1988–1991 гг. Татьяна обучалась в очной аспирантуре в ЛОИА РАН. Подготовленная и защищенная ею в марте 1992 г. диссертация "Интерьер в древнерусском храмовом зодчестве конца X – первой трети XIII в. (основные архитектурные элементы по археологическим данным)" была посвящена исследованию "литургических устройств" русских средневековых церквей. Впервые практически в отсутствие национальной исследовательской традиции в науке о древнерусском зодчестве были применены основы функционального подхода к осмыслению храмовой архитектуры, выработанного европейской школой. Элементы интерьера – надежный источник по истории богослужения и планиграфии храма, которая формировалась литургическим ритуалом. Исследование Т.А. Чуковой подтвердило гениальную догадку Н.В. Покровского о формировании высокого иконостаса на Руси уже на ранних этапах его развития. Спустя 12 лет эта работа вышла отдельным изданием под названием "Алтарь древнерусского храма конца X – первой трети XIII в.: основные архитектурные элементы по археологическим данным" (2004).

В январе 1992 г. Татьяна стала младшим научным сотрудником Отдела славяно-финской археологии ЛОИА РАН. В 1993–1997 гг. она участвовала в полевых исследованиях Кремлевской экспедиции в Твери под руководством Владимира Лапшина. В результате этих исследований ей удалось определить хронологические особенности бытования некоторых предметов материальной культуры Северо-Восточной Руси, в частности предметов христианского культа.

Ее дальнейшее желание заниматься историей древнерусского иконостаса натолкнулось на проблемы датировки памятников иконописи. В 1999 г., перейдя на должность научного сотрудника ИИМК, Татьяна начала новую для себя исследовательскую тему: "Сравнительная иконография сфрагистики, каменной пластики и металлического литья малых форм XII–XV вв. в средневековой Руси". Стратегической целью ее работы стало создание археологически датированной истории возникновения и развития важнейших иконографических типов в Древней Руси. Татьяна намеревалась обосновать эту шкалу на основе данных иконографии сфрагистики и предметов личного благочестия, которые происходили бы из стратифицированных комплексов с надежной хронологической привязкой. Вернув древнерусскую буллу в науку о христианском искусстве и вырвав ее из объятий политической истории, Т.А. Чукова стала прямой наследницей Н.П. Кондакова.

Татьяна последовательно переходила от изучения одних композиций к другим: иконография Божией Матери (2000–2001 гг.), многофигурные композиции Евангельских праздников и сюжетов (2001–2002 гг.), иконография христианских святых, начатая с исследования изображений святых воинов (с 2003 г.). В 2003 г. она стала старшим научным сотрудником ИИМК РАН. Поражает интенсивность ее трудов, почти исчерпывающее знакомство с каждой выбранной темой, применение современных электронных способов фиксации изображения, стремление использовать новые для России источники, в частности электронную версию Индекса христианского искусства. Она придерживалась строго научного выделения

иконографических типов на печатях взамен простой констатации сюжета. Это позволило не только выявить многообразие сфрагистических изводов в рамках внешне идентичного изображения, но и обосновать изначальное восхождение изводов к конкретным иконописным образцам XII в., которые не сохранились до нашего времени. Одновременно Татьяне удалось показать влияние западноевропейской иконографии и апокрифической письменности на древнерусскую икону. Ее работа – настоящий триумф иконографического подхода после почти столетнего забвения.

Все это имеет свое объяснение. У Татьяны был настоящий вкус к жизни и красоте, спрятанной в глубине этой жизни и подчас невидимой посторонним. У нее было особое ощущение этой красоты, которое могло преображать и делать красивым все и всех вокруг. В способностях ее таланта невзрачный камешек, неоцененный коллегами памятник, превращался в сверкающий изумруд удивительных доводов и гипотез.

В 2006 г. ИИМК должен выпустить сборник статей ее коллег – "Христианская иконография Востока и Запада в памятниках материальной культуры Древней Руси и Византии". Это наш венок на ее могилу. Он перевит написанными Татьяной очерками по иконографии древнерусской сфрагистики – фрагментами незаконченной книги. Не более десятой части того, что она хотела нам рассказать... Быть может, наш венок, рассыпавшись по земле зернами, принесет в ком-то новый плод, продолжающий труды Татьяны.

Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург

А.Е. Мусин

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ Т.А. ЧУКОВОЙ

1. Ярославская экспедиция // АО-1974. 1975. С. 57, 58 (в соавт. с И.В. Дубовым, Л.С. Кухаревой).
2. Древнерусские керамические поливные плитки // КСИА. 1987. Вып. 190. С. 13–19.
3. Исследования в Суздале и Суздальском районе // АО-1986. 1988. С. 87–89 (в соавт. с В.А. Лапшиным).
4. Крест в культуре Русского Севера XVIII – начала XX вв. (функции и семантика) // Семиотика культуры. Тез. докл. Архангельск, 1989. С. 43–47.
5. К вопросу об убранстве интерьера Георгиевского собора в Юрьеве-Польском // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. Тез. докл. Горький, 1990. С. 177–182.
6. Северные каменные и деревянные кресты XVIII–XIX вв. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тез. докл. Псков, 1990. С. 83–85 (в соавт. с О.В. Овсянниковым).
7. Интерьер в древнерусском храмовом зодчестве конца X–первой трети XIII вв. (основные архитектурные элементы по археологическим данным). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1991. 16 с.
8. Алтарные преграды в древнерусском зодчестве X – начала XIII в. (хронологический аспект) // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Л., 1991. С. 115–120.
9. Раскопки на городище с. Кидекша // Матер. по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М., 1991. С. 140–147.
10. К вопросу о престолах в русском зодчестве XI–XIII в. // Памятники средневековой культуры. СПб., 1994. С. 256–263.
11. К вопросу о функциях боковых апсид в древнерусском домонгольском зодчестве // Древний Псков. СПб., 1994. С. 75–77.
12. Алтарные преграды в зодчестве домонгольской Руси // Византинороссика. Т. I. СПб., 1994. С. 273–283.
13. Храмы Старой Ладоги в исследованиях Н.Е. Бранденбурга. (к вопросам об убранстве алтаря) // Сборник материалов программы "Храм". Вып. 8. СПб., 1994. С. 62–67.
14. Синтроны в древнерусском зодчестве XI – начала XIII в. // Проблемы изучения древнерусского зодчества. СПб., 1996. С. 42–45.
15. Раскопки в Тверском кремле // Новые археологические открытия и изучение культурной трансформации. Матер. пленума ИИМК РАН. СПб., 1996. С. 44, 45 (в соавт. с В.А. Лапшиным, В.И. Кильдюшевским, А.В. Курбатовым, О.М. Олейниковым, Н.Е. Персовым).
16. О двух наперсных реликвариях из раскопок в Твери // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Т. 2. СПб.; Псков, 1997. С. 379–383.
17. Раскопки в Тверском кремле // Новые исследования археологов России и СНГ. СПб., 1997. С. 46–48 (в соавт. с В.А. Лапшиным, А.В. Курбатовым, Н.Е. Персовым, И.Н. Черных).
18. Об одном новом памятнике древнерусского церковного прикладного искусства // Церковная археология. Вып. 4. СПб., 1998. С. 322–326.
19. К вопросу о формировании Новгородского и Псковского иконостасов // АВ. 1999. № 6. С. 221–230.
20. К вопросу об архитектуре алтарей храмов Смоленска XII – начала XIII в. (по археологическим данным) // Средневековая архитектура и монументальное искусство. СПб., 1999. С. 53–55.
21. Малые архитектурные формы алтарей храмов Смоленска XII – начала XIII в. (по археологическим данным) // РА. 2000. № 1. С. 37–46.
22. Периодизация истории русского средневекового зодчества и эволюция малых архитектурных форм интерьера конца X – первой трети XIII в. // АВ. 2000. № 7. С. 247–250.
23. Эрмитаж. СПб., 2000. 35 с. (в совт. с Р.М. Коган).
24. Древнерусские печати с изображением Спаса на престоле // Восток–Россия–Запад. Тез. докл. междунар. науч. конф. СПб., 2001. С. 198–201.
25. Каменная привеска с изображением святого воина из Твери // ТАС. 2000. Вып. 4. Т. 2. С. 184, 185.
26. Памятники церковного прикладного искусства (раскоп Тверской кремль-11) // Тверской кремль: комплексное археологическое источниковедение. СПб., 2001. С. 202–209.
27. Архитектура алтарей ладожских храмов XII века по материалам раскопок Н.Е. Бранденбурга // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. СПб., 2002. С. 63–69.
28. Новгородские печати XII–XV вв. с изображением Богоматери // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002 С. 122–133.
29. Эрмитаж. СПб., 2002. 143 с. (в соавт. с Р.М. Коган).
30. Алтарь древнерусского храма конца X – первой трети XIII в. Основные архитектурные элементы по археологическим данным. СПб., 2004. 178 с, 22 л. ил., карт.
31. Древнерусские печати с изображением Благовещения // Сфрагистика и история культуры. СПб., 2004. С. 129–142.

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

Л.М. Всевиков, В.А. Лапши